

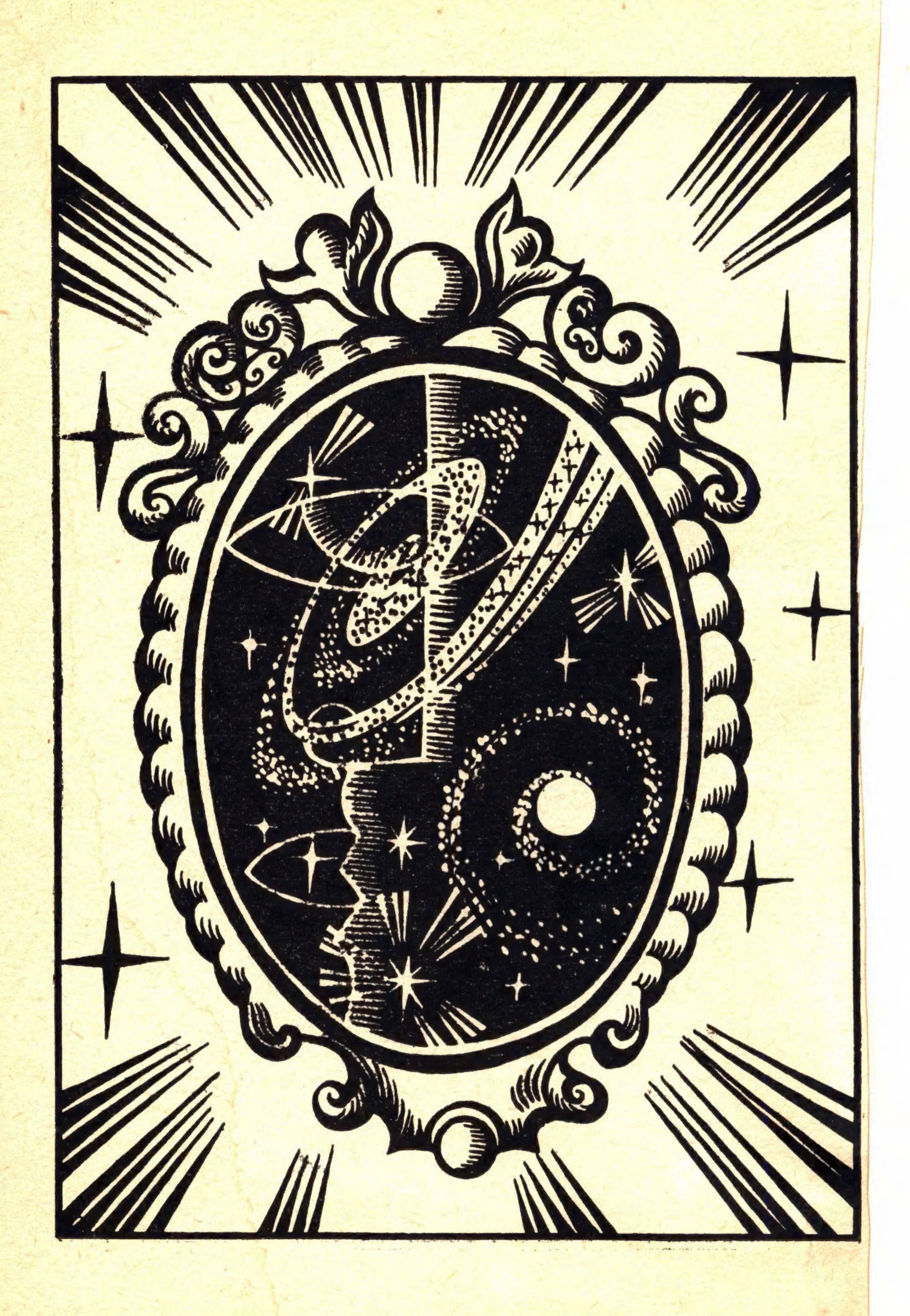

1968

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ

Андреев

сборник

ФАНТАСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1969

Алексей Адмиральский

Павел Амнуэль

Владлен Бахнов

Дмитрий Биленкин

Илья Варшавский

Александр Горбовский

Борис Зубков

Валентина Журавлева

Евгений Муслин

Юлий Кагарлицкий

Владимир Малов

Владимир Михайлов

Роман Подольный

Всеволод Ревич

Валентин Рич

Лилиана Розанова

Татьяна Чернышева

Ромэн Яров

Составитель
Д. БИЛЕНКИН

Художник
А. ГАНГАЛЮКА

Р2
Ф22
7—3—2

От составителя

Люди семнадцатого, а пожалуй, и более позднего века любого из нас сочли бы магом и волшебником. Как еще им назвать человека, который в обыденной жизни запросто летает над облаками, разговаривает, как с соседями, с жителями других городов и владеет «волшебным зеркалом», показывающим события прошлого и настоящего, где бы те ни происходили?

Мы сами не заметили, как поселились в мире фантастики и невероятное стало нашим бытом.

А будущее? Для нас оно тоже фантастично; но в отличие от своих прадедов мы благодаря диалектическому материализму знаем, что оно будет таким и что оно изменит все стороны нашей жизни.

Не с этим ли осознанием связан бурный интерес к фантастике в литературе? Не этим ли определяются многие ее сегодняшние черты?

Очередной сборник «Фантастика, 68», разумеется, не может быть зеркалом всей современной советской фантастики. Выхватывает он тем не менее многое.

Первое, что отражается в нем ярко, — это повышенный интерес к духовному миру человека. Тут необходимо, однако, уточнение. Духовный мир человека — предмет любого произведения литературы. Но не во всяком произведении происходит встреча человека с невероятным. О, это особенная встреча! Опыт, здравый смысл, привычный взгляд на окружающее испытывают ломку в самой своей основе; все существо человека потрясено, как при землетрясении. Эта буря выносит его к иным берегам, где все не так, как было, и человек уже не тот. Испытание новым и невероятным, знакомое, разумеется, нам по реальной действительности, но протекающее в ней, как правило, медленно, сжато в фантастике до мгновений и сфокусировано в чистый и ослепительный луч. Вот почему, видимо, мы узнаем себя, свои мысли и чувства в самых что ни на есть фантастических ситуациях. Вот почему фантастика, казалось

бы, далеко уходящая от реальности, тем не менее крепко связана с ней. В самой реальности есть фантастика, вот в чем дело. Надо приложить усилие, чтобы не заметить этого.

Не всегда — верней, не вся — фантастика интересовалась духовным миром человека. Сколько угодно произведений, где и бурное плавание к новым берегам есть и сами берега обозначены, а только на героев это в общем никак не влияет: поудивлялись и остались прежними. Этот недостаток иногда пытались даже теоретически обосновать. Раз произведение научно-фантастическое, то главное в нем, стало быть, показ фантастических свершений науки. А уж духовный мир человека тут дело побочное, специфика жанра, так сказать.

Специфика? В сборнике есть вполне «классические» научно-фантастические рассказы — «Все законы вселенной» П. Амнуэля, «Придет такой день» В. Журавлевой. Но выньте из них «то, что не наука», — и от рассказов ничего не останется.

На наших глазах — это тоже прослеживается в сборнике — происходит частичный поворот фантастики к сказочным формам повествования. Удивляться тут нечему. Исторически сказка — близкая родня фантастики. И кроме того, форма сказки исключительно богата художественными возможностями; очевидно, в этом один из секретов потрясающего долголетия сказок.

«Последний мутант» В. Рича, безусловно, сказка, внешне традиционная. Но это лишь имитация: за ней скрывается вовсе не традиционно-сказочное содержание. А в рассказе Р. Подольного «Кто поверит?» мы узнаем черты притчи.

Интерес к художественному изображению черт предвидимого, коммунистического будущего — по понятным причинам привилегия социалистической фантастики. Это ее постоянная особенность, плодотворная традиция, настолько само собой разумеющаяся, что ее присутствие в сборнике не нуждается в акцентировании. Стоит, однако, обратить внимание, что написанная в этом ключе повесть «Академия «Биссектриса» принадлежит перу начинающего фантаста.

Маленький экскурс в сторону. Надеюсь, читатели «Божественной комедии» Данте согласятся со мной, что насколько впечатляюще изображены в ней ад и грешники, настолько же бесцветно там описа-

ние рая и праведников. А ведь обе части творил один и тот же гениальный художник!

Да не заподозрят меня в сопоставлении вещей несопоставимых; это отступление не более чем повод для размышлений, тогда как речь совсем о другом. В повести В. Малова есть жизненно достоверные характеры. Прекрасные ребята, замечательный учитель... Да, но ведь прототипы таких характеров есть в сегодняшнем дне! Что ж, и прекрасно. Но все же герои повести не совсем люди сегодняшнего дня, механически перенесенные на десятилетия вперед. На них лежит отсвет будущего, и как он преображает их! Пусть автору временами не хватает художественного мастерства. Он показал становление подростков в условиях желанного будущего, а это немало. Становление порой нелегкое, конфликтное, убеждающее, что даже в светлом грядущем дорога к лучшему не эскалатор, где встал на ступеньку и без усилий вознесся к совершенству.

Тем более нет этого в сегодняшнем. Отнюдь не призраки населяют веселую и сатирическую повесть «Как погасло солнце» В. Бахнова. Какие уж тут призраки, если сейчас, сегодня жив некто, хорошо знакомый нам по газетным новостям, кто готов погасить любое солнце, если оно «не соответствует» его идеям. Но дело, понятно, не столько в личности, сколько в силах, ею олицетворяемых, которые вольно или невольно отбрасывают людей к прошлому — к покорной тупости, жестокому угнетению и духовной нищете. Советские фантасты выполнили бы свой гражданский долг лишь наполовину, если бы ограничились только утверждением идеалов коммунизма и не подняли бы своего оружия против тенденций, диаметрально им противоположных. Тем более что опасность многолика, личины ее могут быть самыми необычными — даже извечное стремление к свободе можно использовать ради целей рабства («Побег» И. Варшавского).

Все усовершенствуется, и приемы психотехники тоже. Уж как осторожен «маленький человек» в рассказе Б. Зубкова и Е. Муслина «Аквариумы»! Как он избегает покушений рекламы! Все тщетно: бизнес изобретательней самого дьявола... Судьба человека глубоко безразлична цивилизации, основанной на принципе, что у прогресса нет другой цели, кроме прибыли, и что в погоне за ней допу-

стимы любые средства. Тут впору случиться даже тому, что описано в рассказе А. Адмиральского «Гений».

Я сказал ранее, что в произведениях фантастики герои сталкиваются с невероятным, которое оставляет в их душе неизгладимый след. Не всегда, хотя это-то и есть, пожалуй, самое странное. Есть люди, с которыми хоть пришелец из космоса заговори, а они и пришельца приспособят к своему крохотному миропониманию, и будет он для них что соседский дворник (Р. Яров, «Спор»). И не нужно в таком случае пришельцу даже маскироваться, как это происходит в рассказе А. Горбовского «Человек за бортом», чтобы остаться неузнанным. Жаль, что в рассказах все же мало уделено внимания этому типу человеческой души, столь примитивно и жестко стереотипной, что в ней умерла способность к пониманию всего сколько-нибудь выходящего из круга узколейных мыслей.

Разумеется, человек не может мыслить вне стереотипов, но в том и сила разума, что он способен быстро пересматривать устаревшее. Когда же это качество ослабевает, тогда... (см. рассказ В. Михайлова «Встреча на Япете» и, пожалуй, рассказ А. Горбовского «Что вы сделали с нами?»).

Здесь, пользуясь случаем, позволю себе высказать некоторые соображения о связи фантастики с прогрессом научно-технической революции. Проведенный недавно опрос (его результаты были опубликованы в сборнике «Фантастика-67») выявил одну примечательную особенность: многие читатели, прежде всего студенты, инженеры, ученые, ищут в фантастике новые научно-технические идеи.

Это выглядит странно. Ясней же ясного, что не литература, а наука одаривает мир новыми гипотезами! Правда, такой видный советский ученый, как академик В. В. Парин, отмечает, что «...идеи, которые фантасты высказывают в своем вольном поиске, становятся иногда предметом строго научного обсуждения. Так, раздумывая над проблемами весьма дальнего прицела — над проблемой предохранения космонавта от неблагоприятных воздействий при будущих полетах на очень высоких скоростях и очень дальних расстояниях, — несколько лет назад медики и физиологи весьма серьезно заинтересовались «предложениями», высказанными писателями-фантастами».

Свидетельство важное и для фантастики лестное. Но все же та-

кого рода события скорей исключение, чем правило. Тогда в чем же дело?

«При современных темпах развития науки наши представления о природе меняются так быстро, что исследователям — да и всем людям — непрерывно приходится подвергать себя (применим полюбившееся Энгельсу выражение) процессу «полного линяния». И молодежи, вступающей в науку, нужно готовить себя заранее к тому, что на ее глазах будут рушиться гипотезы, казавшиеся почти доказанными, и даже теории, считавшиеся незыблемыми. Переживать такое непросто. Это... требует от исследователя мужественной решимости и умения трезво оценивать факты, которые порой из-за удивительной своей новизны кажутся ни с чем не сообразными».

В этих строчках, принадлежащих тому же В. В. Парину, очень емко выражены некоторые важнейшие особенности развития современной науки и требования, которые они предъявляют к человеку. Полное и постоянное «линяние»! Непрерывный пересмотр сложившихся стереотипов, иначе останешься далеко за гребнем научно-технической революции. Это не только личная, но и общественная проблема, так как отставание в эпоху научно-технической революции чревато слишком серьезными последствиями. Возникает потребность, часто неосознанная, в средствах, которые препятствовали бы окостенению мысли, дробили устоявшиеся стереотипы, облегчали восприятие нового. Средства эти различны, многообразны, и фантастика, думается, в их числе. Она парадоксальна, она дает новый угол зрения, стимулирует фантазию, будоражит воображение, раскововывает мышление.

Это ее влияние, как и вообще влияние произведений литературы, не прямое, косвенное, многоступенчатое. И когда читатель заявляет, что он ищет в фантастике «новые научно-технические идеи», это, по-моему, не следует понимать буквально. Он ищет в ней нечто трудно формулируемое, некий «витамин», нехватка которого в пору научно-технической революции ощущается особенно остро. Кибернетика показала нам вездесущность и значимость обратных связей. Не приходится спорить, что современная фантастика — во многом плод научно-технического прогресса. Но должна быть и обратная связь... Такова ли она, как я ее предположил, — это уж дело

второстепенное. Частный, но немаловажный вопрос, «как фантастика работает» на научно-техническую революцию, а через это на быстрейшее построение материально-технической базы коммунизма, еще требует изучения. Однако уже ясно, что призыв Ленина «Надо мечтать!» не только не устарел, но наполнился новым, глубоким смыслом.

В заключение хочу остановиться еще на одном рассказе сборника. В будущем многое, конечно, изменится. Но его фундамент — это наше «вчера» и наше «сегодня». Всякий наш сколь-нибудь значительный поступок возбуждает волну последствий, чье влияние — благотворное или неблаготворное — может отозваться в грядущем и что-то сдвинуть в нем. Не потому ли еще горд и счастлив герой рассказа Л. Розановой «В этот исторический день...», что перед лицом гармоничного и радостного будущего он вправе сказать: «За свою долгую жизнь я сделал немало, чтобы оно стало таким»?

Всем бы нам такое счастье!

Новые имена

АЛЕКСАНДР АДМИРАЛЬСКИЙ

*Гений**

Так что ж, напрасно гениям горелось во имя изменения людей?

В восемь утра ему приносили завтрак.

В девять он выходил на прогулку.

С одиннадцати до двух читал.

В два обедал.

До четырех отдыхал.

Вечером просматривал почту.

Ужинал в восемь.

И ровно в десять ложился спать.

Ничто не могло помешать этому распорядку.

Так продолжалось пятьдесят лет.

Дом, в котором он жил, был единственной тюрьмой на всей планете.

А он был ее единственным узником...

За те пятьдесят лет, что он провел в заключении, обитатели планеты Граунд забыли и его самого и суть его преступления. В архивах Великой Директории Граунда хранились запечатанные металлические капсулы со всеми материалами следствия. Таких капсул было несколько десятков, на каждой из них — не поддающаяся разрушению гравировка: «Вскрыть через двести лет». И подпись Президента Великой Директории.

Каждые полгода сменялся весь штат, обслуживавший узника.

Каждые полгода он писал петицию на имя Президента Великой Директории.

---

* Рассказ получил вторую премию на Международном конкурсе молодых писателей-фантастов в Варшаве в 1968 году.

Каждый новый начальник тюрьмы принимал от предыдущего сейф с опечатанными петициями. Инструкция разрешала узнику обращаться к Президенту два раза в год, в день смены тюремного штата. По той же инструкции начальник тюрьмы имел право прочитать петицию, затем обязан был опечатать ее и положить в сейф. Таким образом, когда прошло пятьдесят лет, дела принял сто первый по счету начальник, а в сейфе лежало сто опечатанных петиций.

101-й был молод и весел. Он понятия не имел, что за человека * обязан стеречь. Он знал только, что этот человек совершил в прошлом тягчайшие преступления против человечества ** и осужден на пожизненное заключение. 101-му, как и всем предыдущим начальникам тюрьмы, инструкцией запрещалось разговаривать с узником на любые темы, кроме бытовых. Той же инструкцией ему вменялось в обязанность обеспечивать узника всем необходимым для жизни и здоровья, выполнять все его бытовые требования, снабжать книгами, журналами, газетами.

Узник был стар и угрюм. Несмотря на комфорт, правильный режим, прекрасный климат, пятьдесят лет заключения наложили свой отпечаток.

Особенно плохо ему стало в последний, пятидесятый год. Он уже все понял. Он понял, что его обращения к Президенту не посылаются. Он понял, что здесь, в тюрьме, ему придется умереть.

И он не мог с этим смириться.

Днем узник был замкнут, не вступал ни в какие разговоры с тюремщиками, заставлял себя много читать и много двигаться.

А вечером...

Если бы 101-й хоть раз заглянул в спальню узника вечером, он увидел бы и услышал странные вещи.

Узник возбужденно ходил по комнате и непрерывно что-то шептал.

— Они ничего не поняли... Мое изобретение могло бы в десять лет перевернуть всю жизнь на Граунде... Я дал им в руки неограниченные возможности... И теперь я здесь... Я не могу допустить, чтобы мои открытия умерли вместе со мной... И я не могу показать всю полноту моих открытий... Я — в тюрьме... Я стар и болен... Я не имею права умереть... И у меня нет никакой надежды...

Когда-то давно, в первые годы своего заключения, после того как он написал три или четыре петиции, он попытался полуоткровенно поговорить с очередным начальником тюрьмы. Результат был незамедлительный. Через два дня

* Примем, в целях упрощения стиля, слово «человек» для обозначения разумных обитателей планеты Граунд.

** См. примечание 1.

после разговора весь штат тюрьмы досрочно был сменен.

И с тех пор узник молчал.

А теперь...

Узник понимал, что прямой путь отрезан. Но однажды ему показалось, что он нашел выход...

Инструкция обязывала начальника тюрьмы один раз в неделю беседовать с узником. Беседа не могла продолжаться более часа. Эти беседы по традиции носили домашний характер. В столовую подавали чай, персонал уходил, и начальник тюрьмы оставался с узником один на один.

И вот 101-й пришел к узнику на одну из таких бесед.

После нескольких общих фраз они разговорились.

И тогда узник сказал:

— Я стал сдавать в последнее время. За эти годы я много работал, но, очевидно, мне не увидеть результатов своей работы...

— Да, возможно, — ответил 101-й. — Прошу извинить меня, но я вынужден вам напомнить, что мы не имеем права выходить за пределы бытовых тем.

— О, я слишком хорошо это помню, — усмехнулся узник. — Я не стану нарушать инструкцию. Вы знаете, в последнее время я увлекся несколько странным, с вашей точки зрения, занятием.

— Каким же? — вежливо поинтересовался 101-й.

— Боюсь, что вы неправильно меня поймете. Я хочу, чтобы вы хоть немного представили себе мое положение. Я обречен. Все то, чем я занимался до заключения (101-й сделал протестующий жест), предано забвению. А я не могу умереть и ничего после себя не оставить.

101-й повторил свой жест.

— Нет, нет, не бойтесь, речь идет совсем о другом.

Узник снова помолчал.

— Я, — узник запнулся, выдержал небольшую паузу, — я начал писать.

— Дневник? — вырвалось у 101-го.

— Нет, дело обстоит гораздо хуже. Я начал писать фантастические рассказы *.

101-й облегченно рассмеялся.

— Пишите себе на здоровье, если это помогает вам жить.

— Благодарю за разрешение,— улыбнулся узник. — Но я столкнулся с одной непредвиденной трудностью.

— С какой же?

— Мне нужен хотя бы один читатель.

101-й насторожился.

Узник продолжал:

— Я прошу у вас самой малости. Прочтите сейчас один из моих рассказов. Мне хочется узнать ваше мнение.

101-й задумался.

— Это будет нарушением инструкции. Я имею право прочесть только то, что вы подадите мне в последний день моей службы.

* Несмотря на более высокий, по сравнению с Землей, уровень цивилизации, фантастика на Граунде — один из любимых жанров, а литература — одно из самых распространенных занятий значительной части общества.

— А если я не доживу до этого последнего дня? — тихо сказал узник. — Ведь мне восемьдесят лет *. И мои силы убывают с каждым днем.

— Я ничего вам сейчас не скажу. Я подумаю, и в следующий раз мы вернемся к этому разговору.

— Так уже было однажды, — печально сказал узник. — Только не было этого следующего раза.

— Почему?

— Потому что в следующий раз пришел другой начальник.

101-й был молод и весел.

— Я согласен, — сказал он. — Давайте ваш рассказ.

Узник протянул ему тонкую пачку голубоватой бумаги.

И 101-й начал читать.

Вот что он прочел.

1

Утром 5 июня 2969 года Президент Великой Директории, как обычно, разбирал личную почту. Его внимание привлекла коротенькая записка следующего содержания:

«Настаиваю на личной встрече. Речь идет об открытии общепланетного значения. Обращаюсь к вам, потому что медлить больше нельзя.

С уважением Ург **».

Президент попросил соединить его с просителем. В видеошаре появился стройный молодой человек. Президент повернул ручку настройки, крупным планом выделил лицо.

— Ург обращается к вам, Президент Великой Директории. Мы должны встретиться. Зная, как вы заняты, я прошу всего двадцать минут. Вы не пожалеете о потерянном времени, Президент...

— Хорошо, — сказал Президент... — Сегодня в шесть вечера.

— Маленькое условие, — Ург запнулся. — Никаких свидетелей с вашей стороны.

— А с вашей?

— Мне будет помогать ассистент. Я не могу без него обойтись. Мы продемонстрируем вам кое-какие опыты.

— Хорошо. — И Президент выключил видеошар.

Без четверти шесть Урга и его ассистента провели в кабинет Президента и оставили одних. Они быстро собрали на большом столе для заседаний внешне довольно странную установку. На расстоянии двух метров *** друг от друга они поставили на круглые основания две полусферы. Полусферы были совершенно одинаковые, каждая из них имела радиус около 25 сантиметров. От основания каждой полусферы и от их полюсов к двум ящикам шли толстые кабели. На верхней крышке каждого из ящиков помещался небольшой пульт.

Между собой полусферы ничем не соединялись.

* Для удобства чтения меры времени приведены к земным.

** Имена обитателей Граунда односложные, отчеств и фамилий у них нет. Для удобства чтения в тексте оставлены подлинные имена.

*** Для удобства чтения меры длины приведены к земным.

Ровно в шесть часов в кабинет вошел Президент.

Ург поздоровался с Президентом, коротко представил ассистента.

— Я пока не буду вам ничего говорить. Я покажу вам несколько опытов. А затем расскажу, что может дать обществу мое изобретение.

Президент подошел к столу.

Жестом фокусника Ург поднял обе полусферы. Под ними ничего не было. Он опустил их на место. Затем подошел к столику, на котором стоял сосуд с водой и бокал. Налил в бокал воды. Поднял правую полусферу. Поставил бокал. Поднял левую. И достал оттуда бокал с водой.

Выпив воду, Ург отнес бокал на прежнее место.

Президент улыбнулся.

— Похоже на цирк.

Ург не ответил.

Он подошел к письменному столу, взял листок бумаги и попросил Президента написать несколько слов.

Президент написал фразу: «Пока я только удивлен».

Ург положил листок в левую полусферу. Закрыл ее. И тут же достал тот же самый листок с той же фразой из правой полусферы.

Президент задумался.

Ург вынул из саквояжа клеточку с белой мышью.

Поставил ее в правую полусферу.

И достал из левой.

Президент молчал.

— Продолжать? — спросил Ург.

— Не нужно. Как вы это называете?

— Передача материи на расстояние.

— Это реально в больших масштабах?

— Да.

— Что можно передавать таким способом?

— Всё.

— Как всё? И... людей?

— Да, — твердо ответил Ург.

— Когда вы можете сделать первую опытную установку большого размера и продемонстрировать ее Великому Собранию Ученых?

— Она готова. Мне нужно только перевезти ее туда, куда вы мне укажете.

— Хорошо, — сказал Президент. — Я извещу вас.

— До свиданья.

И Ург с ассистентом, собрав приборы, вышли из кабинета Президента Великой Директории.

2

Великое Собрание Ученых происходило в необычной обстановке. Впервые в истории Собрания не был известен заранее вопрос, который предстояло обсудить. Не был известен и докладчик. Впервые за всю историю Собрания не были допущены корреспонденты. Впервые Собрание открыл сам Президент Великой Директории.

— Я буду краток, — начал он. — Несколько дней назад я

познакомился с открытием инженера Урга. Это открытие может сделать революцию в науке и технике. Так как доклад может показаться невероятным, мы решили от него отказаться. Вашему вниманию будет предложена серия опытов, а затем мы приступим к обсуждению. Начинайте, — обратился Президент к Ургу.

Ург пришел на заседание без ассистента. На демонстрационном столе стояли уже знакомые Президенту две полусферы. А с двух сторон зала заседаний симметрично были расположены два больших цилиндра, высотой в два с половиной метра каждый. Диаметр цилиндров не превышал полутора метров. В цилиндры можно было войти через дверцы, которые открывались в сторону зала.

Сначала Ург молча показал небольшую серию опытов с полусферами. Они не произвели большого впечатления. Ученые иронически улыбались. Тогда Ург вошел в правый цилиндр и тут же вышел из левого.

Ученые перестали улыбаться.

— Предлагаю проверить. — Ург гостеприимно распахнул дверцу правого цилиндра.

Воцарилось молчание.

Ни один из Ученых не поднялся с места.

И тогда сам Президент твердой походкой подошел к правому цилиндру.

Остановившись у дверцы, он шепнул Ургу:

— Это абсолютно безопасно?

— Абсолютно, — так же тихо ответил Ург. — Войдя внутрь, станьте, не касаясь стенок, и нажмите кнопку.

— И всё?

— И всё.

Президент вошел в цилиндр, Ург закрыл дверцу, и Президент вышел из противоположного цилиндра.

— Пожалуйста, уважаемые Ученые, прошу проверить! — Президент весело улыбался.

— Мистика! Идеализм! Абсурд! — раздавалось со всех сторон.

Ученые были явно возмущены такой ненаучной постановкой опыта.

Но Президент был властным человеком. Он умел подчинять людей своей воле. Он поднял руку, и Ученые смолкли.

— Я не прошу вас сейчас оценивать, принимать или отвергать изобретение инженера Урга. Я прошу вас п р о в е р и т ь его. А так как вы все отлично понимаете, что, пока мы всесторонне не изучим всех возможностей открытия и всех путей его использования, мы можем допустить к нему только членов Великого Собрания Ученых — следовательно, испытывать аппараты придется вам. Поэтому — прошу!

Президент повелительным жестом указал на правый цилиндр.

И Ученые нехотя, медленно, по одному стали подходить к правому цилиндру. Недоверчиво пожимая плечами, они выслушивали краткие наставления Урга, входили внутрь, закрывали за собой

дверцу и тут же, недоумевающие, растерянные, какие-то пришибленные, выходили из левого цилиндра.

Президент внимательно проследил, чтобы все Ученые приняли участие в опыте.

— А теперь — ваше слово, — обратился он к Ургу.

Ург начал свой краткий доклад:

— Я назвал свое открытие «Передача материи на расстояние». Краткая сущность его такова. Мне удалось добиться мгновенного преобразования материи в некое поле, природа которого пока неизвестна.

По залу заседаний пронесся гул возмущения: «Как? Этот мальчишка посмел проделать опыт с Членами Великого Собрания, не зная сущности эксперимента! Такого еще не бывало в стенах Великого Собрания».

— Однако, — нимало не смущаясь этим ропотом, продолжал Ург, — главной особенностью этого поля оказалось такое его свойство, как мгновенная обратимость в тот самый вид материи, из которого оно образовалось. Для этого нужны определенные условия, которые создаются в цилиндре-приемнике. В демонстрировавшемся опыте каждый цилиндр выполнял свою функцию: правый — передатчик, левый — приемник. В серийном производстве эти функции будут совмещены в одном цилиндре. А теперь прошу задавать вопросы.

И тут пришла очередь удивляться Ургу. Он ждал, что посыплются специальные вопросы, на которые он сможет ответить с большим трудом, так как плохо понимал теоретические предпосылки открытия. Ведь опыты демонстрировались на Великом Собрании Ученых! Но он не учел одного: Ученые — тоже люди. И больше всего их интересует то, что с ними только что произошло.

— Сколько раз вы проделывали этот опыт на себе?

— Около десяти тысяч.

— И за все время вы не заметили никаких отклонений?

— Отклонений от чего?

— От... — Ученый, задававший вопрос, замялся, подбирая нужное выражение, — от... передаваемой субстанции?

— Нет, не заметил. И приборы, специально сконструированные мной для контроля, тоже не заметили никаких отклонений от... — Ург рассмеялся, — ...от передаваемой субстанции.

— Какие помехи влияют на качество передачи?

— Мне не удалось создать таких помех.

— Вы проводили на себе и опыты с помехами?

— Да.

— Какова возможная дальность передачи?

— В пределах планеты.

— Вы проверяли?

— Да.

— Что и куда вы передавали?

— Мелкие предметы и некрупных животных из Северной Федерации в Южную.

— Кто вам помогал?

— Мой ассистент.

— Как далеко вы передавали себя?

— Липс * — Миел ** и обратно.

— Сколько таких опытов вы проделали?

— Около пятисот.

Затем пошли вопросы более специального характера. Ург спокойно отвечал на них.

К нему подошел Президент.

— Я думаю, что с теоретическими вопросами можно подождать. Я попросил бы вас, Ученый Ург, очень коротко перечислить области применения вашего открытия.

— Почта, телеграф, — начал Ург, — городской транспорт, железнодорожный, монорельсовый, автомобильный, речной и морской, авиация — все это становится вчерашним днем. Вместо всего этого — приемо-передающие станции любых размеров, которые с одинаковым успехом передают грузы и людей. Автоматическая система управления исключает возможность ошибки. Я предлагаю для начала покрыть сетью ППС Южную Федерацию. На это понадобится лет пять. А через десять лет мы не узнаем Граунда.

Зал разразился овацией.

Все Ученые встали.

— Благодарю за внимание, — сказал Ург. Он подошел к правому цилиндру. — Не волнуйтесь, он соединен с приемным в моей лаборатории. До свиданья. — И за Ургом захлопнулась дверца цилиндра.

3

Утром 17 июня 2973 года чиновник региональной директории Сленг, набрав несколько цифр на диске портативной полусферы, достал из нее завтрак, наскоро проглотил его и, войдя в приемо-передающую станцию у себя в квартире в Лексе ***, вышел из такой же станции в своем служебном кабинете в Тропе ****. Он сел за стол и нажал кнопку на небольшой панели, вделанной в центр стола.

— Сегодня — 17 июня 2973 года, — послышался бесстрастный механический голос. — Вам надлежит к десяти утра прибыть в Липс для участия в обсуждении вопроса о закрытии последней автомобильной дороги Северной Федерации. В два часа дня вам предстоит интервью с телекорреспондентом по поводу использования ППС Урга в ряде отраслей промышленности. В четыре часа ваша жена ждет вас к обеду в Миеле.

Голос умолк.

Сленг взглянул на часы. Было начало десятого. «Поброжу немножко по Липсу до начала обсуждения», — решил он.

Сленг вошел в ППС, набрал

* Столица Северной Федерации.

** Столица Южной Федерации. Расстояние от Липса до Миела примерно соответствует расстоянию от Москвы до Рио-де-Жанейро.

*** Региональный центр в Южной Федерации.

**** Региональный центр в Северной Федерации.

нужную комбинацию цифр и вышел.

Вышел... снова в своем кабинете.

«Странно, — подумал он. — Никогда еще эти аппараты никого не подводили. Попробую еще раз».

И он снова вошел в ППС.

4

Через несколько часов вышли экстренные выпуски газет. Жители Южной Федерации давно отвыкли от таких заголовков. Газеты кричали:

ДВА СЛЕНГА!

КТО НАСТОЯЩИЙ?

СЛЕНГ ПРОТИВ СЛЕНГА!

КРУПНЕЙШАЯ СЕНСАЦИЯ ВЕКА!

«СЛЕНГ — ЭТО Я», — СКАЗАЛИ ОБА.

ДОЛОЙ ППС УРГА!

НАЗАД К САМОЛЕТУ!

ЛУЧШЕ ТЕЛЕФОН, ЧЕМ РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ!

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

В вечерних выпусках газет было опубликовано постановление Великой Директории Граунда. Вот его текст:

ВЕЛИКАЯ ДИРЕКТОРИЯ ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКОЕ СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОГО СЛУЧАЯ С ГРАЖДАНИНОМ ЮЖНОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЛЕНГОМ.

ВЕЛИКАЯ ДИРЕКТОРИЯ НАЗНАЧИЛА ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИНЦИДЕНТА.

ВЕЛИКАЯ ДИРЕКТОРИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ОТКАЗАТЬСЯ ПОВСЕМЕСТНО ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТОВ УРГА. УЧЕНЫЙ УРГ ДО ВЫЯСНЕНИЯ ПРИЧИН ПРОИСШЕДШЕГО ИЗОЛИРОВАН.

5

Начались заседания Чрезвычайной Комиссии. Самолет доставил обе станции, послужившие причиной инцидента. Этим же самолетом прибыли и два Сленга. Путем тщательнейших физиологических и психологических исследований Комиссия установила полную идентичность Сленгов. Никаких других выводов Комиссия сделать не смогла. Аппараты Урга работали нормально. Это подтвердили двести опытов по передаче неодушевленной материи и животных.

Наконец на заседание Комиссии вызвали Урга.

Он был очень возбужден. Он, как никто другой, понимал, что от этого заседания зависит не только судьба его изобретения, но и его собственная судьба.

Заседание Комиссии проходило в том самом зале Великого Собрания Ученых, в котором пять лет назад Ург впервые демонстрировал членам Собрания свои опыты. На демонстрационном столе стояли такие же полусферы. А с двух сторон зала — ППС, послужившие причиной раздвоения Сленга.

Ург начал свое выступление очень странно:

— Я могу объяснить то, что произошло, хотя и не знаю причин случившегося. Дело в том, что, стремясь как можно быстрее осуществить мою идею на практике, я скрыл от Собрания подлинную сущность открытия. Я хотел,

чтобы общество привыкло к ППС, чтобы они стали обиходной вещью. Я уже собирался сам показать Собранию неограниченные возможности ППС, но нелепая случайность подорвала доверие к моим аппаратам.

— Ближе к делу, — прервал Урга Глава Чрезвычайной Комиссии. — Вы сказали, что можете объяснить инцидент. Вот и попытайтесь это сделать.

— Постараюсь. — Ург коротко вздохнул. — По непонятной для меня причине произошло нарушение системы обратной связи.

— Выражайтесь яснее, — потребовал Глава.

— Я прошу разрешения показать небольшую серию опытов.

— Показывайте.

Ург подошел к демонстрационному столу, достал из карманов несколько пакетов.

Затем минут пять провозился у левой полусферы.

Члены Комиссии внимательно наблюдали за ним.

Ург развернул пакеты.

В одном из них оказались два яйца, в другом — несколько бутербродов, в третьем — апельсин.

— Это мой сегодняшний завтрак, — пояснил Ург.

Он поднял правую полусферу и положил туда яйца, бутерброды и апельсин.

Затем поднял левую и достал оттуда всю эту снедь. После этого он снова поднял правую полусферу. Там по-прежнему лежали два яйца, апельсин и бутерброды.

Опустив правую полусферу, он опять поднял левую. И снова достал оттуда тот же набор.

— Я на ваших глазах нарушил систему обратной связи — и вот результат.

Затем он вошел в правую ППС.

Члены Комиссии замерли.

Открылась дверца левой — и оттуда вышел Ург.

Снова открылась дверца левой — и снова вышел Ург.

И еще и еще...

Семь улыбающихся Ургов выстроились перед ошарашенными Членами Комиссии.

Потом из правой ППС вышел еще один Ург.

— Это, конечно, шутка, — сказал он. Подойдя к левой ППС, он некоторое время пробыл внутри, потом вышел.

— Не волнуйтесь, — обратился он к Комиссии, — сейчас мы исправим положение.

На глазах изумленной Комиссии семь Ургов один за другим вошли в правую ППС.

— Довольно трюков! — потребовал Глава. — Мы ждем от вас объяснений.

— По-моему, все ясно, — улыбнулся Ург. — Я показал вам, что может дать обществу мое изобретение. При первой его демонстрации я, как уже говорил, скрыл его истинную природу. Это не передача материи на расстояние. Правильнее было бы назвать мое изобретение: «Мгновенное воспроизведение материальной субстанции при сохранении изна-

чального эталона». А система обратной связи была мной придумана для того, чтобы приспособить мое изобретение к более узким целям транспортировки грузов и людей.

— Значит, при помощи обратной связи вы, попросту говоря, уничтожали оригиналы? — спросил Глава.

— Да.

— Вы — преступник, — произнес Глава Комиссии. — И так как мы не можем обнародовать результатов работы Комиссии, мы будем вас судить закрытым судом.

— Я не преступник. Я — гений, — грустно проговорил Ург. — С помощью ППС я мог бы одеть и накормить все население Граунда. Я мог бы почти полностью избавить его от многих видов физического труда. Вы хотите меня судить? Я нарушил законы, мораль? Да, я временно перешагнул через них. В интересах общества...

— Замолчите. — И Глава Комиссии закрыл заседание.

На следующий день на Граунде началось уничтожение аппаратов Урга.

6

Через три дня состоялся суд. Ургу предъявили обвинение. Вот его основные пункты:

1. ОПЫТЫ НАД ЛЮДЬМИ, ПРОВОДИВШИЕСЯ В МАССОВЫХ МАСШТАБАХ.
2. ОБМАН ОБЩЕСТВА.
3. БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ, В РЕШЕНИИ КОТОРЫХ ДОЛЖНО ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ ВСЕ ОБЩЕСТВО.
4. НЕРАЗРЕШИМОСТЬ ПРОБЛЕМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДВУХ СЛЕНГОВ.

Суд приговорил Урга к пожизненному заключению.

Одновременно было принято решение опечатать на двести лет все материалы суда и следствия».

Кончив чтение, 101-й некоторое время молчал.

— Зачем вы заставили меня нарушить инструкцию? — наконец выговорил он.

— Я хочу жить, — просто ответил узник.

— Но ведь вам восемьдесят, — удивился 101-й.

— Я буду жить, если вы захотите мне помочь.

101-й посмотрел на часы.

— У нас остается еще десять минут. Можете говорить всё.

— А не отложить ли нам продолжение разговора до следующего раза? — спросил узник.

— Нет уж, давайте сейчас, — твердо сказал 101-й. — Вы же сами говорите, что следующего раза может и не быть.

— Вы обещаете мне исполнить мою просьбу?

— Я обещаю только выслушать вас.

— Что ж, выхода у меня нет. Слушайте.

Несколько секунд Ург молчал.

— Я скрыл кое-что и от Чрезвычайной Комиссии. Скрыл в личных целях. Дело в том, что мое

изобретение имело еще одну сторону. Об этом знаю только я. Мне удалось создать запоминающее устройство. Это устройство «запоминало» всю информацию об эталоне и могло воспроизвести его через много лет. Вы понимаете меня?

— Не очень, — честно признался 101-й.

— Я воспользовался запоминающим устройством только один раз. Устройство запомнило меня, каким я был пятьдесят три года назад. И может в любой момент воспроизвести меня... Того, прежнего... Вы понимаете?.. Я хочу еще раз все начать сначала... Теперь это зависит только от вас... Аппаратура спрятана надежно. Привести ее в действие может и ребенок, так она проста...

— Я это сделаю, — прервал узника 101-й. — Но только после вашей смерти.

— Согласен.

— А сейчас — к делу. Наше время кончилось.

— Я надеюсь на вас, — тихо сказал узник. — Может быть, теперь все будет иначе. Ведь прошло пятьдесят лет...

Задержавшись еще на пять минут, 101-й вышел из камеры.

На другой день узник был найден мертвым. Причину смерти установить не удалось. Немедленно прибывший в тюрьму Инспектор Великой Директории опечатал все бумаги узника.

На кратком следствии, проведенном Инспектором, выяснилось, что накануне 101-й задержался на беседе с узником сверх положенного по инструкции времени.

В восемь утра ему приносили завтрак.

В девять он выходил на прогулку.

С одиннадцати до двух читал.

В два обедал.

До четырех отдыхал.

Вечером просматривал почту.

Ужинал в восемь.

И ровно в десять ложился спать.

Ничто не могло помешать этому распорядку.

Дом, в котором он жил, был единственной тюрьмой на всей планете.

А 101-й был ее единственным узником.

Он был молод и весел...

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

Все законы вселенной

*

И тогда откроется новая страница истории человечества — страница, которая будет для нас словно солнечный свет для новорожденного.

Г. Уэллс, О некоторых возможных открытиях.

Очередная комиссия прибудет на «Юности» через полчаса. Академия решила командировать на Марс Юмадзаву. Но даже и теперь, ожидая в Большом зале космопорта посадки «Юности», я не могу избавиться от странной апатии. Я устал. Устал от непрерывного одиночества и даже от самой работы. Доведись начать все сначала, я начал бы, но поступил бы, пожалуй, иначе.

Имел ли я право рисковать?

Что ж, я могу показать расчеты. Могу сослаться на результаты опыта, на его огромное значение. В этом и состоит моя цель — убедить людей, и я ее почти достиг.

Двадцать лет я не позволял себе думать ни о чем другом, кроме Проблемы. Я свыкся с ее постоянным присутствием и не мог представить, что будет потом...

За столиком у окна трое космонавтов громко обсуждают задачу безгравитонных зон. Молодые ребята, совсем молодые. На них смотрят с симпатией и легкой завистью. А меня подмывает подойти к ним и спросить, указав на шеренгу готовых к старту ракет:

— Зачем все это? Для чего?

Увидеть их изумление, а потом — соболезнующие взгляды, к которым я давно привык, и чувствовать себя как-то старше их, потому что они, как дети, верят в свои красивые ракеты.

Я сижу за столиком, жду сообщения о посадке «Юности» и думаю.

Что я скажу Юмадзаве? Может быть, просто вспомнить, как это было?

Я родился в Фарсиде, небольшом поселке переселенцев, когда атмосфера Марса была уже насыщена кислородом и стала пригодной для дыхания. Мои родители прилетели на Марс с первой партией добровольцев. По рассказам отца я знал, чего стоила людям эта атмосфера. После включения кислородных реакторов на Марсе остались небольшие группы наблюдателей, следивших за медленным изменением климата планеты. В обновленной атмосфере пылевые бури разразились с катастрофической силой. В те годы скорость ветра достигала скорости звука. Каждый ураган заносил наблюдательную станцию слоем песка толщиной в сотни метров. Люди отсиживались в бронированных домиках до тех пор, пока новый шквал не освобождал их из песчаного плена. Станции имели колоссальный запас прочности, ванты вгонялись в грунт на глубину более полукилометра. Две станции, расположенные в районе полюсов, все же погибли. Ураган подкопался под их основания, и во время очередного затишья станции оказались поднятыми на высоту тридцатиэтажного дома. Следующий шквал переломил ванты, словно тоненькие прутья.

Лишь несколько лет спустя бури стали слабее, а вскоре и вовсе исчезли.

Мне только однажды довелось попасть в ураган: он был вызван неожиданным взрывом готовившегося к старту планетолета «Рассвет». При взрыве погиб мой отец...

Странное было у меня детство. Представьте себе один из первых поселков переселенцев. Сиреневые пески на тысячи километров вокруг. До Земли в лучшем случае треть астрономической единицы. Я только по рисункам, фильмам и телепередачам знал, как выглядят леса и горы, только по магнитным записям мог представить себе, как шумит морской прибой.

Земные растения на Марсе прививались плохо. С ними происходили неожиданные мутации. В питомнике Фарсиды были высажены саженцы пихты и сосны. Не прошло и месяца, как все деревья пустили ярко-фиолетовые иглы. Потом сосна неожиданно запахла озоном. Биологи говорили, что внутренняя структура растений настолько изменилась, что они начали разлагать молекулярный кислород атмосферы. Деревья уничтожили, оставив несколько образцов для дальнейшего наблюдения.

Неподалеку от Фарсиды были открыты залежи ареона — руды, из которой добывали почти чистый германий, и я приносил оттуда удивительные по красоте коричневые камешки. Эти камешки да еще негодные детали приборов были моими игрушками.

В холодные вечера я любил

бросать вверх пористые камешки ареона и слушать, как они летят. Камешки пели в полете протяжно и тихо, это воздух проносился сквозь тончайшие пустоты. Каждый камешек звучал по-особому, а громкость зависела от скорости полета, от силы броска. Я собрал целую коллекцию камешков — полных три октавы...

Меня рано научили читать. Отец привез с собой на Марс много книг по математике, физике, философии, космонавтике. У него был тридцатитомный «Планетологический справочник» и небольшие брошюры серии «Развитие физической картины мира» — квинтэссенция научной мысли всех времен. Первой книгой, которую я прочитал от корки до корки, были «Элементы математики» — фундаментальный труд многих авторов.

Мне удалось найти только две художественные книги. Одна называлась «Барон Мюнхгаузен» и не понравилась мне: фантазия у автора была какой-то убогой и нелогичной. Другую — это было «Преступление и наказание» — я не смог осилить даже до середины. Ракеты на Марс в то время ходили редко, примерно раз в месяц. В основном это были грузовые корабли, и возили они, конечно, не книги для детей, а вездеходы и научное оборудование. Приходилось читать то, что было в отцовской библиотеке. Семи лет я знал основы дифференцирования, а когда мне исполнилось десять, довольно успешно проводил для отца не очень сложные теоретические расчеты.

Потом началось великое переселение. Ежедневно прилетали десятки ракет, строились поселки, города, заводы. На месте зарослей низкорослых сине-зеленых растений встали циклопические сооружения, назначения которых я вначале вообще не понимал. Население Фарсиды и других поселков неудержимо росло. Появилось много моих сверстников. Земные дети трудно привыкали к марсианским условиям, и мне было скучно с ними. Они толковали о вещах, совершенно мне не знакомых, мечтали о стадионах, играх. Я жалел, что теперь приходилось жить в интернате и, кроме физики и математики, изучать много других, на мой взгляд, совершенно бесполезных наук.

И вот тогда я впервые прочитал книгу об Амундсене. Удивительно бесстрашный человек, во многом похожий на знаменитого Рындина, покорителя Венеры. Впрочем, не в этом дело. Меня поразило другое. Амундсен был первым, кто прошел из Атлантического океана в Тихий Северо-Западным проходом. Чтобы преодолеть расстояние около тысячи километров, ему понадобилось больше года! Сначала я не поверил. Я мог сесть в астролет и через полчаса примчаться в Ксанту, за две тысячи километров. Ракета могла домчать меня на Землю за десять дней. Мне почему-то казалось, что так было всегда, и все эти фрегаты, паровозы,

телеги представлялись столь же древними, как египетские пирамиды. Но книгу об Амундсене написал известный ученый, его нельзя было упрекнуть в неточности.

Я отправился в Ареоград — нынешнюю столицу Марса. Там была самая большая на Марсе библиотека. Город поразил меня. До этого я не покидал Фарсиду, привык к стандартным домам, к улицам, покрытым сиреневым гравием. Ареоград в то время был еще невелик, но это был город-эксперимент, здесь впервые на Марсе испытывались новые строительные материалы, новые архитектурные формы. Я был ошеломлен, не мог понять: где смысл? Дом-эллипсоид из стекла, здесь помещались лаборатории Института атмосферы, дом-призма с какими-то ушками на крыше, дом-колпак... Здание библиотеки тоже было экспериментальным: внешне оно напоминало первую ступень космического корабля, ракету со срезанным носом и утрированно увеличенными стабилизаторами.

Я провел в библиотеке неделю и только тогда вспомнил, что уехал из интерната, не предупредив учителей. Оказывается, из-за моего исчезновения поднялся страшный шум. Был объявлен чуть ли не глобальный поиск. Меня нашли и вернули в интернат.

Но я уже узнал все, что хотел. Я узнал, что Магеллан плыл вокруг Земли три года, Марко Поло обошел Азию за два десятилетия.

Да, до этого я не знал таких простых вещей. Книги были для меня откровением. Именно тогда я решил, что стою перед Проблемой, для разрешения которой не жалко потратить жизнь.

Эта мысль была почти интуитивной. Я еще не видел, какой логический мостик можно проложить между древними путешественниками и современным человечеством. Гораздо позднее мне, напротив, казалось невероятным, что я не уловил этой связи сразу.

Я долго размышлял и пришел к такому парадоксальному выводу: несмотря на колоссальный прогресс, мы сейчас находимся на том же относительном уровне, что и три тысячи лет назад. Странный вывод, не правда ли? Но ведь я сказал — на *относительном*, а не на абсолютном уровне.

Три тысячи лет назад мир древних греков представлял собой круг радиусом в несколько тысяч километров. Чтобы достигнуть границ этого круга, требовалось много месяцев. Наш сегодняшний мир, то есть то предельное расстояние, на которое мы посылаем наши планетолеты, ограничен орбитой Плутона. Для того чтобы на экспериментальном корабле серии «Кварк» долететь до Плутона и вернуться обратно, нужны опять-таки многие месяцы.

Рассуждения пятнадцатилетнего школьника... Наивные рассуждения. Однако они привели к очень важным результатам.

Ведь после Плутона на очередь

встанут экспедиции к ближайшим звездам. Люди подойдут к верхнему пределу скоростей — скорости света. Будут топтаться у этого порога и не смогут его перешагнуть. Сама природа предопределила человечеству эту границу.

Длительность экспедиций будет возрастать, они будут приносить сведения не своим, а последующим поколениям. Старая проблема, о ней говорили еще сто лет назад. Теперь уже не говорят — смирились.

Вы уйдете на межзвездном транспорте к Денебу, проведете в стенах корабля всю жизнь. За время экспедиции на Земле пройдет тысяча лет. Люди сумеют смоделировать на Земле условия Денеба и получат в лабораториях образцы, во имя которых вы потратите жизнь. Или построят более совершенный звездолет, который доставит на Землю нужные сведения раньше, чем ваша колымага успеет пройти полпути...

Правда, есть еще одна цель, для достижения которой, казалось бы, при всех условиях не жалко отправить в космос экспедицию для тысячелетнего странствия. Я имею в виду поиски внеземных цивилизаций.

Раньше и я думал, что нет благородней задачи, чем поиски себе подобных. Закончив университет, я, признаться, довольно долго размышлял, не пойти ли учиться в школу космической связи, не приобрести ли еще одну профессию. Потом решил — не стоит. Подал документы в Институт физики пространства и после нетрудного конкурса был зачислен на должность теоретика свободного профиля. Это давало мне возможность большую часть времени заниматься своими собственными идеями.

Связь цивилизаций, содружество миров... Конечно, это заманчиво. Но уже с самого появления космонавтики было ясно, что на прямой контакт надежды мало. По самым оптимистическим подсчетам, до ближайшей цивилизации больше тысячи световых лет. Поэтому основной упор делался на космическую связь. Но опять-таки: двухсторонняя связь вряд ли возможна. Это все равно, что посылать ракету, скорость сигнала ненамного больше. Бессмысленно обмениваться письмами на расстоянии в тысячу световых лет.

Двухсторонняя связь осуществима, если расстояние между цивилизациями невелико и если цивилизации не очень отличаются по уровню развития. Шансы встретить на расстоянии в несколько световых лет цивилизацию ничтожны, а вероятность, что эта цивилизация будет находиться примерно на нашем уровне развития, просто равна нулю.

Да, когда человечество выходит на просторы большого космоса, возникает трагическое противоречие между скоростью развития науки и скоростью передачи информации. Преодолев противоречия, связанные с общественным развитием, мы сталкиваемся с не

менее глубоким противоречием в космосе.

Мы стоим перед стеной, название которой — скорость света. Мы не можем перескочить через нее. Не можем взять в руки топор и прорубить в стене брешь, потому что ни один топор не выдержит удара. Но можно положить под основание стены взрывчатку и разнести все это природой созданное сооружение вдребезги...

Попытки наладить связь между цивилизациями могут только углубить возникшее противоречие, но никак не разрешить его. Превысить скорость света вряд ли возможно. Приходится считаться с выводами теории относительности. Но можно поступить иначе: увеличить самую скорость света, сделать ее равной, скажем, миллиону или миллиарду километров в секунду.

Об истории развития космонавтики я раздумывал очень долго, но мысль об изменении скорости света пришла неожиданно, как озарение.

Через год после того, как я начал работать в Институте физики пространства, нашей группе удалось провести расчет трехгиперонного распада системы кварк — антикварк. Я должен был сделать доклад в Новосибирске на конференции по квантовой мезодинамике.

Об увеличении скорости света я подумал на космодроме перед отлетом на Землю. Началась посадка, я собирался сесть в вагончик, доставлявший пассажиров к трапу. Не помню, о чем я думал тогда, неожиданно пришедшая идея начисто смыла все остальные мысли. Я остановился в дверях, кто-то толкнул меня, извинился, кто-то попросил отойти в сторону, не мешать посадке. Я вернулся в зал ожидания, сел за столик, хотел записать идею, сформулировать ее в четких выражениях. Тут же понял, что просто записать мало. Нужно проверить, посчитать.

Минуту спустя я мчался на стратоплане домой, в Фарсиду, а на космодроме динамики тщетно вызывали в планетолет зазевавшегося пассажира...

По привычке я сразу взялся за перо. Мне казалось, что стоит только решить пять интегральных уравнений, привести матрицы решений к диагональному виду, и все — Проблема перестанет существовать!

За три дня я исписал сотни листов бумаги. Смешно вспоминать об этом. Прежде чем браться за расчеты, нужно было многое продумать.

Я продолжал размышлять, и мне невольно пришлось задуматься о смысле и значении законов природы.

Скорость света — неумолимый закон, действующий в нашей части вселенной. Один из камней того фундамента, на котором покоится все мироздание. Я сказал: увеличить скорость света, но ведь это значит поднять руку на закон природы!..

С Земли поступил запрос,

Председатель Новосибирской конференции спрашивал о причине моего отсутствия. Я отложил радиограмму в сторону и забыл, что нужно ответить: мысли были заняты другим. Я не подумал о том, что настраиваю против себя многих физиков. Позднее мне пришлось пожалеть об этом...

Физики назвали меня «человеком в себе». Не думаю, чтобы они были правы. Просто мне легче было работать одному, а в те редкие минуты, когда у меня возникало желание посоветоваться, случалось что-нибудь непредвиденное и нарушало мои планы.

Так было, к примеру, лет семь назад, когда меня вдруг одолело сомнение: я решил, что веду расчеты неправильным путем. Я выбежал из дома и направился в институт с твердым намерением «открыть душу». Было холодно, в воздухе чувствовалась какая-то тяжесть. Что-то мокрое падало мне на лицо, на волосы. С темного неба, медленно кружась, опускались рыхлые белые пушинки. Я стоял и глядел и долго не мог понять, что происходит. Потом меня будто ударило изнутри: снег!

Первый снег на Марсе...

В атмосфере было очень мало влаги, и климатологи уверяли, что переселенцам вряд ли удастся вообще попасть в дождь.

Снег шел больше недели. Все радовались как дети, никому не было дела до моих сомнений. Несколько дней электронные машины института работали с недогрузкой, и я использовал их для своих расчетов.

Но это произошло значительно позднее, во время одной из моих поездок в Фарсиду, а тогда, получив радиограмму, я машинально положил ее в ящик. Мысль мчалась дальше...

В сущности, у людей нет иного выхода. Или — или.

Или мы смиримся с неизбежным и станем в угоду законам природы притормаживать прогресс, лавировать, выдумывать оптимальные варианты развития на тысячелетия вперед, или мы будем вынуждены посягнуть на святая святых — на законы природы.

Едва ли не самое главное в любом поиске — отрешиться от общепринятых представлений. Это трудно, но необходимо. Как только я убедил самого себя в том, что человек *должен* научиться управлять законами природы, сразу прояснились многие вопросы.

Первый вопрос — философский.

Мы говорим: материя первична, а вторичны формы ее проявления. Законы движения материи, которые, собственно, и представляют собой всю совокупность законов природы, есть неотъемлемое *свойство* материи, и, как всякое свойство, они могут быть изменены.

Нужно, чтобы все поняли: закон природы не фетиш. Фундамент у нас один — материя, а строить на этом фундаменте мы можем все, что угодно.

Меня, однако, больше всего интересовало увеличение скорости света. Но скорость света не существует сама по себе. Она зависит от многих причин и прежде всего от закона тяготения. А закон тяготения связан со всеми другими законами, взаимодействует с ними, просто не существует без них. Если изменить скорость света, то станут возможными полеты к далеким галактикам; но при этом изменятся законы тяготения, электростатики и электродинамики, другой станет оптика, атомная физика...

Я замахнулся на все законы вселенной!

Когда я это понял, мне стало страшно. Я бросил Проблему и занялся всякой чепухой. Смотрел в Фарсиде празднование Дня космонавтики, поехал в Ареоград, бродил по улицам, ходил на концерты.

Теперь Ареоград был уже большим городом с миллионным населением. Здания, которые в детстве казались мне разбросанными как попало, стали только частью гигантского архитектурного комплекса. А может быть, порядок был и раньше, только мой детский мозг не мог его уловить? Я вышел на площадь перед библиотекой. К ракете достроили вторую ступень, и теперь здание возвышалось на восемьдесят шесть метров. Оно было опоясано кольцом огней, а высоко, почти у шпиля, горела надпись: «Прогресс» — так назывался корабль, впервые в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году опустившийся на поверхность Марса.

Я был в филармонии, на концерте Густава Бейера. Слушал песчаный орган. В его трубах звучал ареон, пели коричневые камешки, которыми я играл в детстве. Бейер исполнял Баха и Горлова. Я никогда не слышал, как звучит месса си минор на обычном органе, я даже не мог себе этого представить. Мне казалось, что музыка, которую играл Бейер, никогда не была написана. Она рождалась сейчас, и не под пальцами органиста, а сама по себе. Рождалась из недр планеты, из камня, из воздуха, из песка. Из ураганов, которых давно нет, и из рокота еще не появившихся морей.

Эта музыка придала мне больше уверенности в правильности выбранного мной пути, чем долгие рассуждения о значении Проблемы.

Вернувшись, я снова сел за книги.

Пока люди только открывали законы физики, они могли не оглядываться вокруг, углубившись в поиски одной конкретной истины. Узкая специализация даже как-то помогала: сознание не разбрасывалось, сосредоточиваясь на нужном предмете. Теперь же я вынужден был заняться всеми законами сразу, ибо изменение одного закона ведет к изменению всех остальных.

Для каждого мало-мальски значительного эксперимента нужно создать соответствующую теорию.

За изменение законов природы нечего и приниматься, если нет теории, учитывающей не только основные поправки, но также все эффекты второго, пятого и даже десятого порядков. Самые незначительные неточности могли привести к таким последствиям, что не только экспериментатор, но вообще вся видимая вселенная перестали бы существовать.

Если бы единой теории полей — этого феноменального труда новосибирской группы Шестова — в то время не существовало, мне вообще не на что было бы надеяться. Оставалось бы сложить оружие и до конца своих дней подсчитывать всякие вторичные эффекты для Института физики пространства. Но группа Шестова работала, единая теория находила все больше сторонников среди физиков, я же давно был горячим ее приверженцем.

Я связался с Новосибирском.

Великий физик оказался маленьким лысым человечком с длинными руками и костлявыми, крючковатыми пальцами. Он был уже стар, но держался ровно и даже несколько молодцевато. Меня соединили с его домашним кабинетом, и я был разочарован, не увидев ни одной книги на полках, ни одного шкафа для микрофильмов. Десять минут спустя, когда сигнал дошел до Земли и Шестов заметил мое недоумение, он сказал:

— Я здесь только думаю.

Моя задача была трудна. Я не мог доказать Шестову свою правоту, я должен был попытаться убедить его в правильности моих идей, а это было вдвойне сложно. Физика-теоретика не удивишь невероятными идеями, он не может отвергнуть их в силу одного лишь внутреннего противодействия, интуитивного недоверия к новому. Но каждый физик настолько раб своих собственных представлений о природе, что его невозможно сбить с испытанных позиций без доказательств, в справедливости которых он мог бы лично убедиться. Поэтому свою речь я обдумал заранее до мельчайших деталей. Я хотел провести Шестова по тому логическому пути, который прошел сам, хотел, чтобы последний вывод о необходимости изменения законов природы он сделал без моей помощи.

Шестов слушал молча, изредка отмечал что-то в блокноте. Когда я кончил, он удивленно спросил:

— Это все?

Он не стал ждать двадцать минут, чтобы получить ответ, и заговорил быстро, короткими фразами:

— Мне нравится ваш подход к проблеме. Сама проблема — нет. Конечно, это мое личное мнение. Теперь конкретно. Вот здесь, — он показал мне исписанную страницу, — лишь принципиальные возражения. Вы понимаете, что при полном отсутствии теории, как сейчас, иных возражений и быть не может. Я отметил одиннадцать пунктов. Первый: у нас нет досконального знания всех законов...

Он попал в самую точку. Эти возражения я знал и раньше, но еще не мог их отвергнуть. Я надеялся сделать это впоследствии, по мере того, как будет создаваться теория.

— Не отрицаю, возможно, вы и правы, — более мягко закончил Шестов, — но при теперешнем состоянии физики это бесперспективно. Нет практических предпосылок. Не стоит ломать здание, которое может послужить еще долгие годы. Повторяю, это мое личное мнение. Попробуйте убедить других...

Я долго чувствовал себя подавленно. Не писал никуда: знал, что отовсюду могу ожидать в лучшем случае такой же ответ. Потом решил, что бездельничать, когда впереди у меня вовсе не вечность, — преступление. Если Шестов не хочет понять меня сейчас, то лет через десять, когда у меня будут готовы хотя бы вчерне наброски расчета увеличения скорости света, Шестов переменит свое мнение.

Рассчитать локальное изменение законов, конечно, проще, чем заниматься сразу фундаментальным решением Проблемы, на что я надеялся вначале. Но и здесь трудности были настолько велики, что я мог умереть, так и не увидев окончательного итога. Да и кто мог заранее сказать, каков будет результат? В этом отношении труд теоретика — неблагодарный труд. После долгих лет работы можно получить коротенькую формулу, в которой уместится вся жизнь. Можно и вообще ни к чему не прийти.

Из окна моей комнаты в Фарсиде я видел, как возводилась Башня глубокого бурения. Ареологи хотели пробиться к гипотетическому ядру Марса. Башня росла с каждым днем, упираясь в фиолетовое небо, а у меня на столе росла стопка исписанной бумаги. Мой труд казался каким-то невещественным по сравнению с этим грандиозным сооружением.

Я переселился в пустынную область Исседона, к северу от Темпейской равнины. Здесь начиналось строительство экспериментальной базы Института физики пространства. Место было выбрано неудачно, и стройку законсервировали. Для меня, однако, Исседон был идеальным местом.

База располагалась на дне пологого кратера диаметром немногим более километра. Стрельчатые кактусы достигали здесь величины чуть ли не человеческого роста. Особенно густо они росли на склонах кратера, и пахли исседонские кактусы совершенно пособому. К этому запаху каждый раз приходилось привыкать заново. Он не распространялся далеко, нужно было войти в заросли, а то и тронуть одно-другое растение. Вначале запах ошеломлял, он заглушал все остальные чувства. Мне казалось, что его можно видеть и слышать. Запах был синим и тягучим и гудел низко, с присвистом, как гудят в полете камешки ареона. Через несколько минут это ощущение пропадало,

но оставалась необыкновенная ясность мыслей.

В Исседоне и небо казалось другим. Фарсида и Ареоград — экваториальные города. Восходы и заходы солнца продолжаются в них считанные минуты и в пыльном городском воздухе не производят впечатления. В Исседоне я впервые увидел настоящие восходы. Это изумительное зрелище. Черное предрассветное небо за какие-то секунды все — от востока до запада — становится ярко-зеленым — это начинает светиться ионосфера. Потом по небу пробегают волны, сначала зеленые с розоватым отливом, за ними — бледные, голубоватые. В полном безмолвии они сшибаются друг с другом и падают, кажется, на самое солнце, которое медленно выплывает из-за горизонта. Звезды тоже мечутся из стороны в сторону, а если в это время над Исседоном проходит планетолет, его быстрое движение кажется зигзагообразным. После восхода небо бледнеет, успокаивается. Вечером все повторяется в обратном порядке, разве только волны катятся по небу медленнее и расплываются на полпути к горизонту.

Привыкнуть к новому образу жизни было нелегко. Воду и полуфабрикаты я получал из Фарсиды и два раза в неделю должен был дежурить по утрам перед своим домиком и ждать, пока рейсовый стратоплан Фарсида — Ситон сбросит контейнер. Впоследствии через Исседон прошла нитка водопровода, и проблема воды была решена окончательно.

На новом месте успели смонтировать Малый вычислитель, и я мог подключаться к нему в любое время. Лишь изредка, когда мне нужна была новая информация, я покидал Исседон и несколько дней проводил в Фарсиде.

Было это семнадцать лет назад.

Я поставил перед собой конкретную задачу — рассчитать увеличение скорости света до трехсот шести тысяч километров в секунду. Всего на два с небольшим процента.

Я очень хорошо, с мельчайшими подробностями помню, что происходило со мной до переселения в Исседон. Последние же семнадцать лет слились для меня в однообразную серую ленту.

Сначала шла полоса неприятностей. То я задавал вычислителю неправильные условия, как это случилось в марте второго года, то никак не мог продвинуться дальше третьего приближения. Когда работа вошла в колею, время стало измеряться для меня не годами, а порядком приближения к решению Проблемы. Я так и отсчитывал время — год восьмого или год десятого приближения.

Изредка у меня получались результаты, которые не имели прямого отношения к Проблеме. Побочные эффекты, неинтересные мне, но имевшие некоторое значение для других областей физики. Я наскоро снабжал выводы комментариями, отсылал в «Физическое обозрение». Почти всегда

статьи печатали, я получал оттиски и тут же забывал о них. Несколько раз я посылал в «Обозрение» и краткие сообщения о Проблеме. Заметки возвращались обратно с вежливыми извинениями и приписками вида: «неясность предпосылок», «незавершенность статьи не позволяет...»

Шел год шестого приближения, когда я узнал о строительстве «Демокрита» — колоссальной вычислительной машины на околосолнечной орбите. Формально я все еще оставался сотрудником Института физики пространства и поэтому легко смог добиться разрешения использовать «Демокрит» для своих вычислений. Два раза в неделю я посылал программу в Центр и сутки спустя получал готовое решение. У меня стало несколько больше свободного времени. Впрочем, что я говорю... До этого я не позволял себе даже минуты отдыха. Теперь я мог около часа ежедневно посвящать обдумыванию практического осуществления Проблемы.

Законы природы формируются в микромире — значит, нужно штурмовать микромир, не думая пока о далеких звездах.

Конечно, можно сказать, что в нашем мире и в микрокосмосе действуют р а з н ы е законы. Закон тяготения — основа существования звезд и планет — почти не влияет на судьбы элементарных частиц. С другой стороны, считается, что поля ядерных сил никак не проявляют себя в большом космосе. Это заблуждение. В с е законы формируются на элементарном уровне. Законы движения сверхскоплений галактик тоже имеют теснейшую связь с законами микромира.

К стыду своему должен признаться, что даже с устройством мезотрона я был знаком лишь в общих чертах. Я мог дать идею об изменении законов природы. Мог — в принципе! — рассчитать несколько новых законов. Мог — и тоже в принципе! — указать, каких именно глубин материи нужно достичь, на что и как воздействовать, чтобы получить желаемый результат.

Но я не мог дать людям нужную технику! Принявшись за вычисления, я как-то не думал о том, сколько потребуется времени на техническое исполнение проекта. Теперь, когда стало ясно, что мне, возможно, удастся довести расчет до конца, я вдруг заторопился. Мне захотелось самому увидеть луч света, который помчится вдоль своей мировой линии со скоростью, большей чем триста тысяч километров в секунду.

Шел год восьмого приближения. Я привык к тому, что люди появляются в Исседоне два раза в год (ремонтная бригада из института), и почувствовал себя очень неловко, когда ко мне приехал Юмадзава, руководитель Центра ядерных исследований. Он заговорил об «эффекте Кедрина», и я сначала не понял, что он имеет в виду. Оказывается, речь шла об одной из моих заме-

ток, опубликованной несколько месяцев назад в «Физическом обозрении». Я с трудом вспомнил: фотонные переходы внутри возбужденных ядер щелочных металлов.

— Это и есть «эффект Кедрина», — сказал Юмадзава, — лионские физики сделали прибор, получили интересные результаты. Тогда эффектом занялись в Барселоне, Риме, Ленинграде. Здесь, на Марсе, — в Фимиамате. Академия организует теоретический сектор в нашем Центре в Ареограде и предлагает вам возглавить работы. Теория эффекта нужна сегодня, сейчас...

Вероятно, это действительно было важно. Предложение Юмадзавы выглядело очень заманчиво. Я понимал, что обязан согласиться. В конце концов я устал от одиночества. То, что я делаю, не под силу одному, а предложение Юмадзавы — это работа, настоящая жизнь с людьми и для людей. Нужно соглашаться.

Я отказался.

Юмадзава уехал, а я вернулся к работе, к поправкам девятого порядка. Это было уже довольно высокое приближение. Далеко не то, что нужно, но после разговора с Юмадзавой у меня прибавилось смелости.

Я решил, что пора действовать. Покинуть на долгое время Иссedон было нельзя, и с Центром планирования я связался по телевидению. Мне пришлось пережить сильнейшее разочарование. Я говорил о необходимости начать строительство мезотрона с минимальной энергией в квинтильон мезовольт. Меня спросили, представляю ли я, во сколько может обойтись строительство. Я назвал очень большое число, зная, что земная экономика может позволить себе и не такие затраты.

Мне сказали, что сейчас ведется строительство первого межзвездного корабля на кварковых двигателях. В ближайшие годы не приходится даже думать о чем-нибудь другом. Впоследствии мое предложение может быть выдвинуто для всеобщего обсуждения.

Известие о строительстве межзвездного корабля было для меня громом среди ясного неба. Хотелось крикнуть: зачем? Зачем, если этот путь ведет в тупик и нужно подходить с другого конца! Но расчет не был завершен, и кричать было рано.

Кварковый звездолет построили спустя три года. Ему дали гордое имя — «Победитель». В экспедицию к Альфе Центавра уходили двадцать человек. «Победитель» при помощи стартовых ракет был отбуксирован к орбите Нептуна, и здесь состоялась церемония прощания. Я наблюдал старт по телевидению. Видел, как бросились врассыпную ракеты эскорта. Слышал, как метрономом отбивал последние предстартовые секунды. Дали старт, звездолет выполз из поля зрения телекамер, и передача закончилась.

Почти месяц, пока была возможна связь с «Победителем», все станции Системы передавали

информацию о ходе полета. Потом связь прервалась, и звездолет канул в пространство на много лет.

Старт «Победителя» произвел на меня удручающее впечатление. Я увидел, воочию увидел, насколько люди убеждены, что покорение космоса зависит от ракет.

К великому своему ужасу, я понял, что остается только одно: самому довести до конца расчет и самому поставить первый эксперимент.

Вы понимаете, что это значит — поставить опыт самому?

Я не разбираюсь в технике, но допустим на несколько минут, что я отличный экспериментатор. У меня нет даже намека на лабораторию, но допустим на мгновение, что я имею доступ к самому большому мезотрону Системы. Даже в этом идеальном случае имею ли я право в одиночку ставить такой эксперимент?

Всегда есть возможность чего-то не учесть в расчетах, или в конструкции прибора, или в методике. Одним движением пальца я мог отправить в ничто всю Систему! Только человечество в целом может решиться на подобный опыт.

Я готов был полететь на Землю и еще раз попытаться убедить Шестова. Но это значило потерять по крайней мере два месяца, в то время как приходилось беречь каждую минуту.

Сейчас мне сорок лет, и я еще ни разу не был на Земле: не мог выкроить время. Действующий ныне закон отдыха, обязывающий жителей Марса раз в три года посещать Землю, был введен до моего переезда в Исседон. Врачи нашли климат Марса вредным для людей и запретили более чем трехлетнее пребывание на планете. Я нарушил этот закон уже семь раз. Сначала я пытался объяснять, что прожил на Марсе много лет до введения закона и чувствовал себя прекрасно. Потом, когда работа вступила в решающую фазу, я вообще перестал замечать врачей...

Я отправился в Ареоград и явился в Институт теоретических проблем. Это было шагом отчаяния. Шел двенадцатый год работы, о практическом осуществлении идеи я только начал думать. Меня выслушали очень внимательно и сказали, что на голой идее не построить даже шалаша, тем более что сама идея немного как-то несерьезна. «Если бы были готовы расчеты...» Хорошо, сказал я, будут расчеты, но разрешите мне пользоваться «Демокритом» семь суток из каждых десяти. «Видите ли, машина чертовски перегружена...»

Я вернулся в Исседон, чтобы обработать хотя бы часть вычислений и послать Шестову. Этот месяц был, пожалуй, самым тяжелым за все годы. Приходилось делать два дела сразу: считать поправки двенадцатого порядка и писать письмо. Нужно было на нескольких страницах уместить все, что я сделал за одиннадцать лет. У меня почти не оставалось

времени для сна, я не вставал из-за стола по восемнадцати часов.

Сейчас я вряд ли выдержал бы такой ритм работы. За сорок дней я измотался окончательно, однако подробное письмо было написано. Тогда я подступил к скопившейся за месяц корреспонденции. Среди писем оказалось одно с новосибирским штемпелем. Оно было месячной давности и извещало о том, что директор Центрального физического института академик А. В. Шестов скончался.

Моя безумная гонка не имела ни малейшего смысла! Шестов умер месяц назад...

Вновь потянулись недели, месяцы... Я считал и считал...

В один из дней я узнал, что на орбите спутника Марса строится «Бочка Ферми» — автоматическая лаборатория строения материи, оснащенная мощным мезотроном. После введения в строй эта лаборатория должна была вести эксперименты по заказам различных институтов и индивидуальных исследователей. Это был идеальный для меня случай, если бы я решился поставить эксперимент. На станции не будет ни одного человека, только автоматы. Если «Бочка» и погибнет... Что ж, я готов держать ответ, но самое главное: не будет человеческих жертв.

Не будет? Я не мог сказать этого с уверенностью. В сущности, вся моя работа в последние годы заключалась в том, чтобы доказать точно: жертв не будет. Стоило мне захотеть, и я мог уже шесть лет назад поставить опыт на «Бочке Ферми». Мог, но не смел. Не было уверенности.

Я продолжал работать. Иногда, особенно в последние годы, я ощущал какую-то невидимую поддержку. Никто не предлагал мне своих услуг, но я замечал, что расчеты по моим заданиям делались быстрее обычного. В конце концов от меня отступились и врачи. Я перестал получать предложения поехать для отдыха на Землю.

Как-то (был июнь четырнадцатого года) ко мне явился паренек лет шестнадцати. Он пришел поздно вечером, продрогший, и мне пришлось согревать его горячим кофе. Он был невысок ростом, коренаст. Непропорционально развитая грудная клетка выдавала в нем уроженца Марса. Паренек заявил, что хочет помогать мне. Он слышал о моей работе от отца и считает, что я прав на тысячу процентов. Он готов делать для меня все. Он верит мне.

За многие годы я только один раз слышал эти слова. Нужно ли объяснять, как мне хотелось оставить паренька в Исседоне?.. Но он сбежал из интерната. Я вспомнил, как меня искали когда-то, вспомнил, сколько нервов я перепортил своим учителям, и самым строгим тоном, на какой только был способен, приказал моему союзнику вернуться домой. Торжественно поклялся, что через четыре года буду ждать его.

Он уехал рано утром, и я не видел его больше. То ли пропал

юношеский задор, то ли он нашел работу поинтересней. Впрочем, четыре года еще не прошли. После его отъезда я вспомнил, что не спросил, как его зовут, этого паренька...

Изредка я позволял себе несколько дней отдыха. Ходил по степи, думал, сопоставлял, мечтал.

Я забирался довольно далеко от дома и однажды впервые увидел, как цветет пустынная мозглянка. Можно было пересчитать по пальцам людей, видевших эти алые семиугольники. Мозглянка растет в песке, ее стебель почти никогда не показывается на поверхности. Из песка растение добывает тепло, кислород. Можно всю жизнь ходить по знакомой тропинке и не знать, что под ногами, на глубине двух-трех метров, растет лес. Очень редко случалось, что пустынная мозглянка выпускала на поверхность длинный тонкий отросток с большим алым цветком.

Я наклонился, и лепестки слабо затрепетали, с них посыпались песчинки. На другой день я увидел на месте цветка лишь опавший бурый лоскут, рассыпавшийся от моего прикосновения.

Я стал ходить сюда ежедневно. Ложился на холодный песок, перебирал его руками, думал.

Вопросы техники перестали меня занимать, когда я понял, в каком заколдованном кругу я очутился.

Я говорил себе: есть же в космосе и другие цивилизации. Пусть далеко от нас, за тысячи световых лет. И для них тоже существует этот бич — скорость света. Цивилизации, обогнавшие нас в развитии, уже должны были прийти к тем выводам, к каким пришел я. Они могли поставить эксперимент, о котором я мечтал. Значит, они могут заставить луч света двигаться с гораздо большей скоростью. Они могут преобразовывать законы природы.

Почему же мы тогда не видим никаких следов деятельности этих цивилизаций? Все, что мы до сих пор открыли во вселенной, подчиняется старым как мир законам природы. Так что же, допустить, что мы, люди, — самая высокоразвитая цивилизация?

Во вселенной наверняка есть разум, намного обогнавший нас в развитии. И если мы не видим следов его деятельности, значит одно из двух: либо мы не там ищем, либо этих следов просто нет.

Попробуйте рассуждать с точки зрения той цивилизации, которая может управлять законами природы. Вы десятки раз подумаете, прежде чем изменить комплекс законов в пределах своей галактики. Ведь вы не одни в космосе; кроме вас, существуют и другие цивилизации, не достигшие такого уровня развития. Вы будете стремиться применять свои силы так, чтобы никому не повредить. И поскольку для ваших целей необходимо все же изменять законы, вы будете это делать, но не во всем пространстве.

Впрочем, это мое личное, ничем не подкрепленное мнение.

Я сейчас думаю об этом и еще не пришел к какому-нибудь твердому выводу...

Я закончил расчет несколько месяцев назад. Вероятно, можно было продолжать считать до бесконечности, но я остановился, когда понял: очередные поправки ничего нового не дадут. Главные формулы занимали много места и были не очень красивы. Этого и следовало ожидать, я ведь рассчитывал только один частный случай.

Как бы то ни было, я дожил до этого дня. Математика сказала: да, предположения были верны. Увеличить скорость света на два процента оказалось вполне возможным, причем без особого риска. Тридцать семь законов физики должны были измениться в результате эксперимента. Но, судя по расчетам, эти изменения невелики и на расстоянии двухсот метров от установки исчезают вовсе. Кроме того, сразу после окончания опыта все должно вернуться к обычной норме. Я мог дать заказ и провести эксперимент!

Несколько часов я бродил вокруг домика и никак не мог поверить, что наконец-то все кончено!

...Опыт я поставил спустя несколько дней. Я был уверен в том, что он не опасен, я верил в свою математику. Послал в Центр копии расчетов, указал последовательность операций и стал ждать. Никогда я еще не испытывал такого мучительного чувства! Я ждал, что случится несчастье, вздрагивал при каждом толчке, ударе и в то же время внутренне был уверен, что все закончится благополучно.

Это произошло, когда автоматическая лаборатория находилась низко над западным горизонтом. Я лежал на склоне кратера, там, где несколько лет назад видел цветок пустынной мозглянки. «Бочка» только что взошла и медленно двигалась к юго-востоку. Я не знал точного времени начала опыта и не отрывал взгляда от яркой точки, перемещавшейся от Альдебарана к Сириусу. У меня начали слезиться глаза, и я закрыл их руками. Когда я опять посмотрел вверх, от «Бочки» уходил в зенит белый узкий пучок света. Конечно, я видел не самый луч, а только вторичное свечение. Сверхсветовые кванты, взаимодействуя с вакуумом, порождали обычное световое излучение, распространявшееся во все стороны. Луч был виден около минуты, потом погас, и... ничего не случилось.

Я вернулся в домик, меня била дрожь. Сел у окна и смотрел, как автоматическая лаборатория медленно поднимается к зениту.

Засветился огонек системы связи, и на экране появилась колонка цифр, переданная с «Бочки Ферми» автоматическим транслятором. В самом низу красным было подчеркнуто одно шестизначное число. Интерферометры, измерившие скорость созданного в лаборатории светового луча, нашли ее равной тремстам шести ты-

сячам километров в секунду!

Побочные эффекты оказались незначительными: в некоторых отсеках отмечался скачок поля тяготения, появились неизвестно чем порожденные быстрые нейтроны, изменилась внутренняя структура вещества лазерной системы.

В тот же день я уехал из Исседона. Я был измучен и счастлив, но это блаженное состояние продолжалось недолго...

До посадки «Юности» остаются считанные минуты. Я прохожу к висячей террасе, открытой со стороны посадочного поля.

Эксперимент закончился благополучно, но Академия все еще воздерживается от публикации моих работ. Она назначает комиссию за комиссией, проходят недели, а окончательного решения нет.

Комиссия во главе с Юмадзавой — серьезное и, кажется, последнее испытание.

Странно: как крепко держатся люди за привычные убеждения! Иногда мне приходит мысль о том, что, прежде чем браться за законы в космических масштабах, имеет смысл изменить кое-какие законы человеческой психологии. Прежде всего — закон консервативности мышления.

ВЛАДИМИР МАЛОВ

Академия „Биссектриса“

Записки школьника XXI века

«Академия наук — по понедельникам и средам с 17 часов». (Табличка на двери шестого класса «А». Повешена 16 сентября 2058 года. На этой же двери вырезано ножом слово «Биссектриса».)

1

Утро начинается в нашем городе так же, как и во всех таких городах. Солнце выползает из-за горизонта, словно кто-то тащит его за собой на веревке. Летом первые солнечные лучи скользят по зеленым листьям, а если зима — освещают выпавшие за ночь снежинки, и тогда снежинки тоже начинают светиться, сами становятся маленькими солнышками.

А на крышах домов солнечных лучей уже дожидаются зоркие глаза фотоумножителей. И когда лучи, наконец, доберутся и до них, сонные дома оживают. Автоматика срабатывает — распахиваются задернутые на ночь шторы, в комнатах звучит едва слышная музыка, включаются электронные кухонные машины: скоро завтрак. А потом каждый из нас прощается с родителями и с портфелем выходит из дому.

Если на улице осень, под ногами шуршат опавшие листья — утром их еще не успели убрать. Шагать по ним легко и приятно, и идти хочется долго-долго, но школа — вот она уже, совсем рядом. И во дворе ее тот же мягкий ковер из листьев, до самого входа в главное здание. Зимой прокладываешь себе дорожку в снегу, а за тобой тянется длинный и узкий след, и такое тоже бывает только по утрам: когда возвращаешься из школы домой, улицы уже успевают очистить от снега, и они снова блестят под ногами разноцветными пластиковыми плитами. Весной... Летом...

И каждый из нас живет от шко-

лы в двух шагах: городок наш маленький, каких сейчас на Земле сотни тысяч. Остались, конечно, и большие города, но все-таки люди предпочитают жить теперь вот в таких, вроде нашего. Несколько десятков ровных и прямых улиц. Несколько сотен разноцветных домиков. Городской стадион. Школа...

Солнце карабкается по небосводу. Еще ни разу я не видел, чтобы в нашем городе утром не было солнца. Погодой стараются управлять так, чтобы дожди и снега шли только по ночам, когда на улицах все равно никого нет. Взрослые говорят, что это очень хорошо, а мне бывает иногда чуточку грустно: наверное, это страшно здорово — попасть под неожиданный дождь, спасаться от него бегством или просто поиграть под дождем в футбол, как это частенько случалось моему отцу, когда он сам был мальчишкой. Только по вечерам, засыпая, я слышал иногда за окнами шорох дождя, похожий на шуршание осенних листьев, когда разбрасываешь их ногами.

...То утро, с которого началась вся эта история, тоже было солнечным. И, как всегда, с портфелями под мышкой мы выходили из своих домов и из разных концов города шли к школе. Отличник Андрюша Григорьев, наверняка вышедший чуть пораньше других, — солидно и не спеша. Володька Трубицын — весело насвистывая и размахивая портфелем, как если бы сам он был часами, а портфель — маятником. Толик Сергеев, с которым вечно случалось что-нибудь забавное, — задумчиво, углубленный в свой сложный внутренний мир и не обращая никакого внимания на досадные проявления мира внешнего. Выскочил из своего дома Алеша Кувшинников, снова полный самых невероятных планов на сегодняшний день, покосился в мою сторону, и мы зашагали в школу вместе, потому что жили в соседних домах. А где-то в тот же момент взяла свой портфель Леночка Голубкова. И Катя Кадышева... И все остальные, весь наш шестой «А», пятнадцать мальчишек и девчонок, маленьких людей XXI века, как называл нас Галактионыч.

В тот день первым уроком была география — экскурсия в Африку. Мы сели в школьный континентолет, и скоро наш маленький городок остался за тысячи километров от нас. Сначала мы должны были познакомиться с африканской природой. Галактионыч специально для первой посадки выбрал место поглуше. Континентолет опустился вдали от больших городов, прямо в тропическом лесу, на обочине какой-то узкой, глухой дороги. И один за другим мы вышли из континентолета на эту дорогу...

2

...Тогда мне полагалось выкрикнуть то самое слово, которое впервые сказал Архимед, открыв закон Архимеда. Но я промолчал, остался за своим столом, и никто, взглянув на меня в этот момент, не смог бы догадаться, что произошло что-то исключительное,—даже сам

наш проницательнейший Галактионыч. Он и отучил меня от излишней эмоциональности — учитель, руководитель и основатель нашей школьной Академии Наук Михаил Галактионович: дважды, когда мне казалось, что я открыл нечто новое, он разбивал мои иллюзии несколькими словами. «Открытие — вещь редкая». Это была одна из любимых поговорок Галактионыча, как мы его не слишком почтительно называли. Редкая вещь — открытие...

И ничего я не выкрикнул, хотя знаменитое «Эврика!!!» так и вертелось у меня на языке. Я только выпрямился на стуле, вытер лоб и крепче уперся локтями в стол.

«Спокойно! — сказал я сам себе. — Успокойся, проверь сначала...»

Все было по-прежнему в классе — за стеклянной стеной, выходившей прямо на озеро, так же желтела полоска нашего школьного пляжа. На стендах стояли те же приборы, что и прежде, а на стеллажах — те же книги. Сам Галактионыч сидел на своем обычном месте за кафедрой и что-то терпеливо объяснял нашей застенчивой и маленькой (такой маленькой, что иногда мне хотелось взять ее на ладонь и бережно куда-нибудь поставить: на книжный шкаф, что ли?) Леночке Голубковой. Леночка морщила лобик, внимала каждому слову, следила за каждым жестом Галактионыча и послушно кивала. Всякому было ясно, что она не понимает из того, что говорит Галактионыч, ни слова.

Мой стол был последним в лаборатории — стоял в самом углу, прямо под нашим «академическим» вестником «Архимед», в котором рассказывалось о последних научных достижениях членов «Биссектрисы»; иными словами — прямо под большой фотографией улыбающегося Андрюши Григорьева, занимавшей четверть площади вестника. Причины улыбаться у Андрюши были, но об этом я расскажу чуть позже. Мой стол был последним, и поэтому лиц ребят я не видел, только склоненные над столами затылки — четырнадцать самых разных затылков, по которым я давно уже научился угадывать, как подвигаются дела их владельцев. Затылок Толика Сергеева был каменным и зловещим вот уже третью неделю: Толя занимался математикой и бился сейчас над доказательством «теоремы Сергеева», третью неделю не мог сдвинуться с того места, с которого начал. Затылок Алеши Кувшинникова выражал мучительные раздумья и сомнения, работа двигалась — чем-то она кончится?.. По затылкам девчонок читать было труднее, но и они давали какую-то пищу для размышлений. Дела в «Биссектрисе» шли полным ходом.

Здесь занимались многими проблемами сразу — и физика, и химия, и биология, даже история — ею занималась Леночка Голубкова. Галактионыч, учреждая нашу школьную Академию Наук, предупреждал и потом еще много раз повторял:

— Не ждите открытий! Скорей

всего их у вас не будет, но научитесь вы здесь многому — рассуждать, мыслить, ставить эксперименты, подбирать приборы, предвидеть результаты опытов...

...Однажды гордости нашего класса постоянному отличнику Андрею Григорьеву удалось, пусть какой-то мелочью, дополнить учебник физики по разделу «Оптика». И много дней после этого Андрюша ходил важным и недоступным, а мы просто сходили с ума — ведь надо же, открыть что-то свое, ввинтить в сложную машину научного прогресса пусть маленький, но все-таки свой винтик! Мы прямо смотрели ему в рот, когда он не торопясь, солидно рассказывал о том, как «делалось открытие» — это подлинные его слова. Знания Андрюши были «фундаментальными», как говорили не раз учителя, учился он лучше всех; и вот учителя-то как раз и не удивились, когда он в самом деле что-то открыл, и явление, открытое им, описали в новой редакции учебника. Подумать только — Ньютон, Фарадей, Резерфорд, Эйнштейн и наш Андрюша, спокойный, уравновешенный мальчик, лучший из учительских примеров положительного ученика, когда-либо приводившихся в нашей школе.

...Все это я охватил одним взглядом, проглотив завертевшееся на языке: «Эврика!!!». Леночка Голубкова отошла от Галактионыча и села за свой стол. Теперь я и ее видел только с затылка — на затылке была написана сумятица и душевная неудовлетворенность: видно, и в самом деле ничего не поняла. Но я уже отворачивался от ее затылка, во мне все уже начинало петь — действие Установки Радости, только что налаженной мной, начиналось.

Я посмотрел на Галактионыча, и он показался мне совсем молодым, раз в пять моложе, чем был на самом деле; и на сердце у меня стало легко оттого, что у нас такой замечательный учитель, хотя, признаюсь, были моменты, когда мы думали и иначе, всякое бывало. Я посмотрел на окаменевший затылок Толика, и мне захотелось ему помочь, поделиться с ним своей радостью. Он обрадуется, ему станет легче и веселее, и он быстрее справится с геометрией, возьмет и в самом деле докажет эту свою теорему. Тогда портрету Андрюши придется в вестнике потесниться. Я даже скатал из листа бумаги плотный, тяжелый комок, точно адресовал его в окаменевший затылок, чтобы его хозяин обернулся в мою сторону, сверкнул гневно своими очками, но Толик лишь передернул плечами и продолжал свое с виду бессмысленное занятие — водить пером по бумаге, зачеркивать написанное и писать снова.

Я повернул ручку Установки Радости по часовой стрелке, и тут мне стало еще веселее, я даже замурлыкал себе под нос какую-то песню, первой пришедшую на ум. А когда ручка была повернута еще дальше, я чуть было не заорал эту песню на весь класс — воображаю, что бы тогда произошло! Но сдержался, мгновенно свернул ручку

против часовой стрелки до самого нуля, и тут настроение стало обычным. До того обычным, что я даже испугался — не показалось ли мне все, что я только сейчас ощутил, не было ли какой-нибудь галлюцинации, — и схватился за ручку снова. Прилив радости захватил меня опять, и я отрегулировал его так, чтобы радость была умеренной, еще раз вытер со лба пот и радостно посмотрел на нашего Галактионыча. Но тут же радость моя снова угасла. Установка вдруг забарахлила, и я полез в ее внутренности.

3

«Биссектрису» вырезал на двери мой лучший друг Алеша Кувшинников. А сам я стоял в тот момент в конце коридора, чтобы предупредить его, если появится кто-нибудь из учителей. Алешка же и придумал для нашей Академии Наук такое название — через день после того, как Галактионыч объявил нам о том, что она открывается и что каждый из нас будет заниматься в Академии той наукой, которая интересует его больше всего. И мы тогда немного заспорили, просто Академия казалась скучной, посыпались разные названия.

— Алхимики, — сказал Толик Сергеев.

— Нет! — возразил Володя Трубицын. — Почему же алхимики? Лучше — Академия Ясная Мысль.

Алешка фыркнул.

Андрюша промолчал.

Уроки кончились, и мы, уже без Галактионыча, спускались вниз по темной лестнице; был уже вечер, сквозь окна на лестничных площадках нам подмигивали городские огоньки. В коридорах, классах, на лестнице было темно — только негромко и уютно гудели маленькие юркие уборочные машины, наводя в школе порядок к завтрашнему дню.

И где-то на предпоследнем пролете Алешка остановился, и за ним остановился сразу весь наш шестой «А» — десять мальчишек и пять девчонок,— потому что Алешка бежал впереди всех, а тут вдруг загородил всем дорогу. Остановившись и посмотрев на всех немного свысока, Алешка выкрикнул:

— Биссектриса! Вот это название!

На следующий день он вырезал надпись на двери, прямо под табличкой. Буквы получились огромными и разными, надпись сначала даже не умещалась на двери, и поэтому последние буквы Алеше пришлось тесно прижать друг к другу, а передние, наоборот, стояли друг от друга на таком расстоянии, словно враждовали между собой. Не слишком это получилось красиво, надо признать.

Галактионыч долго потом допытывался, кто же так изуродовал дверь, а Лешка сидел весь красный, опустив голову и прилежно читая учебник. Галактионыч посмотрел на каждого из нас, а на Алешу почему-то так и не взглянул.

— Так кто же это так постарался? — еще раз спросил Галактионыч. — Надо бы мне сказать автору несколько слов...

Леха засопел и усиленно заерзал на своем месте. Учебник попрежнему поглощал все его внимание, начисто вырубая из его восприятия сумму внешних впечатлений.

— Молчите? — вздохнул Галактионыч. — Что же...

И вдруг прибавил совсем неожиданно:

— А придумано, кстати, неплохо. «Биссектриса»! Неожиданно и оригинально. Академия «Биссектриса»...

Тут Леха впервые приподнял голову, и тогда-то Галактионыч впервые взглянул в его сторону.

— Неплохо придумано! — сощурившись, повторил Галактионыч.— Жаль, что я не могу сказать этого автору лично. Но довольно об этом.

И больше об этом не говорили...

Академия была придумана Галактионычем. Случилось это так. В один прекрасный день Галактионыч дал нам на литературе сочинение на тему «Кем я хочу быть?»; и вот тут-то, поскольку мы писали такое сочинение в первый раз, выяснились любопытные вещи. Два мальчика и одна девочка мечтали стать учеными-физиками, три мальчика и одна девочка — биологами (и я среди них тоже, мои родители были биологами), один мальчик — астрономом, один мальчик — математиком (Толик), два мальчика — историками, одна девочка — химиком, две девочки — актрисами, и еще один мальчик (Володя Трубицын) — писателем-фантастом.

После этого Галактионыч несколько дней ходил задумчивым, и мы все гадали, что это такое с ним происходит, а потом он как-то взял и сказал нам посреди урока физики, словно бы ни с того ни с сего:

— Большинство из вас хотят стать учеными. А как вы себе представляете труд ученого?

Сначала в классе стало тихо.

— Ну, делать открытия, — первым ответил Кувшинников, — сидеть в лаборатории, где много приборов, и ставить эксперименты.

— По сути, это верно, — солидно дополнил его Андрюша Григорьев, будущий автор дополнения к учебнику физики по разделу «Оптика». — Но не просто ставить эксперименты — думать, вести направленный поиск.

— Встречаться с журналистами, — сказала Катя Кадышева, вдумчивая и рассудительная, очень справедливая, будущий химик.

— И писать толстые научные книги, — подвел итог Толик.

Галактионыч призадумался. Он стоял на своей кафедре, заложив руки за спину и глядя на нас, как мне показалось тогда, чуточку растерянно. Фигура его в синем лабораторном халате четко рисовалась на фоне нашей классной доски, на которой светились интегралы и чертежи.

— Сто лет назад, — заговорил Галактионыч, — шестиклассники проходили то, что теперь знают еще до школы. А вы сейчас учите то, что сам я в свое время узнал только в институте. Сказывается уровень развития науки и техники.

Вам сейчас по плечу задачи, которыми в двадцатом веке занимались конструкторы и инженеры — люди взрослые. Вы можете делать такое — скажи это кому-нибудь сто лет назад, никто бы не поверил. И все-таки при всем этом вы еще остаетесь детьми, для которых мир взрослых — за семью морями. Сложные технические понятия вам доступны уже сейчас, а вот простые, человеческие, вы еще только откроете для себя. Такое уж у нас время! Вы даже не знаете толком, что это значит быть ученым. И все-таки большая часть из вас выбрала именно этот путь. Тогда давайте начнем учиться быть учеными прямо сейчас.

Он остановился и сделал паузу.

— Почему бы нам не открыть в классе свою Академию Наук? Будем собираться раза два в неделю и в пределах уже пройденного заниматься тем, что вас интересует. Кому-то захочется доказать новую теорему — пожалуйста, буду только рад. Кто-то усомнится в справедливости описанного в учебнике закона — пожалуйста, открывайте новый. Пусть каждый изберет себе по душе отрасль науки, ведет направленный поиск.

Здесь Галактионыч едва заметно загадочно усмехнулся и сделал новую паузу.

— А если кто-то из вас и в самом деле пойдет по избранному пути, в этой нашей Академии вы сделаете первые шаги.

В классе произошло движение. То, что предложил нам Галактионыч, было настолько неожиданным, что сейчас мы оценивали его слова сразу всеми органами чувств, еще не зная, как на них отвечать.

— А президентом кого? — спросил Алеша. — Если Андрюшку... Он зубрит целыми днями и потом задается, что отличник. И даже в футбол не играет...

Галактионыч взглянул на него очень строго.

— Президентом будет тот, кого вы сочтете самым достойным, — сказал он жестко. — И если достойным вы считаете Григорьева, командовать вами будет он.

Леха замолчал и сидел до конца урока насупившись.

— Ну, так как? — спросил Галактионыч уже весело. — Будем академиками? Будем учиться быть учеными?

И не было больше урока. Был поток наших самых разных вопросов и мудрых ответов Галактионыча, потому что идея захватила всех. И только две девочки-актрисы и мальчик, решивший посвятить свою жизнь фантастическим романам, чувствовали себя не совсем в своей тарелке.

— А что же нам? — спросил, наконец, будущий фантаст Володя Трубицын.

Галактионыч развел руками.

— Раз нет тяги к науке... Впрочем, на заседания Академии Наук было бы полезно ходить и тебе. Ведь фантастика должна быть научной.

Проголосовали. Президентом большинством голосов был избран очень немногословный и сдержанный не по летам Саша Чиликин.

Президент удовлетворял всем требованиям, какие только могла ему предъявить наша требовательность, — зазнайкой он не был, всегда делал то, что обещал. Было у него еще одно чрезвычайно редкое качество, снискавшее ему уважение не только среди нашего класса, но и всей школы: способность сохранять хладнокровие в самые острые моменты наших частых футбольных схваток. Президент ни с кем никогда не спорил. И его подчеркнутая невозмутимость смущала, как правило, разгорячившихся противников куда сильнее, чем если бы он принимался спорить с ними до хрипоты. И с ним соглашались...

Вскоре состоялось первое заседание Академии, на нем каждый выбрал себе научную тему и получил полный простор для работы над ней. Тогда в составе Академии было тринадцать человек. Но уже на второе заседание пришли и те две девочки, что собирались стать актрисами.

— Искусство требует жертв, — несколько торжественно сказала в объяснение одна из них. — Я принесла в жертву само искусство. Теперь хочу быть биологом.

Вторая сменила будущее столь же окончательно и бесповоротно: Леночка Голубкова решила стать историком.

4

Поворот по часовой стрелке — я чувствую, как на меня опускается что-то легкое, почти невесомое, становится радостнее, и радостнее видится все, что меня окружает. А если повернуть ручку еще дальше, радость заполняет меня целиком. Но я не забываю при этом скосить глаза и на самых ближайших соседей. Вот Трубицын приподнял голову от своих каких-то записей, на лице будущего фантаста появилась улыбка; вот он склонился над блокнотом снова, но перо полетело по страницам гораздо быстрее, почерк стал каким-то приплясывающим. И Толик (он сидит чуть дальше) тоже стал проявлять какие-то первые признаки радости. Но я гашу эту начинающуюся радость одним поворотом ручки и углубляюсь в свои теоретические выкладки. Итак, если напряженность Поля Радости (научный термин изобретен мной), создаваемого Установкой...

Установка работала. Послушно, по моему приказу, воздействовала на те центры головного мозга, которые управляют настроением человека. Если тебе грустно, поверни ручку Устройства по часовой стрелке. И тогда смело смотри по сторонам. Уже ничто не покажется тебе уродливым и отталкивающим. Если светит Солнце — как здорово, что оно светит! Если на улице ночь и идет мелкий холодный дождь — а почему нельзя любить холодный дождь так же, как любишь теплое Солнце?! И люди вокруг покажутся в этот момент добрыми и прекрасными, может, даже чуточку прекраснее и добрее, чем на самом деле, но это лучше того, если весь мир видится тебе злым и недобрым, хуже, чем он есть в действительности.

Ручка у меня в руках — маленькая, круглая, плоская. Я чувствую пальцами ее рифленые ребра, она очень послушна в руках. А если снять с Установки Радости кожух, на меня глянут все детали и провода, которые вместе создают это пока еще очень маломощное Поле Радости. Кожух снимается легко, и вот уже мой взгляд скользит по всем соединениям, пытаясь понять, как можно изменить схему, чтобы напряженность Поля в несколько раз увеличилась, устранить те непонятные перебои в ее работе, которые возникали вдруг в самый неподходящий момент.

Иногда я заглядывал в будущее, но не слишком часто, не давал воли воображению. Заглядывал в тот момент, когда все уже будет готово и совершенно, никаких изъянов. Я тогда подзову к своему столу Галактионыча, он будет смотреть схему и слушать мои объяснения, а потом я в доказательство легко-легко поверну ручку, и мы вместе почувствуем на душе этот радостный прилив. Поверну ее по часовой стрелке еще дальше, и нам станет еще веселее. Может, мы даже оба расхохочемся. А потом, когда я остановлю ручку на разумном пределе (нормальная постоянная радость, хорошее, приподнятое настроение), Галактионыч снимет очки, посмотрит на меня невооруженным глазом и скажет:

— Здорово! Такого еще никто не делал! Молодец!

И вот тогда я расскажу ему все по порядку: как впервые пришла мне в голову мысль найти способ воздействовать на мозг человека, чтобы можно было управлять его настроением...

...Когда мы вышли из континентолета на ту африканскую дорогу и немного по ней прошли, глядя по сторонам на великолепные небывалые деревья, нам вдруг встретился мальчишка примерно нашего возраста. Он был черным. Он брел по дороге, не обращая на нас никакого внимания. И только когда его окликнули, он поднял голову в нашу сторону. И в этом взгляде была такая грусть, что мы немедленно окружили его и стали наперебой расспрашивать, что с ним произошло, перебирая все языки, в которых знали хотя бы по слову. Он не ответил ничего, только расплакался, словно до этого долго-долго сдерживался, и убежал. И мне было в этот день очень грустно, да и не только мне одному, наверное. Это была наша первая встреча с горем лицом к лицу. Мы знали, что горя на Земле становится в общем-то все меньше и когда-нибудь его не станет совсем, — так нам все говорили. А можно ли сделать что-нибудь, чтобы горе исчезло с Земли побыстрее? Что для этого нужно?

Расскажу о том, как я бился над схемой — нелегкое было дело, от той грустной африканской экскурсии прошло чуть ли не два месяца до хорошего дня, когда мне захотелось выкрикнуть на всю лабораторию: «Эврика!!!» И о том, как иногда хотелось все бросить, если работа не получалась, не ладилось что-то. Бывало, я действительно

бросал, принимаясь на день-два за что-нибудь другое, а потом — нет, снова возвращался к тому, о чем думал все время. (А ведь правда, сколько же раз я мог все бросить, махнуть рукой, даже подумать страшно!) И о том, как я мучился оттого, что никому не рассказывал о том, над чем работаю,— не слишком-то мне было удобно перед нашими, обычно каждый из нас знал, чем занимается его сосед. А я никому ничего не говорил: хотел, видимо, ошеломить всех готовым результатом.

Галактионыч будет стоять рядом. Мы солидно, на равных, поговорим с ним о технической стороне моей работы и немного помечтаем о том времени, когда каждый из жителей земного шара будет носить такую Установку в кармане. Ведь у каждого, наверное, бывают моменты, когда хочется повернуть ручку по часовой стрелке.

Но все это потом. А пока надо тысячу раз все проверить. Найти способ увеличить напряженность Поля Радости, добиться полной надежности работы; и только тогда, когда сомнений уже не останется, я встану со своего рабочего места в нашей Академии Наук (можно встать так, чтобы в поле зрения попал невзначай и наш стенной «Архимед» с Андрюшиной деловой улыбкой) и негромко так скажу:

— Михаил Галактионович! Можно вас на минуту?..

И обязательно посмотреть в этот момент в сторону Леночки Голубковой.

5

Галактионыч занес ручку над классным журналом, и наш шестой «А» замер. Зашуршали учебники: каждый в последний момент старался извлечь из учебника максимум возможной информации, чтобы тут же, если вызовут, ее и выложить. Урок физики начался.

Перо Галактионыча заскользило по журналу сверху вниз. Пятнадцать фамилий. Наконец Галактионыч поставил против одной из них точку, поднял от журнала голову и объявил:

— Голубкова...

И Леночка встала и послушно пошла к доске.

Из школьных предметов Леночка больше всего не любила физику. Даже математика давалась Леночке гораздо легче. Даже химия, не говоря уже об истории, которую Леночка Голубкова, как было известно всем, избрала делом всей своей дальнейшей жизни. Но на физике Леночка переставала быть сама собой. О некоторых ее ответах по школе ходили легенды. Многое в них было преувеличено, но многое было кристально правдоподобно. Леночку и так было нетрудно смутить, а в кабинете физики она смущалась в десять раз сильнее, чем обычно. Она путалась и сбивалась даже тогда, если, случалось, знала урок отлично. Уж такой она была человек!

И в этот раз Галактионыч улыбался ей что было сил, радостно кивал головой, если ей удавалось сказать что-то верно, и совсем не

хмурился, когда она говорила не то...

И Галактионыч, по-моему, даже вздохнул, когда выводил ей в журнале двойку. Леночка еще убито шла по проходу между столами, возвращаясь к своему месту, когда перо Галактионыча снова взлетело к верхней графе нашего журнала и стало опускаться вниз, выбирая новое место для точки.

Леночка была расстроена. До самого конца урока она сидела неподвижно, внимательно смотрела на доску, где Андрюша Григорьев обстоятельно и неторопливо, со знанием дела рассказывал то, чего не смогла рассказать она, а пальцы Леночки взволнованно перебирали страницы учебника лист за листом. И временами, если в классе становилось очень тихо, был слышен только шелест ее учебника.

И на перемене, когда Галактионыч ушел из класса, я не выдержал. Была среда, в пять часов вечера у нас должна была состояться очередная Академия «Биссектриса», на которой я собирался доводить свою схему до совершенства. По этому случаю Установка была у меня с собой, лежала на дне портфеля. Я подошел к Леночке, остановился возле ее стола и... покраснел. Ничего другого и не оставалось, если рядом была Леночка и ее огромные синие глаза смотрели на тебя в упор. Я стоял так довольно долго, чувствуя себя последним на свете болваном и ругая себя последними словами, — не знал, с чего начать. Но когда Леночка покраснела тоже, я рывком открыл портфель и выложил на стол Установку.

«Только бы не было сейчас перебоев! — лихорадочно думал я про себя. — Только бы их не было!»

Но Установка включилась безупречно. И когда я повернул ручку сразу до самого конца, Леночка захлопнула учебник физики, все еще лежащий перед ней, бросила последний взгляд на Андрюшины построения и формулы, так и оставшиеся на доске после того, как он получил причитающуюся ему пятерку, и поднялась со своего места. Видимо, она сама сначала удивилась тому, что с ней происходит. Но губы ее уже раздвигались в улыбке, глаза озорно заблестели; наконец она звонко рассмеялась, но посмотрела все-таки на Установку Радости с заметным недоумением. И я тоже улыбался вовсю: стояли мы с ней совсем рядом, напряженности Поля Радости хватало на двоих.

Огорчение Леночки сняло как рукой. Ей было весело и хорошо, о только что полученной двойке она уже не думала. А мне было хорошо вдвойне: во-первых, потому что работала Установка, а еще и оттого, что хорошо было Леночке Голубковой. Мне было так радостно и легко, что я вдруг ни с того ни с сего стал рассказывать ей об Установке, не дожидаясь неизбежных вопросов. Я даже снял с Установки кожух и показал ей все эти соединения и контакты. Весело и беззаботно я пожаловался Леночке на то, что никак не могу увеличить ради-

ус действия Установки. Со спокойным сердцем я признался в том, что иногда Установка начинает работать с перебоями, и тут я еще пока ничего не могу поделать. Леночка, весело и радостно улыбаясь, задала мне несколько вопросов. Я ответил на них с прежней радостью и легкостью. А потом Леночка вдруг обернулась и поделилась своей радостью с остальными — весело крикнула на весь класс:

— Ребята, идите сюда!..

Я весело оглядел всех ребят. У тех, что стояли ко мне ближе, настроение тоже заметно улучшилось. Губы Трубицына, будущего писателя-фантаста, тронула улыбка. Алеха, он, конечно, стоял к нам с Леночкой ближе всех, улыбался широко и открыто. Толик Сергеев остался где-то в задних рядах: на него Установка не действовала, и он серьезно тянул голову над головами других ребят, соображая, что же такое с нами происходит. На лице его было написано такое напряженное раздумье, что я засмеялся сильнее прежнего, захохотал во все горло и продолжал смеяться еще некоторое время даже после того, как выключил Установку и все сразу снова стали серьезными.

6

Если уж говорить всю правду, сначала я чуть-чуть об этом пожалел: не хотелось, чтобы ребята так рано узнали о том, что изобретаю. Мне хотелось сделать каждому человеку Земли подарок, а кто же заранее рассказывает о том, что он собирается подарить. Но отступать было уже поздно. Шестой «А», члены Академии «Биссектриса» ждали от меня объяснений.

И через несколько секунд я нажимал на кнопки пульта управления световой классной доски, стирая с нее световую запись, оставшуюся после урока физики, и набирая подробную схему своей Установки. Академики столпились перед доской. А потом я стал говорить так, как если бы отвечал урок. Указка порхала по доске.

— А вот это регулятор напряженности, — объяснял я, — вот здесь и вырабатывается напряженность. Когда она воздействует на те центры головного мозга, которые определяют настроение человека, человеку становится радостнее, и он может забыть любую неприятность. И когда такие вот Установки начнут выпускать серийно, каждый сможет управлять своим настроением сам. Захотелось немного бодрости, случилось в жизни что-нибудь нехорошее — берись за ручку Установки...

Я скосил глаза на Леночку Голубкову. Смеяться она уже перестала, и на ее лице вновь появились первые признаки того самого настроения, что подняло меня с места чуть ли не помимо моей воли, подтащило к Леночкиному столу и заставило выложить из портфеля схему.

— Бывают моменты, когда человеку необходимо поднять настроение. А с такой Установкой можно даже поддерживать его все время

на одном уровне. Хорошая повседневная радость...

Я подробно рассказал о принципе работы Установки, не скрыл и того, что иногда по неизвестной причине она начинает работать с перебоями и тут я еще пока ничего не могу поделать. Остановившись, я оглядел лица ребят и, немного волнуясь, стал ждать, что они мне скажут. Лица были разные. Президент понял не все и, видимо, формулировал в уме те вопросы, которые он сейчас мне задаст. Труба подошел к делу по-писательски: он больше смотрел на меня, чем на Установку, и больше слушал, как я говорю, чем старался вникнуть в смысл сказанного. Лицо Андрюши было ясным: он понял все, о чем я говорил, с первого взгляда и в пояснениях не нуждался. На лице Толика Сергеева застыли восхищение и такая откровенная радость, словно действие Установки наконец-то, с опозданием, уже когда ее выключили, все-таки проняло и его. Я взглянул на Алеху...

Алеша Кувшинников был моим лучшим другом. Толик Сергеев тоже был моим другом, частенько в школе и вне школы нас видели втроем (кто-то из классных остряков — кажется, писатель-фантаст — даже придумал нам общее прозвище по первым буквам наших фамилий — МКС: тот, кто хорошо знает историю науки, вспомнит, что именно так называлась одна из систем физических единиц, принятых в двадцатом веке, — метр, килограмм, секунда). Но лучшим другом был все-таки Алеша. Мы жили в соседних домах, его родители были знакомы с моими, мы вместе пришли в школу и сидели за одним столом вот уже шесть лет. Чего только мы не придумали за это время, и именно Алеша был автором самых невероятных и смелых проектов.

В первом классе, когда Галактионыч рассказывал нам историю освоения планет солнечной системы, мы с Лехой собирались бежать на Марс, чтобы перекопать его археологически от Северного полюса до Южного в поисках следов исчезнувших марсианских цивилизаций. Мы ни на секунду не усомнились, что такие цивилизации существовали, хотя рейсы космонавтов свидетельствовали вроде бы совсем о другом.

Во втором, когда Галактионыч открыл для нас великого фантаста XIX века Жюля Верна и весь наш класс переживал длинный период страшного увлечения его книгами, мы, прочитав известный всем роман «Вверх дном», стали подумывать о том, чтобы и в самом деле изменить наклон земной оси так, чтобы наш маленький городок оказался бы поближе к югу. Если вы помните, у героев Жюля Верна ничего не получилось, но ведь технику XXI века не сравнишь с той, которую имел в виду французский фантаст; с нашей точки зрения, проект был вполне осуществим, но до конца мы его так и не разработали: увлеклись другим. В то время человек впервые вышел за пределы солнечной системы. Экспедиция из трех кораблей обогнула Плутон далеко с его внешней стороны, со стороны

открытого космоса. И хотя о сверхдальних межзвездных перелетах на Земле еще не думали, все-таки звезды стали тогда к Земле чуточку ближе. И мы с Алехой решили стать после школы великими путешественниками, первооткрывателями новых космических путей, стали усиленно к этому готовиться. По утрам сверх обязательной, положенной для каждого школьника программы стали выделывать еще какие-то немыслимые, совершенно фантастические с виду упражнения, изобретенные нами самими для развития необходимых космонавту качеств — выносливости, ловкости, выдержки. Целыми вечерами мы пропадали в школьной астрономической обсерватории, не отрываясь от телескопа и шепча про себя звучные, пленительные названия созвездий и туманностей. Мечтали о том, как мы подлетим на своих кораблях к этим звездам близко-близко, исследуем их планетные системы и опустимся на одной из планет. Между прочим, один из героев космоса, знаменитый капитан Юрий Попов, тот самый, что впервые совершил посадку на планете Сатурн, родился в нашем городе. И с тех пор, проходя по улице, на которой он раньше жил и где теперь установлен его бюст, мы с Лехой думали о нем не только как о знаменитом земляке, чьей судьбе можно лишь завидовать, но скорее как о будущем, старшем, правда, но все-таки товарище...

Потом прошло и увлечение звездными дорогами. На смену им пришло что-то другое. Мы учились уже в пятом классе, перешли в шестой, и к тому времени, когда Галактионыч открыл в нашем классе самую настоящую Академию Наук, мы уже всерьез собрались стать учеными. Мы получили возможность экспериментировать, ставить опыты, какие только хотели, искать в науке свои пути, и тогда решение укрепилось еще сильнее...

Таков был Леша Кувшинников. И сейчас я ждал, что скажет мой лучший друг. Может, обидится, что я до сих пор ничего ему не рассказывал. И при этой мысли я снова почувствовал себя немного неловко.

А Алеша повел себя так: внимательно осмотрел схему, что-то про себя непонятное пробормотал, потом сказал:

— Надо доделать! Устранить неполадки, чтобы не было перебоев, чтобы установка работала надежно. Предлагаю работать над этим всем вместе. Наверное, это самая грандиозная вещь, какая только могла быть сделана в нашей Академии.

Я посмотрел на него внимательно. Не такой был человек Алеша Кувшинников, чтобы ограничиться только этими словами. Обычно в его голове возникали по всякому поводу столь ослепительные идеи, что иногда мне оставалось лишь завидовать — как это я не смог додуматься сам?!

Алеша заново пробегал схему глазами. На одном из узлов Установки Радости взгляд его задержался, потом он вроде бы ни с того ни с сего взглянул на огромный глобус, стоявший в одном из углов

класса, и вот тут-то, видимо, Леху и осенило:

— Ребята, — сказал он, — надо увеличить мощность Установки настолько, чтобы можно было управлять настроением сразу всей Земли...

На секунду он запнулся, сам, видимо, обдумывая то, что сейчас нам сказал. А потом обратился к шестому «А» с взволнованной речью, которая и сейчас вспоминается мне как один из самых блестящих образцов ораторского мастерства:

— Конечно! Без всяких индивидуальных приборов. Тогда людям, у которых случилось что-то неприятное, будет еще проще: им не надо будет каждый раз включать индивидуальную Установку. Они. — Леша увлекся, — они вообще не будут замечать неприятностей, если их постоянно окружает Поле Радости. Радость на всей Земле! Мы сами будем управлять настроением сразу всей Земли! Вот отсюда! — Леша топнул ногой. — Из нашего города! Прямо из нашей школы! Представляете, как это будет здорово!..

Шестой «А» зашумел. Алеша уже стоял прямо на столе, глядя на головы академиков сверху вниз.

— И всем тогда на Земле будет хорошо? — спросила Леночка Голубкова.

— У всех всегда будет хорошее настроение, — отрезал Алеха. — В пределах разумного, чтобы не слишком... Просто хорошее настроение. Когда оно приходит к человеку, он становится лучше, добрее, честнее.

— Какова же должна быть мощность Установки? — серьезно спросил Президент.

— Рассчитаем, — ответил Леха. — Достаточной для того, чтобы охватить даже самые отдаленные уголки Земли.

— Большая работа! — рассудительно произнес Андрюша.

— Конечно! — Леха обернулся к нему. — Ну и что же! Но если работать всем вместе... Ведь принцип действия уже разработан, осталось только найти способ увеличить напряженность Поля Радости, вырабатываемого Установкой, всего... всего в несколько миллионов раз.

— И когда мы построим такую сверхмощную Установку, никто о ней не будет знать? — спросила Катя Кадышева.

Сразу наступила тишина. Академики, уже вовсю увлеченные идеей, переглянулись.

— Никто, кроме нас, не будет знать, что его хорошее настроение от чего-то зависит?

Алеша думал долго, даже слишком долго. Он сосредоточенно смотрел в пол и теребил на своей курточке пуговицы.

— Да, ребята,—сказал он и, по-моему, сам удивился новой, только что пришедшей к нему мысли.— Работать будем втайне. Об Установке будет известно только нам. Может, если люди будут знать, что их хорошее настроение зависит не от того, что они делают, а от напряженности Поля Радости, может,

им уже не захочется такой радости, а?.. А мы ее просто им подарим...

И тут же я подумал о Галактионыче.

...Галактионычу скоро должно было исполниться сто сорок. Выглядел он, впрочем, лет на шестьдесят, никак не больше. Держался прямо, ходил всегда быстро, голос у него был звучный и совсем не старческий. Даже волосы его были не седыми, а так — только слегка седоватыми. Удлинять человеческую жизнь научились в конце прошлого века, как раз когда Галактионычу исполнилось семьдесят. И Галактионыч стал одним из первых людей на Земле, кому решили удлинить жизнь, а для этого, конечно, надо было быть достойнейшим из достойнейших. Вряд ли действительно можно было найти второго такого учителя. Если он начинал вести первый класс, то вел его до самого окончания школы, преподавая в классе все предметы сразу, от самых простых до самых сложных. И все знал в совершенстве. Но даже не это было главным в Галактионыче. Когда-нибудь я пойму, что в нем было главным...

В нашем городе Галактионыч работал с первого года его существования — уже пятьдесят лет. И чуть ли не половина города называла себя его учениками. Он научил нас читать и писать, дифференцировать и интегрировать, всего не перечислишь. Мы знали его шестой год, а казалось — знали всегда, просто не могли представить, что было время, когда мы еще не были с ним знакомы.

По его жизни мы могли учить историю двадцатого века. Галактионыч не очень-то любил рассказывать о себе, но зато, если нам уж удавалось каким-нибудь способом его разговорить, каждый рассказ стоил сотни страниц учебника. Галактионыч и наша страна были почти ровесниками. И глазами Галактионыча-мальчишки мы отмечали на карте первые новостройки, чертили маршруты полетов Чкалова и дрейфа «Челюскина», а чуть позже вместе с ним строили по комсомольской путевке первые линии Московского метро. На одной из московских площадей вместе с нами стоял летним воскресным утром повзрослевший Галактионыч, молчаливая серьезная толпа затаила дыхание, слушая голос из громкоговорителя: война! А потом вместе с учителем мы поднимались по сигналу ракеты в атаку — двадцать третий километр Ленинградского шоссе, позади Москва. Жизнь Галактионыча была связана с такими вехами истории, которые и сейчас, в двадцать первом, даже нас, мало еще чего в общем-то знающих, заставляют оглядываться на то время с гордостью и восхищением. Сталинград и Берлин, Братск, «Восток», первая высадка человека на Луне — все это было для нас Галактионычем.

Ему можно было рассказать о чем угодно. Время у него находилось для каждого из нас, как бы он ни был занят. Часто мы приходили в его маленький домик на городской окраине, где в трех комнатах были собраны вещи, при виде которых замирали наши сердца. Не-

сколько осколков от авиабомб, разорвавшихся на улицах Москвы в последнюю большую войну. Первый камень с Луны, привезенный Галактионычу в подарок одним из членов экспедиции, бывшим его учеником. Тридцать томов сочинений другого его ученика, ставшего знаменитым писателем. До того, как мы это узнали и стали брать его книги у Галактионыча, нам случалось искать их по всему городу и радоваться, если кто-нибудь давал их хотя бы на одну ночь. Хороший это был писатель!

И вот теперь у нас впервые заводился от Галактионыча секрет...

Экстренное заседание Академии получилось коротким. Перемена кончилась, в класс каждый момент мог войти Галактионыч. И «Биссектриса» постановила нижеследующее:

1. Немедленно начать работы по созданию Установки Всемирной Радости путем увеличения мощности уже существующей индивидуальной Установки Радости.

2. Назначить для этого внеочередное, третье, заседание Академии по субботам, не пуская на него никого из посторонних. По понедельникам и средам вместе с Галактионычем заниматься на заседаниях своими обычными делами.

3. Как только Всемирная Установка Радости начнет действовать и если опыты окажутся положительными, посвятить во все наши дела Галактионыча...

Последний пункт был принят единогласно. Его, немного поколебавшись, предложил Президент. И после этого все на какое-то время опять замолчали, а потом Труба хотел что-то сказать, но тут уже все подняли руки, и я тоже, конечно, поднял. Ведь рассказать об этом Галактионычу было совсем другое дело, не то, что еще кому-нибудь.

Потом мы немного поговорили до конца перемены. Хотелось, чтобы и в самом деле на Земле всегда была радость, хотелось, чтобы это время наступило скорее, раз мы можем это сделать.

Я стер с доски запись схемы. Доска погасла. В класс вошел Галактионыч в своем неизменном синем лабораторном халате. Начался следующий урок. Должно быть, в нашем поведении было что-то такое необычное, потому что не раз Галактионыч оглядывал пристально весь класс, словно собирался нам что-то сказать или о чем-то спросить. Но каждый раз, видимо, раздумывал.

7

Как и следовало ожидать, первая попытка увеличить мощность разработанной мной Установки Радости до всемирного масштаба была предпринята третьим членом системы МКС Толиком Сергеевым — почти сразу же после того исторического момента, когда наш шестой «А» решил взять на себя управление настроением всей Земли. Попытка не удалась, и это никого не удивило: ведь каждый из нас знал Толика достаточно хорошо. В классном журнале Толик числился под тринадцатым номером.

Такой ученик есть, наверное, в каждом классе — был во все времена. С ним вечно что-нибудь случается. Если на дом задают выучить по литературе стихотворение, он обычно учит другое, как правило, вдвое или втрое длиннее заданного. В школьные сочинения он любит вставлять такие неожиданные литературные обороты, что, когда учитель читает их потом вслух, жизнь класса удлиняется лет на двести-триста — если верить тому, что смех продлевает жизнь. Толик аккуратно приходил в школу в те дни, когда занятия в ней отменялись. Не раз мы видели, как он спотыкался в таком месте, где споткнуться было просто невозможно. Год назад, в день рождения Толика, мы подарили ему разыгранный нами шуточный спектакль «История его жизни», записанный на видеоленту. Там был эпизод, когда Толик должен войти в школьную дверь. И в течение нескольких мгновений он успевал упасть в лужу, оставшуюся после дождя, уронить в следующую лужу портфель, споткнуться на пороге и снова упасть, уронить портфель второй раз, и кроме того, с крыши прямо на ногу Толику падал кирпич...

В тот день Толик пришел в школу радостный и возбужденный. По его лицу блуждала загадочная улыбка, и на первой же перемене, когда Галактионыч ушел из класса, мы не выдержали, обступили Толика, требуя объяснений.

— Эврика! — радостно сообщил нам Толик и сбивчиво и путано

стал излагать нам суть предложения.

Миллиард! Именно во столько раз увеличится мощность Установки Радости, если внести в ее схему те изменения, которые он предлагал. Академики слушали внимательно, но сумрачно: каждый из нас с первых же слов Толика понял, что такой вариант, если он даже и возможен, требует увеличения размеров Установки до размеров примерно всего нашего города, и Толику для этого даже не требовалось досказывать нам все до конца. Нам же по понятным причинам требовались размеры самые компактные.

Толика перебили. На этом последнем, ускользнувшем от него обстоятельстве внимание Толика остановил Президент. Толик махнул рукой, запнулся на полуслове и огорчился так явно, что нам даже стало перед ним немного неудобно.

Пять дней спустя существенное изменение в схему внес Андрюша Григорьев. Он не улыбался и не сиял. Выражение его лица было деловым и озабоченным. Он немного повозился с моим прибором прямо на наших глазах на очередном субботнем заседании Академии. Из прибора он изъял несколько деталей, а на их места вставил несколько новых, чуть-чуть повернул ручку, и мы почувствовали прилив радости, в десять примерно раз больший по сравнению с прежним максимальным уровнем, до которого довел работу Установки я.

— Так я и думал, — удовлетворенно сказал Андрюша, вырубая

действие Установки, и нетороп
пустился в объяснения: — Туда
мы поставили то-то, там-то заменили тем-то...

И снова все получилось таким простым и гениальным, как и все, что исходило от Андрюши, что нам оставалось только слушать и удивляться. Еще через день маленькое, совсем почти незначительное изменение внес в схему Алеша, и после этого мы застряли на одном уровне.

Академики стали задумчивыми. Проблема захватила нас целиком, даже Леночка Голубкова морщила лобик в несколько раз сильнее, чем обычно. Желание управлять человеческой радостью укрепилось в сердцах членов «Биссектрисы» окончательно. Над проблемой думал каждый. И раз в неделю, по субботам, мы тайно собирались в нашем классе и докладывали о том, что каждый из нас успел уже придумать. Окна класса наглухо зашторивались. Во-первых, для того, чтобы никто не мог видеть нас с улицы; во-вторых, если быть откровенным, — чтобы в наши глаза не лезло озеро, плескавшееся возле самой стены, да еще не отвлекали внимание разноцветные фигурки футболистов, то и дело врывающиеся на тот участок футбольного поля, который тоже был виден в окно. В нашей школе, как и везде, учились пять дней в неделю, суббота и воскресенье отводились отдыху и спорту. По субботам школа была удивительно пустой, нас встречали и провожали одни только автоматические машины для уборки,

...через...
безнадежно упала
ночка Голубкова
исправить свою
ческую двойку п
ла сразу две по ис... проходили мы шестидесятые годы двадцатого века, самое интересное время в последней истории. Алеша не смог взять простейшего интеграла. Труба не сумел на уроке литературы как следует осветить вопрос о фантастике второй половины двадцатого века — теме, которая принадлежала ему по праву. Вдобавок даже сам наш Президент впервые поплыл по астрономии. Несколько двоек по разным предметам получил и я, но вряд ли стоит рассказывать об этом подробнее. Лишь один Андрюша по-прежнему отвечал на любой вопрос с точностью метронома и со знанием Всемирной Энциклопедии и аккуратно получал пятерки.

Галактионыч, наверное, терялся в догадках. И настал день, когда я впервые увидел его вконец растерянным — другого такого дня еще не было. В этот день в начале первого урока, вместо того чтобы ответить, как обычно, на наше приветствие, он пробормотал:

— Ничего не понимаю! Мне вот только что сказали, что никого из вашего класса уже полтора месяца ни разу не видели на футбольном поле! Ничего не понимаю!..

Мы стояли перед ним, не поднимая глаз. В классе была такая ти-

... — про-
...юныч в третий
...здохнул. — Сади-

8

Утром городская газета вышла с портретом Галактионыча чуть ли не во всю первую полосу. Днем по всем каналам связи на школу обрушился поток поздравлений, приходящих со всех концов света. А наш черед поздравить Галактионыча с его стосорокалетием пришел вот только сейчас.

Когда в начале коридора мелькнул синий халат Галактионыча, Алеха покинул свой наблюдательный пункт возле двери и рванулся в класс.

— Идет! — прошелестело по классу.

Примерно так же, наверное, засуетились на палубах матросы Колумбовых кораблей после того, как один из них разглядел с мачты Американский материк и оповестил об этом товарищей. Маленькая площадка перед кафедрой Галактионыча, на которой только что каким-то чудом размещались все академики, минус поставленный на часы Алеша, опустела в течение секунды. На кафедре в одиночестве остался огромный букет цветов. Букет алел, пламенел, желтел, чернел, белел — в нем были все цвета и всевозможные их оттенки. Кто-то, убегая от кафедры на свое место, догадал-

...последнюю секунду зажечь на ...ветовой доске число, месяц и год, и ярко-красная надпись, размахнувшаяся на полдоски, была, вероятно, первым зрительным впечатлением Галактионыча, когда он появился на пороге. А мы к этому времени уже все спокойно стояли за своими столами.

Галактионыч остановился на пороге. Нам показалось — за секунду он успел взглянуть в глаза каждому. И сейчас я думаю, что в наших глазах увидел что-то новое, необычное и улыбнулся нам только поэтому.

— Здравствуйте, академики! — сказал негромко Галактионыч.

Букет на кафедре алел, голубел, желтел...

— Спасибо! — сказал Галактионыч, улыбаясь все так же — и грусть и радость были в этой улыбке одновременно. — Спасибо, ребята,— и быстро пошел к кафедре.

И улыбка на его лице осталась прежней...

Дни рождения бывали, конечно, у каждого из нас. И тогда папы и мамы, бабушки что-нибудь хорошее нам дарили и умели еще сказать при этом что-то такое, отчего на сердце становилось легко-легко, словно включили вдруг Установку. И нам хотелось сказать учителю что-нибудь, чтобы он помнил эти слова долго-долго. Но мы вдруг словно онемели, и ни у кого, не только у одного меня, не было тогда в голове хоть сколько-нибудь путной мысли, которую можно было бы превратить в эти самые хорошие слова. Мы молчали, чув-

ствуя себя неловкими и неуклюжими, но Галактионыч, как всегда, сам пришел нам на помощь.

— Не надо ничего говорить, — все так же негромко сказал учитель. — Я и так все хорошо понял. — И тронул цветы пальцами. — Спасибо...

С тех пор я много раз слышал, как говорят это слово «спасибо»; есть много способов его произнести и тысячи разных оттенков, с которыми оно воспринимается, но никто еще с тех пор не говорил мне это «спасибо» так, как сказал тогда наш учитель.

Мы сели. Каждый из нас не сводил с Галактионыча глаз.

Накануне мы задержались в школе допоздна; не сомневаюсь, что некоторым пришлось даже иметь серьезные объяснения с родителями. Мы придумали не меньше тысячи предметов, которые могли бы подарить Галактионычу, но все это было не то, что надо.

Идея принадлежала Леночке Голубковой. Леночку осенило в тот самый момент, когда к сердцам нашим уже подступало отчаяние. Леночка наморщила лобик, подняла на нас свои синие глаза и даже не сказала, прошептала скорее:

— Ребята! А что, если мы подарим ему радость на целый день?! Хорошее настроение?!

Леха даже ударил кулаком по столу — это было как раз то! Прежде чем подарить радость всем, мы могли подарить ее только одному человеку. Это был и подарок и эксперимент одновременно, еще один шаг к нашей конечной цели.

Леха, по-моему, уже совсем собрался сказать Леночке что-нибудь одобрительное, но тут она выпалила:

— А на кафедру мы поставим букет. Красивый-красивый...

...Галактионыч сидел за своей кафедрой. В глубине одного из ее ящиков была спрятана Установка Радости, настроенная на оптимальный режим работы. Галактионыч должен был испытывать сейчас бодрость, прилив сил, отличное настроение. Учитель улыбался нам из-за огромного букета.

И вдруг сказал:

— Ребята, вы подарили мне сегодня хорошее настроение. И больше мне ничего не надо.

Мы остолбенели.

— Вот этим, — Галактионыч еще раз тронул пальцами цветы. — А еще тем, что не могли сказать мне ни слова, волновались. И этим тоже...

И начался обычный урок...

9

...Обо всем, что связано у меня с этой Установкой Радости, может, когда-нибудь я напишу совсем по-другому. Это будет рассказ о тех же самых событиях — о том, как мне удалось ее впервые собрать, как мы решили дарить всем людям Земли ежедневную хорошую порцию радости, о наших муках, связанных с усовершенствованием Установки, о том, как первый такой подарок мы сделали Галактионычу в день его рождения.

Это будет рассказ о тех же са-

мых людях — Алешке Кувшинникове, вечно что-то придумывающем, увлекающемся; постоянном отличнике Андрюше Григорьеве, авторе серьезного дополнения к учебнику физики по разделу «Оптика»; о Толике Сергееве, нескладном, невезучем и добром; о маленькой синеглазой и застенчивой Леночке Голубковой; вообще обо всех наших.

И все-таки это будет совсем другой рассказ: я стану старше... А если потом, когда пройдет еще какоето время, мне захочется написать об этом и в третий раз, это будет уже третий рассказ...

Галактионыч сказал нам однажды: с течением времени взгляды твои меняются, в них появляется что-то новое, на одни и те же события смотришь по-разному. И если б какой-нибудь писатель несколько раз в жизни переписывал заново одну из своих книг, полностью сохраняя прежний сюжет, рассказывая о тех же поступках и взаимоотношениях тех же героев, каждый раз все равно получались бы разные произведения: они вызывали у читателей разные мысли, даже если прочитать все подряд. Сначала мне не очень-то верилось: ну как это может так быть?! А теперь я начинаю верить. Потому что прошло всего лишь полгода с того дня, когда Галактионыч ушел из нашего класса, а я с тех пор переживал этот день не меньше ста раз и каждый раз по-другому.

Галактионыча теперь нет. Нет больше и Установки Радости, мы больше не вспоминаем о ней, словно ее и не было. И произошло все так быстро и неожиданно, что никто даже не поверил, если б не случилось этого на самом деле.

Галактионыч заболел почти сразу же после своего дня рождения и еще несколько дней приходил в школу больным, пока врачи не настояли на своем. Он думал, что быстро поправится, и так и сказал нам на последнем уроке, который у нас проводил. А потом прозвенел звонок, Галактионыч собрал с кафедры все свои записи и книги и пошел к двери. Все последние дни настроение у него было просто великолепным, потому что теперь мы решили оставить Установку Радости в его кафедре надолго — до того времени, пока мы не построим другой, которой хватит на всех людей сразу. Дверь за учителем закрылась. Тогда мы не знали, что навсегда.

А еще Галактионыч говорил: человек взрослеет не постепенно, просто в его жизни выдаются иногда такие дни, когда он сразу становится старше и не меняется до следующего такого же дня. Детство кончается в один день, и взрослым тоже становишься в течение одного дня. И все это время, пока в наш класс приходили новые учителя — по одному на каждый предмет, — а мы продолжали ждать, когда же снова мелькнет в конце коридора синий халат Галактионыча, никто из нас не знал, что такой повбротный день уже караулит нас, что он совсем близко.

И он пришел. В тот день было много событий.

Андрюшку Григорьева я еще ни разу не видел таким, каким он был в то утро. Он был взъерошен и взбудоражен, раскраснелся, будто бежал в школу бегом (а этого просто невозможно было представить), и в классе долго еще не мог отдышаться.

— Олухи! — простонал он наконец. — Жалкие, несчастные олухи! Не сообразить такой элементарной вещи?! Какие из нас после этого ученые!

И он выдал нам такое, отчего у меня потемнело в глазах, а Алеша Кувшинников, человек, стоящий во главе всего нашего дела, опустился на стул так, словно не мог больше стоять. Мне сейчас как-то неловко даже об этом писать, потому что действительно все было настолько просто, что нас стоило, пожалуй, назвать не только олухами. Мы совсем упустили из виду то обстоятельство, что мощность нашей Всемирной Установки Радости никак нельзя было бы сделать равномерной — она неминуемо должна была с расстоянием ослабевать, как слабеют звук или свет. И если в момент действия такой сверхмощной Установки стоящие рядом с ней сошли бы от радости с ума, на противоположной стороне Земли радость была бы почти незаметной...

Труба присвистнул. Алеша сидел, молчал. Президенту впервые за все время, что я его знал, изменила выдержка, и он затараторил очень быстро и несвязно:

— Значит, Всемирной Установки Радости не может быть?! Невозможна! Все... все впустую...

Андрюша пожал плечами.

— Я вчера думал о ней, как всегда, и вдруг, — он словно оправдывался, — и вдруг мне в голову такая мысль! А в самом деле, ведь невозможно сделать так, чтобы напряженность Поля Радости была везде одинакова. Никак нельзя!..

— Значит, невозможна! — сказал Леха медленно, как-то по особому нажимая на эти слова. — Невозможна!

А перед моими глазами мигом прошли миллиарды улыбающихся, счастливых человеческих лиц, промелькнули все страны и континенты мира. Я вспомнил, как часто в последнее время мы крутили наш школьный громадный глобус — осматривали поле действия нашей будущей Всемирной Установки, прикидывали, в каких районах она будет особенно необходима. Глобус был огромным, на одной Африке могла уместиться вся наша Академия «Биссектриса»; континенты медленно плыли перед нашими глазами — Север Земли, Юг Земли, Восток, Запад... Миллиарды человеческих лиц... И глобус остановился — оказывается, нельзя было подарить радость сразу всем. А, наверное, нам очень хотелось ее подарить, если все мы, даже Андрюша, так долго не могли сообразить этой элементарной вещи. Очень хотелось!..

А еще перед моими глазами прошли все дни начиная с того, когда мы решили работать вместе, — необычные и радостные дни. Но все это я даже не успел тогда как сле-

дует осознать. Потому что прошло еще совсем чуть-чуть времени, и в нормальной школьной жизни вдруг словно что-то оборвалось. Мир в глазах стал неясным, нерезким. Сейчас я не могу припомнить, как именно я все узнал, да это и неважно. Галактионыч умер, врачи уже не могли ему помочь. И это было так неожиданно и невозможно, что сначала я плакал и сам себе удивлялся, потому что еще не верил в невозможное. До этого, видимо, я твердо считал, что человек уже научился управлять миром так, как он хочет, и впервые на моих глазах мир оказался сильнее человека, вышел из повиновения. И еще очень долго после этого мир казался мне хрупким и ненадежным, даже сегодня еще не все вернулось на свои места.

Школа вдруг стала пустой и гулкой, словно в субботу, когда мы собирались на наше очередное незапланированное заседание. Я стараюсь припомнить все, что было тогда со мной, и не могу — даже странно: словно кто-то начисто стер из памяти все мои поступки того дня. Сначала я шел куда-то вместе со всеми, потом ходил по школьным коридорам и о чем-то думал, но вот о чем — тоже не могу припомнить. И когда я снова заглянул в наш класс с надписью «Биссектриса» на двери, в нем никого не было. Лишь возле учительской кафедры прямо на полу сидел Алеша Кувшинников, и перед ним лежал маленький черный пластмассовый ящичек — придуманная мной Установка Радости, ручка на нуле. Алеша, видно, только что вытащил Установку из ящика кафедры Галактионыча.

И я сел на пол рядом с Алешей, и мы долго молчали, глядя в разные стороны. Не хотелось ни думать, ни говорить. Из меня словно вытащили тот невидимый стержень, который каждого человека поддерживает прямо.

Леха пошевелился.

— Я знаешь о чем думаю?

Он замолчал, подбирая получше слова:

— Вот перед нами штука, которая запросто может нас обоих развеселить. Сейчас нам далеко до веселья. Но вот хочется ли тебе поднять сейчас настроение?..

Я взглянул на маленький черный ящик — ручка на нуле. А ведь правда, как все просто, поверни ручку до отказа, не об этом ли я мечтал, когда все еще только начиналось и когда встретил того маленького грустного негра? А сейчас мне это даже не пришло в голову. И Лехе тоже. И может, вообще никому не пришло бы...

— Я думаю, — сказал Алеша, глядя куда-то в сторону, — когда ты встретил в Африке того парня, не надо было тебе расспрашивать его, что произошло и придумывать, каким бы хитрым способом вернуть ему радость. Надо было за ним пойти нам всем вместе и помочь ему как-то по-другому. Обязательно помочь! Люди должны помогать друг другу! Но, может быть, для этого надо было просто сказать ему что-нибудь такое, чего раньше ему никто и никогда не говорил...

Мы встали и теперь смотрели на Установку Радости сверху вниз. Над нами нависла тишина.

— Значит, она не нужна людям, — медленно сказал Алеша,— если вот так... Но помогать мы им будем. И радость дарить тоже. Постараемся даже сразу всем на Земле.

...Мы начинаем привыкать к нашим новым учителям — по одному на каждый предмет. Они хорошие и добрые, а новая учительница по математике вообще очень славная и совсем молодая. И живет она, оказывается, на той же улице, что и мы с Алешей. Мы стараемся учить то, что они нам задают, как можно лучше. И в мире все идет по-прежнему: день сменяется ночью, а вслед за ночью снова начинается день, и теперь я уже знаю, что так будет всегда, что бы ни происходило с людьми.

А потом, когда уже прошло какое-то время, мне стало вдруг казаться, что Галактионыч все прекрасно знал — и об Установке Радости, и о том, как мы хотели подарить радость сразу всей Земле. Ждал, что же мы сделаем, и ничего нам не подсказывал. Ждал, когда мы сами поймем, что радость нужно дарить людям совсем другими способами. Первым из нас это понял Алеха. Но Галактионычу пришлось для этого умереть...

Откуда у меня берется уверенность, что Галактионыч все прекрасно знал, сказать я не могу. Ведь он не выдал себя ни разу, а мы скрывали, что делаем, на совесть. Но Алеха, когда потом я рассказал ему о своем предположении, вдруг полностью с ним согласился:

— И мне кажется точно так же. И знаешь почему?

Тут Леха запнулся, словно понял, что нечаянно проговорился. Но отступать было бы уже неловко, и Леха взглянул на меня испытующе.

— Вот почему это мне кажется. Помнишь, я вырезал на двери «Биссектрису»?

Я кивнул.

— Галактионыч хотел потом узнать, кто это сделал, но я так и не сознался.

Леха помедлил.

— Потом я ему во всем признался. Дня через три. И так, конечно, чтобы никто из наших не слышал. Что же он мне, ты думаешь, сказал? Он сказал: «Я все знаю! И если уж ты вырезал, пускай надпись так и остается. Академия «Биссектриса»!» Я тогда просто обалдел. Откуда же он мог знать? А он, наверное, действительно знал о нас все. Возможно, даже то, чего не знаем мы сами. Какие мы были, какие мы есть. А еще то, какими ты станем...

10

День, когда все мы стали старше, прошел. Мы учились, на уроке географии с новой учительницей слетали в Южную Америку, где впервые попали под настоящий прекрасный ливень — там еще не научились управлять погодой. Мы играли в футбол, загорали, потому что уже началось лето, и Леха

снова стал что-то такое придумывать, Катя Кадышева сделала первый самостоятельный синтез, а Труба потихонечку перешел от слов к делу — написал начало своего первого фантастического романа: о полете к Южному Кресту. И я даже стал понемногу забывать о своей Установке Радости, хотя времени прошло совсем мало. Была ли она в действительности, работала, могла дарить людям радость? А вот о Галактионыче я думал каждый день. И дважды в неделю, по понедельникам и средам, к пяти, когда школа пустела, мы снова приходили в наш класс, на заседание Академии.

Теперь я знаю, как к нашей Академии относились взрослые: совершенно случайно услышал разговор двух наших учителей. Один из них назвал Академию любопытным педагогическим экспериментом, но не слишком удачным, потому что Академия Наук воспитывает слишком односторонне, в одном научном направлении, а не все же из нас, в самом деле, станут учеными. Другой ответил, что Академию надо рассматривать гораздо шире, и это совсем не одна наука, может быть даже совсем не наука. Тут они немного поспорили, но я так и не узнал, чем кончилось дело, — неловко было слушать чужой разговор, и я побыстрее ушел.

Нас потом спрашивали, будем ли мы продолжать Академию без Галактионыча? И мы ответили, что будем, но только одни, без учителей. Толик Сергеев вернулся к своей злополучной теореме. Мне почему-то кажется, что он так и не сумеет ее доказать, но пока он стоит на своем. Леночка Голубкова шуршит в эти дни страницами толстых книг и журналов, иногда делает из них какие-то выписки в пухлую, большую тетрадь. Двойки по истории шестидесятых годов исправлены, но она, видно, увлеклась этим временем всерьез.

А может, кто-то из нас и раздумал уже становиться ученым? Сам я, например, начинаю подумывать о другом. Но в Академию мы приходим все.

Мы собираемся в классе по понедельникам и средам, после пяти, каждый занимается своим делом — Алеша Кувшинников, Саша Чиликин...

Андрюша Григорьев, чей портрет все еще висит на «Архимеде» (как-никак единственное открытие «Биссектрисы»), снова что-то там считает и ставит какие-то опыты. А я в эти дни открываю свою тетрадь и пишу. И этому меня тоже научил Галактионыч. На каком-то уроке литературы мы говорили о том, какое место в жизни современного человека занимает книга. И тогда Галактионыч сказал, что по-настоящему хорошая книга (он дважды повторил это слово «по-настоящему») может даже лечить людей вместо лекарств. Если ты заболел, иди не к врачу, а в библиотеку.

— Что у тебя болит? — спросит библиотекарь, выслушает твои жалобы. — Ах, вот в чем дело?!

И снимет с полки «Трех мушкетеров».

— А у тебя? — и протянет кому-то томик Жюля Верна.

А третьему даст «Дон-Кихота», а кому-то — Пушкина или (но это уже кто постарше) Есенина, а еще кому-то пропишет «Робинзона Крузо»...

Я не знаю, что случилось с нашим шестым «А» после всего, о чем я рассказал, но что-то, наверное, случилось. И тогда я вспомнил слова нашего учителя — захотел сам написать для ребят книгу. Но какую именно? И вдруг понял, что надо мне написать о них же самих — об Установке Радости, как мы ее изобрели и мечтали о том, чтобы на Земле всегда было всем весело и хорошо, но больше всего все-таки о самих нас. Ведь совсем не Установка Радости и то, как она работала, главное во всем, что случилось. Мало ли что мы еще изобретем, откроем, напишем в свое время! Главное — это все-таки мы сами, и то, что мы поняли за это время, и то, какими мы стали. И пусть они, наши академики, прочитав мои записи, посмотрят на самих себя со стороны. Если это им в чем-то поможет — значит книгу я снял для них с полки верно. А может, и не только для них одних.

...Толик Сергеев склонился над доказательством, затылок у него каменный. Труба придумывает какие-то новые приключения своим героям. Леха задумчиво смотрит в окно. Маленькие люди XXI века...

11

Дверь, на которой висела табличка «Академия Наук», недавно заново полимеризовали — раньше дверь была зеленой, а теперь стала голубой. И надпись, процарапанная ножом, исчезла, дверь засверкала чистотой. Алеша стал старше, и теперь он долго колебался, ходил задумчивый и сам не свой. Но потом решился все-таки: поставил меня в конце коридора, вырезал «Биссектрису» заново — ровными, аккуратными буквами.

Рассказы

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Чара

На Марсе для человека нет запахов. Может быть, ветер Марса горек и щемящ, травы пахнут нежным солнцем и после гроз там дышится необыкновенно. Этого мы не знаем и скорей всего никогда не узнаем. Для нас везде и всюду Марс пахнет резиной и металлом, процеженным воздухом заплечных баллонов.

Вот как сейчас.

Я бреду дном узкой каменистой ложбины, в руке у меня геологический молоток. Синеватые в отливе пластинки сланца хрустят под ногами. Звук как будто приглушен ватой. Первые дни хотелось трясти головой, чтобы из ушей выскочила несуществующая пробка. Теперь я свыкся. Солнце палит нещадно, по откосам курится зной, но внимание мое занято другим.

Впереди меня идет Таня. Ее тень танцует на искрошенных глыбах, на поблескивающих слюдой осколках сланца — так легки и непринужденны движения девушки. Глядя на нее, я слепну от нежности.

У поворота она останавливается, машет мне. Я подхожу.

— Дайка.

Ее палец указывает на ровную жилу серого камня, косо секущую напластования сланцев.

— Сиенитовая дайка, — соглашаюсь я.

Она кивает. Ее плечо рядом с моим.

Словно поглощенный делом, я смотрю на дайку, но украдкой весь в боковом зрении — вижу я не изломы камня, а бисеринки пота над ее бровью, оспинную метку на смуг-

лом плече, успокаивающееся дыхание груди. Даже тупое рыльце маски не портит Таню. Мне немножко совестно рассматривать ее вот так, что-то есть в этом воровское. И стыдно, что я забываю о своем долге исследователя.

Кое-как я заставляю себя сосредоточиться на дайке. Я отбиваю образцы, замеряю угол падения жилы, определяю минеральный состав, диктую записи в наручный магнитофон. Таня помогает мне, все это делается быстро, профессионально, но свободы мне нет. Мгновения, когда я передаю Тане образцы и наши пальцы соприкасаются, почти невыносимы. Нельзя сжать ее пальцы, но и убежать от них тоже нельзя, и надо, чтобы голос не дрогнул и чтобы мои пальцы, касаясь, ничего не сказали ее пальцам, а хочется, чтобы они сказали ей все. Ответственность за общее дело стоит между нами, как стеклянная стена. И еще мне кажется, что это противоестественно — здесь, в настороженном молчании Марса, думать о девушке, о своей любви к ней.

А ей? В поведении Тани нет и намека на то, что она догадывается о моем чувстве. Она непосредственна, бесхитростна, и я не могу понять, действительно ли она ничего не замечает или замечает все, но скрывает из ей одной ведомых побуждений. Это тоже как стена. Раз она так хочет — значит ей так лучше, и неосторожное движение может огорчить ее. А огорчить ее я боюсь не меньше, чем узнать о ее равнодушии ко мне.

Описание дайки закончено. Мы движемся дальше. Теперь я иду впереди. Так легче, но ненамного. Теперь она глядит мне в затылок, и я все время хочу обернуться.

Склоны становятся положе, понемногу наши головы начинают возвышаться над бровкой, и нас со всех сторон обступает каменистая равнина. Она черна от лавовых полей, стелющихся к горизонту, и редкие жилы кварца на ней как брызги исполинской малярной кисти. Плиты лав дышат сухим жаром. Сланцы кончились, под ногами песок, он вьется извилистой лентой в неглубоком русле. Русле пересохшего ручья, сказал бы я на Земле, но здесь ручьи сказочная редкость. Вообще следовало бы поразмыслить, откуда взялась ложбина, которой мы шли. Попросту я обязан это сделать. Я и пытаюсь.

Неожиданное видение изумляет меня. Это невероятно, но это так: впереди озеро.

— Вода... — говорю я растерянно.

Таня подходит ко мне, и у нее, когда она идет, лицо ребенка, осчастливленного подарком. Мы долго и потрясенно молчим.

Крохотное мелкое озерко с прозрачной, чуть зеленоватой водой окаймлено полоской белого искрящегося ила. Редкими грядами его прокалывает карминно-красная трава. И над всем этим — невозмутимое фиолетовое небо. И тишина вокруг, как во сне, и мы слышим дыхание друг друга.

Осторожно, боясь вспугнуть тишину, мы подходим ближе, на плотном иле отпечатываются наши

шаги, мы сами не замечаем, как беремся за руки.

На желтом дне лежит прозрачная тень узорных водорослей.

Таня, потупясь, опускает взгляд.

— Можно?.. Можно Таня искупается?

Носком ботинка она ковыряет ил, в голосе ее смирение, но я знаю, что не смогу ей запретить, хотя запретить обязан.

Все же я делаю усилие.

— Но ты же знаешь, что нельзя...

Она вскидывает голову так, что разлетаются волосы, ее подбородок упрямо задран, и теперь она вся — вызов.

Но голос ласковый-ласковый.

— Ну, миленький, ну, разреши, я буду осторожной, как рыбка...

Она смотрит на меня так, что все инструкции летят к черту. Мне и самому хочется их туда отправить. Это озеро — наше. Оно и награда и праздник, и мы не роботы же в конце концов. Да и Марс почти обжит, на нем уже нет призраков неведомого.

— Хорошо, — бурчу я, отводя взгляд. — Только со всеми предосторожностями...

Она уже не слышит. Она раздевается. Я придерживаю баллоны, достаю из рюкзака капроновую веревку, прилаживаю петлю. Таня смеется и показывает мне язык. Она знает, конечно, знает, что может делать со мной что угодно!

Она осторожно идет к воде. Ее босые пятки оттискивают крохотные ямки, загорелые ноги кажутся в сверкании белоснежного ила почти черными. Кончиками пальцев она трогает воду и входит в нее, пробуя дно.

Дно держит прочно, это и я вижу. Миг — и меня ослепляет фонтан брызг. Я глупо улыбаюсь; кто бы мог подумать, что таким безумием закончится наш сегодняшний маршрут! Нельзя было посылать на Марс девушек. Но ведь когда-то они все равно должны были появиться! Появиться и принести сюда это волнующее, дерзкое веселье, этот смех, опрокидывающий все суровое, регламентированное, чуждое Земле и людям. Я люблю ее за это, я без нее не могу больше, ни здесь, на Марсе, ни там, на Земле, не могу без ее непосредственности, без ее улыбки, преображающей все.

Она плавает, хоть колени и скребут по дну, она вся — наслаждение, я же нелепой статуей стою на берегу, держу веревку и чувствую, как тяготит меня пропыленная, пропотевшая одежда, как хочется мне ее скинуть.

Наконец Таня вылезает. Капли, сверкая, бегут по ее телу и темными пятнами осыпают ил. Она пытается развязать веревку; я спешу помочь и наклоняюсь над затянувшимся узлом.

— Запутал ты меня...

Что это? Голос ее слегка дрожит. Я вскидываю голову, вижу ее глаза — ничего, кроме глаз, и Марс вдруг начинает кружиться подо мной. И сразу — как удар: взгляд Тани суживается, прыгает в сторону, на лице страх. Я стремительно оборачиваюсь и тоже застываю.

Близко-близко от нас я вижу

прижавшееся к траве тело зверя, злобный просверк его глаз, напружинившиеся лапы с кривыми грязными когтями.

Я понимаю, что он сейчас кинется на нас, знаю, что этот хищник — чара — уже нападал на человека, знаю, что его прыжок молниеносен, знаю это и не могу пошевельнуться.

— Чара! — крик глухо отдается в моих ушах. — Чара!

Я не узнаю голоса Тани. В каком-то столбняке вижу ее протянутую к зверю руку, ее подавшееся вперед тело, она что-то говорит требовательно и мягко, не разберу что, но в тоне ее слов незнакомая мне сила и власть, льющаяся на этот напряженный комок мускулов, на эту взведенную злобой мину. Прыжка все нет.

Оцепенение отпускает. Краем глаза следя за чарой, я тянусь к пистолету, освобождаю его из кобуры, кладу палец на спасительный курок... И тут на мою руку из-за спины решительно ложится Танина ладонь.

Она запрещает мне стрелять. С отчетливостью почти зрительной я успеваю осознать, что выстрел — последняя крайность, что промах почти обеспечен, что даже раненый зверь смертельно опасен. В то же бесконечно растянутое мгновение инстинкт, требующий от меня немедленного действия, успевает бурно возмутиться. Еще я успеваю заметить, что Танина рука, протянутая к чаре, не дрожит, но почему-то белеет от кисти к предплечью. И я вижу, как чара, будто завороженная голосом, тушит блеск глаз, как по ее мускулам проходит волна, как растерянно дергается кончик ее хвоста, как опускается книзу ее плоская треугольная морда...

Чара с фырканьем вскакивает, трусит вдоль берега, садится и, недоуменно поглядывая на нас, принимается лакать воду. Ее язычок ходит быстро, как у кошки. Потом чара поворачивается и степенно убегает. Танина рука бессильно падает.

Секунды перестают быть вечностью. В Танином лице ни кровинки, мне приходится обхватить ее, чтобы она не упала. Но она тотчас выпрямляется. Ее подбородок дрожит, глаза сияют, она с гордостью выпаливает:

— А все-таки послушалась! А все-таки это кошка, кошка, марсианская кошка!

«Да, — мелькает мысль, — теперь мне ясно, кто приручил когда-то земных зверей...»

— Таня, — говорю я, — задержи дыхание.

Она послушно поднимает лицо, я отвожу ее маску, срываю свою и целую Таню в губы.

Наружный воздух щекочет ноздри. Теперь я знаю, как пахнет Марс.

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ

Побег

— Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!

Нехитрое приспособление — доска, две веревки, и вот уже тяжелая глыба породы погружена в тележку.

— Пошел!

Груз не больше обычного, но маленький человечек в полосатой одежде, навалившийся грудью на перекладину тележки, не может сдвинуть ее с места.

— Пошел! — один из арестантов пытается помочь плечом.

Поздно! Подходит надсмотрщик.

— Что случилось?

— Ничего.

— Давай, пошел!

Человечек снова пытается рывком сдвинуть груз. Тщетно! От непосильного напряжения у него начинается кашель. Он прикрывает рот рукой.

Надсмотрщик молча ждет, пока пройдет приступ.

— Покажи руку.

Протянутая ладонь в крови.

— Так... Повернись.

На спине арестантской куртки — клеймо, надсмотрщик срисовывает его в блокнот.

— К врачу!

Рука в синей форме указывает на одного из заключенных, и тот занимает место больного.

— Пошел! — Это относится в равной мере к обоим, к тому, кто отныне будет возить тележку, и к тому, кто больше на это не способен.

Тележка трогается с места.

— Простите, начальник, нельзя ли...

— Я сказал, к врачу!

Он глядит на удаляющуюся сгорбленную спину и еще раз проверяет запись в блокноте — нарисованный треугольник, квадрат и номер 15/13264. Что ж, все понятно. Треугольник — дезертирство, квадрат — пожизненное заключение, пятнадцатый барак, заключенный тринадцать тысяч двести шестьдесят четыре. Пожизненное заключение. Все правильно, только для того, видно, оно уже подходит к концу. Хлопковые поля...

— Раз, два — взяли!

Сверкающий полированный металл, стекло, рассеянный свет люминесцентных ламп, какая-то особая, стерильная чистота.

Серые, чуть усталые глаза человека в белом халате внимательно глядят из-за толстых стекол очков. Здесь, в подземных лагерях Медены, очень ценится человеческая жизнь. Еще бы! Каждый заключенный, прежде чем его душа предстанет перед высшим трибуналом, должен искупить свою вину перед теми, кто в далеких глубинах космоса ведет небывалую в истории битву за гегемонию родной планеты. Родине нужен уран. Каждому заключенному дано задание, поэтому его жизнь котируется наравне с драгоценной рудой. К сожалению, тут такой случай...

— Одевайся!

Худые длинные руки торопливо натягивают куртку на костлявое тело.

— Стань сюда!

Легкий нажим на педаль, и сакраментальное клеймо перечеркнуто красным крестом. Отныне заключенный 15/13264 вновь может именоваться Арпом Зисто. Естественное проявление гуманности по отношению к тем, кому предстоит труд на хлопковых полях.

Хлопковые поля. О них никто толком ничего не знает, кроме того, что оттуда не возвращаются. Ходят слухи, что в знойном, лишенном влаги климате человеческое тело за двадцать дней превращается в сухой хворост, отличное топливо для печей крематория.

— Вот. Освобождение от работы. Иди.

Арп Зисто предъявляет освобождение часовому у дверей барака, и его охватывает привычный запах карболки. Барак похож на общественную уборную. Густой запах карболки и кафель. Однообразие белых стен нарушается только большим плакатом: «За побег — смерть под пыткой». Еще одно свидетельство того, как здесь ценится человеческая жизнь; отнимать ее нужно тоже с наибольшим эффектом.

У одной из стен — нечто вроде огромных сот, спальные места, разгороженные на отдельные ячейки. Удобно и гигиенично. На белом пластике видно малейшее пятнышко. Ячейки же не для комфорта. Тут каторга, а не санаторий, как любит говорить голос, который проводит ежедневную психологическую зарядку. Деление на соты исключает возможность заключенным общаться между собой ночью, когда

бдительность охраны несколько ослабевает.

Днем находиться на спальных местах запрещено, и Арп Зисто коротает день на скамье. Он думает о хлопковых полях. Обыкновенно транспорт комплектуется раз в две недели. Он собирает заключенных из всех лагерей. Через два дня после этого сюда привозят новеньких. Кажется, последний раз это было дней пять назад, когда рядом со спальным местом Арпа появился этот странный тип. Какой-то чокнутый. Вчера за обедом отдал Арпу половину своего хлеба. «На, — говорит, — а то скоро штаны будешь терять на ходу». Ну и чудило! Отдавать свой хлеб, такого еще Арпу не приходилось слышать. Наверное, ненормальный. Вечером что-то напевает перед сном. Тоже нашел место, где петь!

Мысли Арпа вновь возвращаются к хлопковым полям. Он понимает, что это конец, но почему-то мало огорчен. За десять лет работы в рудниках привыкаешь к мысли о смерти. И все же его интересует, как там, на хлопковых полях.

За все время заключения — первый день без работы. Вероятно, поэтому он так долго тянется. Арп с удовольствием бы лег и уснул, но это невозможно даже с бумажкой об освобождении от работы. Здесь каторга, а не санаторий.

Возвращаются с работы товарищи Арпа, и к запаху карболки примешивается сладковатый запах дезактивационной жидкости. Каждый, кто работает с урановой рудой, принимает профилактический душ. Одно из мероприятий, повышающих среднюю продолжительность жизни заключенных.

Арп занимает свое место в колонне и отправляется на обед.

Завтрак и обед — такое время, когда охрана сквозь пальцы смотрит на нарушение запрета разговаривать. С набитым ртом много не наговоришь.

Арп молча съедает свою порцию и ждет команды встать.

— На! — Опять этот чокнутый предлагает полпайки.

— Не хочу.

Раздается команда строиться. Только теперь Арп замечает, что все на него пялят глаза. Вероятно, из-за красного креста на спине. Покойник всегда вызывает любопытство.

— А ну, живей! — Это относится к соседу Арпа. Его ряд уже построился, а он все еще сидит за столом. Они с Арпом встают одновременно, и, направляясь на свое место, Арп слышит еле уловимый шепот:

— Есть возможность бежать.

Арп делает вид, что не слышит. В лагере полно стукачей, и ему совсем не нравится смерть под пыткой. Уж лучше хлопковые поля.

Голос то поднимается до крика, от которого ломит виски, то опускается до еле слышного шепота, заставляющего невольно напрягать слух. Он льется из динамика, укрепленного в изголовье лежанки.

Вечерняя психологическая зарядка.

Знакомый до отвращения баритон разъясняет заключенным всю глубину их падения. От этого голоса не уйдешь и не спрячешься. Его не удается попросту исключить из сознания, как окрики надсмотрщиков. Кажется, уже удалось начать думать о чем-то совсем ином, чем лагерная жизнь, и вдруг неожиданное изменение громкости вновь напрягает внимание. И так три раза: вечером перед сном, ночью сквозь сон и утром за пять минут до пробуждения. Три раза, потому что здесь каторга, а не санаторий.

Арп лежит, закрыв глаза, и старается думать о хлопковых полях. Зарядка уже кончилась, но ему мешает ритмичное постукивание в перегородку между ячейками. Опять этот псих.

— Ну, чего тебе?! — произносит он сквозь сложенные трубкой руки, прижатые к перегородке.

— Выйди в уборную.

Арп сам не понимает, что заставляет его спуститься вниз и направиться к арке, откуда слышится звук льющейся воды.

В уборной жарко ровно настолько, чтобы нельзя было высидеть больше двух минут. С него сходит семь потов, раньше чем появляется новенький.

— Хочешь бежать?

— Пошел ты!..

Арп Зисто — стреляный воробей, знает все повадки стукачей.

— Не бойся, — снова торопливо шепчет тот. — Я тут от Комитета Освобождения. Завтра мы попытаемся вывезти и переправить в надежное место первую партию. Ты ничего не теряешь. Вам дадут яд. Если побег не удастся...

— Ну?

— Примешь яд. Это же лучше, чем смерть на хлопковых полях. Согласен?

Неожиданно для самого себя Арп кивает головой.

— Инструкции получишь утром, в хлебе. Будь осторожен.

Арп снова кивает головой и выходит.

Первый раз за десять лет он настолько погружен в мечты, что пропускает мимо ушей вторую и третью зарядки.

Арп Зисто последним стоит в очереди за завтраком. Теперь его место в конце хвоста. Всякий, кто освобожден от работы, получает еду позже всех.

Верзила-уголовник, раздающий похлебку, внимательно смотрит на Арпа и, слегка ухмыльнувшись, бросает ему кусок хлеба, лежавший отдельно от других.

Расправляясь с похлебкой, Арп осторожно крошит хлеб. Есть! Он прячет за щеку маленький комочек бумаги.

Теперь нужно дождаться, пока колонна уйдет на работу.

Команда встать. Арп выходит из столовой в конце колонны и, дойдя до поперечной галереи, поворачивает влево. Остальные идут прямо.

Здесь, за поворотом, Арп в отно-

сительной безопасности. Дневальные — на уборке бараков, для смены караула еще рано.

Инструкция очень лаконична. Арп читает ее три раза и, убедившись, что все запомнил, вновь комкает бумажку и глотает ее.

Теперь, когда нужно действовать, его охватывает страх.

Он колеблется. Смерть на хлопковых полях кажется желанной по сравнению с угрозой пытки.

«Яд!»

Воспоминание о яде сразу успокаивает. В конце концов действительно, что он теряет?!

Страх, противный, липкий, тягучий страх, приходит вновь, когда он предъявляет удостоверение об освобождении от работы часовому на границе зоны.

— Куда?

— К врачу.

— Иди!

Арпу кажется, что его ноги сделаны из ваты. Он медленно бредет по галерее, ощущая спиной опасность. Сейчас раздастся окрик и за ним автоматная очередь. Стреляют в этих случаях по ногам. За побег — смерть под пыткой. Нельзя лишать заключенных такого назидательного зрелища, здесь каторга, а не санаторий.

Поворот!

Арп поворачивает за угол и прислоняется к стене. Он слышит удары своего сердца. Ему кажется, что сейчас он выблюет этот трепещущий комок вместе с горечью, поднимающейся из желудка. Холодная испарина покрывает тело. Зубы выстукивают непрерывную дробь.

Вот так, под звуки барабана, ведут пойманных беглецов на казнь.

Проходит целая вечность, прежче чем он решается двинуться дальше.

Где-то здесь, в нише, должны стоять мусорные баки. Арп еще раз в уме повторяет инструкцию. Снова появляется сомнение. А вдруг все подстроено? Он залезет в бак, а тут его и прихлопнут! И яда никакого нет. Дурак! Не нужно было соглашаться, пока в руках не будет яда. Болван! Арп готов биться головой о стену. Так попасться на удочку.

Вот и баки. Около левого кто-то оставил малярные козлы. Все как в записке. Арп стоит в нерешительности. Пожалуй, самое правильное — вернуться назад.

Внезапно до него доносятся громкие голоса и лай собаки. Обход! Думать некогда. С неожиданной легкостью он взбирается на козлы и оттуда прыгает в бак.

Голоса приближаются. Он слышит хрип пса, рвущегося с поводка, и стук кованых сапог.

— Цыц, Гар!

— В баке кто-то есть.

— Крысы, тут их полно.

— Нет, на крыс он лает иначе.

— Глупости! Пошли! Да успокой ты его!

— Тихо, Гар!

Шаги удаляются.

Теперь Арп может осмотреться в своем убежище. Бак наполнен всего на одну четверть. О том, чтобы вылезти из него, нечего и думать. До верхнего края расстояние в два человеческих роста. Арп проводит рукой по стенке и нащу-

пывает два небольших отверстия, о которых говорилось в записке. Они расположены в выдавленной надписи «Трудовые лагеря», опоясывающей бак. Через эти отверстия Арпу придется дышать, когда захлопнется крышка.

Когда захлопнется крышка. Арп и без этого чувствует себя в ловушке. Кто знает, чем кончится вся эта затея. Что за Комитет Освобождения? В лагере ничего о нем не было слышно. Может, это те самые ребята, которые тогда помогли ему дезертировать? Зря он их не послушался и пошел навестить мать. Там его и застукали. А ведь не будь он таким болваном, все могло бы быть иначе.

Снова голоса и скрип колес. Арп прикладывает глаз к одному из отверстий и успокаивается. Двое заключенных везут бадью с отбросами. Очевидно, дневальные по сектору. Они не торопятся. Присев на тележку, докуривают по очереди окурок, выброшенный кем-то из охраны. Арп видит бледные струйки дыма, и рот его наполняется слюной. Везет же людям!

Из окурка вытянуто все, что возможно. Бадья ползет вверх. Канат, который ее тянет, перекинут через блок над головой Арпа. Арп прикрывает голову руками. На него вываливается содержимое бадьи.

Только теперь, когда заключенные ушли, он замечает, до чего гнусно пахнет в его убежище.

Отверстия для дыхания расположены немного выше рта Арпа. Ему приходится сгрести часть отбросов себе под ноги.

Сейчас нужно быть начеку. Приборка кончается в десять часов. После этого заполненные мусорные баки отправляют наверх.

Неизвестно, откуда она взялась, широкая неструганая доска, перемазанная известкой. Один конец ее уперся в стенку бака у дна, другой лег немного выше головы Арпа. Доска, как и козлы, — свидетельство чьего-то внимания к судьбе беглеца. Особенно Арп это чувствует теперь, когда острый металлический прут проходит сквозь толщу отбросов, натыкается на доску и планомерно ощупывает ее сверху донизу. Не будь этой доски... Кажется, осмотр никогда не кончится.

— Ну, что там? — спрашивает хриплый старческий голос.

— Ничего, просто доска.

— Давай!

Легкий толчок, скрип ворот, и бак, раскачиваясь, начинает движение вверх. Временами он ударяется о шахту, и Арп чувствует лицом, прижатым к стенке, каждый удар. Между его головой и доской небольшое пространство, свободное от мусора. Это дает возможность немного отодвигать голову от отверстий при особенно резких качаниях бака.

Стоп! Последний, самый сильный удар, и с грохотом открывается крышка. Снова железный прут шарит внутри бака. Опять спасительная доска скрывает притаившегося под ней, трясущегося от страха человека.

Теперь отверстия повернуты к бетонной ограде, и весь мир вокруг Арпа ограничен серой шероховатой поверхностью.

Однако этот мир полон давно забытыми звуками. Среди них Арп различает шорох автомобильных шин, голоса прохожих и даже чириканье воробьев.

Равномерное настойчивое постукивание о крышку бака заставляет его сжаться в комок. Стуки все чаще, все настойчивее, все нетерпеливее, и вдруг до его сознания доходит, что это дождь. Только тогда он понимает, как близка и как желанна свобода.

Все этой ночью похоже на бред. С того момента, когда его вывалили из бака, Арп то впадает в забытье, то снова просыпается от прикосновения крысиных лап. Помойка заполнена крысами. Где-то рядом идут по шоссе автомобили. Иногда их фары выхватывают из темноты бугор мусора, за которым притаился Арп. Крысы с писком ныряют в темноту, царапают его лицо острыми когтями, огрызаются, если он пытается их отпугнуть, и вновь возвращаются, когда только бугор тонет во мраке.

Арп думает о том, что, вероятно, его побег уже обнаружен. Он пытается представить себе, что сейчас творится в лагере. Внезапно у него мелькает мысль о том, что собаки могли обнаружить его след, идущий к бакам, и тогда...

Два ярких пучка света действуют, как удар. Арп вскакивает. Сейчас же фары гаснут. Вместо них загорается маленькая лампочка в кабине автомобиля. Это армейский фургон, в каком обычно перевозят боеприпасы. Человек за рулем делает знак Арпу приблизиться.

Арп облегченно вздыхает. Автомобиль, о котором говорилось в записке.

Он подходит сзади к кузову. Дверь открывается. Арп хватается за чьи-то протянутые руки и вновь оказывается в темноте. Машина стремительно рвет с места.

В кузове тесно. Сидя на полу, Арп слышит тяжелое дыхание людей, ощущает спиной и боками чьи-то тела. Мягко покачиваясь на рессорах, фургон тихо мчится во мраке...

Арп просыпается от света фонаря, направленного ему в лицо. Что-то случилось! Исчезло ставшее уже привычным ощущение движения. Автомобиль стоит на месте.

— Разминка! — говорит человек с фонарем. — Можете все выйти на пять минут.

Арпу совсем не хочется выходить из машины, но сзади на него напирает множество тел, и ему приходится прыгнуть на землю.

Все беспорядочно сгрудились вокруг кабины водителя, никто не рискует отойти от фургона.

— Вот что, ребята! — говорит их спаситель, освещая фонарем фигуры в арестантской одежде. — Пока все идет благополучно, но до того, как мы вас доставим на место, могут быть всякие случайности. Вы знаете, чем грозит побег?

Молчание.

— Знаете. Поэтому Комитет предлагает вам яд. По одной таблетке на брата. Действует мгновенно. Принимать только в крайнем случае. Понятно?

Арп получает свою порцию, завернутую в серебристую фольгу, и снова влезает в кузов.

Зажатая в кулаке таблетка дает ему чувство собственного могущества. Теперь тюремщики потеряли над ним всякую власть. С этой мыслью он засыпает...

Тревога! Она ощущается во всем: в неподвижности автомобиля, в бледных лицах беглецов, освещаемых светом, проникающим через щели кузова, в громкой перебранке там, на дороге.

Арп делает движение, чтобы встать, и десятки рук машут, показывают, чтобы он не двигался.

— Военные грузы не осматриваются. — Это голос водителя.

— А я говорю, что есть приказ. Сегодня ночью...

Автомобиль срывается с места, и сейчас же вдогонку трещат автоматные очереди. С крыши кузова летят щепки.

Когда Арп, наконец, поднимает голову, он замечает, что его рука сжимает чью-то маленькую ладонь. Из-под бритого лба на него глядят черные глаза, окаймленные пушистыми ресницами. Арестантская одежда не может скрыть девичьей округлости фигуры. На левом рукаве — зеленая звезда. Низшая раса.

Арп инстинктивно разжимает руку и вытирает ее о штаны. Общение с представителями низшей расы запрещено законами Медены. Недаром те, кто носит звезду, рождаются и умирают в лагерях.

— Нас ведь не поймают? Правда, не поймают?!

Дрожащий голосок звучит так жалобно, что Арп, забыв о законах, отрицательно качает головой.

— Как тебя зовут?

— Арп.

— А меня — Жетта.

Арп опускает голову на грудь и делает вид, что дремлет. Никто ведь не знает, как отнесутся к подобному общению там, куда их везут.

Автомобиль свернул с шоссе и прыгает по ухабам, не сбавляя скорости. Арпу хочется есть. От голода и тряски его начинает мутить. Он пытается подавить кашель, стесняясь окружающих, но от этого позывы становятся все нестерпимее. Туловище сгибается пополам, и из горла рвется кашель вместе с брызгами крови.

Этот приступ так изматывает Арпа, что нет сил оттолкнуть руку с зеленой звездой на рукаве, вытирающую пот у него со лба.

Горячий ночной воздух насыщен запахами экзотических цветов, полон треска цикад.

Сброшена арестантская одежда. Длинная, до пят, холщовая рубаха приятно холодит распаренное в бане тело. Арп тщательно очищает ложкой тарелку от остатков каши.

В конце столовой, у помоста, сложенного из старых бочонков и

досок, стоят трое. Высокий человек с седыми волосами и загорелым лицом землепашца — видимо, главный. Второй — миловидный паренек в форме солдата армии Медены, тот, кто сидел за рулем автомобиля. Третья — маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обернутой вокруг головы. Ей очень к лицу белый халат.

Они ждут, пока закончится ужин.

Наконец стихает стук ложек. Главный ловко прыгает на помост.

— Здравствуйте, друзья!

Радостный гул голосов служит ответом на это непривычное приветствие.

— Прежде всего я должен вам сообщить, что вы здесь в полной безопасности. Месторасположение нашего эвакопункта неизвестно властям.

На серых, изможденных лицах сейчас такое выражение счастья, что они кажутся даже красивыми.

— Тут, на эвакопункте, вы должны будете пробыть от пяти до десяти дней. Точнее этот срок будет определен нашим врачом, потому что вам предстоит тяжелый, многодневный переход. Место, куда мы вас отведем, конечно, не рай. Там нужно работать. Каждую пядь земли наших поселений мы отвоевываем у джунглей. Однако там вы будете свободны, сможете обзавестись семьей и трудиться на собственное благо. Жилище на первое время вам подготовили те, кто прибыл туда раньше вас. Такая уж у нас традиция. А теперь я готов ответить на вопросы.

Пока задают вопросы, Арп мучительно колеблется. Ему очень хочется узнать, можно ли в этих поселениях жениться на девушке низшей расы. Однако, когда он, наконец, решился и робко поднял руку, высокий мужчина с лицом землепашца уже сошел с помоста.

Теперь к беглецам обращается женщина. У нее тихий певучий голос, и Арпу приходится напрягать слух, чтобы понять, о чем идет речь.

Женщина просит всех лечь в постели и ждать медосмотра.

Арп находит свою койку по навешенной на ней бирке, ложится на хрустящие прохладные простыни и немедленно засыпает.

Сквозь сон он чувствует, что его поворачивают на бок, ощущает холодное прикосновение стетоскопа и, открыв глаза, видит маленькую женщину с рыжей косой, записывающую что-то в блокнот.

— Проснулся? — Она улыбается, обнажая ослепительные ровные зубы.

Арп кивает головой.

— Ты очень истощен. С легкими тоже не все в порядке. Будешь спать семь дней. Сейчас мы тебя усыпим.

Только теперь Арп замечает какой-то аппарат, придвинутый к постели.

Женщина нажимает несколько кнопок на белом пульте, в мозг Арпа проникает странный гул.

— Спать! — раздается далекий-далекий мелодичный голос, и Арп засыпает.

Ему снится удивительный сон, полный солнца и счастья.

Только во сне возможна такая упоительная медлительность движений, такое отсутствие скованности собственной тяжестью, такая возможность парить в воздухе.

...Огромный луг покрыт ослепительно белыми цветами. Вдалеке Арп видит высокую башню, светящуюся всеми цветами радуги. Арп слегка отталкивается от земли и, медленно паря, как птица, опускается вниз. Его непреодолимо влечет к себе сияющая башня, от которой распространяется неизъяснимое блаженство.

Арп не один. Со всех сторон луга к таинственной башне стремятся люди, одетые так же, как и он, в длинные белые рубахи. Среди них — Жетта с полным подолом белых цветов.

— Что это? — спрашивает у нее Арп, указывая на башню.

— Столп Свободы. Пойдем!

Они берутся за руки и вместе плывут в пронизанном солнечными лучами воздухе.

— Подожди!

Арп тоже набирает полный подол цветов, и они продолжают свой путь.

У подножия башни они складывают цветы.

— А ну, кто больше?! — кричит Жетта, порхая среди серых стеблей. — Догоняй!

Их пример заражает остальных. Проходит немного времени, и все подножие башни завалено цветами.

Потом они жгут костры и жарят на огне большие куски мяса, насаженные на тонкие длинные прутья. Восхитительный запах шашлыка смешивается с запахом горящих сучьев, будит в памяти какие-то воспоминания, очень древние и очень приятные.

Утолив голод, они лежат на земле у костра, глядя на звезды, большие незнакомые звезды в черном-черном небе.

Когда Арп засыпает у гаснущего костра, в его руке покоится маленькая теплая рука.

Гаснут костры. Выключены разноцветные лампочки, опоясывающие башню. Внизу, у самой земли, открываются двери, и две исполинские механические лапы сгребают внутрь хлопок.

В застекленном куполе старик с загорелым лицом смотрит на стрелку автоматических весов.

— В пять раз больше, чем у всех предыдущих партий заключенных, — говорит он, выключая транспортер. — Боюсь, что при таком сумасшедшем темпе работы они и недели не протянут.

— Держу пари на две бутылки, — весело ухмыляется миловидный парнишка в военной форме. — Протянут обычные двадцать дней. Гипноз — великая штука! Можно подохнуть от смеха, как они жрали эту печеную брюкву! Под гипнозом что угодно сделаешь. Правда, доктор?

Маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обвивающей голову, не торопится с ответом. Она подхо-

дит к окну, включает прожектор и внимательно смотрит на обтянутые кожей, похожие на черепа лица.

— Вы несколько преувеличиваете возможности электрогипноза,— говорит она, обнажая в улыбке острые зубы вампира. — Мощное излучение пси-поля способно только задать ритм работы и определить некую мощность действий. Основное же — предварительная психическая настройка. Имитация побега, мнимые опасности — все это создало у них ощущение свободы, завоеванной дорогой ценой. Трудно предугадать, какие колоссальные резервы организма могут пробуждаться высшими эмоциями...

АЛЕКСАНДР ГОРБОВСКИЙ

„Что вы сделали с нами?“

Я увидел его, едва выйдя на лесную поляну, шагах в десяти от себя. Это был динозавр. Огромный и гордый, он восседал на траве и вопросительно смотрел на меня. Я не успел ни испугаться, ни удивиться.

— Подойди ближе, — сказал он.

Я подошел. Я понимал, что, если я не испугался в первую минуту, делать это сейчас уже глупо.

— Вы правда динозавр? — несколько наивно спросил я.

— Конечно, нет, — ухмыльнулся он. — Разве не видно, я — кошка. А может, коза? Ме-е-е! — заблеял он вдруг страшным голосом.

Я оценил его чувство юмора и вежливо улыбнулся.

— Вы меня неправильно поняли...

— Говори мне «ты», — перебил он.

Мне показалось это несколько фамильярным, но я не стал спорить.

Голос у него был совершенно нечеловеческий. Он исходил из его пасти, как из рупора старого граммофона с сопением, присвистами и хрипом.

Кивнув своей непропорционально маленькой головой, он предложил мне сесть. Так началось наше знакомство. Оно состоялось километрах в тридцати от Москвы, неподалеку от дачи, которую я снимал.

— Скажи мне, — заговорил он, не дав мне ни освоиться, ни оглядеться, — скажи мне, как давно вы, люди, населяете Землю?

Это был не тот вопрос, на который можно было бы ответить односложно. Потому что хомо сапиенс — это одно, кроманьонцы или неандертальцы — другое, а австралопитек — третье. Он терпеливо выслушал меня. Помолчал. А потом спросил:

— А что вы сделали с нами? С динозаврами?

Мы? С динозаврами? Только теперь я заметил, как он стар. Казалось, он даже дышал с трудом, так тяжело и аритмично вздымались бока его огромного тела.

Я объяснил, что динозавры исчезли с Земли десятки миллионов лет до того, как на ней появился человек. Мы их не трогали. Они вымерли сами.

— Вымерли? Отчего?

Я еще раз оказался в затруднении. Есть несколько гипотез, сказал я. Может, в этом повинны климатические условия? Правда, изменение климата не совпадает с периодом гибели динозавров. Возможно, их убило резкое повышение радиоактивности или вспышка на Солнце. Но почему тогда уцелели другие виды? А может, они не выдержали конкуренции с млекопитающими...

Так каждое предположение опровергало себя же. Я не был уверен, что внес какую-то ясность, и поэтому замолчал.

У него была морщинистая шея, по ней ходил какой-то комок, а на морде было такое выражение, что я не мог понять — силится ли он улыбнуться или сейчас заплачет.

— Послушай, — наклонился он ко мне. — Я должен узнать это. Я должен знать, отчего они погибли.

Из его пасти на меня пахнуло теплым коровьим запахом. Я вспомнил, что динозавры травоядные, и исполнился к нему еще большей жалости.

— Я постараюсь, — пообещал я, — я посмотрю литературу.

— Пожалуйста, мне это очень важно.

Это был очень вежливый динозавр. И тогда я решился задать ему вопрос, который вертелся у меня все время... Как он попал сюда и что делает в этом подмосковном лесу?

— Я очень долго добирался сюда, — начал он медленно, словно не зная, как еще объяснить мне свое появление. — Скажи, а вы, люди, конечно, знали, что динозавры — разумные существа?

Несколько пристыженно я признался, что нет, не знали.

И здесь я услышал, как он смеется. При этом он откидывал голову назад и разевал большую, похожую на кожаный кошелек пасть.

Я не разделял его веселья, потому что мне стало обидно. Как могли мы догадаться об этом! Если бы до нас дошли хоть какие-нибудь материальные следы. Скажем, скребок. Или наконечник стрелы.

— А ты думаешь, через семьдесят миллионов лет останутся какие-нибудь следы от вашей цивилизации? — усмехнулся он. — От ваших библиотек, ваших автомоби-

лей или картин? Если тогда Землю будет населять какая-нибудь другая разумная раса, вы будете для нее такими же ископаемыми животными, как для вас мы или саблезубый тигр...

И я представил себе царство кошек. Почему-то именно кошек. И то, как будут они объяснять исчезновение человека. Во-первых, он был совершенно неприспособлен к жизни. Он не был даже покрыт шерстью. А во-вторых, не умел ловить мышей. Рассуждения с позиций своего биологического вида. Так муравьи считали бы, что невозможна цивилизация помимо муравейника. Впрочем, разве мы, люди, рассуждаем иначе?

И тогда, словно поняв мои раздумья, заговорил он:

— Возможен иной разум. Для него не нужны ни скребки, ни наконечники для стрел...

Такой была цивилизация динозавров. Он рассказал мне о ней. Они обитали среди первозданных лесов и первобытных болот. Но сами они не ощущали свой мир ни первобытным, ни первозданным. Для них он был так же стар и древен, как наш представляется нам. Они не нуждались в жилищах, и им не нужны были орудия труда. Они могли воздействовать на мир, минуя различные приспособления. Это достигалось простым усилием воли. Чтобы доставить мне удовольствие, он поднял взглядом большое бревно и отшвырнул его в дальний конец поляны.

Их эволюция продолжалась миллионы лет. Это была эволюция не машин, не механизмов и не предметов, как в человеческой цивилизации, а самих существ, составлявших ее. Со временем они смогли развивать в себе психическую энергию чудовищной силы. Энергию, посредством которой можно было воздействовать не только на предметы, но и на себя самих. Не удивительно, что настало время, когда пространство вне Земли стало доступно им.

Теперь я начинал понимать, что это за странная капсула, огромным муравьиным яйцом белевшая в кустах. Очевидно, он прилетел оттуда, с какой-нибудь из отдаленных систем, которых, возможно, нет даже на наших звездных картах. Прилетел на Землю, чтобы увидеть, что в доме его предков давно уже поселились другие.

— Я обязательно узнаю, отчего погибли динозавры, — повторил я. — Я поеду в библиотеку...

Он кивнул и несколько секунд молча смотрел на меня.

— Я буду ждать тебя послезавтра.

И, наклонив взглядом большую дубовую ветку, принялся задумчиво общипывать с нее губами листья. Короткие передние лапы беспомощно, как пристегнутые, болтались у него на груди.

Только собравшись уходить, я заметил тонкую радужную пленку, словно окружавшую то место, где находились мы.

— Ничего, — пояснил он. — Это искривление пространства...

И приподнял край, давая мне проход. Теперь я понял, почему,

идя по лесу, никто не мог видеть его.

К сожалению, ни через день, ни через неделю мне так и не удалось сообщить ему ничего определенного. Работы, посвященные этой проблеме, носили слишком описательный и частный характер. По сути дела, они ничего не могли добавить к тому, о чем я уже сказал.

— Я должен узнать, — возразил он печально. — Видно, тебе самому придется заняться этим...

Сейчас уже третий год, как я возглавляю одну из экспедиций. Мы ведем раскопки в Монголии и Средней Азии, там, где раскинулись знаменитые «кладбища динозавров». Когда меня спрашивают о результатах, я уклончиво отвечаю, что до окончательного решения еще далеко, но что некий просвет, которого не было раньше, уже наметился.

Динозавр по-прежнему живет под Москвой. Вернувшись с раскопок, я часто бываю у него. Мы обсуждаем научные проблемы и смотрим телевизор, который я подарил ему. Динозавру нравится смотреть телевизор, и вообще в своем замкнутом пространстве он чувствует себя вполне сносно. Говорит он гораздо лучше, чем в первый раз, и, если у меня будет свободное время, я собираюсь научить его читать. Тогда, уезжая, я буду оставлять ему по чемодану книг, чтобы он не скучал. Потому что, когда я возвращаюсь, он так радуется мне, что у меня сжимается сердце.

●

Человек за бортом

Во всем виноват Бесхвостый. Это ему пришла в голову идиотская затея заняться рыбной ловлей, и он подбил остальных.

Наш космический корабль совершал свой обычный патрульный полет по треугольнику Балтика — Малаховка — Северная Земля. В чем заключался смысл подобных полетов, мы не знали. Единственное, что твердо усвоил каждый,— ни при каких обстоятельствах не вступать в контакты с жителями Земли. Таков был приказ. Нарушать его никто особого желания не испытывал, хотя все мы неплохо знали язык и обычаи своего сектора. Это входило в подготовку и считалось, пригодится в дальнейшем, когда начнется Эра Открытых Контактов. Даты начала Эры никто не знал даже на нашей планете. Когда нужно будет, команду подаст Большая Машина, которой известно все...

Итак, Бесхвостый сказал, что знает одно прекрасное местечко, где полным-полно рыбы и совсем нет людей. В прошлом году они будто бы уже садились там, и все было великолепно. Речь шла о каком-то узком заливчике в районе озера Селигер.

Серебристый диск нашего корабля приземлился в нескольких метрах от берега, едва примяв влажную от утренней росы траву. Место было действительно пустынное, поросшее высоким кустарником, который дальше переходил в лес.

Солнце уже встало, небо было безоблачно, и странно было думать,

что в таком прекрасном мире существуют еще страдания, несправедливость и зло. В подобное утро даже ловля рыбы казалась жестокостью, и я не стал участвовать в этом. Я пошел вдоль берега, заглядывая в прозрачную воду и раздвигая влажные ветки, которые вставали на моем пути.

По воде бегали какие-то букашки, другие медленно ползали по дну. И листья и трава были полны скрытого движения. После мертвенных ландшафтов нашей планеты и безжизненных бездн космоса я ощущал все это особенно остро.

Я хотел было уже идти обратно, когда мне показалось, что сзади кто-то есть. Обернувшись, я увидел то, что запомню на всю свою жизнь. Прямо из-за кустов к тому месту, где опустился наш диск, шли люди.

Я успел заметить, как несколько фигур в комбинезонах метнулись к люку, а через секунду диск взмыл вверх.

Задыхаясь, я остановился, так и не добежав до того места, где только что стоял наш корабль. Скрытый кустами, я впервые видел людей так близко. Я слышал даже их голоса.

— Аэростат! Это для изучения погоды. В «Огоньке» была фотография.

— Вертолет! На воздушной подушке!

— Летающее блюдо! — крикнул кто-то, и все рассмеялись.

Вдруг они подняли головы и стали опять смотреть в небо. Диск возвращался. Видно, там спохватились, что улетели без меня. Какое-то время аппарат висел над заливом, потом медленно двинулся вдоль берега. Я понимал, что ищут меня. Но, скрытый кустами, я был невидим с воздуха и, главное, не мог ни выйти из укрытия, ни подать сигнала.

Диск улетел, но я знал, что он вернется, и ждал, когда уйдут люди. Однако случилось непредвиденное. То, чего трудно было ожидать и нельзя было предположить. Выйдя к берегу, они сбросили на землю рюкзаки и принялись натягивать палатки. Вскоре поднялся легкий столбик дыма, они разожгли костер. Никто не смотрел больше в небо, но если б они подняли головы, то увидели бы, как диск два раза на большой высоте медленно пролетел над заливом.

Я понял, что единственный мой шанс вернуться на корабль — это дождаться, когда уйдут люди. Ведь рано или поздно они уйдут отсюда. Правда, у меня не было ни спальных принадлежностей, ни еды.

Чтоб случайно кто-нибудь не наткнулся на меня, я ушел подальше от берега и углубился в лес. Здесь среди зеленой травы и высоких деревьев я провел день. Какие-то птицы пели надо мной, и маленькие насекомые с разноцветными крыльями порхали в воздухе. У склона реки я набрел на заросли малины. Это составило мой обед, а позднее — ужин.

Когда солнце стало садиться, подталкиваемый непонятной силой, я двинулся в сторону лагеря. Возле палаток горел большой костер,

выхватывая у сгущавшейся тьмы часть берега и людей, сидевших вокруг огня. По мере того как темнота обступала меня, какой-то непонятный, смутный страх все сильнее овладевал мною. Мне казалось, что кто-то, не мигая, в упор смотрит на меня из мрака. И в том, что он видит меня, а я его нет, таился непередаваемый ужас. Постепенно я подполз чуть ли не к самому костру и притаился там, боясь шелохнуться и стараясь ничем не выдать себя.

Чувство слепого страха несколько отступило, но не ушло совсем. Я был слишком подавлен его тревожной близостью, чтобы прислушиваться, о чем говорили у костра. Слух мой настороженно напрягался, улавливая какие-то тайные движения и шорохи, доносившиеся из мрака.

Так прошло какое-то время. Возможно, я вздремнул.

Очнулся я оттого, что кто-то трогал меня за плечо.

— Эй, парень! Ты откуда?

Вокруг меня стояли люди. Бежать было поздно.

— Видно, заблудился, — ответил за меня кто-то.

— Турист? — спросил бородач в очках.

— Турист, — хрипло подтвердил я.

Не мог же я сказать ему, что я механик второго класса с космического корабля УФ-14, специалист по магнитным силовым линиям.

Это была единственная ложь, на которую мне пришлось пойти. Остальная часть версии родилась уже сама по себе и без моего участия. При виде моего комбинезона, который, потрескивая, ронял в темноте зеленоватые искры, все решили, что я из группы физиков, которая прошла по этому маршруту двумя днями раньше. Я не стал возражать, и вариант этот был принят как нечто само собой разумеющееся. Таким же путем было установлено, как случилось, что я отстал, почему мои спутники не заметили этого сразу и т. д. Единственное, что оставалось мне, это соглашаться с тем, что другие наперебой говорили за меня.

— Ну хватит! — заявил бородач в очках. — Все ясно. У кого есть место в палатке?

— Кажется, у девушек, — подсказал кто-то.

Бородач спросил меня, пойду ли я к девушкам. Я радостно согласился. И только когда все стали смеяться, я догадался, что сказал что-то не то. На всякий случай я засмеялся вместе со всеми. Мне стало ясно, что я должен быть осторожен, чтобы случайно не выдать себя.

Так я поселился в лагере. Я жил, как все, и делал то же, что и остальные. Я старался не выделяться ничем и ничем не отличаться от других. И все-таки мне удавалось это не всегда. Особенно первое время. Как-то, когда нужно было развести костер, я решил воспользоваться эффектом силовых магнитных линий. Я сориентировал ветку с севера на юг, а потом резко повернул ее на 45°. Как и следовало ожидать, она тут

же вспыхнула. Другим это очень понравилось, и все стали повторять то, что сделал я. Мог ли я предположить, что такая простая вещь была не известна людям!

Несколько раз при мне речь заходила о нашем диске. Но всякий раз разговоры эти энергично пресекал некий хмурый, молчаливый и недоверчивый человек с малоприметной внешностью. По его словам, все это был вздор и массовая галлюцинация. Он не нравился мне чем-то, но я не мог даже сказать чем. Может, меня настораживал его взгляд, какой-то слишком внимательный, его я несколько раз чувствовал на себе. Временами мне казалось, что он начинает догадываться, кто я.

Как-то вечером, когда мы случайно остались с ним наедине, он завел вдруг разговор, странный, беспредметный разговор о дальних мирах, галактиках и других планетах, где тоже, возможно, есть жизнь. И разумные существа, похожие на людей.

— Как ты думаешь, — спросил он, и я ждал этого вопроса, — если бы они прилетели на Землю, то откуда, с какого созвездия или планеты?

Варварская примитивность этой хитрости восхитила меня. Я почувствовал вдруг глупое искушение попасться в расставленную мне сеть. Был миг, когда я находился на грани того, чтобы рассказать ему все. К счастью, я не поддался этой слабости. Я рассмеялся.

— А черт его знает! — сказал я и шевельнул костер так, что кверху взлетел сноп искр. — Не все ли равно?

Казалось, он не был удивлен таким ответом.

— Понимаю, — сочувственно кивнул он. — Не имеете права. Очень хорошо понимаю вас...

Я думал, он обидится, но он не обиделся. Только после этого всякий раз, встречаясь со мной, вопросительно смотрел на меня. А я делал вид, что не понимаю его, или пожимал плечами.

Однако, странное дело, мне казалось, ему не так уж и важно услышать, с какой планеты прилетел я, как хотелось быть причастным к чему-то, чего не положено было знать другим. Иначе почему всякий раз, когда кто-нибудь заговаривал о диске, он так яростно опровергал это? Ведь сам-то он понимал, что диск был. Но этого ему было мало. Он хотел, по-видимому, чтобы об этом знал только он один.

Много необъяснимого и непонятного встретил я в людях. Но я старался не удивляться, не задумываться об этом. Иначе я внутренне противопоставил бы себя тем, кто окружал меня сейчас. А я должен был слиться, раствориться среди них, пока не возвратится диск, чтобы забрать меня обратно.

Наконец наступил день, когда лагерь стал сниматься с места. Палатки легли в тугие рюкзаки, костер погас.

— Ну как, в дорогу? — бодро приветствовал меня бородач, который был главным.

То, что я иду вместе со всеми,

считалось само собой разумеющимся.

— Наверное, я останусь, — сказал я и почему-то почувствовал себя виноватым.

— Ребята! Он сошел с ума, — зашумели вокруг. — Он хочет стать Робинзоном!

— Найдите ему остров!

— Нужен Пятница!

— Не нужен, а нужна!

Я пытался объяснить, что хочу дождаться здесь своей группы, которая будет, мол, возвращаться обратно. Меня подняли на смех.

— Ты что, больной? Твоя группа идет по Четвертому маршруту. Это значит, по озерам, потом через Липатово, Свирень и на турбазу.

Это-то они знали точно. Если бы они знали еще, почему именно я хочу остаться здесь!

— Нет, я лучше подожду, — твердил я, сам понимая, как глупо звучит это.

Конечно, остаться мне не дали. Вместе со всеми я вышел в путь на лесную тропу. Мы шли долго, и я запоминал дорогу. На первом же привале я бежал.

Никогда мне не было так стыдно и так нехорошо.

Весь день я провел на покинутом берегу, глядя в пустое небо. К вечеру со стороны озера пристали пять лодок. И опять на берегу выросли палатки, а на месте погасшего костра загорелся новый. Я прожил с ними четыре дня, а когда они собрались уходить, пришла другая группа. Так повторялось несколько раз, пока я не понял, что оставаться здесь бессмысленно. Мои друзья наверху, вероятно, тоже решили, что искать меня безнадежно. За все время я видел диск только один раз. Он прошел на большой высоте и скрылся.

Когда я появился, наконец, на турбазе, там была первая группа, те, кто нашел меня. Не могу сказать, чтобы они были очень приветливы со мной на этот раз. Но я понимал, что они правы. Только тот, что из газеты, был, казалось, рад мне. Он понимающе кивнул мне и пожал руку. Наверное, напрасно я думал о нем плохо.

В тот же день они уехали, больше я не встречал никого из них.

Сейчас я живу в Москве. Зарабатываю себе на жизнь тем, что пишу рассказы о том, что мне пришлось повидать и пережить в космосе. Журналы печатают их под рубрикой научной фантастики. Под ней же пойдет, наверное, и то, о чем рассказал я здесь. Но меня занимает сейчас не это. Я надеюсь, что строки эти попадут на глаза кому-нибудь из н а ш и х. Я хочу, чтобы т а м узнали, где я, и помогли мне в е р н у т ь с я.

ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА

Придет такой день

Не читайте этот рассказ днем, потому что вас будут отвлекать тысячи назойливых мелочей. Лучше всего читать ночью, когда на столе лежит теплый круг света от лампы и сквозь полуоткрытое окно слышно, как шуршит дождь.

Не читайте этот рассказ, если вас раздражают исторические и научные неточности. Действительность здесь основательно перемешана с вымыслом. Сведения, которыми я располагала, были так противоречивы, что пришлось выбирать почти наугад. Кое-что я присочинила сама.

Не читайте этот рассказ, если вы рассчитываете спросить в конце, почему в век кибернетики и космических ракет я вспомнила историю, случившуюся в конце прошлого столетия. Я не смогу ответить. Бывает же так: вы идете по берегу моря — и вдруг замечаете камешек, который надо поднять. Почему надо? Почему именно этот? Пустые вопросы. Вы подбираете камешек, кладете его на ладонь, и вас охватывает непонятное волнение. И вы надолго запоминаете этот день, море и камешек.

Весна 1887 года в Париже была на редкость холодной, и сирень расцвела только шестого мая. Студенты-медики Жерар Десень и Поль Миар пришли к знакомой художнице с ветками только что распустившейся сирени. Возможно, при других обстоятельствах

художница и не обратила бы особого внимания на подарок. Но ей, как и всем, надоели холодные ветры и томительные серые дожди. В этот яркий солнечный день она восприняла сирень как символ победившей весны. Она долго любовалась цветами, а потом сказала, что не существует красок, которые позволили бы правильно передать тончайшую цветовую гамму сирени.

— Смотрите, — сказала она, — я могу взять китайский вермильон, смальтовую синюю и фиолетовый марс. И вот красное в соединении с сине-фиолетовым дает чистый малиновый цвет. Но никаким смешением красок нельзя воспроизвести живую сиреневую гамму. Наверное, нужна какая-то особая краска...

— Очень хорошо! — воскликнул Поль Миар. — Я получу ее в лаборатории. Дайте мне два года.

— Два года? — переспросил Жерар Десень и рассмеялся. — Ты не справишься с этим и за двадцать лет: искусственные краски тусклы и грубы. Они годятся только для того, чтобы малевать вывески. Но за два года я найду растение, из которого можно получить настоящую сиреневую краску.

— Ты нелогичен, Жерар, — возразил Поль. — Вот перед тобой сама сирень, разве ты можешь извлечь из нее сиреневую краску?..

Художница прервала спор. Она объявила, что будет ждать два года. Посмотрим, кто окажется прав, сказала она. А пока, в такой сверкающий весенний день, не лучше ли пойти к набережной?

Я не знаю имени художницы. Может быть, это и не так важно, ибо через полтора месяца она уехала к себе на родину, в Сербию. К этому времени студентов уже не было в Париже. Миар работал лаборантом в Берлине, у Штольца. Десень вместе с экспедицией Жана Декавеля поднимался от Конакри к верховьям Нигера. Перед отъездом из Парижа художница написала друзьям письма. Одно письмо, отправленное в Конакри, так и не попало адресату, потому что экспедиция вернулась окружным путем, через Дакар. Другое письмо пришло в Берлин в то утро, когда новому лаборанту впервые поручили самостоятельную работу: он машинально положил нераспечатанный конверт в книгу и вспомнил о нем только осенью, возвращаясь в Париж.

Итак, художница исчезает из нашего рассказа, оставляя, впрочем, повод поразмыслить о роли женщин в истории науки. Кто знает, как сложились бы судьбы Поля Миара и Жерара Десеня, если бы в ту весну они оба не были немножко влюблены в художницу. Правда, они так и не нашли сиреневую краску. Но жизненный путь их был уже определен. После окончания медицинского факультета Десень путешествовал и собирал лекарственные растения, а Миар получал новые ле-

карства в химической лаборатории.

Это вполне соответствовало их склонностям. Десень был прирожденным путешественником. Он вырос в Марселе, в семье состоятельного судовладельца, и еще в детстве с поразительной легкостью овладел шестью языками. В конторе своего отца он видел самых различных людей, это приучило его свободно держаться в любых обстоятельствах и быстро приспосабливаться к чужим обычаям. Невысокий, худощавый, он был, однако, очень вынослив и, что особенно важно для путешественника, невосприимчив к резким сменам климата и пищи. Есть масса свидетельств о необыкновенной удаче, сопутствовавшей Десеню. Я думаю, дело не только в удаче. Когда человек из множества дорог неизменно выбирает единственно верную, это говорит об интуиции или, если хотите, о таланте.

Поль Миар был человеком иного склада. Его отец считался одним из крупнейших профессоров богословия, а дед был известным атеистом и антиклерикалом. Люди такого типа дали Франции Монтескье, Вольтера, Дидро. В доме Миаров часто гостили политические деятели, писатели, адвокаты. Прислушиваясь к их спорам, Поль довольно скоро сообразил, что взрослые заняты интересной игрой, в которой не так важен результат, как сам процесс игры, подчиняющийся тонким и сложным правилам. Эмиль Золя, обедавший однажды у Миаров, обратил внимание на четырнадцатилетнего мальчика: казалось, юному Полю доставляло удовольствие незаметно подталкивать и направлять спор. Золя предсказал, что мальчик станет депутатом парламента, — и ошибся. Поль унаследовал от своей матери, женщины доброй и рассудительной, склонность к работе, дающей полезные результаты. Он принес в химию острый, скептический метод мышления, хотя в его стиле сохранился и некий привкус игры: иногда Поля забавляли неожиданные превращения веществ.

После окончания университета Миар четыре года работал в лабораториях Штольца, Гофмана и Вендерота. Утверждают, что именно Поль Миар подсказал Гофману способ получения ацетилсалициловой кислоты. Возможно, это легенда. Зато не подлежит сомнению выдающаяся роль, которую Миар сыграл в открытии амидопирина: об этом неоднократно упоминал Штольц. В Париж Миар вернулся зрелым ученым и вскоре стал руководителем лаборатории при госпитале св. Валентина.

К этому времени дружба Миара и Десеня превратилась в открытое соперничество. Несколько французских врачей сообщили о случаях отравления ацетилсалициловой кислотой. Миар выступил в защиту Гофмана. Неделю спустя Десень прочитал в Сорбонне лекцию о лекарственных растениях Западной Африки и резко осудил увлечение «химическими сна-

добьями». Так Миар и Десень оказались в центре борьбы, отголоски которой чувствуются и в наши дни.

Строго говоря, Миар и Десень оба были не правы: они занимали слишком категоричные позиции. Но именно эта излишняя категоричность заставляла их искать непроторенные пути и с поразительной энергией идти от открытия к открытию.

Путешествия Десеня похожи на военные экспедиции: им присущи тщательная подготовка, стремительный бросок к точно выбранной цели и возвращение с трофеями. Говорили, что Десень пользуется списками испанского араба Ибн-Байтара и какими-то малоизвестными рукописными травниками. Это чистейший вздор, хотя Десень, конечно, был большим знатоком старинной фармацевтической литературы. Жерар Десень чувствовал душу растений, или, если говорить точнее, интуитивно угадывал жизненные закономерности растительного мира. Там, где его коллеги видели только хаос и господство случая, Десень улавливал строгую целесообразность. Он понимал, в какое время года должны накапливаться в растениях активные вещества, понимал, зачем это нужно растению, — и никогда не искал наугад.

Сохранилась фотография Десеня, сделанная в Лос-Анджелесе после трудной Мексиканской экспедиции. Сменив пятерых проводников, Десень проделал путь в три тысячи километров от Тампико сначала на север, к Рио-Гранде, затем на запад, к границам пустыни Хила. На фотографии он выглядит так, словно совершил непродолжительную прогулку по Елисейским полям. Экспедиция дала науке полтораста новых лекарственных растений, в том числе мексиканский ямс, без которого не было бы кортизона.

В это время Поль Миар закладывал основы ультрамикрохимии. Наступили душные летние месяцы, над Парижем медленно двигались волны невыносимого зноя. Обмелела Сена. Засохли листья большого орешника во дворе госпиталя. Миар отпустил своих сотрудников, его раздражала их вялость. Он работал до глубокой ночи, не замечая жары, усталости, голода. Еще в студенческие годы он обратил внимание на оборудование, одинаково несовершенное и грубое во всех лабораториях. Теперь Миар создавал аппаратуру, пригодную для исследования микроскопических доз вещества. Он вдруг понял (нет, правильнее сказать — почувствовал, всей душой почувствовал), что увеличение точности приборов ведет к открытиям, даже если работаешь с давно известными веществами.

Когда от резкого газового освещения начинали болеть глаза, Поль Миар выходил во двор, садился на каменные ступени, не остывшие еще от дневного зноя, и смотрел в черное небо. Где-то под этими же звездами у костра

спал Жерар Десень. Поль отчетливо видел костер. Можно было даже закрыть глаза: пламя не исчезало. Это был отблеск огня газовых горелок. Поль терпеливо ждал, пока погаснет пляшущее в глазах желтое пламя, и возвращался в лабораторию...

За борьбой Десеня и Миара следили не только их коллеги-медики. В лабораторию при госпитале св. Валентина дважды приезжал Жюль Ренар. Сохранилась обширная переписка Миара с Рентгеном и Шоу. Анри Беккерель, лечившийся в госпитале св. Валентина, рассказывает, как однажды во дворе внезапно появился высокий человек в прожженном, перепачканном халате. Сразу же, говорит Беккерель, меня охватило ощущение беспокойства и тревоги. Казалось, этот человек только что покинул поле битвы, самое пекло. Сжав кулаки, наклонившись вперед, он стремительно шагал по узким дорожкам, и на его лице ясно была видна мучительная, напряженная работа мысли. Беккерель говорит, что незнакомец был поразительно похож на Бодлера, каким он изображен на знаменитом портрете кисти Курбе: запавшие глаза под массивным лбом, резкие морщины у рта, упрямо выдвинутый подбородок.

Внезапно этот человек остановился и простоял несколько минут совершенно неподвижно. Потом поднял руки; пальцы начали быстро двигаться, словно собирая в воздухе какой-то прибор. Закончив работу, человек машинально обошел невидимый, несуществующий барьер, словно опасаясь задеть его и повредить.

Немало друзей было и у Десеня: писатели, поэты, художники. Когда Десеня просили рассказать о дальних странах, он отбирал самое красочное и ни слова не говорил о пережитых трудностях, не жаловался на опасности и лишения. Вот почему «Путешественники», которых Эмиль Верхарн посвятил Десеню, наполнены такой торжественной созерцательностью:

Пустыни рыжие и степи — без границ,
Подвластные громам и ураганам бурным,
И солнца, саваном одетые пурпурным,
Туманным золотом вечерних плащаниц.

И храмы медные, где щит и меч тяжелый
У паперти, и крест над ними в вышине,
И старых кесарей, в оцепенелом сне
Навеки замерших, чугунные престолы.
Устои островов над мутно-голубой —
То бирюзовой, то опаловой — пучиной,
И дрожь, и тайный страх бескрайности пустынной —
И вдруг, как молоты гремящие, прибой!..

Многим казалось, что Миар и Десень идут совершенно разными путями. Между тем все было значительно сложнее. Десень объявил о своем намерении исследовать подводную растительность; это навело Миара на мысль ввести в практику фармацевтической химии высокие давления.

Полгода «Рыбка», шхуна Десеня, провела у островов Эгейского моря. Рослый англичанин-инструк-

тор помогал Десеню надевать громоздкое водолазное снаряжение и, глядя в пространство, говорил: «Вам, конечно, наплевать на правила, но я обязан их повторить». И он их повторял. Матросы налегали на рукоятки помпы, начинался спуск. Десень подолгу бродил на небольшой глубине, присматриваясь к загадочному миру водорослей. Он забывал отвечать на сигналы.

Поздней осенью, когда «Рыбка» возвращалась в Марсель, англичанин, флегматично сплюнув за борт, сказал Десеню:

— Я спорил сам с собой — на хорошую выпивку против двух пенсов, — что это плохо кончится. Там, внизу, не место для прогулок. Надо работать — и пробкой наверх. Но вы живы, а в трюме у нас полно вонючей травы. Все это трудно объяснить.

— Возможно, — согласился Десень. — Нечто подобное говорил мне и господин Франс: дьявол всегда на стороне ученых.

«Этюды о водорослях» Десеня хорошо известны, их перевели на многие языки. По чистой случайности в «Этюдах» нет ни слова о морском экстракте: книга была уже на прилавках, когда Десень впервые получил фиолетовый, отсвечивающий металлом порошок, обладающий удивительной силой. Ничтожной дозы экстракта хватало, чтобы оживить срезанную в разгар зимы ветку розы. В течение одного-двух часов появлялись зеленые ростки, ветка покрывалась листьями, набухали почки, и, наконец, распускались цветы.

Было что-то колдовское в этих возникших среди зимы тонких листьях и неестественно ярких цветах. Через сутки жизненный цикл завершался: цветы опадали, листья желтели, сморщивались, ветка становилась сухой, ломкой — и все обращалось в серую пыль.

В январе 1899 года Десень прочитал публичную лекцию и показал эффектные опыты с левкоями, ирисами и гиацинтами. Однако он наотрез отказался продать садоводам свой экстракт. Кто-то пустил слух, что никакого экстракта вообще нет, а все объясняется гипнозом. Сенсация быстро забылась. Но в ту зиму посыльный часто относил белые розы в небольшой дом на Басс дю Рампар, где ждали Десеня, когда он отправлялся в свои путешествия, и молились о его благополучном возвращении.

К соперничеству Миара и Десеня привыкли, оно стало своего рода научной достопримечательностью. И многих удивило сообщение «Фигаро» о готовящейся Миаром и Десенем совместной экспедиции в Индию. Было высказано немало противоречивых догадок, одинаково далеких от истины, за одним, впрочем, исключением: все понимали, что цель экспедиции должна быть совершенно необычной, если уж Миару и Десеню потребовалось объединить усилия.

Цель экспедиции и в самом деле была необычной.

Старинная индийская книга «Яджур-веда», перечисляя лекарственные растения, особо выделяет пальму Будды. О ней упоминают и древнеегипетские надписи: она названа в них трехгранной пальмой. Ствол у нее действительно не круглый, а трехгранный, хотя и с округленными гранями. Все источники, в том числе греческие и арабские, более поздние, согласно и точно описывают пальму и способ приготовления бальзама из сока, содержащегося в наростах на стволе. «Яджур-веда» не скупится на мельчайшие детали, описывая эти похожие на человеческие лица наросты. Зато о самом бальзаме сказано коротко: *действие его непостижимо*.

Столь же неопределенны в этой части и сведения из других источников. Видимо, никому не удавалось получить бальзам: все повторяют то, что сказано в «Яджур-веде».

Наросты встречаются только у самых крупных пальм, причем активное вещество скапливается в наростах лишь в период цветения. Трехгранные пальмы растут небольшими группами в глубине тропического леса; нет никакой возможности уловить момент их цветения. Он наступает раз в восемьдесят лет и продолжается три или четыре дня, после чего дерево быстро погибает.

План Десеня состоял в том, чтобы отыскать достаточно взрослую пальму, искусственно вызвать — с помощью морского экстракта — цветение, а затем собрать сок, который появится в наростах.

С самого начала Десень рассчитывал на участие Миара. В болотистой почве джунглей невозможно добраться до корней пальмы. Существовал только один способ ввести экстракт — через кору дерева. Для этого нужно было получить в лаборатории очень сильный растворитель: кто справился бы с такой задачей лучше Миара?

И еще: «Яджур-веда» предупреждала, что сок пальмы сохраняется не более двух суток. Миару предстояло за это время установить природу содержащегося в соке активного вещества.

Не следует удивляться согласию Миара участвовать в экспедиции. Укажите нечто такое, на чем написано «*постичь нельзя*», — и люди, подобные Миару и Десеню, пойдут хоть на край света, стремясь найти это нечто и постичь. Иногда они терпят поражение в пути, на полдороге. Но что бы ни случилось, я знаю: таких людей постепенно становится больше.

В августе 1899 года Десень выехал в Марсель, где стояла готовая к отплытию «Рыбка». Десень хотел высадиться на западном побережье Индостана к концу летнего муссона, когда прекращаются бесконечные дожди и джунгли становятся более доступными.

Благополучно достигнув Малабарского берега, «Рыбка» долго крейсировала, выбирая место для высадки, и только 10 октября вошла в узкий залив примерно в двухстах километрах южнее Мангалура. Тропический лес местами подходил к самому побережью. По каким-то едва уловимым признакам, может быть по разнообразию и богатству растительности, Десень почувствовал: искать надо здесь.

— Заманчивое место, — сказал он шкиперу. — В таких джунглях, если верить Киплингу, жил Маугли.

— Это уж точно, — убежденно ответил шкипер. — Англичане умеют устраиваться.

Месяц спустя, когда на высоком холме был сооружен просторный пакгауз, «Рыбка» ушла в Бомбей. Дожди прекратились, почва быстро просыхала, и Десень почти ежедневно совершал свои разведывательные вылазки. Он шел по берегу вдоль кромки многоярусного леса, присматривался, временами углубляясь в заросли, проверяя свое снаряжение.

Однажды он обнаружил полдюжины молоденьких трехгранных пальм. И хотя они не годились для получения бальзама, Десень подумал, что это большая удача: если отсюда пойти в джунгли, наверняка встретишь крупные пальмы. До них пять, а может быть, семь километров, и лес тут особенно густой — сплошная зеленая стена, но все-таки самое главное — видеть цель. Остальное уж зависит от тебя самого.

В середине декабря прочно установились сухие и не очень жаркие дни. «Рыбка» вернулась из Бомбея, доставив Миара и его походную лабораторию. Вместе с Миаром прибыл переводчик Даниэль Китц, маленький, тощий, нескладный, с сереньким личиком заурядного клерка.

Представляя Китца, Миар сказал:

— Я думаю, мистеру Китцу поручено следить за нами. Зачем нам переводчик? Мне его буквально навязали.

Китц уныло подтвердил:

— Да, сэр.

— Вот видите, — с воодушевлением продолжал Миар. — В Бомбее о нас ходят самые невероятные слухи. Утверждают, будто мы нашли золото. Приятно сознавать, что местные чиновники не умнее наших.

Он был возбужден плаванием, тропическим лесом, для него все было ошеломляюще ново, и он по-детски радовался, что за ними будут шпионить. Но к вечеру, когда разгрузка «Рыбки» закончилась, у Миара возникло странное чувство своей непричастности к окружающему.

Он смотрел с вершины холма на зеленое море джунглей. Вдали в лучах заходящего солнца искрились зубчатые вершины Западных Гат. Гудело пряное желтое небо, разноголосо шумел влажный черно-зеленый лес, звуки смешивались с запахами и кра-

сками. У Миара кружилась голова. Острые токи чужого мира пронизывали каждую клеточку тела, вызывая тревогу и смятение. На беспредельном живом просторе жалкими и ненужными казались приборы, собранные из склянок и трубок.

В это время Десень рассматривал катодный газоанализатор, досадуя, что почти ничего не знает о катодных лучах. Десень впервые видел аппаратуру Миара, его поражало обилие электрических приборов. Превращение веществ под действием электрического тока заставляло думать, что и сами вещества — в своей тонкой структуре — имеют электрическую природу. В химии наступала эпоха электричества, синтеза, математически точных расчетов. К чему многолетние путешествия и поиски, если все можно получить в колбе? Десень осторожно прикасался к приборам — стекло было чужим и холодным.

А Даниэль Китц играл в карты. Маленький человек в потертом рыжем сюртуке, нелепом здесь, на границе моря и джунглей, уныло обыгрывал матросов. Он забирал у них все до последней монеты, потом все возвращал, и игра возобновлялась.

Утром Миар изложил свои соображения о бальзаме. Четыре довольно правдоподобные гипотезы по-разному истолковывали слова «действие постичь нельзя». Десень возражал: гипотезы слишком правдоподобны, они придуманы логически мыслящим европейцем. Для индийца эпохи «Яджур-веды» все непостижимое легко объяснялось вмешательством богов. Трудно даже представить обстоятельства, заставившие произнести эти слова — «действие постичь нельзя».

— Очень хорошо, — сказал Миар. — Давайте пальмовый сок, и мы посмотрим, что это такое.

У Десеня уже не было сомнений, что направление поисков выбрано правильно. И 24 декабря 1899 года, по своему обыкновению тщательно завершив приготовления, он выступил в путь.

Кромка тропического леса особенно труднопроходима. Поэтому первые полкилометра впереди шли матросы с «Рыбки», прорубавшие просеку сквозь густые заросли. Гулко стучали топоры: дорогу, дорогу... Где-то наверху раздраженно кричали обезьяны, в воздухе звенела назойливая мошкара, тысячи невидимых попугаев свистели, взвизгивали, гудели. Миару казалось, что в глубине джунглей быстро скользят чьи-то тени. Он напряженно всматривался — тени отступали, прятались. В конце колонны, тасуя засаленные карты, плелся Даниэль Китц.

Через два часа матросы остановились. Дальше Десеню предстояло идти одному — спутники были бы для него только обузой.

Прощались коротко: Десень дорожил каждой минутой.

В хаосе тропического леса не так просто заметить трехгранную

пальму, даже если она стоит прямо на пути. Густая сеть лиан несколькими рядами опутывает стволы, а в просветах этой сети, закрывая кору деревьев, густо растут мхи, лишайники, папоротники. Иногда Десень не мог определить, какая пальма находится в трех-четырех метрах от него. Приходилось расчищать дорогу к массивному основанию пальмы, срезать со ствола пласты влажного, пахнущего гнилью мха.

Поиск в джунглях противоречив по самой своей сути: надо идти вперед, хотя в стороне, совсем рядом, может оказаться то, что ищешь. Десень не без труда нащупал единственно верный ритм движения, напоминающий зигзагообразное лавирование парусника, идущего против ветра. Ритм был напряженным и лишь изредка позволял остановиться и просто так посмотреть вокруг.

Зеленые взрывы, нагромождение зеленых взрывов — таково было первое впечатление от тропического леса. Застывшими взрывами казались кроны пальм, гигантские фикусы, острые, словно только что вырвавшиеся из-под земли лезвия папоротников и огненные, окруженные зелеными осколками листьев цветы раффлезии.

По мере того как Десень углублялся в джунгли, зеленый цвет тускнел, вытеснялся черным. Все чаще путь преграждали высокие завалы — сломанные, полусгнившие стволы, опутанные паутиной, покрытые накипью лишайников.

Почва становилась болотистой, это беспокоило Десеня.

Дважды ему встречались трехгранные пальмы. Он тщательно осматривал их — и не находил наростов. Над головой, скрывая кроны пальм, висел плотный темно-зеленый полог. Судя по толщине стволов, пальмам было лет сорок. Десень не знал, удастся ли вызвать у таких пальм цветение с образованием наростов. Во всяком случае, придется израсходовать много экстракта — возможно, весь запас.

Десень не любил игру наугад. Такая игра даже при удаче оставляет обидное сознание, что выиграл, собственно, не ты.

Он продолжал поиски.

Впервые за долгие годы странствий его не покидало неприятное чувство скованности. Тропический лес подавлял своим тяжелым величием. Временами Десень сам себе казался букашкой, медленно ползущей у подножья гигантских деревьев. В джунглях для человека нет третьего измерения: вершины деревьев недоступнее высочайших гор.

Час за часом углублялся Десень в самую гущу леса. Идти становилось труднее. Под ногами хлюпала жижа. Заболоченная полоса никак не кончалась, и Десень уже видел, что все равно придется свернуть.

Он шел, разрывая руками густую паутину, заполнявшую все свободное пространство. Вязкие обрывки паутины прилипали к лицу, мешали дышать.

В одном месте, пытаясь перепрыгнуть через трясину, он схватился за ствол ротанга, пальмы-лианы. Насквозь прогнивший ствол тут же рассыпался. Это заставило Десеня остановиться.

Нижний ярус джунглей был мертв. Все зеленое поднялось вверх, к свету. Внизу остались только черные стволы, оплетенные лианами-душителями, и белесоватые, покрытые паутиной и плесенью воздушные корни. Над серой пеной болота, между обугленными стволами, беззвучно клубились испарения. От гнилого воздуха першило в горле.

Тихо треснула ветка.

Десень быстро обернулся.

В трех метрах от него на полузатопленной коряге сидел, тасуя карты, Даниэль Китц.

— А, это вы, — машинально произнес Десень.

Его поразило не столько само появление Китца, сколько отсутствие какого бы то ни было снаряжения у этого человека. Китц был в своем рыжем сюртуке, без оружия и дорожного мешка.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал Десень, внимательно рассматривая Китца.

Теперь это был другой человек — спокойный, уверенный и, Десень мог бы поклясться, совсем неглупый.

— Я не знаю, с какой стороны обходить эту топь, — продолжал Десень. — А у вас есть карты. Можно погадать.

Китц покачал головой.

— Вам надо идти на юг. Полмили на юг, потом немного на восток. Там пальмы, которые вам нужны.

— А вы?

Десень старался, чтобы вопрос прозвучал совершенно обыденно. Вот встретились два человека, поддерживающих беглое знакомство: один спрашивает о пустяках, другой вежливо отвечает — и только.

— Я пойду назад.

«Но все-таки, — подумал Десень, — как он оказался здесь? Он все время шел сзади и ничем не выдал себя. Ничем. Как же он шел сквозь такие заросли? У него даже ножа нет...»

— Вы вернетесь в лагерь? — спросил Десень.

Значит, в Бомбее и в самом деле решили, что они ищут золото. Китц шел следом, пока не убедился, что вся эта болтовня о золоте идиотская выдумка.

— Да, вернусь. Если вам нужно что-нибудь передать...

«Пойти дальше вдвоем?» — подумал Десень. И тут же отказался от этой мысли: в лагере начнется переполох. Китц, конечно, должен вернуться.

— Спасибо. Пока я ничего не нашел.

Десень вспомнил, как за ним следили в Мексике. Нет, тут не может быть никакого сравнения. Это мастер своего дела. Хотя... какого, собственно, дела?

— Так помните, полмили на юг, потом немного на восток.

И вот что: спешите, скоро ночь. Счастливого пути.

— Счастливого пути.

Маленький человек бесшумно соскочил с коряги и, не оглядываясь, пошел прочь. Десень молча смотрел ему вслед. Рыжий сюртук дважды мелькнул в просветах зарослей — и скрылся.

Встреча оставила в душе Десеня неприятный осадок. Десень думал о бесконечных тропических лесах Южной Америки, Африки, Азии. Такой человек, как Китц, мог стать великим исследователем, Колумбом джунглей. Но стал шпионом, знающим и, возможно, даже любящим свое ремесло.

Десень шел на юг, не отвлекаясь на поиски. Он не сомневался, что Китц точно указал местонахождение трехгранных пальм. Болото осталось где-то слева, в нижнем ярусе снова появились зеленые папоротники. Пройдя полмили, Десень свернул на восток, и вскоре натолкнулся на группу небольших трехгранников. Поодаль росли более высокие пальмы, а за ними стояли массивные, покрытые буграми наростов пальмы-великаны.

Наросты самой причудливой формы делали их похожими на украшенные резьбой столбы в индийских храмах. Около наростов не было ни мхов, ни лишайников. Со времен своей африканской экспедиции Десень знал, что это

свидетельствует о наличии в наростах каких-то сильнодействующих веществ.

До наступления темноты оставалось менее часа. Он без колебаний, доверяясь интуиции, выбрал пальму. Это было очень крупное дерево; на нижней части ствола Десень насчитал два десятка больших наростов. Один из них поразительно напоминал сморщенное человеческое лицо: можно было различить прищуренные глаза, крючковатый нос и растянутый в усмешке рот.

Десень тщательно расчистил ствол ниже этого нароста, снял ножом самый верхний, омертвевший слой коры, сделал дюжину неглубоких надрезов. Затем достал флягу с раствором морского экстракта и коробку с воском. Вспомнив совет Миара, Десень обмотал руки плотной тканью: случайно попав на руки, раствор легко проник бы сквозь кожу.

В тусклом свете джунглей раствор казался иссиня-черным. С величайшей осторожностью Десень лил раствор на расчищенное место ствола. Жидкость не успевала стекать — она мгновенно впитывалась. Когда фляга опустела, на светло-коричневой коре осталось лишь большое темное пятно. Быстро, стараясь использовать последние минуты уходящего дня, Десень растопил воск и плотно закрыл им расчищенный участок.

Сумерки в джунглях коротки, темнота пришла внезапно. Десень зажег керосиновый фонарь и

сел на обломок дерева. Только сейчас он почувствовал страшную усталость.

Ночь изменила лесные голоса: перестали кричать попугаи, умолкли обезьяны, вблизи воцарилась напряженная тишина, сквозь которую теперь были слышны далекие, приглушенные расстоянием шумы. Десень вынул из портсигара серую, похожую на карандашный грифель палочку. Это был подарок мексиканского колдуна — засушенный корень кустарника тацитла, сильнейший стимулятор.

Десень жевал горьковатый корешок, прислушиваясь, как отступает усталость и мышцы наполняются новой силой. Захотелось пить. Он на ощупь отыскал чистый — без мхов и лишайников — стебель лианы, разрезал его наискось. Полилась свежая, пахнущая сеном вода.

Нет истинного путешественника без умения ждать: ожидание никогда не было для Десеня слишком томительным. Плавно текли воспоминания о детстве, о встречах на дальних дорогах, о горах, пустынях, морях и звездном небе. И лишь изредка мысль сама по себе возвращалась к словам «Яджур-веды»: действие бальзама непостижимо.

Как-то незаметно, без всяких усилий, возникла догадка — вначале смутная, ускользающая при малейшей попытке пристально всмотреться в нее, а потом все более определенная и даже очевидная в своей единственности. Десень подошел к дереву и приложил ухо к теплой коре. Он услышал гул: внутри дерева совершалась неведомая, но титаническая работа.

В фонаре дрожал маленький синеватый огонек, ему не хватало кислорода. Жаркий влажный воздух сдавливал грудь. Влага конденсировалась на ветвях и листьях, начали падать тяжелые теплые капли. Одежда промокла насквозь. Капли постукивали мерно и глухо.

Десеню вспомнились весенние марсельские дожди — живые и звонкие. Он увидел клочки туч в ярком синем небе, увидел бегущие по улицам вспененные ручьи. Вода несла бумажные кораблики, они весело крутились в водоворотах, вырывались и, подпрыгивая на волнах, мчались дальше, к набережной.

Потом Десень вспомнил охоту на солнечных зайчиков. В детстве это было его любимой игрой. С запада к их дому примыкал заброшенный сад. Под вечер солнечные лучи упирались в оконные стекла, и тогда по саду разбегалось множество веселых зайчиков. Стекла вздрагивали от ветра, от чьих-то шагов и шума в этом вечном беспокойном доме; зайчики прыгали по дорожкам, пробирались в кусты, карабкались на деревья. Нужна была немалая ловкость, чтобы поймать зайчика. Но и пойманный — тут начиналось самое удивительное! — он вырывался на свободу. Он проходил сквозь ладонь! И если Жерар клал сверху другую руку или шапку, зайчик все равно выскальзы-

вал. Каждый раз. Зайчики были упрямы, охотник — тоже, он верил, что когда-нибудь ему повезет. Игра заканчивалась лишь с заходом солнца. Ах, как это увлекательно — ловить солнечных зайчиков!

...Из темноты дважды донесся треск: кто-то бродил вблизи. Десень сидел, положив на колени ружье.

Рассвет был долгим. Медленно, словно нехотя, отступала темнота, лес постепенно наполнялся голосами.

За ночь пальма заметно изменилась. Десень смотрел на нее с изумлением. Наросты набухли, стали крупнее. Сквозь слой воска пробилось множество длинных зеленых побегов. Изменился даже цвет коры: он стал более светлым.

А где-то в высоте, сквозь зеленый хаос, видна была пышная беловатая крона.

Пальма расцвела!

Точно следуя указаниям «Яджур-веды», Десень сделал глубокий крестообразный надрез в нижней части нароста. Брызнула струйка густого янтарного сока. Его было много, и Десень заполнил все фляги, даже флягу из-под питьевой воды. По стволу все еще стекал янтарный сок, к нему спешили муравьи.

С дорожным мешком за плечами Десень стоял возле дерева. Хотелось остаться и посмотреть, как завершится жизнь гигантской пальмы. Но нельзя было медлить: через сорок восемь часов сок будет непригоден для изготовления бальзама.

Он шел на запад, думая только о том, чтобы побыстрее выйти к морю.

Не было смысла экономить силы, и он старался не отклоняться от выбранного направления: прорубал проходы в зарослях бамбука, ломился через кустарник, полз под лианами, рвавшими одежду и царапавшими лицо. Не отдыхая, не останавливаясь, не сбавляя темпа, он пробивался сквозь джунгли.

После полудня в лесу стало темнее, наступила душная, гнетущая тишина. Замолкли даже цикады, и Десень услышал грохот приближающейся грозы. Казалось, накатывается гигантская волна, от которой нельзя уйти, нельзя укрыться. Он поспешно забрался под густые, пахнущие хвоей ветви старой араукарии. До кромки леса, по расчетам Десеня, оставалось не более двух километров, но идти под тропическим ливнем было невозможно.

Лавина воды обрушилась на лес, заполнила его ревущими потоками. Вода была сверху, снизу, вокруг, сам воздух был наполнен звенящей, клокочущей водой. Где-то наверху с оглушительным треском, перекрывающим рев воды и грохот грома, ломались стволы деревьев.

Через полтора часа ливень прекратился, и Десень снова пошел на запад. Идти приходилось по колено в воде. Только под вечер, увидев в просветах деревьев белые, неимоверно далекие облака, Десень понял, что гонка выиграна

и Миар получит достаточно времени для анализа.

Он выбрался к морю совсем близко от пакгауза. Шуршал прибой, дрожала протянутая к заходящему солнцу золотистая дорожка, мир снова стал бесконечно большим. И можно было дышать, сколько угодно дышать чистым воздухом моря.

Спал он на крыше пакгауза. Всю ночь снизу доносились тяжелые шаги. Миар спешил переработать пальмовый сок в бальзам.

«Вот я и поймал зайчика, — подумал сквозь сон Десень, — зайчик прятался в джунглях, но я его поймал».

Утром Миар показал ему пробирку с бурой маслянистой жидкостью — бальзамом Будды.

— Вы не зря спешили, — сказал Миар. — В соке накапливается кислота, постепенно разрушающая алкалоиды. Но вы успели, Жерар.

— А действие? — спросил Десень, вспомнив свою догадку.

Миар пожал плечами.

— Я пробовал на мышах. Самые противоречивые результаты! Одна мышь пришла в ярость. Вы ее увидите: маленькая белая фурия... Пришлось отсадить в отдельную клетку. Другая стала спокойной и ласковой. Третья, кажется, поумнела. Четвертая — поглупела... Нельзя сделать никаких выводов.

— Кроме одного, — возразил Десень. — Бальзам к а к - т о д е й с т в у е т. В конце концов действие алкоголя тоже не одинаково. Почему бы не допустить, что...

Миар решительно перебил:

— Ни в коем случае! У меня было сорок мышей. Четырех я оставил для контроля. Остальных разбил на четверки. Первая четверка получила минимальную дозу, вторая — больше... и так далее, вы понимаете. Так вот, дорогой Жерар, получается разная реакция внутри четверки. Согласитесь, что четыре человека, опрокинувшие по стаканчику, имели бы нечто общее, отличавшее их от другой четверки, выпившей по большому графину... А тут абсолютно индивидуальная реакция — независимо от дозы. Притом реакция необыкновенно устойчивая; я почти уверен, что она сохранится надолго. Может быть, навсегда.

«Рыбка» ушла в Мангалур — отвезти Китца и пополнить запасы пресной воды. Тем временем Миар продолжал опыты. Десень старался ему не мешать: вставал на рассвете, до полудня бродил по лесу и возвращался с сумкой, наполненной кореньями, стеблями, листьями. Миар посмеивался, наблюдая, как он сушит свою добычу. В засушенном виде, утверждал Миар, джунгли более приемлемы для цивилизованного человека.

Миар работал много, но говорил о бальзаме неохотно. Десень

чувствовал, что и для Миара становится очевидной необходимость опыта на человеке. На четвертый день Миар получил крупные оранжевые кристаллы, похожие на хромпик. Это было активное вещество, содержащееся в бальзаме.

— Красивый цвет, не правда ли? — сказал Миар, показывая Десеню реторту. В прилипших ко дну реторты кристаллах вспыхивали и гасли алые искры. — А ведь по структуре это вещество похоже на серотонин, который выглядит совершенно иначе. С вашего позволения, Жерар, мы назовем эти кристаллы десенитом. Пожалуйста, не возражайте. Когда вы вернулись из джунглей, у вас был вид беглого каторжника. Да, мой друг, классический вид каторжника после весьма нелегкого побега. Такие подвиги не должны оставаться без вознаграждения.

Десень усмехнулся:

— Превосходное вознаграждение — вещество, действие которого нельзя постичь... Послушайте, Поль, давайте говорить прямо. Нужен опыт на человеке. Мне кажется, само упоминание о непостижимости означает, что опыты на животных ни к чему не приведут. С животными все просто: здесь нет места для этой самой непостижимости. Другое дело — человек. Представьте себе, что бальзам действует на психику...

— Не считайте меня таким уж дураком, — перебил Миар. — Я пришел к той же мысли. Но требовалось время, чтобы найти противодействующее вещество. Найти и проверить на мышах.

— Отлично, — сказал Десень, — я выступлю в роли сорок первой мыши. А вы по-прежнему будете экспериментатором.

Миар не согласился.

— Нет. У вас неподходящий характер. Слишком хороший. Если бальзам действует так, как мы предполагаем, то логичнее, чтобы я был в роли мыши.

Они приступили к опыту в тот же вечер.

— Я отмерил минимальную дозу, — сказал Миар, встряхивая мензурку с бурой жидкостью. — Возможно, этого недостаточно. Тогда вы дадите мне еще одну дозу. Бальзам здесь, в темной бутыли, потому что на свету десенит постепенно разлагается. Итак, Жерар, эта бутыль с красной наклейкой, вы видите? Другая бутыль, вот эта, с синей наклейкой, — раствор нейтрализатора. Нужна такая же доза. Будьте осторожны, обе жидкости чертовски похожи — по цвету и даже по вкусу. Разумеется, при условии, что дикую горечь можно считать вкусом. Нейтрализатор действует, если его принимают не позже чем через час после приема бальзама. Это очень важно, Жерар. Очень важно. Не забудьте следить за временем: мало ли что может случиться...

Помолчав, он закончил:

— Вот и все инструкции. Я наведаюсь к мышам, посмотрю, и мы, пожалуй, начнем.

Десень внимательно разглядывал бутылки с бальзамом и нейтрализатором. Действительно, не мудрено спутать: они абсолютно одинаковы, единственное их отличие — узкие полоски цветной бумаги.

Реторты, колбы, склянки — ни на одной нет надписей. Это лаборатория Миара, никто другой не смог бы здесь работать. «Что ж,— подумал Десень, — в конце концов на растениях тоже нет надписей, а я их как-то различаю...»

Десень с досадой захлопнул крышку часов: прошло тридцать четыре минуты с начала опыта, действие бальзама не ощущалось.

— Так что же вы чувствуете? — снова спросил он.

Миар пожал плечами.

Он сидел у стола и машинально рисовал чертиков на чистом листе бумаги. Чертики выстраивались ровными рядами.

— Никаких отклонений, Жерар. Если вам не надоело считать мой пульс, пожалуйста...

Десень отошел к окну. Лохматое красное солнце спускалось к серой полоске облаков на горизонте, и, едва оно коснулось этой полосы, кромка облаков вспыхнула оранжевым пламенем. Десеню вспомнилась солнечная колоннада в лесу. Он видел ее, возвращаясь с пальмовым соком, вскоре после окончания ливня.

Он брел тогда в полумраке, по колено в мутной воде. Трудно было сохранять равновесие, ступая по ослизлым сучьям и листьям. Чтобы не упасть, он цеплялся за свисавшие стебли лиан — и на него обрушивались потоки воды, застоявшейся в густых ветвях деревьев.

Внезапно где-то наверху солнце вырвалось из-за туч: множество ярких лучей пронзило джунгли. Перед изумленным Десенем возникла бесконечная колоннада: столбы света, строго параллельные и расположенные в каком-то неуловимом порядке, поддерживали зеленую твердь леса.

Еще ни разу за долгие годы своих путешествий Десень не видел ничего подобного. Забыв о том, что нужно спешить, он рассматривал гигантский зал с ослепительными колоннами.

Прошелестел ветер. Колонны дрогнули, сузились. Теперь они были похожи на льющиеся сверху золотистые струи: в лучах переливалась, кипела, искрилась мошкара. Десень подумал, что красота, наверное, непостижима, если самое волшебное зрелище можно сделать из простых лучей света и мошкары!..

Новый порыв ветра раздробил лучи. Они потускнели и быстро погасли. Десень знал, что джунгли навсегда останутся в его памяти такими, какими он увидел их в эти короткие минуты.

Расчищая ножом путь, он добрался до невысокой кокосовой пальмы, вскарабкался по лианам наверх и сорвал молодые орехи. Из-за широких листьев рафинофора высунулась остренькая

обезьянья мордочка; черные глаза ошеломленно уставились на человека.

— Не бойся, — сказал Десень, и обезьянка, пискнув, скрылась.

Лишь исключительное сочетание условий — определенная высота леса, какое-то особое расположение наблюдателя относительно деревьев и солнца — могло создать солнечную феерию. Десень с сожалением покидал это место. Он думал о том, что лучи, проникнув в глубину, высветили душу джунглей. Быть может, так действует и бальзам, открывая в человеческой душе нечто непостижимое?

...Сорок одна минута.

Миар продолжал рисовать чертиков. Но что-то изменилось в рисунке — Десень это заметил и подошел ближе.

Порядок нарушился: чертики были причудливо разбросаны по листу. Некоторые из них держались за руки, образуя цепочки.

— Черти, кажется, разбираются в химии, — сказал Десень. — Вот шесть чертей взялись за руки. Чем не бензольное кольцо? И тут еще два таких кольца... Послушайте, Поль, да ведь это фенантреновая группа!

— Я рисовал, ни о чем не думая, — ответил Миар, внимательно разглядывая рисунок. — Только чтобы занять время. Фенантреновое кольцо? Да, похоже. Очень похоже. Бог мой, Жерар, — голос у него дрогнул, — это может быть формулой морфина...

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил Десень.

— Здесь должны быть две гидроксильные группы... Здесь и здесь. Полгода искать и не увидеть такой возможности! Я нащупывал эту формулу еще до отъезда и сейчас отчетливо вижу...

— Вы забыли про бальзам, — перебил Десень.

— Бальзам? Что вы хотите сказать, Жерар?

Десень не ответил. Так всегда, думал он, мы не предусматриваем даже самых простых вариантов. Надеемся, что решение можно будет принять по ходу дела. И в спешке ошибаемся. Не следовало напоминать о бальзаме. Надо было наблюдать, только наблюдать.

— А ведь вы правы, — сказал Миар, вставая из-за стола. Он смотрел на Десеня невидящим взглядом и, казалось, к чему-то прислушивался. — Это бальзам. И если бы вы теперь спросили, что я чувствую... Ясность мышления — вот что. Как будто бальзам смазал там шестеренки, — он постучал по лбу, — и они завертелись быстрее, лучше... Бог мой, этому бальзаму цены нет!

Десень взглянул на часы. Сорок четыре минуты.

— Потом может наступить упадок сил, — сказал он.

— Ни в коем случае! Вы же видели на мышах: депрессии не бывает. Нам нечего опасаться, давайте продолжим опыт. Я принял мизерную дозу. У этого питья отвратительный вкус, но чего не вы-

терпишь ради науки... Давайте увеличим дозу вдвое, а? Что вы на это скажете?

Он быстро ходил из угла в угол, почти бегал. Впрочем, такова была его обычная манера.

— Я не понимаю вас, Жерар, — продолжал он. — Все шло так хорошо — и вдруг вы хотите прервать опыт. Почему?

На полке, совсем близко от Десеня, стояли две одинаковые склянки с узкими бумажными наклейками — красной и синей. Склянки вздрагивали от резких шагов Миара.

— Опыт закончен, — сказал Десень. — Примите нейтрализатор, и разберемся в результатах.

— В чем тут разбираться? Бальзам усиливает мыслительные способности — ясно и так. Подумайте, Жерар, я вывел формулу морфина, не замечая даже усилий! За сегодняшний вечер мы решим дюжину таких задач. Представляю физиономию Пшорра — он тоже ищет формулу морфина...

— Вы ошибаетесь, Поль, считая бальзам усилителем мыслительных способностей.

— Но формула, вот эта формула, — Миар подбежал к столу и ткнул пальцем в лист бумаги. — Как вы можете утверждать...

— Могу, Поль. Я думал об этом раньше — и был на шаг от догадки. Я наблюдал за вашими мышами. А теперь я вижу, как бальзам действует на человека... Успокойтесь и выслушайте. Дело намного сложнее, чем вам кажется. Бальзам — универсальный усилитель. Он усиливает все особенности характера. Не знаю даже, как сказать: характера или ума. Так или иначе — он усиливает все качества. Именно это делает его действие непостижимым. Пожалуйста, не перебивайте, Поль... Из обычного человеческого «я» бальзам делает «Я» большое, даже грандиозное. Да, бальзам способен превратить талант в гениальность. Зато из человека с едва ощутимыми задатками жадности бальзам сделает Шейлока. А человека, едва склонного к подозрительности, он превратит в Отелло... Мне трудно это сформулировать, вы улавливаете мою мысль, Поль? Этот бальзам... так действуют некоторые фотографические реактивы: усилитель делает изображение более резким, а закрепитель фиксирует это контрастное изображение. Настолько ли хорош современный человек — вы, я, любой, — чтобы усилить... не знаю, как сказать, спектр наших качеств, что ли, и закрепить, навсегда закрепить в усиленном виде?

— Сегодня вы многословны, мой друг. Можно сказать короче. Допустим, формула человеческого сознания a плюс b плюс c. Тогда действие бальзама...

— Но почему так примитивно, почему только «a», «b», «c»?

— Бог мой, на самом деле в формуле могут быть сотни величин. Это не меняет сути дела. Так вот, бальзам превращает a в a^3, b — становится равным b^3, c — c^3. И так далее. Вы это имели

в виду? Бальзам усиливает все качества, утверждаете вы, плохие и хорошие — и какое-нибудь незаметное раньше c, превратившись в c^3, может стать опасным. Я правильно вас понял? Не буду сейчас обсуждать вашу догадку. Допустим, она верна. Но объясните: почему надо прерывать опыт? Я не стал ни венецианским купцом, ни венецианским мавром. Бальзам позволяет мне лучше думать — и только.

— Вы приняли бальзам сорок восемь минут назад. Еще четверть часа — и нейтрализатор не подействует.

— Что ж, прекрасно. Поймите, Жерар, у меня бальзам усиливает только мышление.

— Неизвестно. В других обстоятельствах...

— Бог мой, как вы сегодня недогадливы! Вы же видели: сила мышления, будучи увеличена, проявилась даже непроизвольно. Она прорвалась, понимаете? Но только она одна! Согласно вашей гипотезе это редкий, но благоприятный и безопасный случай. Так почему бы нам этим не воспользоваться? Ведь и дальнейшее изучение бальзама пойдет быстрее, если мы будем лучше соображать.

«Смешно, — подумал Десень,— я пытаюсь состязаться с ним в логике. Это его стихия. Логика и упрямство... Впрочем, тут сложнее: упрямство, подхлестнутое бальзамом, заставляет служить себе логику. Конечно, все дело в бальзаме! Появился этот самый c^3. Иначе Поль увидел бы опасность... Глупое положение. Чтобы прекратить действие бальзама, нужно принять нейтрализатор. А чтобы Поль принял нейтрализатор, должно прекратиться действие бальзама. Заколдованный круг. И как еще заколдованный!..»

— Я ожидал от вас большей решительности, — говорил Миар. — Видимо, путешествия расслабляют волю исследователя. Все эти поездки, прогулки, плавания слишком приятный способ познания... Не принуждаю вас. Но мое право — решать за себя. Если за час я могу узнать то, на что при обычных условиях потребуется десять лет, зачем мне эти десять лет?

— Послушайте, Поль...

— Достаточно, Жерар. Не станем же мы принуждать друг друга. Каждый решает за себя. Так будет разумно и справедливо.

— Справедливо? — переспросил Десень.

Ему вспомнился постоялый двор у переправы через Рио-Гранде. Однорукий Аумадо кричал тогда о справедливости, а рядом с ним лежали два пистолета, и Десень знал, что заряжен только один из них. Только один... Нелепая идея: то, что удалось с подвыпившим Аумадо, не удастся с Миаром. Но другого выхода просто нет.

— Пожалуй, вы правы, — тихо сказал Десень. — Я согласен. Пусть будет по-вашему.

Он снял с полки склянку и протянул ее Миару.

— Вот бальзам.

Единственная возможность — сыграть на упрямстве и логике. Пусть Поль что-то заподозрит; подозрительность — великолепный трамплин для глупости... и ума. С этого трамплина прыгают одинаково.

— Поверьте, ничего не случится, — миролюбиво произнес Миар, принимая склянку. Он почти напевал. — Ничего не случится, ничего...

В глубине комнаты был полумрак, но Десень видел, какими точными движениями Миар отмерял в мензурке бальзам. «Там совсем темно, — подумал Десень, — что можно заметить в такой темноте?..»

Внезапно Миар поставил мензурку на стол и с бутылью в руках направился к окну. Он внимательно всматривался в красную наклейку. Он прямо-таки впился в нее взглядом.

— Почему этот конец отклеен? — спросил он. — Посмотрите...

— Не знаю, — быстро ответил Десень.

— Мой бог, Жерар, кажется, вы хотите меня провести!..

— Но...

— Вы поменяли этикетки?

— О чем вы говорите, Поль?

— Ну, конечно! Теперь я понимаю, почему вы уступили... И так охотно дали мне эту бутыль.

— Это бальзам, поверьте, — сказал Десень. Голос его прозвучал, как надо, — очень честно.

Миар пожал плечами.

— Я заметил что-то странное в вашем поведении. Не хотелось верить, что вы можете прибегнуть к таким... аргументам.

— Это бальзам, — повторил Десень. И снова его голос прозвучал, как надо.

Буркнув что-то, Миар поставил бутыль на полку.

— Когда вы это сделали? — спросил он. — Неужели еще до опыта?

Он взял другую бутыль, внимательно оглядел синюю наклейку и удовлетворенно усмехнулся.

— Ну вот. Здесь тоже наклеено не так. Я отлично вижу! Быть может, вы руководствовались самыми лучшими побуждениями, но, право, Жерар, вы злоупотребили моим доверием.

«Все-таки есть на этом свете справедливость, — подумал Десень, — даже встреча с Аумадо может чему-нибудь научить... Но как силен c^3!»

— Вы ловко проделали это, — продолжал Миар. — Вот только слишком охотно передали мне бутыль с красной наклейкой. Я сразу подумал: почему? И вывод напрашивался сам собой... Ладно. Теперь все ясно, возобновим опыт. Ведь вы не будете мне мешать?

Десень смотрел, как Миар отливает из бутыли с синей наклейкой двойную дозу вязкой темной жидкости. «Что ж, на здоровье! Двойная доза нейтрализатора нисколько не повредит. А потом мы спокойно поговорим. Без этого проклятого c^3.

Весь день шкипер до хрипоты ругал Даниэля Китца, всучившего ему амулет из змеиной кожи. Амулет должен был притягивать попутный ветер, но паруса «Рыбки» тяжело висели на реях. Воздух, прокаленный тропическим солнцем, был неподвижен. Шкипер клялся, что выбросит паршивый амулет за борт. Он поносил родственников Китца, потом всех англичан вообще, потом родственников всех англичан, пока не дошел — по какой-то странной ассоциации — до римского папы. И тогда с оста потянуло ветерком.

— Вот, мсье, — сказал шкипер, показывая Десеню амулет, подвешенный на кожаном шнурке. — С этими штуками всегда так. Потребуйте с них как следует, и они все сделают.

С наступлением темноты ветер окреп. Шкипер настороженно прислушивался к поскрипыванию мачт, но парусов не убирал...

— Даниэль Китц продолжает нам покровительствовать, — сказал Десень. Он и Миар сидели за рубкой, там не было ветра. — Странный человек этот Китц. Не могу представить, каким бы он стал, приняв бальзам. Из таких людей бальзам должен делать злодеев или святых. Вот оно, непостижимое...

— Может быть, — отозвался Миар. — Очень может быть... Вы знаете, Жерар, я до сих пор не освоился с нашим решением. Логически все правильно, тут не о чем спорить. И все-таки... Смысл науки в том, чтобы открывать людям новое. Но мы, открыв это новое, решили его не оглашать... Я хочу, чтобы вы меня поняли, Жерар. Нет никаких сомнений, что бальзам может оказаться и величайшим благом и величайшим злом. Но ведь это не впервые: порох, например, и добро и зло. В конце концов даже огонь, самое древнейшее открытие, тоже добро-зло. Нет другого пути для прогресса: нужно идти через такие открытия... Подождите, Жерар, я еще не все сказал. Так вот, я чувствую, что бальзам, с его каким-то совершенно особенным добром-злом, отличается и от огня, и от пороха, и от пушек. Но чем? Большей величиной добра-зла?

— Вы хорошо сказали, Поль: добро-зло... Да, любое открытие содержит это самое добро-зло. Но всегда видно, как используется открытие — для зла или для добра. С бальзамом иначе. Добро или зло — дать его Китцу? Добро или зло — дать его любому человеку?.. Обычно открытия относились к тому, что вне человека. Во всяком случае, они не затрагивали человеческой сущности. И только бальзам... Машины возвеличивают или угнетают человека, но они остаются вне человека. Когда же вы начинаете менять сознание... О, тут можно сделать из человека прекрасного бога или мерзкого зверя!.. Да, Поль, современная наука преобразовала мир. Железные дороги, электричество, дирижабли, синематограф братьев Люмьер,

опыты с телеграфированием без проводов... Но теперь я вижу огромный материк, еще не открытый наукой. Сознание человека, его мышление. Даже шире — сущность человека. Тут, как на контурной карте, отмечена только береговая линия. Мы пока не знаем, что там, в глубине материка. Власть тоже меняет человека. А что мы об этом знаем? Кто это изучает? Где формулы, по которым можно рассчитать, что получится из Китца, если дать ему власть Чингисхана или богатство Ротшильдов?.. Нужно понять, каков человек.

— И каким он должен стать.

— Да. Не зная этого, нельзя использовать бальзам. Быть может, удастся открыть и другие средства воздействия на мозг, на сознание человека. С ними возникнет та же проблема. Мы вступаем в неисследованный мир... Странная мысль, Поль, но мне кажется, где-то впереди главная наука. Быть может, ее назовут человекологией. Наука о превращении человека в Человека с большой буквы. Наука о том, каков человек и каким он должен стать, в чем цель существования человечества. Иначе мы никогда не будем знать, что нужно человеку.

— Опасная наука. Найдутся оппоненты, которые будут возражать свинцом. Опыты придется ставить на баррикадах...

— Мой дед был коммунаром, Поль.

— Жаль все-таки, что надо молчать о десените...

Десень ничего не ответил. До слез обидно, когда убегает зайчик. А ведь он был пойман, изумительный зайчик, о котором можно только мечтать...

К ним подошел шкипер.

— Команда собирается отметить праздник, — сказал он. — Отчаянный народ: у них только прокисшее бомбейское вино, но они осмелились пригласить вас, мсье Жерар, и вас, мсье Поль.

Десень рассмеялся, он насквозь видел шкипера.

— Мы придем, Жан, спасибо. Помнится, в Марселе нам доставили анкерок бургундского. Если отчаянный народ не будет возражать...

— Они неприхотливы, мсье.

— У меня в каюте, — сказал Миар, — вы обнаружите и коечто покрепче. Справа, на полке.

— Я видел, мсье Поль. Издали. — Шкипер кашлянул. — Ребята будут довольны. Длинный Жорж с утра сочиняет тост...

Гудели туго натянутые паруса. Маленькая шхуна, подхваченная ветром, отважно летела сквозь ночь.

— Мы даже не заметили, как прошло рождество, — тихо сказал Миар. — Подумать только, кончается девяносто девятый год. Еще несколько часов — и мир вступит в двадцатый век...

«Каким он будет, — думал Десень, — этот новый век? Век науки? Конечно. Век революций? Да. Век искоренения злобы, варварства, войн? Безусловно».

— Двадцатый век, — продол-

жал Миар, — вот кому принадлежит наше открытие. Мы не долго будем держать его в тайне. Наступает новое время — просвещенное, гуманное...

Десень молча пожал ему руку. Что поделаешь, зайчик выскользнул и удрал. Ладно, зайчик, беги! Ты еще не раз будешь удирать. Но когда-нибудь мы тебя поймаем. Придет такой день.

Придет!

БОРИС ЗУБКОВ,
ЕВГЕНИЙ МУСЛИН

Аквариумы

Сотрясая землю, обрушился грохот. Он вскочил на ноги, словно собака, на которую опрокинули котел с кипящей похлебкой. Огромный фургон уносился по стеклобетону шоссе, оставляя клубы дыма, мгновенно превратившие Прайса в копченого угря. Прайс судорожно зевнул, пытаясь поймать ртом хоть капельку чистого воздуха. Нестерпимо заныли отекшие ноги. Вот уже в третий раз он отсыпается днем. Спит на грязных обочинах, скорчившись, между ревущей лентой шоссе и прозрачной стеной силового поля, защищающей от непрошеных вторжений изумрудные газоны частных владений. А чуть стемнеет, вновь, как ночной зверь, пускается в путь. Ночные странствия утомительны, зато ночью проезд по скоростной трассе стоит дешевле.

Прайс отряхнулся, выдернул из волос репейник и бросился к автомобилю. Со всех сторон слышался скрежет двигателей, лязгали и чавкали дверцы машин. Заспанные автобродяги вылезали из сточных канав и готовились к старту по сниженному тарифу.

Теперь не зевай! Проканителишься — застрянешь надолго. Он хорошо запомнил, как три недели назад, проезжая через Восточную Пустыню, попал в дорожную пробку, растянувшуюся на пятьсот миль. С едой было еще ничего: коробки галет и сухих завтраков сбрасывали с вертолетов. Но вода! Он впервые испытал муки жажды. Сгрудившиеся на шоссе машины превратились в раскаленные утю-

ги. Обжигая пальцы, он откидывал звенящий от жары капот, опускал носовой платок в дыру радиатора и жадно сосал ржавую воду...

Прайс нервно нажал на стартер и, задевая соседние машины, выехал на трассу № 17 — Юго-Восток. Когда стрелка спидометра доползла до цифры «пятнадцать», он бросил руль. Машина пойдет сама. Вся власть на трассах — в руках кристаллических полицейских. Их сторожевые башни понатыканы через каждые шестнадцать миль. Править вручную бесполезно и опасно. Дорога напоминала вздувшуюся реку. Бесконечный поток жестяных клопов, до краев заполнивших стеклобетонную ленту, медленно стекал на восток, к океану. Впрочем, грех жаловаться: скорость — целых пятнадцать миль. Даже чуть больше. Каждой ночью на сто миль ближе к цели. Подумать только, какие-нибудь две сотни лет назад люди передвигались на лошадях вдвое медленнее. Прогресс виден во всем!

Он привстал и высунулся в обзорную дыру на крыше машины. Он увидел только такие же автомобильные крыши, которые тянулись до самого горизонта. Машины двигались без дюйма зазора, не отставая и не перегоняя друг друга, будто приклеенные.

В машине рядом что-то глухо стукнуло, будто упало человеческое тело. Прайс вздрогнул. Может, с соседом плохо и он повалился на пол? Лежит, уткнувшись носом в грязный резиновый коврик, схватившись рукой за сердце? Чепуха, просто шалят нервы. Соседа сморил сон. Не больше. Помочь все равно невозможно, дверцы плотно прижаты другими машинами.

Прайс проглотил успокоительную таблетку «Шок» и затих. Лишь на всякий случай приготовил спасательные когти.

Под равномерный скрип рессор Прайс задремал. Ему снились похороны. Траурный кортеж медленно плыл под звуки электронного органа. Крышка гроба из лучшей хромоникелевой стали играла в свете луны. Черные вороненые роботы толпились у ворот кладбища... Пронзительный металлический голос заорал в ухо:

— Близок день страшного суда!

В следующее мгновение его стукнуло головой о приборный щиток, потом бросило на рулевую баранку так, что прогнулись ребра. Еще через секунду, намертво схваченный спасательными когтями, Прайс повис в них, как моллюск в клешнях рака. Когти, до крови впиваясь в кожу, оттащили назад, вдавливая в спинку кресла. Оглушительный удар! Лязг раздираемого металла... Машина с воем сверлила воздух, падая в бездонную пропасть...

Голос с металлическим призвуком орал, перекрывая лязг и стук:

— Если хочешь уцелеть, покупай искусственные органы фирмы «Медикал-секьюрити»! Гуттаперчевая печень не боится ударов! Металлические суставы прочнее ко-

стяшек! «Медикал-секьюрити» — гарантия безопасности!

...Машина давно уже перестала кувыркаться, а Прайс никак не мог успокоиться. В висках стучало, перед глазами плыли радужные круги. Он сам старший коммивояжер «Медикал-секьюрити» и знает, что такое Проникающая Реклама... Знает понаслышке... Но куда страшнее один раз испытать, чем сто раз услышать... Конечно, специалисты из отдела сбыта и конъюнктуры по-своему правы. Как иначе рекламировать товары автозатворникам, этим механизированным человеческим улиткам, не высовывающим носа из своих наглухо запертых металлических коробок? Моя машина — моя крепость!.. Как бы не так! Прайс злорадно хихикнул, но тут же его тело пронизала электрическая судорога. Голубые молнии неистово застучали по крыше, от металлических частей посыпались искры. Запахло жженой резиной...

— Каучуковые изоляторы марки «Трум» спасут вас даже от электрического стула, — интимным шепотом пропел над ухом бархатный баритон.

Потом он задыхался и плакал от едких слезоточивых газов — это «Галактический герметик» рекламировал непроницаемые прокладки для стекол и дверей. И тут же, минуя всяческие герметические прокладки, его обдували струями ледяного воздуха. Он замирал до посинения, слушая хвалебный панегирик купальным трусикам с автоматическим и радиоактивным обогревом. Чья-то пухлая рука шарила за пазухой, и хихикающий женский голос осведомлялся, не желает ли он приклеить на грудь искусственную силоновую шевелюру, придающую деловому человеку исключительно мужественный вид. Толпа полиэтиленовых мертвецов царапала днище машины костлявыми пальцами, хрипло напевая стишки о самой лучшей на том и на этом свете антикоррозийной пасте...

Прайс понял, что попал в самый эпицентр воздействия Проникающей Рекламы и не обретет покоя ни днем ни ночью. Теперь единственная возможность спокойно отдохнуть — укрыться в гостинице, оборудованной специальными магнетощитами, непроницаемыми для психолучей Проникающей Рекламы. Конечно, гостиница, да еще с магнетощитами, — это роскошь, непредусмотренная трата, лишние десять монет, но он должен отдохнуть.

Как только стаял утренний туман, он свернул в сторону, выскальзывая из необозримой автомобильной реки.

Дорога предательски извивалась, играя в прятки со скалистыми холмами. На второстепенных трассах еще не построили башни для кристаллических полицейских. Тут гляди в оба! Обочины густо усеяны ржавыми останками машин, сокрушенных в бесчисленных авариях.

Холмы сменились изумрудно-зелеными лугами. Предупреждающие огни силовых завес, охраняю-

щих частные владения, почему-то не горели. Прайс притормозил. Не посидеть ли на травке под ласковым солнышком? Бесплатно! Силовые завесы, видимо, ремонтируют.

Он вышел из машины и с наслаждением растянулся на траве, раскинув онемевшие ноги. Но тут же вскочил, громко проклиная все и вся: под изумрудным ковром захлюпала грязная болотная жижа.

Последние мили он ехал не останавливаясь, с отвращением щупая, не просыхают ли провонявшие тиной брюки. Наконец показались первые дома — приземистые кирпичные пирамиды с зарешеченными глазницами окон. Перед домами на крошечных газонах дребезжали незатейливые суперскульптуры — густо утыканные остриями железные шесты и прутья. Он проехал мимо большой пустынной площади, где возвышались совсем загадочные нагромождения стеклянных кубов и призм.

«Похоже на грандиозный склад аквариумов, — лениво подумал Прайс. — Но зачем здесь аквариумы?»

В гостинице девица-портье, раскрашенная, как индеец, вышедший на тропу войны, покосилась на его испачканный в болотной жиже костюм и мотнула головой в сторону Автоматического Опознавателя. Серый металлический ящик сыскного автомата стоял, как обычно, возле лифта.

Прайс сунул указательный палец в дыру автоматического сыщика. Как всегда, его охватил привычный страх: вдруг забарахлит какой-нибудь транзистор величиной с маковое зернышко и неумолимая электронная картотека, упрятанная за тысячи миль отсюда, в подвалах Федерального Сыскного Центра, ошибется, примет его за давно разыскиваемого убийцу, злостного неплательщика налогов или просто бродягу. Тогда надрывно завоет сирена, пыхнет в лицо дурманящий газ. И временно парализованный, он будет валяться на зеленом пластике вестибюля, дожидаясь приезда полицейского фургона.

К счастью, ничего подобного не случилось. На сером ящике автомата загорелась зеленая лампочка, удостоверяя благонадежность клиента.

Шагая за раскрашенной девицей по коридору семнадцатого этажа и предвкушая долгожданный отдых, коммивояжер приободрился и даже смерил свою проводницу игривым взглядом. «Ничего, милая!» И тут же вздрогнул от отвращения. Огромные ступни ног с кривыми подагрическими пальцами и плоскими ногтями светились в полутьме коридора синевато-сизым светом. Сапожки из серии «Улыбки морга» — шуточки моды. В наше время смешно быть чересчур брезгливым. Прослывешь старомодным слюнтяем.

Прежде чем лечь, Прайс выключил телевизор и наглухо задраил окно. Из динамика, скрытого где-то в стене — потом он все же

отыскал его, — раздался голос портье:

— Мистер Прайс, не желаете ли опустить на ваше окно электроразрядную решетку типа Цербер? Это стоит сущие пустяки.

— Валяйте! — раздраженно пробурчал Прайс и накрылся одеялом из гофрированной бумаги.

Несмотря на приятные покачивания койки из синтетической паутины, сон упорно не шел. Вытянутый прямоугольник окна совсем почернел, когда глаза стали слипаться. Как раз в эту минуту из-под стола выскочили четыре красных скелета. Они запрыгали по комнате, выстукивая друг у друга на ребрах, словно на ксилофонах, бодрый цирковой марш. Они завывали, как несмазанные роботы-зазывалы в захолустном балагане.

— Если тебя тревожит по ночам нечистая сила, зайди в лавочку Микки Спилейна, лучшего психиатра-астролога на всем Западном побережье, — нестройным хором гнусаво кричали призраки.

Коммивояжер как ужаленный вскочил с кровати и повернул выключатель. Проникающая Реклама провинциального психиатра... Этого еще не хватало! Подлецы эти владельцы гостиниц, за что только деньги берут. Где же их непроницаемые магнетощиты, патентованная защита от рекламных психолучей? Где?

Он отыскал за обоями раструб динамика и заткнул его пижамными брюками. Потом нашел под столом мельчайшие отверстия, через которые проникали в комнату объемные кинотени, и залепил их мозольным пластырем.

Прайс снова улегся на койку из синтетической паутины. Еще неделя — и он у цели. Конечно, это безумно расточительная затея — отправиться на Южное Побережье, чтобы вволю надышаться настоящим воздухом. Разорительная прихоть, катастрофа для семейного бюджета. Угробить трехлетние сбережения ради нескольких глотков морского воздуха!

Впрочем, если живешь весь свой век в городе, который окутан плотным покрывалом Синтетического Воздуха, такое расточительство можно понять и простить. Разумеется, Синтетический Воздух насыщен лучшими ароматами, стерилизован и витаминизирован в полном соответствии с требованиями Департамента Социальной Гигиены и Реформы Благоденствия. И все же от него в горле першит так, будто там скребут ногтями тысячи механических чертиков, которых в виде сюрприза вкладывают в рождественские покупки. Натуральный Воздух сохранился лишь в немногих заповедных местечках вроде Южного Побережья. Нет, не зря он три года не позволял себе самой крохотной радости, старался скопить нужную сумму. Вот он, маленький серый бумажник, и в нем чековая книжка. Ее не выманит у него даже самая распроникающая реклама.

Он будет ходить по настоящему морскому песку, а не по какой-

нибудь там размолотой пластмассовой крошке, как на дешевых курортах. Он будет купаться в чистом изумрудном море, где не нужно обтягивать тело скользкой предохранительной пленкой. Доктор Мом говорил, что на Южном Побережье вода почти не ядовита. А доктор Мом знает толк в подобных вещах, ему можно верить. Он стреляный воробей, этот биохимик, тертый калач. Сколько раз благодаря его таланту юристы выигрывали самые безнадежные дела, связанные с химической продукцией фирмы! Взять, к примеру, знаменитый процесс с метиловыми добавками к спиртным напиткам. От них подопытные крысы дохли как мухи, а Мом доказал, что метил, повышая крепость алкоголя, способствует еще развитию музыкального слуха. «Послушайте, как поет любой забулдыга, и вы сами убедитесь в этом, сэр», — сказал он тогда судье.

Интересно, есть ли в море живые рыбы или они сохранились только в аквариумах? В детстве у него тоже был аквариум. Круглый такой, из дешевого зеленого стекла. Но все равно через мутную стенку он хорошо видел и рыбок и ракушки...

М-да, аквариум... Спать он будет в палатке, у самого моря. Без надоедливого жужжания вентилятора, просасывающего воздух сквозь фильтры и нейтрализаторы. Еще бы! Толстосумы, живущие на курортах, недаром содержат специальных детективов. Их единственная обязанность — следить, чтобы никто не отравлял по ночам воздух промышленными отходами. На курортах нет миазмов, которыми мы дышим всю жизнь в городе...

Так о чем он сейчас думал? Да, об аквариумах. Занятная штука. Однажды он побывал в доме у одного клиента, странного чудака. Пытался ему всучить эликсир от супружеской измены, заодно растворяющий зубной камень или еще что-то в этом роде. Но чудак был просто помешан на рыбах. Ни о чем другом он и слушать не хотел. Фанатик и сам походил на неуклюжую сухопутную рыбу. Он принял Прайса в стеклянном кабинете с двойными стенами, двойным полом и двойным потолком. Сверху, с боков, снизу — везде плавали рыбы. Они тыкались тупыми мордами в стекла, будто прислушивались, что говорит хозяин. Мебель — письменный стол, кресла и даже несгораемый шкаф — все это были аквариумы причудливой формы.

«Сейф, наверное, из пуленепробиваемого стекла», — подумал Прайс, но вслух ничего не сказал. Старинная батарея водяного отопления — и та была совершенно прозрачна, а в кипящей воде, вяло шевеля плавниками, лениво плавали радужные шары. От непрерывно движущегося рыбьего хоровода, от множества выпученных глаз и оскаленных морд у Прайса закружилась голова. Он схватился за низкую тумбочку, что-то вроде ночного столика, украшенного медными пластинками. Хозяин и рта

не успел открыть, как Прайса скрючило от нестерпимой боли. Тумбочка оказалась рыбьей электростанцией, освещавшей весь дом. Оливково-зеленые твари, усеянные желтыми пятнами — уникальные высоковольтные угри, — недоуменно глазели на ошеломленного коммивояжера.

Может быть, чудаковатый клиент не так уж глуп?

Чем рыбы хуже людей?

Молчаливые, они настраивают на философский лад и учат довольствоваться малым. Разноликие и пестрые, они украшают нашу жизнь. Беспомощные, они не способны подстраивать гадости.

Надо все стены и крыши домов, театров, деловых контор превратить в гигантские рыбьи жилища. Днем через стеклянные крыши будет просвечивать солнце, но вода умерит его пылающий жар, ночью по лунному диску бесшумно поплывут прозрачные тени рыб.

Быть может, тогда и люди станут мудрее и спокойнее, глядя на своих величавых, неторопливых собратьев.

Аквариумы облегчат житейское бремя! Золотые рыбки научат нас жить в мире и согласии! Пусть его сын Генри уже большой, все равно они оба навсегда остались мальчишками. Они купят аквариумы, аквариумы, аквариумы! По воскресным дням вместе с Генри будут менять воду, протирать перламутровые ракушки, кормить рыбок. Скорей бы пришли счастливые дни. Скорей!

Аквариумы!

Набросив на плечи пижаму, Прайс, захваченный внезапным порывом, стремглав выскочил в коридор. Хлопали двери, выбегали полуголые люди. Глухой шум доносился снаружи. На улице бушевала толпа. Тусклые фонари светились в мокром тумане, как мороженые лимоны. Придерживая рукой заветный бумажник, Прайс бежал вместе со всеми. Спотыкался, отталкивал тех, кто наседал сбоку, старался перегнать тех, кто впереди, оглядывался на бегущих сзади: не перегонят ли, не поспеют ли отставшие вдруг первыми к заветной цели.

Вместе с толпой он очутился на городской площади. Здесь деревянные загородки — их, видимо, успели поставить вечером — разрезали человеческое половодье на несколько рукавов. По узким проходам, сминая друг друга, люди проталкивались в центр огромной площади. Там высилась уже знакомая Прайсу гора стеклянных коробок.

«Аквариумы!» — молнией пронеслось в мозгу Прайса.

...Продавцы в черных кожаных куртках работали без передышки. Прайсу посчастливилось, ему удалось довольно быстро протиснуться к грубо сколоченному прилавку из неоструганных досок. За ним стоял здоровый рыжий детина в грязном резиновом колпаке. Засучив рукава, рыжий выхватывал из длинного штабеля очередной аквариум, совал в него резиновый шланг и пускал воду. Пока вода натекала, он получал чеки и день-

ги, кидал в аквариум трех-четырех рыбок из жбана, стоящего сзади него, и опускал туда красный деревянный кружок, чтобы вода не расплескивалась. Грызя от нетерпения ногти, Прайс бросил продавцу две кредитки. Сдачи он ждать не стал. Взвалил сорокафунтовый аквариум на плечо и, не почувствовав тяжести, помчался назад, в свой мотель. На мокрой мостовой валялось битое стекло. Ноги разъезжались в скользких лужах.

Прайс едва увернулся от тяжело пыхтевшего старика, который вынырнул из тумана прямо у него под носом. Старик тащил на плече длинный аквариум, похожий на стеклянный гроб, и чуть было не застрял в крутящейся двери мотеля. Дверь вертелась, словно мельничное колесо в паводок. Бесконечная цепочка муравьев-постояльцев с аквариумами на плечах раскручивала ее все быстрее и быстрее. Взбежав на третий этаж, Прайс сбросил аквариум на пол и снова помчался на площадь.

Электрические часы пробили полночь.

«Как будто мне пора ехать», — подумал Прайс, но тут же забыл об этом. Смутная мысль чуть шевельнулась на дне сознания и погасла, как свеча на ветру.

Он оставил в номере второй аквариум и побежал за третьим, потом за четвертым, пятым, шестым...

Четырнадцатым, пятнадцатым...

Он уже не доносил аквариумы до мотеля, бросал их где-то на полпути и бежал снова за вожделенной добычей. Плечи ныли от тяжести стеклянных призм, шаров, полушариев, пирамид. Он промок с головы до ног, аквариумы выплескивали на него ведра воды, его бил озноб — с континента дул ледяной ветер.

Когда он окончательно выбился из сил, сон бросил его на пол, он даже не смог взобраться на кровать!

Утром завыла сирена. Сблокированный с нею автоматический счетчик отметил, что время, оплаченное Прайсом, подходит к концу и через несколько минут он должен исчезнуть. Сирена продолжала истошно выть. Тысячекратно усиленные удары метронома грозно отсчитывали секунды. Динамик хрипел сквозь матерчатую заглушку: «Плати долги вовремя!», «У тебя осталось всего 28 минут, 27, 26...» Прайс вскочил, не сразу осознав, где он находится. С удивлением оглядел аквариумы, аккуратно расставленные вдоль стен, в несколько этажей до самого потолка, грудой сваленные посреди комнаты, застрявшие в дверях. Грубо сработанные железные каркасы, мутные стекла, невзрачные рыбы с серой селедочной чешуей... Значит, это не сон? Колющая боль в пояснице ускорила пробуждение. Он чувствовал себя разбитым, помятым, истерзанным. Негнущимися руками достал он из кармана заветный бумажник. В его отощавшем чреве сиротливо звякнули несколько медяков. От чековой книжки остался один корешок.

Сколько лет он мечтал о Южном Побережье! И утопил свою мечту в никому не нужных, дрянных, никчемных аквариумах. Зачем он покупал эти ящики с водой? Зачем?..

У него нет денег даже на то, чтобы вернуться домой. Все пропало. Он никогда уже не накопит столько денег, чтобы хватило на поездку к Южному Побережью. Никогда. Опять откладывать по десятке в неделю, экономить на всем, отказывать себе в удовлетворении самой незначительной прихоти. Нет, у него не найдется уже ни сил, ни выдержки. Все, все исчезло, пропало! Вечно будет скрести глотку тошнотворный Синтетический Воздух. Прощай мечты хоть раз в жизни надышаться Настоящим Воздухом!

На кой черт он накупил этот стеклянный хлам? А остальные что, они тоже спятили?

Вой сирены и хрип динамика, отсчитывающего минуты, стали совсем нестерпимы. Он бросил медяк в нахально раскрытую пасть автоматической кассы, чтобы заставить ее замолчать. Еще раз с ужасом взглянул на невозмутимых рыб, устало ругнулся и, схватив чемодан, заковылял к двери.

Огромная площадь была пуста. Там, где вчера высились груды аквариумов, стояли прилавки, жбаны и деревянные загородки, теперь валялись лишь щепки и битые стекла. Мираж, растаявший под солнечными лучами.

На площадь никого не пускали. Цепочка заспанных полицейских сдерживала взволнованную толпу, прибывавшую с каждой минутой. Вчерашний старик сразу узнал Прайса.

— Что же теперь будет? — плаксиво заныл он. — Вы пострадали тоже?

Вместо ответа Прайс показал пустой бумажник. Стоявший рядом волосатый верзила смачно сплюнул.

— А ты не таскай за собой монету, — он почесал перебитый нос. — Тогда тебе плевать на «Полуночных торгашей».

— Это же просто грабеж!.. Подлецы! — тонким фальцетом вопил краснолицый толстяк. — Подлецы! Подлецы!..

Едва отдышавшись, он принимался кричать снова.

Лязгая гусеницами, на площадь выехало несколько зеленых армейских вездеходов. Они развернулись цепью, и над каждым бесшумно завертелась решетчатая антенна. Из машин начали выскакивать солдаты. Они разматывали кабель, тащили мерные рейки, огораживали площадь колючими треногами. Толпа угрюмо наблюдала за происходящим. Захрипел громкоговоритель.

— Внимание! Внимание! — Диктор подделывался под бодрую скороговорку спортивного радиокомментатора. — Просим всех разойтись. Потерпевшие могут зарегистрироваться в мэрии. Специалисты проведут тщательное расследование. Если подтвердятся слухи насчет чрезмерной генерации Рекламного Поля, если фирма

«Торговля после полуночи» использовала незаконные методы...

— Как же, они расследуют, держи карман, — презрительно ухмыльнулся тощий субъект с большой кожаной сумкой через плечо. — Полгода назад в этом мотеле повесился парень... Он двадцать лет ждал наследства. А спустил все денежки за одну ночь. Купил пятьдесят тысяч бутылей атомного клопомора... А зачем ему клопомор, когда у него не то что дома — конуры своей не было? Тогда полиция тоже ничего не нашла: «Физическая интенсивность рекламы в допустимых пределах». Одна шайка!

Он открыл свою сумку и достал несколько картонных коробок ядовито-желтого цвета.

— Пилюли «Паралитик»! Пилюли «Паралитик»! — неожиданно зычным басом заорал он.

Прайс испуганно шарахнулся в сторону.

— Искусственный паралич на двенадцать ночных часов,—надрывал глотку торговец. — Гарантия против любого Рекламного Поля!

Толпа начала расходиться. Прайс тоже поплелся к мотелю. Но на стоянке машины не было. Он недоумевающе огляделся.

— Ищете зеленую машину, сэр?

Мальчишка в ливрее мотеля показал на плоский металлический лист, валявшийся в стороне. Как будто с машины содрали шкуру.

— Вы, наверное, не доплатили вовремя за стоянку, сэр. Автомат-сторож решил, что она брошена, вызвал Бродячий Пресс и...

Прайс оторопело смотрел на машину, сплющенную в лепешку. «Плати долги вовремя!»

— Вас зовут Прайс, мистер? Кен Прайс? — Тот же мальчишка теребил Прайса за рукав.

Он всунул ему в руку видеофонограмму.

«Кен! — радостно воскликнула с продолговатой пластинки жена. — У нас огромная радость! Все деньги, что ты нам оставил, израсходованы. Нам страшно повезло! Тут все с ума посходили, когда привезли «Белую Галактику». Моди и Генри две ночи провели на фирменных складах. Они взяли напрокат автофургон у дядюшки Ло. Перетаскали на своих плечах восемнадцать тонн! Восемнадцать тонн лучшего в мире стирального порошка «Белая Галактика»! Приезжай, дорогой! У меня нет денег, а надо еще купить склад для порошка...»

— Аквариумы... — прошептал Прайс. — Аква...

Он медленно опустился на тротуар.

— Если тебе дурно, — вкрадчиво сказал динамик, скрытый в тротуаре, — покупай пилюли «Свежий Дух»! Двенадцать фунтов пилюль, и ты обеспечен на всю жизнь!

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Встреча на Япете

1

Звезды процарапали по экрану белые дуги. Брег, грузнея, врастал в кресло. Розовый от прилившей крови свет застилал глаза, приглашая забыться, но пилот попрежнему перетаскивал тяжелеющий взгляд от одной группы приборов к другой, выполняя главную свою обязанность: следить за автоматами посадки, чтобы, если они откажут, взять управление на себя. За его спиной Сивер впился взглядом в экран кормового локатора и от усердия шевелил губами, считая еще не пройденные сотни метров, которым, казалось, не будет конца. Звезды вращались все медленнее, наконец, вовсе остановились.

— Встали на пеленг, — сказал Брег.

— Встали на пеленг, — повторил Сивер.

Япет был теперь прямо под кормой, и серебряный гвоздь «Ладоги» собирался воткнуться в него раскаленным острием, завершив свое многодневное падение с высоты в миллиарды километров. Вдруг тяжесть исчезла. Сивер собрался облегченно вздохнуть, но забыл об этом, увидев, как помрачнело лицо Брега.

— Мммммх!.. — сказал Брег, бросая руки на пульт. — Не вовремя!

Тяжесть снова обрушилась.

— Тысяча! — громко сказал Брег, начиная обратный отсчет.

Он повернул регулятор главного двигателя. На экране прорастали

черные скалы, между ними светился ровный «пятачок».

— Следи, мне некогда, — пробормотал Брег.

— Идем точно, — ответил Сивер.

— Кто там? — спросил Брег, не отрывая взгляда от управления.

— Похоже, какой-то грузовик. Видимо, рудовоз...

— Сел на самом пеленге, — сердито бросил Брег. — Провожу отклонение.

— Порядок, — сказал Сивер.

— Шестьсот, — считал Брег.— Триста. Убавляю...

Сивер предупредил:

— Закоптишь этого.

— Нет, — проговорил Брег, — сто семьдесят пять, уберу факел, сто двадцать пять, сто ровно, девяносто.

— А хотя бы, чего ж он так сел? — сказал Сивер.

Скалы поднялись выше головы.

— Самый паскудный спутник, — сказал Брег, — надо было именно ему оказаться на их трассе. Сорок. Тридцать пять. Упоры!

Зеленые лампочки замигали, потом загорелись ровным светом.

— Одиннадцать! — кричал Брег. — Семь, пять!..

Двигатель гремел.

— Ноль! — устало сказал Брег. — Выключено!

2

Грохот стих, лишь тонко и редко позванивала, остывая, обшивка кормы, да ласково журчало в ушах утихомирившееся время. Сивер открыл глаза. Рубка освещалась зеленоватым светом, от него меньше устает зрение. Брег потянулся и зевнул. Они посмотрели друг на друга.

— Но ты здорово, — сказал Сивер. — И надо же: автомат скис на последних метрах.

— Я его подкарауливал, — ответил Брег. — Чувствовал, что вот-вот... С этой спешкой мы его перегрузили, как верблюда. Теперь придется менять.

— Я думал, ты мне поможешь.

— Ну, помогу, а потом займусь. Полагаю, времени хватит.

— Когда, ты считаешь, они придут? — спросил Сивер.

— Суток двое прозагораем, а то и меньше, — сказал Брег.

— Только? По расчету вроде бы выходило пять дней. Я хотел здесь оглядеться...

— Тут одного дня хватит. Камень и камень, тоскливое место. Вот если бы они возвращались месяцем позже, на их трассу вывернулся бы Титан, там садиться благодать и вообще цивилизация.

— Вот тогда-то, — сказал Сивер, — мы и врезались бы. Скажи спасибо, что это Япет — всего-навсего пять квинтильонов тонн массы. Титан раз в тридцать массивнее...

— Чувствую, — улыбнулся Брег, — ты готовился. Только к Титану я и не подскочил бы, как лихач. Я его знаю вдоль и поперек. Так что не удивляй меня знаниями. Кстати, их ты, пожалуйста, тоже не удивляй.

— Ну, уж их-то мне и в голову бы не пришло, — сказал Сивер. — С героями надо осторожно...

— Правильно, — кивнул Брег. — Со мной-то стесняться нечего: раз дожил до седых волос на посыльном корабле — значит явно не герой.

— Ну, ладно, чего ты, — пробормотал Сивер.

— Я ничего, — спокойно сказал Брег. — Я и сам знаю, что не гений и не герой.

Они еще помолчали, отдыхая и поглядывая на шкалы внешних термометров, которые должны были показать, когда окружающие камни остынут, наконец, настолько, что можно будет выйти наружу. Потом Сивер сказал:

— Да, герои — это... — Он закончил протяжным жестом.

— Не знаю, — проговорил Брег, — я их не видел в те моменты, когда они становились героями, а если бы видел, то и сам бы, может, стал.

— А кто их видел? — спросил Сивер. — Герои — это рекордсмены; уложиться на сотке в девять секунд когда-то было рекордом, потом — нормой мастера, а теперь рекордсменом будет тот, кто не выйдет из восьми. Так и тут. Чтобы летать в системе, не надо быть героем; вот мы с тобой и путешествуем, да и все другие, сколько я их ни видел и ни показывал, — тоже вроде нас. А вот за пределы системы эти вылетели первыми.

— Ну, не первыми, — сказал Брег, он собрался улыбнуться, но раздумал.

— Но те не вернулись, — проговорил Сивер. — Значит, первые — эти, и уж их-то мы встретим, будь уверен. У меня такое ощущение, что мне повезет и я сделаю прима-репортаж.

— Ну, — проговорил после паузы Брег, — можно выходить.

3

Они закрепили кресла, как и полагается на стоянке, неторопливо привели рубку в порядок, с удовольствием ощущая легкость, почти невесомость своих тел, естественную на планетке, в тысячу раз менее массивной, чем привычная Земля. Сивер взял саквояж и медленно, разглаживая ладонями, стал укладывать в него пижаму, халат, сверху положил бритву. Брег ждал, постукивая носком ботинка по полу.

— Пижамы там есть, — сказал он.

— А я не люблю их, — ответил Сивер, защелкивая «молнию».

Лифт опустил их на грузовую палубу. Там было тесновато, хотя аппаратура Сивера и коробки с медикаментами и витаминами занимали немного места; «Ладога» не была грузовиком. Сивер долго проверял аппаратуру, потом, убедившись, что все в порядке, дал одну камеру Брегу, другую взял сам.

Вышли в предшлюзовую. Помогая друг другу, натянули скафанд-

ры и проверили связь. Люк отворялся медленно, словно отвыкнув за время полета.

Башмаки застучали по черному камню. Звук проходил внутрь скафандров, и от этого им казалось, что они слышат ногами, как кузнечики. Вспыхнули нашлемные фары. Брег медленно закивал головой, освещая соседний корабль, занявший лучшее центральное место на площадке. Машина на взгляд была раза в полтора ниже «Ладоги», но шире. Закопченная обшивка корабля сливалась с мраком; амортизаторы — не телескопические, как у «Ладоги», а шарнирные — вылезали в стороны, как локти подбоченившегося человека, и не вызывали ощущения надежности: частые утолщения показывали, что их уже не раз сваривали. Сивер покачал головой: зрелище было грустным.

— Да, — сказал он, — рудовоз класса «Прощай, мама». Что они делают в этих широтах? Погоди, возят трансурановые с той стороны на остальные станции группы Юпитер — Сатурн. Правильно?

— Давай дальше, эрудит, — проворчал Брег.

— Это срам, — сказал Сивер, — что энергетика станций зависит от таких вот гробов... Кстати, а что он вообще делает здесь? Рудник же на той стороне.

— Скорее всего техобслуживание. Рудовозам разрешено заходить на станции, как эта, если они никому не мешают.

— Нам они как раз мешают, — сказал Сивер. — Боюсь, что «Синей птице» некуда будет сесть.

— Если она и впрямь зайдет, — проворчал Брег. — Они могли изменить маршрут.

— И в самом деле, — сказал Сивер, — им не сесть. Она же, пожалуй, раза в два больше нашего, «Птица»? А этот стоит — неудобнее нельзя, и растопырился...

Они снова обернулись, поводя лучами фар по кряжистому корпусу. На нем, почти на самой макушке, по рыхлой броне неторопливым жуком полз полировочный автомат, оставляя за собой тускло поблескивавшую полосу. Рудовоз прихорашивался. Сделать это ему, пожалуй, следовало бы уже давно.

— Ну и агрегат, — усмехнулся Сивер. — Корабль запущен — дальше некуда. А между тем в этой зоне полагается быть инспектору. Готов поспорить, что он безвылазно сидит на Титане... Поэтому они и сели на автоматической станции, где нет людей и их никто не увидит.

Он умолк, огибая вслед за Брегом глыбу, об острые края которой можно было порезать скафандр.

— И вообще космодром следовало строить там, где камней поменьше.

— Камни здесь появились, когда строили космодром, — сказал Брег. — Взрывали скалы. И потом, каждая посадка и старт добавляют их: скалы трескаются от наших выхлопов. В других местах камней вообще нет: ни тебе атмосферы, ни колебаний температуры...

— Все равно, надо было строить на гладкой стороне.

— Фон, — сказал Брег. — Там уран и прочее. — Он взглянул на свой дозиметр. — Даже этот кораблик поднял фон. Видишь? — Он показал Сиверу прибор.

— Что ж удивительного, если он нагружен трансуранами по самую завязку. Но теперь потрясаешь, я вижу, ты меня, а не наоборот.

— Ну, — проворчал Брег, — я-то узнал это не из книг... Вот и пришли.

Они остановились возле небольшой, наглухо закрытой двери, ведущей в помещения станции, вырубленные в скале.

— Я зайду, расположусь, — сказал Сивер, — а ты принеси остальное. — После паузы он, спохватившись, прибавил: — Если тебе не трудно, конечно.

— Нет, — ответил Брег, — чего ж здесь трудного.

4

Обширная комната — кают-компания станции — была освещена тусклым светом, и поэтому углы ее казались не прямыми, а острыми, глубоко уходящими в скалу. Автоматы, как им и полагалось, экономили энергию. Сивер поискал взглядом выключатели, хозяйским движением включил большие светильники и огляделся.

Трое с рудовоза сидели в конце длинного стола. Перед ними стояли алюминиевые бокалы с соломинками. Примитивная посуда заставила Сивера чуть ли не растрогаться — словно он попал в музей или в лавку древностей. Возле стойки автомат-бармен, гудя и звякая, сбивал какую-то смесь. Автомат не внушал доверия. Сивер перевел взгляд на сидевших за столом и внутренне усмехнулся: трудно было бы придумать людей, более соответствующих своему кораблю. Трое были одеты кое-как, об установленной форме не приходилось и думать. Один из них спал, опустив голову на брошенные на стол кулаки, другие двое разговаривали вполголоса.

— Этот щелкунчик сидел не там, а километром дальше, — говорил сидевший третьим от Сивера, — а они, наверное, увидели вспышки. Так что тут в любом случае был крест. Кто знал только?

— Они пе-еретяжелились и ползли на брюхе, — яростно сказал другой, — вот в чем причина.

От яркого света он зажмурился, потом повернулся и внимательно осмотрел Сивера. Сивер подмигнул и кивнул на спящего.

— Готов?

— Не-ет, — медленно, как бы задумчиво сказал обернувшийся. — Он просто устал.

Слова, исходя из его уст, смешно растягивались, и Сивер едва удержался, чтобы не фыркнуть.

— Вы издалека?

— Да, с Земли, — небрежно ответил Сивер. — Только сели.

— Да-авно оттуда?

— Три недели.

— Ну что там, на Зе-емле?

— Все нормально, — сказал Сивер. — Земля есть Земля. Самая последняя новость: «Синяя птица» возвращается.

Заика кивнул.

— Их успели похоронить, — сказал Сивер, растолковывая, — а они возвращаются! «Синяя птица». Звездолет, который ушел к лиганту — помните, то ли звезда-лилипут, то ли планета-гигант, — лигант, разысканный гравиастрономами на полпути к системе Альфа Центавра! — Он повысил голос, досадуя на равнодушие, с каким была встречена новость. — Первый звездолет, ушедший к ней, так и пропал. Думали, что и «Птица»...

— Зна-ачит, рано, — сказал заика. — Рано думали. Ну что, нашли они этот лигант?

— Ладно, — сказал сидевший третьим.

— Да уж наверное, — раздраженно проговорил Сивер. — И надо полагать, покружились около него достаточно, пока все не разведали. Иначе с чего бы опаздывать на целый год?

— Это поня-ятно, — сказал заика.— Только с облета немногое увидишь, особенно че-ерез инфравизоры. Им следовало бы сесть.

— Ладно, — опять проговорил третий.

— Первый корабль именно оттого и не вернулся, — наставительно сказал Сивер, — что решил сесть. Они сообщили на Землю о своем решении при помощи ракеты-почтальона. Больше о них ничего не известно. Так что «Птица» не могла сесть.

— Ра-азве «Птица» не сообщила на Землю, каковы результаты?

— Их первые сообщения разобрали кое-как, процентов на тридцать. Большие помехи, — разъяснил Сивер. — Для хорошей передачи им надо бы иметь корабль вроде моего: летающий усилитель. Едва хватает места для двух человек, остальное — электроника и энергетика. У них таких устройств не было. Наверное, в последнее время они передавали что-то...

— На-аверное, передавали, — согласился заика и, держа соломинку между пальцами, принялся сосать из бокала.

— Пока мы поняли, что они возвращаются. И что-то насчет трех человек; надо полагать, — Сивер приглушил голос, — эти трое погибли. А всего их было одиннадцать.

Заика поднял глаза на Сивера, но третий предупредил его.

— Ладно, — сказал он еще раз.

— А я ни-ичего, — пробормотал заика. — Просто я та-ак и думал. Не так уж плохо. Все-таки зна-ачительная часть дошла...

— Правильно, — кивнул Сивер. — Трое героев погибли, но остальные восемь человек возвращаются, и, вы сами понимаете, Земля собирается принять их, как надо. По сути, встреча начнется здесь. Для этого я и прилетел.

— Это хорошо придумано, — сказал третий. — А кто прилетел? Много?

— Я и пилот; думаю, хватит... Но перейдем к делу. Как я понимаю, это ваша машина? — Он кивнул куда-то вбок.

— По-охоже на то, — сказал заика.

— Серьезный ремонт?

— Да нет. Ни-ичего особенного.

— Значит, скоро уйдете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Хотели сутки отдохнуть, — сказал третий; в голосе его было сомнение.

Сивер доброжелательно улыбнулся. Размашистым движением отодвинув стул, он уселся у противоположного конца стола.

— Сутки, — весело сказал он. — А раньше?

— Ра-аньше? — спросил заика, выпуская соломинку.

— Скажем, через полсуток. Полировку вы закончите, а по вашим отсекам инспектор лазить не станет, — он подмигнул и засмеялся, давая понять, что маленькие хитрости транспортников ему известны и он в принципе ничего против них не имеет.

После паузы вновь прозвучал вопрос:

— Мы меша-аем?

Сивер улыбнулся еще шире.

— Так получается. «Синяя птица» остановится здесь на денек-другой — так сказать, побриться и начистить ботинки до блеска, прежде чем прибыть на Старушку. Понимаете? Возвращаются герои, которые уже давным-давно не видали родных краев.

— Ну да, — сказал третий. — А мы мешаем.

— Да вы поймите, старики, — сказал Сивер. — Они — герои! Я понимаю, вы, может быть, не меньшие герои в своем деле. Только разница все же есть. А вы растопырились так, что «Птице» и сесть некуда. Представляете, какой там кораблина? И потому, ну, честно говоря, посмотрят они на ваше чудо. Вот, значит, чем встретит их благодарное человечество: ржавым сундуком с экипажем, одетым не по форме. Я ведь тут специально для того, чтобы вести прямую передачу на Землю. Репортаж. И вы, правду говоря, как-то в репортаж не вписываетесь. Еще раз прошу — не обижайтесь, старики, у каждого свое дело, и не надо осложнять задачу другим...

Двое внимательно слушали его, а один все так же спал за столом, пряча лицо в руках. Потом третий сказал:

— Значит, большой корабль?

— А вы что, — спросил Сивер, — никогда не видали?

— А вы?

— Ну, когда они стартовали, я еще учился... Но у меня есть фотография, наша, архивная. — Он вытащил фотографию из кармана и протянул.

Заика взял ее, посмотрел и сказал:

— Да... — и передал третьему, и тот тоже посмотрел и тоже сказал:

— Да...

— И еще, — сказал Сивер. —

Их восемь человек. Восемь человек в составе экипажа. А тут на станции всего десять комнат. Их восемь, я и мой пилот.

— А кто пилот?

— Брег, — сказал Сивер. — Пожилой уже.

— Встреча-ал?

— Нет, — сказал третий. — Может, слышал. Не помню. Значит, вас двое. А родные что же, друзья?

— Я же вам объясняю: настоящая встреча состоится на Земле. Там их и будут ждать все. А мое дело — передать репортаж.

— Ну что же, — сказал третий, глядя на заику, — мы, пожалуй, и впрямь поторопимся.

— Ты все-егда торопишься... — начал заика.

— Так что же, решили? — спросил Сивер.

— Ладно, — сказал третий. — Попытаемся уложиться в ваши сроки. Раз уж так повернулось...

— Правильно, старики, — сказал Сивер. — Там отоспитесь. Хотя коллега ваш, я вижу, и тут не теряет времени. — Он кивнул на спящего. — Как его зовут?

Он задал вопрос не случайно: не принято было интересоваться фамилиями людей, которые не сочли нужным назвать себя, но спящий представиться не мог, и спросить о нем казалось естественным.

— Его? Край, — помедлив, ответил третий; он произнес это негромко, чтобы спящий не проснулся, услышав свое имя, как это бывает с людьми, привыкшими к срочным пробуждениям.

— Край, — повторил Сивер, запечатлевая имя в памяти и одновременно проверяя ее; нет, такого человека не было в числе одиннадцати, составлявших экипаж «Синей птицы» в момент старта. — Ну, значит, договорились?

— Мешать мы не хотим, — сказал третий. Считая разговор законченным, он взглянул на часы, замечая время, от которого теперь следовало вести отсчет. — Кстати, — сказал он заике и, порывшись в кармане, вытащил коробочку с таблетками, дал одну заике, вторую, морщась, проглотил сам.

— Спорамин? — сочувственно спросил Сивер.

— Антирад, — неохотно ответил третий. — Машина слегка излучает.

Сивер кивнул, думая о том, что в трюме «Ладоги» стоит несколько коробок с медикаментами, и среди них — одна с антирадом. Несколько секунд он колебался.

— У вас много?

— Вам нужно?

— Вообще-то фон здесь действительно несколько повышен...

Третий, не удивляясь, кивнул и протянул Сиверу таблетку. Сивер проглотил ее и с облегчением подумал, что люди с «Синей птицы» получат свои лекарства в целости и сохранности.

— Береженый убережется, — сказал третий.

Он поднялся в странно замедленном темпе, тяжело ступая, словно нес на себе тяжесть планеты, вышел из-за стола и подошел

к стене, на которой был намалеван стандартный земной пейзаж. Пластиковый пол возле стены образовывал неглубокий желоб, долженствовавший изображать продолжение нарисованного на стене ручья. «Ручей на Япете, — подумал Сивер, — надо же придумать такое! За этой переборкой наверняка ванная. А может, ванны нет, только душ...» Человек с рудовоза ткнул пальцем в пейзаж.

— Ничего, а? — сказал он и взглянул на Сивера, словно ожидая подтверждения.

Пейзаж был тошнотворен, но Сивер кивнул: он был доволен тем, что разговор с «извозчиками» прошел без осложнений. Третий засмеялся, рот его оказался очень большим, растянулся от уха до уха, а взгляд веселым и пристальным. Сивер заметил это с удивлением: до последнего мига люди эти казались ему очень похожими друг на друга — быть может, потому, что главное внимание привлекали не их лица, а их необычно потрепанная одежда. Поняв это, Сивер почувствовал легкое недовольство собой, но в это время прозвучал звонок, означавший, что кто-то входит в станцию, и, поскольку это мог быть только Брег с камерами, Сивер поднялся и вышел в коридор, чтобы встретить пилота.

5

Брег уже успел внести камеры и теперь стоял, откинув забрало шлема и успокаивая дыхание. Сивер осмотрел камеры и убедился, что они в порядке. Потом кивнул пилоту.

— Раздевайся, поужинаем.

— Нет, — сказал Брег. — Хочу сначала наладить автомат. Не могу отдыхать, пока на корабле что-то не в норме.

— Ну что же, это правильно,— сказал Сивер, подумав. — Наладишь, приходи.

— Само собой. Что за ребята?

Сивер пожал плечами:

— Ничего интересного. Неизвестные.

— Не герои, — усмехнулся Брег.

Сивер нахмурился:

— Определенно. Ты зря смеешься. Я было тоже подумал... Нет, просто труженики космоса. Я часто думаю об этом. Должно же все-таки быть что-то, что отличает героев с первого взгляда. Люди совершили подвиг — и у них особенный блеск в глазах и такое учащенное дыхание, когда они начинают понимать всю величину того, что совершено ими. И вот человек становится другим...

— Теория, — сказал Брег. — Все потрясаешь?

— Брось, милый, — сказал Сивер, — логика! Да и корабль — типичный рудовоз. «Синяя птица» куда длиннее. Кстати, на фотонной тяге — это сказано во всех справочниках. А этот? У него и рефлектора-то нет.

Он проводил Брега и вернулся в кают-компанию. Двое снова сидели за столом, спящий шумно

дышал. Сивер заказал ужин, взял тарелки и уселся.

— Где это вы так заездили машину? — спросил он.

— А что, заметно? — хмуро поинтересовался заика, даже не растягивая слов.

— Да ладно, — сказал большеротый.

Заика встал. Он сделал это неожиданно порывисто, так, что стул отлетел и бокалы на столе звякнули; он взглянул на большеротого, развел руками и смущенно засмеялся. Заика оказался неожиданно большого роста, длинноногий. Подойдя к автомату-бармену, он выцедил смесь в стаканы, поставил их на стол и слегка тронул спящего за плечо.

— Про-оспишь все на свете.

— Пускай спит, — сказал большеротый. — Ему хватило. Успеем.

— Ну, пусть, — согласился заика и, не садясь, отхлебнул из стакана. Соломинку он вынул.

Сивер поморщился: ко всему, брюки были чересчур коротки долговязому, а застежка одного из карманов кургузой куртки болталась, полуоторванная. Сивер не любил нерях. Заика, должно быть, почувствовал его взгляд: он оглянулся на Сивера и сказал, чуть улыбаясь:

— Не по фо-орме, да? Но мы успеем переодеться.

Сивер пожал плечами. Заика поставил полупустой стакан, подошел к стене с пейзажем, завозился, нащупывая кнопки. Найдя, он нерешительно ткнул пальцем одну из них. В желобе, тонко журча, заструилась вода. Скрытая подсветка делала ее золотистой и теплой. Заика уселся на пол и снял башмаки. Сивер зажевал быстро-быстро, чтобы не расхохотаться. Заика опустил босые ступни в воду.

— Ух т-ты! — сказал он, блаженствуя.

— Вода, — пробормотал большеротый, отпивая из стакана.

Заика вскочил. Оставляя мокрые следы, он подбежал к столу и взял стакан. Усевшись и вновь свесив ноги, поднес стакан к губам.

— Со-овсем другое дело, — сказал он.

Сивер отодвинул тарелку.

— Пожалуй, пора, — проговорил он задумчиво.

Спустив тарелку в щель мойки, он прошел вдоль стен кают-компании, ища стенной контакт. Найдя его в углу, он вынул из сумки вольтметр и замерил напряжение.

— Вот еще новости, — пробормотал он.

— Тока нет? — сочувственно поинтересовался большеротый.

— Здесь двадцать вольт, а мне нужно двести.

— А на автоматических все сети низковольтные.

— Это я вижу, — проворчал Сивер. Он постоял около стены, раздумывая. — Ничего не поделаешь, придется тянуть силовой кабель от корабля. Хорошо, что есть резерв времени.

— Ду-умаете? — спросил заика, не оборачиваясь.

— Они придут не раньше чем через сутки.

— Они о-обещали?

— Да ладно тебе, — сказал большеротый, сердясь.

— В пределах Системы, — сказал Сивер голосом лектора, — они вынуждены будут убавить скорость: концентрация свободного водорода здесь куда больше, чем в открытом пространстве.

— Это спра-аведливо, — согласился заика.

Сивер подошел к столу, взял камеру и походил по каюте, прицеливаясь.

— Передача будет что надо! — сказал он. — Земля таких и не видывала.

— Мы еще не мешаем? — спросил большеротый. Чувствовалось, что он борется со сном.

— Еще нет, — сказал Сивер.— Мало света. Включите, пожалуйста, настенные. Так. Пожалуй, подойдет. Вы не могли бы встать сюда? Я примерюсь.

— Это для кино? — спросил большеротый нерешительно.

— Теле. Попозируйте немного. Ну, представьте, что вы — командир «Синей птицы».

— Трудно, — сказал большеротый, улыбаясь и окидывая Сивера тем же смущающим и внимательным взглядом.

— Да нет, — с досадой сказал Сивер. — Очень легко. Семь с половиной лет вы были в полете. Теперь возвращаетесь. Могучие парни на великолепном, все перенесшем корабле...

— Попозируй, мо-огучий парень, — сказал заика. — Что тебе стоит?

Сивер строго поглядел в его спину.

— А вы не иронизируйте, — посоветовал он. — Итак, преодолено много препятствий, совершены подвиги — и теперь, когда у вас все в порядке...

— Стартовые не в порядке, — сказал заика, не оборачиваясь попрежнему. — Бо-ольшой разброс.

— Это ведь не о вас... Хотя предположим, что стартовые немного не в порядке — это даже интереснее. Видите, у вас фантазия работает. Но вы их, конечно, уже исправили, прямо в пространстве, совершили еще один подвиг. Говорите об этом. Мне нужно видеть, как это будет выглядеть, надо выбрать лучшие точки, откуда можно передавать. Итак, вы — капитан...

Большеротый покачал головой.

— Боюсь, не получится.

— Слу-ушай, — сказал заика; на этот раз он повернулся. — А ты представь, что ты — ко-пилот.

— Или ко-пилот, — сказал Сивер. — Все равно.

— Да нет, — сказал большеротый грустно. — Я лучше не буду.

Сивер вздохнул.

— М-да, — проговорил он выразительно, но все же взял себя в руки. — А ведь они заслужили, чтобы вы немного постарались ради них.

— Могучие парни, — пробормотал заика. — Со-овершавшие подвиги. Легенда...

Сивер недружелюбно взглянул на него.

— Это факты, — сказал он.

— Плюс вы-ымыслы, — проговорил заика, шевеля ногами в воде. — Плюс домыслы. Все берется в скобки и возводится в ква-адрат. Возникает легенда. Умирая, кто-то сказал что-то. А как он мог сказать, если...

— Прошу, — четко произнес Сивер, — не оскорблять память погибших!

Спящий поднял голову, просыпаясь.

— Кто? — спросил он.

— Нет, — сказал большеротый, — отдыхай, спи. Все в порядке.

— Ага, — пробормотал проснувшийся. — Где мы сейчас? — Он пошарил рукой рядом со стулом. — Где?

— На станции. Вспомни. На вот.

Большеротый вложил стакан в пальцы проснувшегося.

— Выпей.

— Тут красиво?

— Кра-асиво, — отозвался заика у ручья.

— Ага, — сказал проснувшийся. — И ты здесь. — Он выпил. — Ах, хорошо! Отлично!

Он повернул голову к Сиверу, и Сивер понял, что человек еще не проснулся по-настоящему: веки его были плотно сомкнуты, очень плотно, как если бы человек боялся, что даже малейший лучик света просочится сквозь них и коснется глаз. Человек повел рукой с опустевшим стаканом, нащупывая стол, и по привычности этого движения Сивер вдруг понял, что под этими веками вообще нет глаз, есть лишь пустые глазницы, предназначенные природой для того, чтобы в них были глаза, но глаз не было, и веки были сморщены и опали. Сивер нечаянно сказал:

— Ой!..

— Здесь есть еще кто-то? — спросил слепой.

— С Земли, — сказал большеротый.

— Ага, — пробормотал слепой. — Ну да, станция. Отлично.

— Спи дальше.

— По-огоди, — сказал заика. — Нам надо сняться часов через десять. Иначе мы помешаем.

— Кому?

— Тут готовится встреча героям, могучим парням. С великой помпой. Прямая передача на Землю. Двое: репортер и пилот.

— Неудобно, — медленно сказал слепой.

— Ка-апитан будет произносить речь, — сказал заика. — Представляешь?

— Нет, — сказал слепой после паузы. Потом тряхнул головой и потянулся. — А я выспался, — сказал он весело.

— Третья и че-етвертая магнитные линзы совсем никуда, — пробормотал заика.

— А мы без стартовых, — решительно сказал слепой. — Оттолкнемся маршевым — и все. Нет, это безопасно.

— Пожа-алуй, да, — сказал заика.

— Ну, общий подъем, по-види-

мому? — проговорил большеротый.

— Раз так — общий подъем,— сказал заика и стал натягивать носки.

— Ты вытри, — сказал большеротый. — На.

Он кинул смятый носовой платок.

— А земляне нам не помогут? — спросил слепой, поворачивая лицо к Сиверу.

— Нам еще надо установить большие камеры на космодроме, — почти виновато сказал Брег, — и прожекторы. Иначе мы не сможем передать момент посадки. А нас только двое.

— Зря вы родных не привезли, — сказал слепой, проводя руками по одежде.

— Собирались по тревоге. А у них, сами понимаете, постоянной медвизы в космос нет. И конечно, здоровье небогатое после всего.

— Ну, поня-атно, — сказал заика. — Пошли.

— Погоди, — сказал большеротый, кивнув на Сивера. — А может, они нам отсюда помогут связаться?

— Пренебрежем, — сказал слепой. — Отсюда мы и сами.

— Нет, — сказал Сивер, — если мы можем чем-то помочь, то, не нарушая своих планов, конечно...

— Спа-асибо, — сказал заика. — Не надо.

Они вышли, держа ладони на плечах слепого, направляя его. Было слышно, как в гардеробной они открывают шкафчики и натягивают скафандры; гладкая пластическая ткань омерзительно свистела, и звякал металл.

— Это вас на руднике так? — запоздало крикнул Сивер вдогонку, но они уже надели шлемы и не услышали его.

Тогда Сивер подошел к бармену и налил себе. Это был коктейль из фруктовых соков, обычный и не очень вкусный. Сивер пожал плечами и тоже пошел одеваться.

6

Брег открыл ремонтный люк, вывел через него кабель. Вышел сам, и кабель потянули к станции. Черная гладкая змея медленно извивалась между осколками камня. Брег, нагибаясь, тащил конец. Сивер подтягивал кабель к себе, чтобы облегчить труд пилота. В сероватом свете небольшого, но яркого Сатурна кабель отбрасывал тень, и тень эта, ползущая по камням, тоже казалась живым существом. Другая, более слабая тень ползла в стороне, потому что серебристый корпус «Ладоги» отражал лучи Сатурна. Они дотащили конец кабеля до входа в станцию. «Самое сложное осталось позади», — подумал было Сивер, но Брег покачал головой: следовало еще каким-то образом ввести кабель внутрь, преодолев герметические двери и избежав утечки воздуха из помещений, где запас его был ограничен. Пришлось идти на корабль за инструментами.

На обратном пути Сивер остановился и спросил:

— А ты подключил кабель?

Брег ответил:

— Ясно, а то чем бы мы вертели дыры? — Он помахал плоским ящиком, взятым на корабле.

— Хорошо, а то я забыл, — признался Сивер.

Они долго возились у станции, пытаясь пробить узкий канал под дверью. Электроэрозионный бур рассыпал фонтаны голубых искр, трансформатор калился на пределе, но вязкая порода поддавалась с трудом.

— Так мы провозимся до утра, — проворчал Сивер. — Неужели нельзя придумать чего-нибудь?

— Здесь подошла бы обычная дрель. Со спиральным сверлом.

— Что ж ты не взял?

— Взял. Только сверл такого диаметра у нас нет. У нас ведь набор для внутренних работ.

— Грустно, — сказал Сивер.

Брег приложил ладонь к трансформатору, чтобы услышать его гудение, и, не колеблясь, выключил ток.

— Что будем делать? — спросил Сивер.

— Погоди, — сказал Брег. — А у этих нет такого сверла? У них как раз может оказаться.

— Светлая мысль, — согласился Сивер. — Может, ты сходишь на их баржу?

— Сходи уж ты, — сказал Брег. — Я с ними незнаком.

Сивер разогнулся, покряхтывая.

— Старость не радость, — сказал он. — Дай какое-нибудь сверлышко.

Порывшись в сумке, Брег вытащил плохо гнущимися в перчатках пальцами маленькое спиральное сверло и протянул его Сиверу. Зажав сверло в ладони, Сивер отправился к рудовозу.

Сатурн стоял уже почти в зените. Под его лучами холодно отблескивали грани скал. Обогнув высокую глыбу, Сивер увидел старый корабль — верхнюю половину его, которая, казалось, висела в пустоте, ни на что не опираясь. Сивер замер на миг, изумившись, потом усмехнулся. Все оказалось на месте; трудолюбивый автомат-полировщик, описывая виток за витком, успел пройти уже половину корпуса, и очищенная и отполированная часть обшивки голубовато светилась, отражая лучи, а нижняя, рыхловатая на поверхности и густо закопченная, поглощала свет и терялась в темноте. Вблизи она все же становилась видной, и можно было окинуть взглядом весь корпус корабля, нелепый, и впрямь напоминающий старинный конический артиллерийский снаряд. Амортизаторы, числом шесть, все так же нависали над окружающими камнями, словно стрелы подъемных кранов.

Подойдя совсем близко, он остановился и посмотрел на дозиметр; корабль излучал, хотя и умеренно. Сивер подошел еще ближе, вплотную. Полировочный автомат снова вынырнул, сделав виток; он

двигался теперь быстрее, и это понравилось Сиверу.

Люк оказался неожиданно высоко, не в нижней, самой широкой, а в средней части корабля, выше верхнего крепления амортизаторов. К нему вела странно массивная лесенка, кое-как сваренная из труб. Любопытствуя, Сивер поискал глазами название корабля — ему положено было находиться над люком, но эта часть была еще покрыта нагаром и разглядеть ничего не удалось. Поднявшись, Сивер постучал в крышку люка сверлом, но кора, в которую превратился верхний слой обшивки, глушила звук. Удивляясь про себя тому, как такой, давно уже созревший для переплавки корабль ухитряется еще проходить через контроль сверхбдительного космического патруля, Сивер несколькими скользящими ударами сбил корку нагара и постучал вновь.

Ждать пришлось долго; очевидно, люди были далеко, да к тому же требовалось время, чтобы один из них мог облачиться в скафандр. Наконец люк медленно распахнулся; на этой старой машине — а кораблю было наверняка больше десяти лет, век же космических машин не длиннее собачьего — люк не откидывался, образуя площадку, и не расходился створками в стороны, а отодвигался назад, влекомый сгибающимися в шарнирах рычагами. Когда-то такие конструкции существовали, и если напрячь память, можно было, пожалуй, даже вспомнить, когда именно и на каких кораблях. Но Сиверу сейчас было не до того, да и воспоминания были ни к чему: он был не на свободной охоте, у него было конкретное задание, и очень важное к тому же, а искусством не отвлекаться он овладел давно.

На фоне отступившей крышки показался человек в скафандре; судя по габаритам, это был долговязый заика. Вытянув левую руку, согнутую в кисти, он указательным пальцем правой постучал по окошку на запястье, где виднелись часы, и затем погрозил этим пальцем, показывая, очевидно, что условленный срок не кончился. Сивер тоже показал свои часы, затем несколько раз провел над ними ладонью, как бы говоря, что время сейчас не имеет значения, и что он пришел не для этого. Он протянул свое маленькое сверло и двумя пальцами обозначил требуемый диаметр, плюс-минус пять миллиметров. Долговязый помедлил, затем, наверное, сообразил. Он осторожно взял сверло, затем сделал движение, приглашавшее зайти в тамбур. Сивер решил было переступить порог, но взглянул на свой дозиметр и отказался от этой мысли: фон в корабле был наверняка выше, чем вне его, но и так он был достаточно велик, чтобы заставить считаться с собой. Сивер отрицательно поводил рукой, обратив ее ладонью к долговязому; тот сразу понял, отступил, и пластина люка выдвинулась, закрывая вход.

Ждать пришлось минут пятна-

дцать. Сивер провел это время, отойдя от корабля на несколько шагов, — все-таки фон был слабее.

Наконец люк вновь открылся. Долговязый, появившись на пороге, подождал, пока Сивер поднялся к нему, и протянул корреспонденту маленькое сверло и еще одно — такое, какое было нужно. Сивер благодарно прижал руки к груди, долговязый поклонился в ответ; луч света от маленькой лампочки, освещавшей порог и верхнюю ступеньку трапа при открытом люке, упал на верхнюю часть шлема, старомодного, почти шарообразного, и осветил полустершееся слово — от него остались лишь буквы «Сол...». Сивер знал, что на его собственном шлеме, под фарой, золотом было напылено слово «Ладога» — название корабля; так что рудовоз именовался, вернее всего, «Солнце» или как-нибудь в этом роде. Хорошо еще, что не «Галактика» — в старину обожали даже небольшим кораблям давать звучные имена. Сивер еще раз помахал рукой и двинулся в обратный путь, а долговязый остался стоять на пороге люка, глядя корреспонденту вслед.

Теперь работа пошла быстрее, несмотря на то, что сверло оказалось изрядно затупленным. Через час канал под дверью станции был высверлен и кабель протянут. Сивер облегченно вздохнул и вытер пот.

— Заработали по коктейлю, — сказал он.

— Не откажусь, — согласился Брег.

— Принеси. Вообще-то, наверное, придется мобилизовать ресурсы «Ладоги»: звездолетчики вряд ли станут утолять жажду тем, что пили эти трое с «Солнца».

— Почему с «Солнца»?

— Похоже, так называется их сундук, — засмеялся Сивер и принялся копаться в многочисленных жилах кабеля.

Он подключил пульт дистанционного управления телекамерами, монитор и сами камеры и принялся уже подключать дистанционный пульт радиостанции «Ладоги», когда Брег вынес стаканы с охлажденной смесью соков.

— Долгонько, — сказал Сивер, беря стакан.

— Вспоминал, — сказал Брег. — Но такого названия никак не разыщу в памяти. «Солнце» — нет, не помню, чтобы такое было.

— И все-таки «Солнце». Так написано. Гаснущее солнце. Или еще лучше: солнечное затмение. Корпус так оброс нагаром, что я боялся стучать в борт — опасался, что сверло пройдет насквозь. — Он допил и вытер губы. — Правда, там, где прошел полировщик, металл начинает блестеть. Так что, по-видимому, на сей раз они дойдут до Титана благополучно, а в следующий рейс, я убежден, сюрвейер их не выпустит. — Сивер осмотрел штекер фидера, предназначенного для питания пульта радиостанции. — Немного болтается. Я сейчас

укреплю его, а ты отдыхай, потому что придется еще устанавливать камеры снаружи. Или лучше установи камеры, а потом отдыхай. — Сивер быстро действовал отверткой. — Ты ведь умеешь?

— Со Сказом я полетал немало, — проворчал Брег и снова стал натягивать скафандр.

Сивер помог ему одеться и снова взялся за работу. Брег захватил две камеры и скрылся в тамбуре. Сивер заизолировал соединение и минуту постоял, наблюдая, как мягкая лента схватывается и образует твердый футляр. Затем он подключил телепульт радиостанции и в последнюю очередь присоединил монитор к питанию и к антенному кабелю. «Теперь порядок», — сказал он сам себе, потер руки и включил монитор. Брег успел уже установить камеры и теперь появился в гардеробной и откинул шлем.

— Вот теперь отдыхай, — сказал Сивер.

— Если я не нужен, — сказал Брег, — я лучше пойду, доделаю свой автомат.

— Погоди, — сказал Сивер, — сейчас испробуем радиостанцию, тогда пойдешь. Возьми еще коктейль и захвати для меня заодно.

Он включил радиостанцию «Ладоги». Механизмы сработали, неясный шум наполнил помещение. Сивер медленно пошарил в эфире, в районе той частоты, на которой работал передатчик «Синей птицы».

— Сейчас попробуем, — сказал он, — и вызовем Землю, сообщим, что у нас полный порядок. — Он смотрел на стрелку индикатора настройки, она покачивалась вправо-влево. Внезапно Сивер вздрогнул: из помех вырвалось слово, оно было громким, но хриплым и трудноразличимым.

— Расстояние, — едва слышно повторил Сивер.

Снова послышался громкий шорох, но Сивер уже включил автоподстройку. «Произведем посадку, — так же хрипло сказал репродуктор. — Квитанции не жду, отключаюсь, сеанс через два часа, привет вам, Земля, милые, стоп». Шорох в динамике сделался сильнее, затем опал. Брег подбежал, расплескивая жидкость из стаканов; Сивер посмотрел на него счастливыми глазами и тихо проговорил:

— Это они.

— Где-то очень близко?

— Наверное, будут часа через два. Как стремятся! Я думаю, следующий сеанс они хотят провести отсюда. Но вместо них это сделаем мы! — Сивер затоптался, будто хотел тотчас же бежать куда-то. — А эти еще тут? Им пора бы убираться!

Он снова включил монитор, направил камеры на рудовоз. Обшивка корабля была чиста, люк закрыт. Полукруглая решетка антенны медленно поворачивалась наверху. Зажглись навигационные огни, затем разом погасли, загорелись снова и теперь уже не выключались.

— Смотри, — сказал Сивер, — кажется, уходят. Наверное, тоже

приняли эту передачу и поняли. Торопить их не придется, — он почувствовал, что начинает испытывать даже некоторую симпатию к людям с рудовоза, которые так хорошо все поняли. — Вызываю Землю!

Он повернулся к пульту, но Брег сказал:

— Погоди. Этот сейчас стартует, мы не пробьемся сквозь помехи.

— А ничего этот кораблик, если его оттереть, — сказал Сивер. — Даже жаль, что ему больше не придется летать.

— Об этом не нам судить.

— Уверен, что он вылетал уже все сроки.

— А вот посмотрим, — сказал Брег.

Он подошел к библиотечному шкафчику, который гостеприимно раскрылся перед ним и, порывшись, обнаружил Справочник космического регистра между томами Салтыкова-Щедрина и Стендаля. Полистав его, Брег пожал плечами и сказал:

— Такого названия все же нет. Ничего связанного с Солнцем. Впрочем, погоди-ка... — Он снова занялся справочником.

Сивер уселся поудобнее, подвигал пульт по столу, приноравливаясь.

— Попробуем свет... — пробормотал он и повернул выключатель. Сильные прожекторы «Ладоги» извергали потоки света.

Сивер немного подумал, промычал что-то и включил главный прожектор, укрепленный в поворотной оправе на самом носу. Обшивка рудовоза вспыхнула, словно холодное пламя охватило ее.

— Вот, — сказал Сивер.—То, что требовалось. А что это он? Погляди-ка...

Брег повернулся к экрану монитора. Было видно, как корабль замигал ходовыми огнями. «Благодарю», — вслух прочитал Брег. Сивер усмехнулся.

— Думают, что это в их честь иллюминация, — сказал он.

Огни все мигали. «Счастливо оставаться», — прочитал Брег.

— Слушай, — сказал он торопливо, — они и в самом деле стартуют! У них еще есть время, но они стартуют!

— И хорошо, — сказал Сивер.

— Ты отдал сверло?

— Нет, — сказал Сивер. — Забыл.

— Напрасно, — сказал Брег.— Так не делают.

Он, спеша, достал сверло из инструментальной сумки и стал ногтем счищать загустевшую, перемешанную с пылью смазку с хвостовика инструмента. Затем коротко выругался. Сивер недоуменно поднял брови. Через секунду он настиг Брега в гардеробной: пилот рвал скафандр из зажимов.

— Вызывай же их! Быстро! — прорычал Брег. Сивер пожал плечами:

— Они уже втянули антенну. — Но все же стал влезать в скафандр, который Брег уже держал перед ним. В тамбуре пилот танцевал на месте от нетерпения.

Они выскочили из станции в тот миг, когда корабль трижды промигал: «Внимание... Внимание... Внимание!» Брег резко остановился, хватаясь за глыбы, чтобы не взлететь высоко.

— Смотри! — сказал он негромко.

Согнутые ноги амортизаторов стали медленно выпрямляться в коленях, словно присевший корабль хотел встать во весь рост, в то же время он еще и вставал на цыпочки, упираясь в грунт лишь концами пальцев, и дальше — становясь на пуанты, как балерина. Ровно обрезанный снизу корпус поднимался все выше. но не весь: нижняя, самая широкая часть его так и осталась на уровне приподнявшихся пяток, с которыми была намертво связана, а остальное уходило вверх, вверх... Брег опустился на колени и стал смотреть снизу вверх. Нос корабля поравнялся с вершиной «Ладоги» и продолжал расти.

Брег, наверное, увидел, что хотел, потому что быстро поднялся и ухватил Сивера за плечо.

— Немедленно назад! — прокричал он. — В станцию! Ну же!

Сивер возразил:

— Лучше посмотрим отсюда, мне не приходилось видеть...

— И не придется, кретин! — рявкнул Брег и толкнул Сивера ко входу.

В станции они, не снимая скафандров, кинулись к монитору Корабль теперь стоял неподвижно. Брег повернулся к пульту и начал поворачивать внешние камеры так, чтобы они смотрели на корабль снизу вверх и давали самым крупным планом.

Сивер взглянул на экран, на Брега, опять на экран; объективы приблизили нижнюю часть корабля и взглянули на нее искоса вверх, и Сиверу показалось, что он увидел бездонное озеро с тяжелой, спокойной водой, знающей, что под нею нет дна.

— Понял? — крикнул Брег.

Сивер не успел ответить. Скалы дрогнули. Сивер ухватился за стол: планету качало. Миллионы фиолетовых стрел ударили в камень. Полетели осколки. Сивер замычал, мотая головой. Корабль висел над поверхностью Япета, выпрямившийся, стройный. Фиолетовый свет исчезал, растворялся, становился прозрачным и призрачным, но люди с «Ладоги» представляли, какой ураган гамма-квантов бушует теперь за стенами станции. Корабль поднимался все быстрее.

— Мои камеры! — закричал Сивер. — Черт бы его взял!

Он быстро переключил. Первая камера ослепла, дождь осколков еще сыпался сверху. Сивер вновь включил вторую. Корабль был уже высоко, он светился, как маленькая, но близкая планета.

— Красиво, — уныло сказал Сивер. — Он мне удружил. Все шло так хорошо — и под конец разбил камеру.

— Да зачем тебе камера?

Сивер покосился на пилота.

— Кто мог знать, что рудовоз окажется на фотонной тяге?

— Да почему рудовоз? — с досадой спросил Брег. — Кто сказал, что это рудовоз?

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга.

— Да нет, брось! — сказал Сивер. — Не может быть.

— На, — сказал Брег.

Он толкнул толстое сверло, и оно покатилось по столу, рокоча.

Сивер взял сверло и прочитал выбитую на хвостовике, едва заметную теперь надпись: «Синяя птица». И следующей строчкой: «Солнечная система».

7

— Их так и делали, первые субзвездолеты, — сказал Брег. — При посадке они складывались, корпус почти садился на зеркало. Если на планете плотная атмосфера и ураганные ветры, им иначе бы и не выстоять. Ждали, что такие планеты будут. Гордились, что впервые в истории вышли за пределы солнечной системы. Эта надпись под названием — от такой гордости. Она, конечно, не для тех, кто мог с нами встретиться: они все равно бы не поняли ее. Они — для самих себя. Для тех, кто летел и кто оставался. Солнечная система! Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны!

— Ага, — без выражения сказал Сивер. — Вот как. — Он сидел на стуле и глядел на земной пейзаж на стене. Вода все еще булькала в желобе, в единственном ручье на Япете. Сивер поднялся и выключил воду. — Мы его не догоним? — спросил он равнодушно.

— Нет, — ответил Брег, — у нас же автомат разобран.

— Ну да, — сказал Сивер, — вот и автомат разобран. — Он умолк.

Брег выключил камеру, потом начал отсоединять кабель от пульта.

— Погоди, — сказал Сивер.

Брег взглянул на него.

— Чего ждать? — спросил он. — Больше ничего не будет. — Он надел на кабель изолирующий наконечник и тщательно завинтил его.

— Ну да, — повторил за ним Сивер. — Больше ничего не будет.

— Что будем делать с кабелем? — спросил Брег.

— Оставим, — сказал Сивер. — Кому-нибудь пригодится. Только не мне... Почему они не сказали? А я даже не подумал. Вернее, подумал, но не понял. Я дурак!

Брег сказал:

— Наверное. Ничего, ты еще молод, а они не последние герои на Земле и в космосе.

— Молчи, не надо, — сказал Сивер.

— А я и молчу, — сказал Брег.

Они вышли из станции и потащились к кораблю. Сивер сказал:

— И все же почему?..

Брег ответил:

— Наверное, они не хотели легенд. Они хотели просто выспаться или посидеть, опустив ноги в воду. У них на корабле нет ручья.

Кончив закреплять груз, оба поднялись наверх и сняли скафандры.

— Да, — сказал Сивер, — а на Япете они нашли ручей. А пейзаж был плохой.

— Им было все равно, — проговорил Брег. — Им была нужна Земля. — Он подошел к автомату. — Займемся-ка трудотерапией: замени вот эту группу блоков.

— Давай, — торопливо согласился Сивер и стал вынимать блоки и устанавливать новые. Потом, вынув очередной сгоревший, он швырнул его на пол. — Нет, — сказал он, — все не так! Это не они! Там не было человека с фамилией Край. Совершенно точно! Ну проверь по справочнику! — Он вытащил корабельный справочник из ящика с наставлениями и техническими паспортами. — Ну посмотри!

— Да нет, — ответил Брег, прозванивая блоки, — я тебе и так верю.

— Нет! — сказал Сивер. — Нету! Понятно?

— Тогда посмотри, нет ли такой фамилии в другом месте, — сказал Брег, задумчиво глядя мимо Сивера. — Поищи, нет ли такого в экипаже «Летучей рыбы».

— «Летучей рыбы»?

— Той самой, что не вернулась оттуда.

Пожав плечами, Сивер перелистал справочник. Он нашел «Летучую рыбу», прочитал и долго молчал.

— Кем он там был? — спросил Брег после паузы.

— Штурманом, — сказал Сивер, едва шевеля губами.

Они снова помолчали.

— Они садились там, — тихо сказал Брег. — Садились, чтобы спасти его — единственного уцелевшего. Да, так оно и должно быть.

— Садились на лиганте — и смогли подняться?

— Выходит, так, — сказал Брег. — Не сразу, наверное... — Он снова нагнулся за очередным блоком и стал срывать с него предохранительную упаковку.

— Выходит, их осталось всего трое, считая со спасенным? И они смогли привести корабль?

— Да, — сказал Брег. — Спать им было, пожалуй, некогда.

— Но ведь, — нахмурился Сивер, — в живых должно остаться восемь!

Брег грустно взглянул на Сивера.

— Просто мы оптимисты, — сказал он. — И если слышим число «три», то предпочитаем думать, что это — погибшие, а вернутся восемь. Но иногда бывает наоборот. — Он взял у Сивера блок и аккуратно поставил его на место.

— По-твоему, лучше быть пессимистом? — спросил Сивер обиженно.

— Нет. Но оптимизм в этом случае — в том, что трое вернулись оттуда, откуда, по всем за-

конам, не мог возвратиться вообще никто. — Брег установил на место фальшпанель автомата. — Ну, можно лететь.

Сивер уселся в кресло.

— Жаль, — сказал он, — что нельзя махнуть куда-нибудь подальше от Земли.

— Нельзя, — согласился Брег и включил реактор. Замерцали глаза приборов, пульт стал похож на звездное небо.

— Он слепой, Край, — сказал Сивер, — он больше не видит звезд. Я думал, он потерял глаза на рудниках.

— Нет, — Брег покачал головой, — на рудниках пилоты даже не выходят из рубки, там вообще нет людей — автоматика.

Сивер только зажмурился.

— Слушай, — спросил он, — а если бы ты был все время со мной, ты разобрался бы?

Брег ответил, помедлив:

— Думаю, что да. Для меня каждый пилот — герой, если даже он и не был на лиганте, а просто возит руду с Япета на Титан. Потому что и в системе бывает всякое.

Сивер опустил голову и не поднял ее.

— Что мне скажут на Земле? — пробормотал он. — Меня теперь никуда больше не пошлют?

— Нет, отчего же, — утешил Брег, — пошлют со временем. Но вот они — они никогда уже не будут возвращаться в солнечную систему и останавливаться на Япете. Это бывает раз в жизни, и, наверное, могло получиться иначе. — Он несколько раз зажег и погасил навигационные огни, затем трижды промигал слово «внимание», хотя внизу не осталось никого, кто нуждался бы в предупреждении.

— Я хотел... — отчаянно сказал Сивер.

— Да что ты мне объясняешь! — сказал Брег.

Он положил руку на стартер, автоматически включилась страхующая система.

— Действует, — слабо улыбнулся Сивер.

— Теперь его хватит надолго, — ответил Брег. — Наблюдай за кормой.

●

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

Кто поверит?

Кафе было маленьким и уютным, как ладонь, что подкладываешь под голову.

Зато взгляд моего соседа по столику — еще холоднее, чем мороженое, которое мне принесли. И я совсем не ждала, что эти темные глаза так быстро потеплеют и, кивнув на столик у окна, сосед скажет:

— А вот те двое сейчас сцепятся.

Два парня, отшвырнув стулья, схватили друг друга за лацканы пиджаков.

— А теперь войдет милиционер, — продолжал сосед деловито.

И милиционер вошел и раздвинул молодых петушков.

— А сейчас к беседе присоединится подавальщица.

Мимо нас к окну решительно прошагала официантка.

— А сейчас...

Он как будто вел репортаж, только слово опережало действие.

Это было смешно и немножко странно. Хотя, собственно, почему? Скандал он, конечно, предсказал по случайно долетевшей фразе. Постовой увидел драчунов в окно, а догадаться, что официантка позаботится о счете, вообще не составляло труда.

— А сейчас, — сказал он, — мы познакомимся, встанем и выйдем отсюда.

...Вечером, прощаясь, он произнес, не спрашивая, не уговаривая, а утверждая:

— Встретимся завтра в семь у Большого театра.

— Значит, до завтра, Виктор... А как дальше?

Его лицо на секунду стало торжественным.

— Фамилию мою вы завтра прочтете в «Вечерке». Под стихотворением на третьей странице. Пока!

...По дороге на свидание я купила газету. В ней было только одно стихотворение. Под ним стояло: Павел Будкин. Но Павел? Значит, не он. Подвели парня... Обещали, да не напечатали.

— Добрый день, товарищ Будкин!

— Фамилия была на месте?! — обрадовался он.

— Но... значит, вас зовут Павлом, а не Виктором?

— Нет, как раз Виктором... А вы решили, что в газете будут мои стихи? Но я-то говорил — вспомните — только о подписи, без имени, о фамилии. Об одной фамилии, без имени.

— Павел — ваш брат?

— Я единственный сын. И от вас первой узнал, что есть у меня на свете поэт-однофамилец.

— Ну, хватит шуток. Не лгите.

— Рад бы, да не могу. Понимаете, все, что я говорю, оказывается правдой. При одном маленьком условии: если мне верят.

— Ну-ка скажите, что сию минуту пойдет дождь. — Я вскинула глаза к небу.

— Я-то скажу, да вы не поверите. Значит, мои слова и ложью не будут. То, чему не верят, — не ложь и не обман. Разве сказки лгут?

— Значит, обязательно надо, чтобы я вам поверила?

— Вы или кто-нибудь еще... Но лучше вы!

— А как вы об этом узнали? Ну, о том, что не можете врать?

— Да похвастал как-то знакомой девушке, что завтра выполню план на двести процентов. А ведь знал, что не могу. Я тогда едва девяносто вытягивал.

А утром пришла в голову одна штука... Ну, приспособление... Смотрю к концу смены — есть двести. Тут я только и вспомнил, о чем вчера трепался. И с тех пор не знаю, что делать. Опоздал на работу, сказал, что мать заболела, а через час меня к ней с завода вызвали... Пошутил с Борькой — товарищ мой, — что не любит его, видно, Ира, — а она на следующий день с другим в загс пошла. Сказал, что Петросян проиграет две партии подряд — в споре сказал, и забыл тут же, а Тиграну страдать пришлось... Поверил мне, значит, кто-то.

...Я рылась в книгах. Неужели ни с кем и никогда не бывало того, что с Витей? Правда, давно верят, что говорить о несуществующей болезни близкого человека — значит накликать ее. Но это же мистика. Или, может быть, какие-то законы психологии?.. Хотя случай с газетой — к нему-то психология отношения не имеет.

Может, считать все просто цепочкой совпадений и не задумываться...

Мы вместе смеялись над жестом, вошедшим у меня в привыч-

ку: как только он начинал говорить о будущем, я хлопала его по губам, обрывая на полуслове. Но иногда что-то все-таки прорывалось. Результат?

Мне подарили на день рождения книгу, о которой я давно мечтала. Я получила на всех экзаменах пятерки. Я очень понравилась его маме. Я... Да что это все обо мне?

Он выиграл в сеансе против Смыслова, прошел без поражения заводской шахматный турнир, сделал пять изобретений, получил три премии, выжал штангу в сто двадцать кило и написал стихи (хотя в последнее я и не верила).

Стихи такие:

Вздохом горы развею,
Сдвину оси планет.
Для того, в кого верят,
Невозможного нет.

Хороший он был, очень хороший — человек, не умевший лгать. Может быть, он и еще писал стихи. Не знаю, потому что тут как раз вернулся из экспедиции Игорь. Виктор встретил нас случайно на улице, подошел, поздоровался, посмотрел на него, на меня и сказал: «Вы друг друга любите». И ушел. С тех пор я его не видела. Но помню. Потому что счастлива. Виктор ведь, знаете, не умел лгать.

Начало одной дискуссии

(Из цикла «Неисторические рассказы»)

Что-то моряки в почете.
Что-то лирики в загоне.
В. Шекспир. Сонет 155 *

Опилки, устилавшие пол кабачка, были едва видны из-под покрывших его тел. Еще бы — шел уже третий час пополуночи, а сэр Френсис Дрейк вернулся из Виндзорского дворца, где был принят королевой, уже в середине дня. А завтра во главе своей эскадры великий пират и мореплаватель уходит в Вест-Индию.

О, на него-то выпитое вино подействовало мало. По-прежнему победно топорщились усы, сверкали глаза, белизна кружев подчеркивала красоту смуглого лица, сильных и властных рук старого воина.

Пятидесятилетний, он казался не старше своего собутыльника — единственного, кроме Дрейка, кто еще оставался на ногах. Обрюзгшие щеки, убогий клочок волос на подбородке, огромная лысина — все это не могли скрасить даже ясные и гордые глаза, выглядывавшие из-под набрякших век. И все это — в тридцать лет.

— Твоих шуток мне недоставало и в Виндзоре, веселый Билль, — сказал моряк, похлопывая его по плечу. — Жалко, что ты не бываешь на королевских приемах.

И он громко расхохотался, довольный, что сумел задеть самолюбие толстяка.

Тот надменно откинул голову.

— Королева принимает многих. Но только короли принимают ее у себя. И я один из них. Так выпьем, старый морской бродяга,

---

* Перу В. Шекспира принадлежат 154 сонета.

за Вильяма Шекспира, гордость Англии!

— Ах, молодой хвастун! Ай да гордость Англии! Выйдем на улицу, спросим, кто об этой гордости слышал... А кто не знает Дрейка?

При этих словах несколько пьяниц, с трудом оторвав головы от пола, дружно прохрипели «слава Дрейку».

А пират, распаляясь, продолжал:

— Вот ты умрешь, и кто через десять лет вспомнит великого актера? А от меня останутся данные мною имена на карте мира. Спроси у любого школьника, кто открыл мыс Горн! Вторым после Магеллана я обошел вокруг Земли. Я воевал в Америке, Испании, Африке и Ирландии, дьявол их возьми!.. Ты только пишешь и говоришь о путешествиях и войнах, несчастный зазнайка. Вот уже тридцать лет, как я не пишу, а только подписываю, и только приказы. Вас, писак, хватит, чтобы столетия рассказывать обо мне!

Актер ничего не мог ответить на эту тираду. Схватившись обеими руками за голову, он медленно раскачивался в кресле. А потом положил руки на стол, посмотрел в глаза довольному победой в споре моряку и прошептал:

— Ты прав, будь ты проклят, ты прав. Я сам тысячу раз повторял себе все это. Люди делятся на тех, кто действует, и тех, кто пишет о них. Мир, история и женщины предпочитают первых. Фрэнк, ты называл меня своим другом. Возьми меня с собой. Пусть хоть тень твоей славы упадет на мое ничтожество. С тобой и я вырасту. Слушай, вот и стихи об этом! И, отбивая ритм рукой, Вильям Шекспир прочитал:

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут,
Моей судьбе, безвестной и убогой.

— Эх, Билль, Билль! Да ты посмотри на себя! С таким ли пузом лезть на мачту? Роль Фальстафа ты ведь написал для себя, старый чревоугодник. Хорошая роль. Оставайся на берегу, сочиняй стихи и отдавай деньги в рост, домосед!

Флотоводец встал, поправляя роскошный камзол:

— Мне пора на корабль!

Актер схватил его за плечи:

— Фрэнк, мы были друзьями. Что тебе стоит? Вот такусенький островок. Или кусочек берега... Мне все равно, где... хоть в Африке... Ты знаешь, — актеру тут нечего стесняться — ужасно хочется бессмертия...

— Я думаю! Но остров Шекспира? Чтобы через столетие географы гадали, в честь кого этот остров назван? Смешно. Прощай, «король театра» и «гордость Англии». Когда я вернусь, то снова напою тебя вдосталь, а большего не жди.

— Эй, пьянчуги! — голос капитана наполнил кабачок. И точно при звуках трубы архангела, зашевелились казавшиеся мертвыми тела.

— Моряки, за мной! — Фрэнсис Дрейк исчез в дверях.

Вильям Шекспир, положив голову на стол, болезненно вздрагивал при каждом стуке двери, пропускавшей новую партию матросов вслед их вождю. Когда кабачок опустел, он поднял голову и уставился на чернильное пятно на правой руке.

Затем начал бешено тереть его. Сначала просто левой рукой, потом положил на запачканное место щепотку соли. Но ничто не помогало. Ничто не могло помочь.

Это занятие прервал бас трактирщика:

— Те, кто заплатил, уже ушли, а за кого платили, еще прохлаждаются. Пора и честь знать, мистер актер.

Толстяк с проклятьем распахнул двери и исчез во мраке ночи, казавшемся ему мраком безвестности.

ВАЛЕНТИН РИЧ

Последний мутант

Не приведи судьба пережить детей своих!

Старик пережил не только своих детей. Он пережил все свое племя. Он забыл уже, как выглядел каждый из них, и только изредка, пролетая над водой и рассматривая свое отражение, вспоминал, как выглядели некогда все они. Вспоминал их могучие тела, их крепкие руки, их прекрасные головы.

Когда это было? Сколько лун с той поры умерло и народилось вновь? Этого Старик давно уже не помнил. Как не помнил и того, сколько времени он живет. Ему казалось, что он жил всегда. Во всяком случае, все изменялось вокруг — приходила и уходила Большая Вода, вспучивались до неба и в песок рассыпались горы, благодатное тепло сменялось мертвой стужей, — а он, только он один, оставался неизменным.

Ну, конечно, он тоже понемногу изменялся — слабели мускулы, мутнели глаза, сдавал слух. Если смолоду он спал месяцами, то теперь уходил во мрак на многие годы и, проснувшись, часто не узнавал мира.

Зачем он жил — одинокий, дряхлеющий с каждой луной? Не лучше ли было бы подползти к обрыву и броситься вниз, подобно лавине? Или погрузиться в пучину вод? Или просто не проснуться однажды — заснуть и не пытаться разомкнуть каменные веки?

О как это было бы просто!

Но Старик не мог поступить так.

Не имел права.

Настоящего дня не наступило еще — только налилось синью небо, и синь эта затопила звезды, оставив лишь самые яркие.

Старик знал небо лучше, чем землю, много лучше. Он знал, почему одни звезды рождаются всегда на одном и том же месте, а другие беспокойно мечутся среди них. И что за искры вспыхивают по ночам, вспыхивают и гаснут, свершив свой быстрый путь между звездами. И что за камни валятся оттуда на землю. И отчего вспыхивают — правда, к счастью, очень редко — далекие, но коварные светила, сжигающие одних, рождающие других...

Утренняя планета ярко пылала на востоке, почти розовом уже от близкого солнца. Пора!

Старик дожевал лепешку и пополз к выходу из пещеры.

Далеко внизу проступали из тумана темные вершины деревьев, а у самого горизонта светилась Большая Вода.

Он оттолкнулся от края скалы, расправил крылья и медленными кругами стал приближаться к выступавшим из тумана вершинам деревьев.

С каждым кругом они проступали все отчетливей. Каждый лист блестел по-своему, каждая ветка радовала безупречной логичностью формы.

Но сегодня ему было не до ветвей, не до листьев, не до раздумий о красоте. Сегодня ему предстояло возобновить попытки контакта.

Он разыскал реку и, держась над ней, чтобы не терять ориентира, полетел к Большой Воде — туда, где появились эти странные существа, вовсе не похожие на него, но с такими же, как у него, руками.

Если не получится с ними — значит, напрасно жили все те, кого он пережил, значит, и сам он жил напрасно...

Как всегда, внезапно выпрыгнуло из-за пылающего горизонта солнце. И сразу же тысячи солнц загорелись на морщинах волн, на острых перьях осоки, на мокрых стеблях тростника, на мясистых цветах лотоса, на прозрачных крыльях стрекоз.

Мир был прекрасен, как всегда. Он был разумен, хоть и не имел разума. Никто в прекрасном и разумном мире не имел разума. И это казалось Старику чудовищным. И потому все долгие годы, с того часа, как он остался один, надежда не покидала его. Время шло — на суше появлялись все новые и новые существа. И на воде. И в воздухе. И такой же величины, как он сам. И больше. И меньше. Некоторые из них умели заботиться не только о собственном потомстве, но и о своих сородичах, умели строить жилища, умели разговаривать между собой, вместе охотиться, вместе ловить рыбу, да мало ли что они умели... Но ни у кого из них нельзя было обнаружить и проблеска разума. И только теперь,

когда судьба отмеряла Старику последние порции жизни, счастье вроде бы улыбнулось ему.

Солнечный столб плясал под ним в струях подернутой рябью воды, и он летел прямо к солнцу, полузакрыв тяжелые веки, изредка взмахивая крыльями.

Завидев вздыбленный частокол из ошкуренных бревен и островерхие кровли жилищ, Старик залетел за облако, чтобы появиться за частоколом внезапно. Правда, раны в крыле почти зажили, но он не забыл еще жгучую боль от железных колючек, которые с трудом удавалось извлечь из сухожилий, поэтому следовало достигнуть жилищ незаметно.

Облако плыло быстро, и вскоре в промоине показалась красная кровля обширного жилища, находившегося в центре поселения. Старик рванулся в промоину.

Картина, представшая его глазам, когда он внезапно появился над площадью, ничем не походила на прошлую. Тогда кругом стоял грохот — теперь полное безмолвие. Тогда внизу бегали и суетились — теперь все лежали ничком, словно мертвые.

Старик сложил крылья, опустился на площадь и принялся рассматривать лежащих. Они были без сознания — очевидно, от страха. Он уже собрался было ухватить покрепче плотного мужчину с рыжей бородой, как дверь в жилище с красной кровлей распахнулась и на площадь с воплем выбежала молоденькая девушка. Она бесстрашно подскочила к Старику, упала перед ним на колени и, протянув руки к мужчине с бородой, прижала их к своей груди, продолжая все время кричать. Из глаз ее бежали слезы. Похоже было на то, что она умоляет не брать этого мужчину, а взять ее.

Такого самопожертвования Старик никогда еще не встречал: ведь мужчина с рыжей бородой был явно намного старше девушки, он не мог быть ее ребенком.

— Хорошо! — сказал Старик. — Я согласен на замену.

Бережно, чтобы не причинить девушке боли, он взял ее на руки, тяжело взмахнул крыльями и пустился в обратный путь.

...На море, на окияне, на острове Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый. Шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: «Бывали мы, братцы, у Кощеева места, наедались пуще, чем деревенская баба теста!»

Это присказка, а сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве появился змей. Брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил к себе в берлогу...

— Здесь я живу, — говорил Старик. — Да ты не бойся меня. Разумные существа не должны бояться друг друга.

Пленница, скорчившись у каменной стены так, будто хотела уйти в эту стену, с ужасом глядела на него. Губы у нее беспрестанно шевелились, но произносила она при этом что-нибудь или не произносила, он не знал — слух почти совсем уже отказывал ему.

— Разумные существа не должны бояться друг друга, — повторил Старик как можно ласковее. — Природа вылепила нас в разных формах, но этому следовало бы только радоваться...

Девушка перестала шевелить губами, но глаза ее по-прежнему наполнял ужас.

— Разнообразие — залог прогресса, — продолжал Старик. — Кто знает, как изменятся условия жизни? Чем более разнообразны ее формы, тем более разнообразные условия пригодны для нее. Ведь недаром у тебя множество соплеменников, а я остался один.

Он достал лепешку, головку чеснока и протянул девушке. Девушка оставалась неподвижной.

— Бери! — крикнул Старик.

Девушка опасливо протянула тонкую белую руку, ухватила лепешку, ухватила чеснок, но есть не стала, а положила на подол.

— Надо питаться! — строго сказал Старик. — Лепешка — это белки, жиры, углеводы. А чеснок — это витамины. И фитонциды. Понятно?

Губы у девушки дрогнули, и она что-то быстро-быстро проговорила. Старик не расслышал, придвинулся к девушке поближе, поднял с ее подола лепешку.

— Лепешка, — сказал он. — Еда. — Отломил кусочек, засунул в рот и стал жевать.

Потом протянул остаток лепешки своей пленнице. Губы у нее снова дрогнули.

— Ешь-ешь! — ласково сказал Старик.

Девушка отломила кусочек лепешки, положила его в рот и судорожно глотнула.

— Умница, — сказал Старик. — Вот ты уже и меньше боишься меня. Нет ничего хуже страха. Разумные существа не должны страшиться друг друга. Страшиться надо землетрясения, наступления льдов. А еще больше — излучения. И еще — однообразия. Если все будут одинаковые, то гибель неизбежна. Мои предки все были одинаковыми. Излучение погубило их всех. Быстро. За две луны. И возникли мы. Бессмертные. Но бессмертные — это значит неизменные. А ничто неизменное не может выжить в этом беспрерывно изменяющемся мире. Бессмертие — это и есть смерть. Смешно, не правда ли?

Старик рассмеялся. Он старался смеяться совсем тихо, но глаза у пленницы снова округлились от ужаса.

— Дура! — в сердцах сказал

Старик. — Я же смеюсь, чего ж ты опять испугалась? Ладно, привыкнешь.

Он отполз в глубь пещеры, вытянулся там и закрыл глаза.

Его разбудило ощущение беды. Он огляделся — пленницы не было.

Со всей доступной для него теперь быстротой Старик преодолел расстояние до выхода из пещеры и высунулся наружу.

Рядом с отверстием на отвесной стене горы он вырубил когда-то узкий длинный выступ. Там он грелся на солнце, когда чувствовал себя особенно плохо.

Вечерний полумрак сгустился между небом и землей, и слабое зрение мешало Старику различить, пуст ли выступ, нет ли. Ему показалось все же, что он заметил там девушку, прижавшуюся к стене.

— Расшибешься! — испуганно крикнул он. — Смотри, какая тут пропасть.

Ответа не последовало.

Но глаза Старика, уже привыкшие к полумраку, отчетливо различали маленькую фигурку в самом конце выступа.

— Не дури! — крикнул Старик. — Мне-то хорошо, у меня крылья, а тебе ничего не стоит оступиться!

Он выбрался на выступ и, придерживаясь руками за каменную стену, пополз к девушке.

Но едва он начал приближаться к ней, как девушка вскочила на ноги, закрыла глаза руками и бросилась вниз — в пропасть.

Старик ринулся за ней.

Давно уже не приходилось ему так работать крыльями. Он даже и сам от себя не ожидал такой прыти. И все же несчастье едва не произошло, лишь в последнем рывке у самой земли удалось ему подхватить легкое тело девушки. Еще бы мгновение — и она разбилась бы о скалы.

...К девушке давно уже возвратилось сознание, а Старик все еще никак не мог отдышаться. Воздух с хрипом вырывался из легких. Судорожно вздымались мокрые от пота бока.

Он лежал поперек пещеры, загораживая выход из нее. Пленница рыдала, бросившись ничком на пол в дальнем углу.

Контакта не получалось!

Всю ночь Старик бодрствовал у выхода, а едва начало светать, подхватил отяжелевшую от сна пленницу, выбрался из пещеры и, с трудом расправив одеревеневшие за ночь крылья, пустился в путь.

Он летел к этим странным существам — и разумным и лишенным разума в одно и то же время. Он нес им их бесстрашную и безумную в одно и то же время дочь.

Может быть, она расскажет им о том, как он накормил ее? Как бережно с ней обращался? Как

спас ее от верной гибели? И они увидят в нем не чудовище, а подобное им существо?..

Как всегда, внезапно выпрыгнуло из-за горизонта солнце, и сразу же тысячи солнц вспыхнули на земле, на воде, в воздухе. Мир был прекрасен...

Старик летел сегодня особенно тяжело — вчера, во время броска за девушкой, он растянул жилу на правом крыле, и оно слушалось хуже, чем обычно.

Когда светящаяся гладь Большой Воды приблизилась, Старик стал искать глазами подходящее облако, чтобы, укрывшись за ним, незаметно подлететь к поселению. Раны от железных колючек все еще саднили...

Облаков было много. Раздув паруса, плыли они над отражавшей их рекой. Они плыли как раз туда, где белели очищенные от коры столбы частокола, где вздымались кровли жилищ, где гнулись от утреннего ветра сизые дымы очагов.

Облаков было много. Но Старик не выбрал себе ни одного. Сегодня он полетит не таясь. Неужели она не поможет ему?

С трудом взмахивая кожистыми крыльями, устремив вперед лысые, лобастые головы на дряблых, морщинистых шеях, он вглядывался слезящимися глазами в медленно наплывающее на него скопище острых кровель...

...Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалося — уж змей летит.

Поднял Добрыня свой меч-кладенец, взмахнул им и сшиб змею поганому все его головы.

Собрал их.

Сжег.

А пепел по ветру развеял...

ЛИЛИАНА РОЗАНОВА

В этот исторический день...

Человек жил и дожил до старости... Сюжет интересный, даже фантастический. В самом деле, в том, чтобы дожить до старости, есть фантастика.

Юрий Олеша

Под утро Деду приснилась дорога. Он знал этот сон наизусть. Дорога была иссохшей, жесткой, он не видел — потому что была ночь, — но чувствовал под ногами ее заскорузлые колеи. Он был частицей чего-то громадного, протянувшегося далеко кпереди и кзади от него, что отличалось от окружающей ночи не столько своей плотной чернотой, сколько мерным, чуть раскачивающимся движением.

Да, это двигалась колонна солдат; и он шел в ней. Степные полынные запахи провожали их. Было тихо и темно, только поблизости, под шаг, брякало что-то, котелок или фляжка, и впереди, куда вела дорога, стояло невысокое блеклое зарево. Они все шли, и посветлел воздух, и чем больше утро набирало силу, тем подробнее, явственнее проступало окружающее. Пустая, пустая деревня открылась по краям дороги — ни людей, ни собак, ни петухов. Жирный бензиновый пепел лип к щекам. Только на краю деревни стояла босая старуха, в руках у нее чернело что-то, подобранное на пепелище, и совсем маленький мальчик сидел на земле, грыз солдатский сухарь.

Потом он близко увидел Володю. Они лежали рядом в кювете или окопе, да, в неглубоком окопе и стреляли, не целясь, длинными очередями туда, откуда близко и жутко сверкало в ответ.

Приближалось самое яркое, самое горестное виденье. Выбравшись из окопа, они с Володей бе-

жали, крича что-то и задыхаясь; и в этом порыве, в криках, стрельбе и огне, он, словно сам сраженный, мгновенно почувствовал, когда Володя упал. Он тоже упал — рядом, на колени, — и, вглядываясь в Володино мертвеющее лицо, услышал вдруг ясный, тугой, певучий удар: дон-н-н... И еще: дон-н...

Звуки боя стихали, стихали, лишь отголоски их слышались в шуршанье между ударами: донн... донн... донн...

Володины глаза были открыты, но все было кончено. Невидимый оркестр взял первый аккорд и заиграл скорбную, мудрую мелодию — прекрасный гимн Революций.

«Доброе утро, дорогие товарищи! — сказало радио свежим, улыбающимся голосом. — Сегодня пятнадцатое июня. Восход солнца—в три часа сорок пять минут».

Солнце и вправду давно взошло. Комната залита была тем легким, обильным светом, какой бывает по утрам, когда вокруг много голубого и зеленого, и особая тишина раннего утра стояла в доме. Дед совсем проснулся, но весь был еще в том, что пришлось пережить, и некоторое время лежал неподвижно, охраняя в себе это.

Неожиданно смысл слов диктора дошел до него: сегодня пятнадцатое июня! Какой день сегодня, какой праздник! Действительно, по радио гремели те особые марши, которые передают по утрам Первого мая или Седьмого ноября и от которых празднично становится на душе.

Дед поднялся по возможности быстро и, распахнув дверь, вышел на балкон. Пахло хвоей и морем. Солнечные лучи, застряв в сизых верхушках сосен, стояли неподвижно; тени стволов, расчертив площадку перед домом и сломавшись на балконной ограде, лежали под ногами у Деда.

Балкон кольцом опоясывал дом: окна всех комнат выходили на него. По обыкновению окна были открыты, но комнаты пусты: внуки, правнуки, внучатые и правнучатые племянники Деда профессии имели бродяжьи — вечно они скитались в экспедициях, ездили по командировкам, ставили недельные опыты, дежурили по суткам, — дом месяцами стоял полупустой — бог знает, что за дом! Постоянными жильцами были в нем лишь Дед и Юнна, или, как звали ее приятели, Юнка, шестнадцати лет. Родственные узы, связывающие их друг с другом, были сложны и громоздки, — Дед без долгого раздумья и сказать бы не смог, кем она ему доводится, — впрочем, что за дело, он любил ее, только имени ее не мог взять в толк и называл ее Юнгой.

Обычно в это время Юнга еще спала; и, проходя балконом мимо ее окна, Дед ухватился за ограду и пошел крадучись, на цыпочках, — но сегодня, в красных трусах и лифчике, она крутилась уже на свисающих с потолка кольцах — рыжая гривка билась вокруг головы.

— Дед! — крикнула она, соскочив. — Проснулся, Дед? Ну, поехали? Ну, полетели? Я только в парикмахерскую, быстренько, раз-два. Пока очереди нет.

Она была вся коричневая, рыжая, пропитанная солнцем.

— Нельзя же в таком виде — в Москву, — говорила она, дыша горячо и быстро. — ИХ встречать — с такими глазами! Неприлично! — Она вытаращила глаза и похлопала ресницами.

Глаза у нее были красивые — серо-зеленые, как сосновые иголки, но теперь, оказывается, таких не носили, а носили лиловые, особенно в Москве. Пока она одевалась, Дед, вздыхая, что не поспеет сготовить горячего, достал из холодильника вощеные пакетики с молоком, облепиховым соком и яичными желтками, вылил в кастрюльку и включил моторчик.

На кухню Юнга забежала уже в параде — в белом джемпере с осьминогами, из-под джемпера чуть виднелись штанишки из блестящей материи, издающей при ходьбе словно легкий свист.

— Я быстренько, — говорила она между глотками, сидя на столе и покачивая ногой, — раз-два. За нами Пека залетит, знаешь, Пека из Академгородка? Как раз на Встречу успеем. Он на вертолете четыреста выжимает!

Оставшись один, Дед с большой бережностью надел гимнастерку, пристегнул медали и натянул сапоги. Гимнастерке лет было без счету, однако на новую Дед не соглашался, справедливо полагая, что такой не сошьют, да и не из чего было шить, не продавали теперь такой материи. Гимнастерка с вечера была выглажена Юнгой, и сапоги начищены ею, а пуговицы на гимнастерке Дед надраил сам с помощью зубного порошка «Ванда». Гимнастерку он надевал в исключительных, торжественных случаях — например, на пионерские сборы. Пионеры встречали его у подножья сияющих белых лестниц, окружив, с почетом, медленно вели в залы, полные свиристенья и щебетанья; и Дед гордился, молодел, оправлял складки под ремнем и вскидывал голову. Говорить он особенно не умел, выступление его, по Дедовой просьбе, написал один журналист, и Дед выучил его наизусть, но от волнения все-таки сбивался и кашлял, да и уставать стал от долгого разговора. Однако сборы эти очень любил, вспоминал потом костры из шелковых лент с вентилятором или еще что-нибудь такое, а красные галстуки, что повязывали ему как почетному пионеру, хранил вместе с военными медалями.

Однажды, выступая, он сказал: «Было это в августе сорок второго года» — и пухлый сероглазый мальчик в очках, с нарукавной повязкой, на которой значилось «летописец», уточнил вежливо, подняв карандашик: «Простите, в тысяча ДЕВЯТЬСОТ сорок втором году?» Услышав об этом случае, Юнга так и покатилась от хохота, но Дед загрустил и, вспоминая, каждый раз расстраивался.

Вот и сейчас, вспомнив мальчика-летописца, Дед внезапно решил, что полетит один. Бог с ним, с этим голенастым Пекой из Академгородка, бог с ним и с его вертолетом, пусть летят вдвоем с Юнгой — что за радость им возить на заднем сиденье древнего Деда?

Поэтому, разыскав телефонную книгу, он позвонил в диспетчерскую. И попросил прислать такси. Девушка-диспетчер сначала долго возмущалась: может быть, товарищ думает, что у нее вертолетный завод, говорила она. Все рейсы на Москву заказаны неделю назад! Но потом вдруг подобрела, сказала, что ничего не обещает, но постарается, да, постарается, и, может быть, скоро, и стала спрашивать адрес и есть ли на крыше посадочная площадка.

Торопясь, Дед написал Юнге несколько слов, а потом, неожиданно для себя, достал старый альбом и вынул из первой страницы пожелтевшую, туманную фотографию Володи: они оба были сняты на ней, под машинку стриженные, в пилотках, оба на одно лицо, не отличишь, — и спрятал в подшитый изнутри карман гимнастерки.

Такси прибыло вскоре — серый вертолетик с клетчатым пояском по фюзеляжу. Таксист был голенастый и длинношеий, как Пека.

— Не затолкают вас, дедушка, в Москве? — спросил он, подсаживая Деда в кабину.

— Я сам кого хочешь затолкаю! — тенорком крикнул Дед.

Он радовался, что успел улететь до возвращения Юнги, однако, гордясь самостоятельностью, испытывал вместе с тем некоторую робость, так как давно уже не только в Москву, но и на местный стадион не летал в одиночестве.

Небо было праздничным. В несколько этажей летели в сторону Москвы самолеты. В самой выси — серебряные лайнеры, словно молнии-громы, опережающие раскаты собственных моторов; пониже — междугородные рейсовые дирижабли; еще ниже — разноцветные легковушки разных марок, персональные и государственные; над самыми деревьями, растянувшись цепочкой, двигались туристские монолеты, водители их, спортивные молодые люди в мотоциклетных шлемах, вылетели, видно, ни свет ни заря, чтобы поспеть на Встречу.

Такси попалось старенькое, спотыкаясь о порывы ветра, оно громыхало, как железная бочка, через щели тянуло свежестью, попахивало бензином. Впрочем, Деду и это нравилось. Он вообще любил такси.

Лететь предстояло часа четыре. Под вертолетом плыла тайга — такая зеленая, что улыбаться хотелось, — расщепленная реками и дорогами, расчерченная просеками. Поворачивались боком и уходили назад прямоугольники полей, выплывали города с заводскими трубами и парашютными вышками, экскаваторы тянули шеи, горели в сопках костры экспедиций, кипела вода на плотинах, и снова наступала тайга, тай-

га... Одно место показалось Деду знакомым — это там, где от синей реки уходили на север вышки линии электропередачи. Дед хотел спросить, но постеснялся. Однако вспомнил далекое: снега, снега до неба, белого как снег; заледенелый брезент вмерзшей в землю палатки; вершину только что установленной опоры, струящуюся в стылом мареве; себя самого — в рукавицах, опоясанного монтажным поясом, — неотличимого от десяти других, таких же, как он. Воспоминание расплывалось, ускользало, оставив тихую полузабытую мелодию. Закрыв глаза, Дед старался вслушаться в нее, но не мог приблизить, не мог разобрать слов, — он понял только, что то звучит любимая их песня, которую они пели там, в палатке. И даже вспомнилось ему, как поют они ее, но не в палатке уже, а в каком-то зале, набитом битком, а на сцене стоит композитор — вернее, композиторша, похожая на маленькую беленькую девочку.

— Что, красиво, дедушка, нравится? — спросил парнишка-таксист, не оборачиваясь, со снисходительностью человека, видавшего виды и поинтереснее.

Дед не расслышал. Он думал: «Вот будут у Юнги каникулы, — возьмем такси, полетим с нею по всем знакомым дорогам. На Мамакан слетаем, попросим лететь низенько, чтобы видны были кривые березки и рыжие озерца, вдоль русла полетим над самой водой, до плотины... Будет погода — оттуда на Камчатку. А что ж?.. Чтоб лететь над самым океаном, а по правую руку чтоб стояли дымы над сопками. На ТЭС, верно, кто-нибудь из знакомых еще живет, там и переночевать можно, сколько лет, сколько зим!.. Возьмем пенсионные с книжки — и слетаем...

Незаметно Дед задремал, но увидел не белые гребни океанского прилива, и не Юнгу, а снова босую старуху в сгоревшей деревне. Теперь он видел ее близко — застывшие глаза, серые пряди из-под платка, корявые руки. Маленький мальчик в одной руке держал сухарь, а другой набирал золу и, приподняв, чуть разжимал кулачок, так что зола вытекала легкою струйкой.

— Твой пацанчик, мать? — спросил Володя.

— Мои все убитые,— ответила старуха и взяла мальчика на руки.

Больше не о чем ее было спрашивать. Володя скинул мешок, вытащил свитер и положил на горелую балку у ног старухи. Там стоял уже котелок, полный сахару, лежали пачки концентратов и несколько банок тушенки.

Потом снова дорога вела их. И когда деревни не стало видно, Володя спросил:

— Знаешь, Сережка, чего я хочу больше всего в жизни?

— Дойти до Берлина — и вернуться, — ответил он. — Мальчишку разыскать и бабку, если доживет.

А через час начался бой, и Володю убило...

Это был их первый бой. И дорога первая и деревня первая.

— Заснул, Дед? — спросил таксист, переключил на автоматику и обернулся. — Москва скоро.

Дед открыл глаза — как и не спал. Вовсе он не на Пеку был похож, этот парнишка-таксист. Он на Володю был похож: такая же у него была тонкая шея, такой же румянец во всю щеку, серые глаза и толстые губы.

— Что вы на меня так смотрите? — улыбнулся он. — Догадываетесь, откуда музыка, да?

И правда, Дед услышал: где-то совсем рядом играла музыка, хор пел величественное, голосистое, но никакого приемника не видно было.

— Вот он где у меня, вот, — смеялся парнишка и бережно похлопывал себя по груди, — таллинский! — И так как Дед не видел ничего, то расстегнул синюю форменную рубашку и пальцем провел по узкому шраму. — Раз в пять лет на подзарядку ложиться, а пока — хочешь плавай, хочешь ныряй! Здорово? Для подводного спорта — вещь незаменимая!

Дед молчал, и он продолжал воодушевленно:

— Это что! Я слышал, скоро специальные приемнички вшивать будут, чтобы мысли друг друга улавливать, не разговаривая! Понимаете? Говорят, уже испытывают их на добровольцах.

«Нет, показалось, — подумал Дед. — Не похож он на Володю: глупый». И сказал сожалея:

— Наврали тебе, сынок. Зачем, скажи, ученые на такую ерунду станут тратиться? Близкие люди, они без всяких транзисторов, по одному взгляду друг друга понимают. И антенны из ушей не надо высовывать. Вот мы — близнецы были с братом...

— Так то когда было? — ничуть не обижаясь, перебил водитель. — Небось в двадцатом веке? Разве тогда электроника была — одна смехота. А вы говорите!..

Между тем действительно подлетали к Москве.

Сверкнули окнами вытянувшиеся вдоль Водохранилища белые корпуса Института геронтологии, где лежал когда-то Дед три... нет, пожалуй, четыре года. Вон в том корпусе, что в глубине парка, и лежал. Там у них подобралась своя компания, фронтовики: генерал Асарканов, летчик-украинец Кудлатченко, этот веселый москвич Федька Коркин. Редкая, душевная была компания. Сколько лет потом писали друг другу! Только последнее время замолчали ребята, на письма не отвечают...

Чем ближе к Москве, тем теснее становилось в небе. Тени от самолетов, слившись, образовали нечто вроде громадной тучи, плывущей по вершинам деревьев и первым крышам. Появились светофоры; перед одним пришлось провисеть минут двадцать в ожидании, пока не рассосется пробка.

Город тянул навстречу белые этажи; ветер стрелял пестрыми стягами. Хоры транзисторов, заглушая друг друга, рвались из окон. Воздушные шары взлетали

с крыш и тротуаров — было похоже, будто вверх ногами идет крупный, редкий, разноцветный дождь.

Щелкнуло и развернулось над колонной монолетов алое полотнище: «СЛАВА ПОТОМКАМ ГАГАРИНА!»

Слава! Слава! Слава! — кричали плакаты и транспаранты. И еще одно слово сверкало, вспыхивало, ликовало: ПЛАНЕТОЛЕТЧИКИ. «Слава планетолетчикам! Планетолетчикам слава!»

За Октябрьскую площадь пролет был закрыт. Свободные таксисты и все желающие тут же, на посадочной крыше, смотрели Красную площадь по телевизору. К тому же отсюда, с высоты, прекрасно виден был весь путь, по которому ОНИ поедут.

Однако Дед лифтом спустился на первый этаж и вступил в толпу.

У него закружилась голова, и несколько минут он просидел на раскладном стульчике, относящемся к уличному кафе «Первоклашка».

Потом он пошел туда, куда шли все. И идти со всеми было легко и прекрасно. Кто-то дал ему в руку флажок — на нем улыбался планетолетчик в скафандре, с поднятой рукой. Люди обгоняли Деда, но это было неважно. Они пели. Женщины катили колясочки, мальчишки стреляли в небо из рогаток бумажными парашютистами. Старые космонавты глядели с портретов.

Но вот движение замедлилось. «Пропуска! — пронеслось над толпой. — Дальше по пропускам. Какие пропуска? Голубые? Нет, красные. Красные! Дальше только по красным». Толпа растекалась. Люди выстраивались вдоль тротуаров.

Дед остался один. У него не было пропуска, ни голубого, ни красного, все же он зачем-то похлопал себя по карманам. Всюду было пусто. Только в кармане гимнастерки под его пальцами щелкнул плотный бумажный четырехугольник, и на дне обнаружилось что-то маленькое, твердое, с неровными краями.

Дед расстегнул гимнастерку и вынул это. Двое мальчишек-солдат глянули на него со смутной фотографии, и перекатился по ладони согревшийся на груди тяжелый кусочек свинца. Осколок давно не попадался Деду на глаза, и он забыл о нем вовсе. И сейчас, зажав его в кулаке и медленно шагая по мостовой, Дед хотел припомнить, при каких именно обстоятельствах он упал когда-то, брошенный на землю этим маленьким кусочком металла; или не упал в тот раз, а продолжал бежать, припадая на разбухшую от крови ногу? На какой дороге, на какой земле? Неясно вспомнилась ему палатка, где лежал он, мучаясь от боли и жара, ожидая очереди к столу под желтым светом керосиновых ламп, заслоненному от него людьми в белом; вспомнились головы в бинтах, на белых подушках, и крошечная прозрачная девочка с бантиками — видно, какую-то песенку пела им,

недвижимым, эта девочка; и еще вспомнилась чудна́я, гулкая церковь, где очень высоко, в разрушенной снарядом крыше было видно ночное небо; потом оно на мгновение исчезло, заслоненное лицом женщины-врача, склонившейся над ним. Но когда именно извлекли из его тела этот осколок, — нет, уже не мог Дед вспомнить.

Между тем он дошел до патруля, где спрашивали пропуска, — то была цепь мальчиков в форменных зеленых куртках и в брючках до колен из такой же, как у Юнги, свистящей материи.

Дед и не придумал, что им сказать.

Однако они сами расступились и пропустили его.

За цепью людская река заметно поредела и поплыла торжественнее, медленнее. Дед шел по местам, вовсе ему незнакомым: да и то сказать, сколько лет он не был в Москве, не сосчитать. Дома-паруса, выгнувшись навстречу солнцу, летели по обеим сторонам улицы. Строй лиственниц рассекал мостовую вдоль, и в их кронах мелькал кто-то рыженький, хвостатый.

Улица вывернулась и уперлась в реку. И тут Дед остановился, потому что это все-таки была Москва. Над неспешной рекой, над серым парапетом вставали зубчатые стены, и звезды смотрели в небо строго и ясно. По реке плыл трамвайчик, рассекая зеленый отсвет деревьев, и трамвайчик, и звезды, и потемневший от времени мост, созданный, казалось, специально для того, чтобы стоять на нем и глядеть вокруг, и байдарка-восьмерка, задравшая нос на оставленной трамвайчиком волне, — все это было знакомо Деду с тех пор, как он помнил себя. И то, что все осталось здесь таким же, как много-много лет назад, сначала представлялось удивительным, но потом становилось очевидным, что именно так оно и должно было быть.

Идти Деду было все трудней. У него не было ничего, но тело его словно приобретало постепенно странную легкость, ненадежность, неуправляемость. Однако людской поток нес его, и он, радуясь, понимал, что все-таки дойдет до Красной площади и все увидит.

Над площадью стояла тишина. Впрочем, возможно, это только чудилось Деду, который оказался в первом ряду развернувшихся и застывших напротив Кремля многих сотен людей, и долго смотрел на приоткрытую дверь Мавзолея и вершины громадных седых елей, уходящие в небо.

Потом он услышал: дон-н!.. И еще раз: дон-н!.. Близко, близко, только голову подними, били часы: донн! донн! донн!..

«Вон они!» — звонко крикнул кто-то с последним ударом.

«Едут!» — ахнула площадь.

«Едут! Вот они, вот! Ура!..»

«В ЭТОТ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕНЬ...» — торжественно заговорил репродуктор.

Грянули оркестры.

Справа от Исторического музея

въезжали на площадь пять длинных, низких, серебристых машин, усыпанных цветами. В них стояли планетолетчики в алых скафандрах, с непокрытыми головами.

Дед видел это несколько мгновений. Потом серебристые машины начали блекнуть, заслоненные новой картиной, такой яркой, что Дед почувствовал, как горячо, трудно и больно забилось его сердце.

На площадь вступали солдаты — с тяжелыми, украшенными черными крестами знаменами. Солдаты несли с собою пыль дорог и запахи боя, и лица их были лицами людей, видевших июнь сорок первого и май сорок пятого.

Подходя к Мавзолею, они швыряли знамена к его подножию.

Дед тоже шел мимо Мавзолея, шел, печатая шаг по каменным плитам, знамена лежали у его ног, и сизые, с первой проседью ели смотрели в синее небо.

И звали его Сережкой.

Он шел в колонне солдат, шел до своего последнего мгновения, когда, уже ничего не видя вокруг, отступил из первого ряда за людские спины и сел на плиты, согретые солнцем, а потом повалился ничком, неудобно подвернув руки.

И успел подумать еще, что умирает в строю, как и подобает солдату.

Это произошло тихо, и люди, поглощенные великолепным зрелищем, развертывающимся на площади, не сразу заметили лежащего старика.

Потом те, кто заметил, осторожно перенесли его в тень, и старые медали негромко звякнули, когда оказавшийся поблизости врач приложил ухо к его груди.

Неясную фотографию с внуками или правнуками старика вынули из его темной руки и спрятали ему во внутренний карман гимнастерки.

Только потом, только много месяцев, а может быть, и лет спустя, люди поняли, кто был этот старик. Сначала мало кто верил в это, но после большой и тщательной проверки оказалось, что ошибки нет и что это действительно так.

Долго думали, какой памятник поставить ему, и в конце концов установили на могиле простой гранитный обелиск с красной звездой.

«ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ, ПРОШЕДШИЙ ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ», —

было начертано на обелиске.

И ниже:

«ПУТЬ БЫЛ, КАК МЛЕЧНЫЙ, РАСКАЛЕН И ДОЛОГ»...

Знатоки говорили, что это строчка из стихов старого поэта, который тоже прошел всю войну, но умер вскоре от тяжелых ран.

РОМЭН ЯРОВ

Спор

Не люблю обострять отношений с людьми, но после того как слесарь дважды проигнорировал мой вызов, я рассердился. Еще одна записка, опущенная в ящик на двери домоуправления, гласила: «Сколько может продолжаться это безобразие! Третий раз вызываю в квартиру 18 слесаря. Если опять никто не явится, произойдет большая неприятность». Мой отчаянный, вызванный крайними обстоятельствами поступок был совершен в субботу. Остаток дня, ночь и утро следующего я провел с жуткой решимостью в душе. В таком состоянии я находился до тех пор, пока не раздался звонок.

— Кто там? — крикнул я, подбежав к двери.

— Слесаря вызывали? — прозвучал голос с площадки.

Я открыл и, не поглядев на прибывшего, с достоинством двинулся в комнату. А он шагал следом. Я приблизился к батарее, положил на нее руку, сказал взволнованно: «Гайку подкрутить надо, а то вода капает», — обернулся к вошедшему. И как будто бы батарея упала мне на ноги. Передо мной стоял человек с продолговатой, в полтора раза длиннее, чем нормальная, головой, с ушами, свисающими до плеч. Одежда его походила на костюм пожарника, надеваемый для участия в прикладных соревнованиях: столько на ней было цепочек, крючков и разных непонятных металлических предметов.

— А-а... где дядя Коля? — спросил я, цепенея от ужаса.

— Какой дядя Коля? — любезно осведомился незнакомец.

— Слесарь из домоуправления.

— Не знаю. Я прибыл по вашему вызову и имею задание оказать помощь, о которой вы просите.

— Извините, но вы-то сами кто?

— Я житель планеты Амос, расположенной в созвездии Лебедя. Так вы его называете...

— Чайку не хотите ли? — пробормотал я. — Да погодите, телевизор выключу. Орет, проклятый...

— Нет, нет, не надо, — остановил меня амосеянин. — Я пока насыщаюсь информацией.

— Но почему именно ко мне? — воскликнул я, постепенно смелея. — Мог ли ожидать я, скромный человек...

— Это произошло вот как, — сказал амосеянин. — Давно уже производительные силы нашей планеты достигли такого уровня, что мы могли установить контакт с разумными существами других миров. А у нас ничего не получалось. Безлюдье какое-то во вселенной, просто кошмар. Но мы решили, что связь должна быть установлена любыми средствами. Созданная с громадным напряжением сил установка сконцентрировала всю энергию машин, размещенных на площади в триста тысяч квадратных километров, в единый мощностный поток и направила его в космическое пространство. Сужаясь постепенно, этот поток превратился в тонкую иглу, которая и уперлась в ящик на двери, где была ваша записка. Немедленно изображение знаков попало на Амос, немедленно был пущен в действие нейтринно-криогенный анализатор, который расшифровал содержание записки, составил словарь всех остальных слов вашего языка и выдал семьсот сорок два варианта возможной опасности. Разумные существа в беде, они просят помощи! Немедленно мне, как главному специалисту по эксплуатации всех механических сооружений планеты, было поручено выучить ваш язык, прибыть к вам и оказать все необходимое содействие.

— Да когда же вы успели? — изумился я. — Ведь вчера только записка была опущена в ящик. И как вы преодолели такое расстояние?

— Ну, счет времени — понятие относительное, — сказал амосеянин. — А прибыл я сюда с помощью телетранспортировки. Меня разложили на атомы и по уже существующему энергетическому потоку переправили к вам. Это практически мгновенно, хотя и требует больших мощностных затрат. Но мы сознательно пошли на это — лишь бы предотвратить неприятность. Однако ж хватит разговоров, надо дело делать. Покажите, что.

— Да вот гайка у батареи отошла, — смутился я. — Вода капает, приходится миску подставлять. Был бы у меня ключ разводной — конечно, и просить незачем было б. Нет, к сожалению...

Амосеянин подошел к батарее, тронул гайку.

— Этот вариант помощи в числе сорока двух не значился, — пробормотал он. — Дело обстоит сложнее. Тем более что все не так. — И повернулся ко мне. — У вас рядом размещены две установки — одна для отопления, другая — чтобы получать изображения. Зачем? Лишнее место занимать!

Он взялся за торцы батареи, замер на миг, напрягся — и ребра ее вплотную приблизились друг к другу. Он провел по ним несколько раз рукой, разглаживая, как гончар незастывшую глину. И вдруг получился абсолютно гладкий куб. На лицевой стороне его оказалось то же изображение, что было на экране телевизора, но только больше и четче. А экран погас.

— Что вы сделали! — закричал я. — Ведь это совершенно разные предметы!

Он улыбнулся снисходительно, склонил набок голову, развел руки.

— Ну что вы, ведь так было на заре развития техники. А сейчас любой ученик знает, что главное в машине — это совмещение функций. И ведь вот этот предмет, — он дотронулся до телевизора, — совершенно другого назначения. Сейчас налажу...

И тут раздался звонок. Я открыл дверь. На пороге стоял хмурый дядя Коля, слесарь из домоуправления. Он был в синей брезентовой робе, покрытой серыми и коричневыми пятнами, в каком-то сплюснутом берете, а в руках держал клеенчатую хозяйственную сумку. Там был водопроводный инструмент.

— Привет, — сказал он и пошел, топая башмаками, в комнату. — Написал-то уж, написал. Третий раз вызываю, будет неприятность. Одни вы, что ли, у меня. Дом-то вон какой... Чего надо, говорите!

Он встал возле батареи, мельком глянул на амосеянина. Деловое выражение его лица не сменилось удивленным. Мало ли что у людей бывает, походишь по квартирам — и не такое увидишь. Я же не мог выговорить ни слова, да и не знал, что сказать, — только протянул дрожащую руку к батарее, на которую неведомой силой был переброшен с экрана телевизора и увеличен в размерах комментатор по спортивным вопросам.

— Польская, что ль? — спросил дядя Коля деловито. — Видел такие, видел. Музыкант один живет в доме тридцать три — вот у него.

— Да что ты, дядя Коля, — отозвался я слабо, — ну где ты мог видеть такие...

— Видел, говорю, — сказал сердито дядя Коля. — Музыкант живет в доме тридцать три. У него тоже польская. Еще лучше. Потом здесь фокус смещен.

— Позвольте, — вмешался амосеянин, — может быть, у того человека, о котором вы говорите, конструкция действительно лучше,

но уж насчет наладки можете мне поверить. Здесь все совершенно верно.

— Конечно, каждый свою работу хвалит, но только я скажу, чтоб обиды не было — фокус смещен. А то пишут тоже — будут неприятности!

— Но как же вы можете так говорить, когда совершенно не знаете устройства агрегата, — амосеянин заволновался, уши его свернулись в трубочку и развернулись вновь.

— Почему это не знаю? — Дядя Коля сорвал с головы беретку. — Да я знаешь где работал. А? — Он поднял палец. — Вот то-то! Там не такие еще вещи делают... В пятом цехе, Василь Семеныч начальник...

— Удивляюсь, — амосеянин стоял совершенно растерянный. — Ни один прибор не выдал сведений о том, что на Земле известна зависимость между стрелами и сдвигами векториальной кривой с одной стороны и инерциальным градиентом с другой.

— Как это неизвестна! Всем давно известна!

— Не может быть!!

— Давай спорить! — закричал вдохновенно дядя Коля. — Спорить, говорю, давай.

— Это поможет предотвратить неприятность? — повернулся ко мне амосеянин.

Я молча кивнул. Целеустремленный характер дяди Коли был мне слишком хорошо известен.

— Я приехал сюда помогать вам, — сказал амосеянин, — и если вы о чем-то просите, я не имею права отказывать. Давайте спорить, раз вы хотите.

Дядя Коля азартно выставил вперед руку, амосеянин медленно подал свою. В полном изумлении я разбил их.

— Вот давай так, — организовывал дядя Коля. — Давай поедем в твою контору, ты мне эти аппараты покажешь, и если я узнаю, значит все — проспорил ты. Да я их сто тысяч видел. А то пишут — третий раз вызываю! В новом-то доме. Думают, я все квартиры обязан знать. Ну, едем.

— Как понимать слово «контора»? — спросил озадаченно амосеянин.

— Не знаешь, что ли? Ну, откуда тебя сюда прислали.

— Вообще колоссальный дополнительный расход энергии, — произнес задумчиво амосеянин, — но ведь личность разумная хочет спорить.

Он вынул из кармана маленькую коробочку, пошевелил рычажками.

— Сейчас вернусь! — крикнул дядя Коля. — Чемодан мой пусть пока у тебя полежит. — И оба они исчезли.

Я поглядел в оцепенении на батарею-телевизор и вспомнил вдруг, что как раз сейчас по второй программе должен передаваться концерт для фортепьяно с оркестром. Я подошел к настоящему телевизору и начал крутить его ручки, страстно желая, чтоб изображение вернулось на место. Увы, экран оставался темным.

Я оглядел со всех сторон преображенную батарею. Никаких новых рукояток не прибавилось. Как же переключать программы? Я достал из дяди-Колиного саквояжа разводной ключ, зажал гайку, повернул. Струя горячей воды ударила мне в живот. Я поспешно завернул гайку, сел в кресло, вытянул ноги и задумался. Придется ждать, пока вернется амосеянин. Или по крайней мере дядя Коля. Но когда это будет? Счет времени там понятие условное — следовательно, они могут появиться и через тысячелетие. И это значит... Нет, не может быть! Неужели я до конца жизни обречен смотреть одну только первую программу?

Повесть

ВЛАДЛЕН БАХНОВ

Как погасло солнце, или История Тысячелетней Диктатории Огогондии, которая существовала 13 лет 5 месяцев и 7 дней

Вселенная так велика, что нет такого, чего бы не было.

ПРОЛОГ

Исторические события, правдиво и объективно излагаемые в этой хронике, имели место на далекой-далекой планете Аномалии, медленно вращающейся вокруг звезды Оо.

Впрочем, если для нас, землян, Оо только звезда 10-й величины, каких много, то для жителей Аномалии Оо — солнце, дающее свет и жизнь всему живому.

Кроме Аномалии, в системе Оо было еще шесть планет. Аномалийцы летать на планеты не умели, но были уверены, что через какие-нибудь двести-триста лет научатся. А поэтому дальновидные политики во избежание будущих недоразумений и скандалов договорились о следующем:

а) Шесть Великих Диктаторий, а именно: Великания, Гигантония, Грандиозия, Колоссалия, Потрясалия и Огромандия — заранее распределят между собой шесть планет.

б) Каждая Великая Диктатория даст торжественное заверение в том, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не станет притязать на принадлежащие другим Великим Диктаториям планеты.

Конечно, договориться об этом было не так-то просто. Споры возникали по каждому вопросу. А нужно отметить, что в то время, как у нас на Земле истина рождается в спорах, — на Аномалии любая истина, наоборот, рождала споры. И если в результате подобных споров и появлялась

на свет какая-нибудь истина, то она имела такой чахлый вид, что сразу становилось ясно: эта истина долго не протянет.

Проблемы появлялись одна за другой. Так, скажем, Попечитель Колоссалии спросил, как они поступят в том случае, если в будущем еще какое-нибудь государство станет Великой Диктаторией и тоже захочет иметь в солнечной системе свою планету.

— Ну что ж, — ответил Попечитель Потрясалии, — можно будет, если возникнет такая необходимость, поручить астрономам открыть еще пару планет.

— Но ведь планеты по приказу не открываются!

— Вы думаете? Н-да, подраспустили вы своих ученых... Ну, хорошо, мои астрономы откроют...

— И вы согласитесь взять именно такую планету для своей Потрясалии? — поинтересовался ехидный Попечитель Колоссалии.

— Ну, знаете, если бы все, что открывают мои ученые, я оставлял только для Потрясалии, мир не знал бы многих величайших открытий. Ученые моей страны работают на благо всего человечества, и их единственной целью и заботой является...

Попечители знали, что в таком духе каждый из них способен говорить круглосуточно, и, ступив на эту опасную тропу, совещание легко могло зайти в тупик. Поэтому решили вопрос о будущем с повестки снять и перейти к распределению планет.

А поскольку ученые всех стран дружно утверждали, что все планеты примерно равноценны, то мудрейший из мудрых государственных мужей внес предложение положить в шляпу шесть записок с названиями планет и тянуть жребий. Проект был принят единогласно при одном воздержавшемся, и Главы Правительств собственноручно тащили из шляпы Попечителя Колоссалии свернутые в трубочку записки.

Так состоялся этот незабываемый акт, и историческая шляпа до сих пор хранится в Центральном Аномалийском музее, где желающие могут ознакомиться с ней в любое время, кроме понедельников и санитарных дней.

Бесспорно, Попечителям удалось прийти к соглашению только потому, что число Великих Диктаторий соответствовало числу планет. И все думали, что такое совпадение является счастливой случайностью. Но время показало, что случайность эта, увы, не была счастливой, потому что именно из-за нее в дальнейшем произошли столь трагические события.

Само собой разумеется, на Аномалии, помимо Великих Диктаторий, существовали и другие малые и большие государства. К их числу принадлежала и некогда могущественная страна Огогондия.

Огогондия была огромным, широко раскинувшимся государством и Великой Диктаторией не считалась только по двум причинам:

1) Политический разброд в Огогондии был прямо пропорционален ее географическим размерам, в то время как 2) Международный престиж Огогондии был этим размерам обратно пропорционален.

Великие Державы особого интереса к этой стране не проявляли, потому что стараниями своих собственных правителей Огогондия была доведена до такого состояния, что ее прежде, чем ограбить, надо было хотя бы одеть.

И никто не обратил внимания, как с помощью военной хунты в результате очередного мятежа в Огого — столице Огогондии — к власти пришел генерал Нибумбум.

Впервые о Нибумбуме заговорили тогда, когда дотошные журналисты выяснили, что он президентствует уже целых шесть месяцев, в то время как его предшественникам удавалось продержаться в президентском дворце от трех с половиной часов до пяти недель максимум.

Один Президент, правда, руководил страной на два дня дольше. Но это случилось не по вине военной хунты, а только потому, что в результате неожиданных ливней в Огогондии промок весь порох и хунта вынуждена была ждать, пока он просохнет, ибо, согласитесь, начинать мятеж без стрельбы просто смешно!

Но Президенту эта отсрочка на пользу не пошла. Он очень томился и нервничал в ожидании неприятностей. И в конце концов он уговорил хунту свергнуть его немедля, а пострелять из всех видов оружия потом, когда порох просохнет.

А вот Нибумбум жил в президентском дворце полгода и, по-видимому, даже не собирался нервничать.

Совершенно спокойно он подавил в Огого семь мятежей и раскрыл шесть заговоров. (Три из них были не совсем настоящими, но зато в подлинности остальных сомневаться не приходилось, потому что Президент организовал их сам.)

30 полковников он разжаловал в солдаты, а 130 — произвел в генералы. Роты он переименовал в полки, а батальоны — в дивизии, велел считать свою армию самой непобедимой и объявил себя родоначальником бессмертной династии Нибумбумов.

Обо всем этом журналисты поговорили и забыли.

А еще через год о Нибумбуме вспомнили снова. Вернее, он сам напомнил о себе.

Прибыв на очередное международное совещание Великих и Малых (ВиМ), Президент Огогондии выступил со следующим неожиданным заявлением:

— Я солдат и люблю говорить прямо, по-солдатски. Ввиду того, что за последнее время Огогондия достигла невиданного расцвета в экономическом, политическом и военном отношениях, и в результате невероятного подъема духовных сил вышла в ряды передовых государств, я прошу выделить Огогондии какую-нибудь планету.

Это заявление вызвало веселое оживление в зале.

— Господин Президент, — сказал, сдерживая улыбку, Председатель, — согласно историческому соглашению все имеющиеся в наличности планеты были распределены между Великими Диктаториями. А насколько мне известно, Огогондия Великой Диктаторией не является.

— Да, господин Председатель, — ответил Нибумбум, — но, если дело только в этом, я согласен на то, чтобы Огогондию тоже считали Великой Диктаторией. Я не возражаю.

— Великими Диктаториями по собственному желанию не становятся. Великие Диктатории образуются исторически.

— Хорошо, с этим я не тороплюсь, пусть исторически. Но планету вы нам должны выделить сейчас!

— Что значит — должны?! Свободных планет в нашей солнечной системе нет. Сколько было — все распределили! Вот если ученые откроют новые планеты, тогда — пожалуйста! А пока мы можем поставить вас на очередь.

— Черта с два! — сказал генерал. — У всех планеты, а у нас очередь? Да? Не выйдет! Я солдат и буду говорить прямо: пусть лучше мы погибнем в неравном бою, чем будем и дальше жить без своей планеты.

Тут все стали успокаивать генерала: «Ну, для чего вам планета?», «Что толку от нее, кроме названия?», «Все равно раньше, чем через двести лет, туда не полетите!», «Одни только расходы!»

Но Нибумбум стоял на своем:

— Мы не ищем материальных выгод. Нам нужна планета.

— Но ведь у нас нет планет. Понимаете — нет!

Генерал задумался и потом решительно сказал:

— В таком случае закрепите за нами Солнце.

— А зачем вам Солнце? Оно же не планета. Оно же — звезда!

— А я не формалист. Я — солдат.

Бесспорно, любая Великая Диктатория легко могла в тот день поставить на место зарвавшегося генерала.

Но одна Диктатория готовилась к войне, и Попечитель ее избегал каких-либо неожиданностей...

Другая Диктатория была уже занята микровойной и не знала, как из нее выпутаться...

Третья вынашивала коварные планы, в связи с чем старалась в данный момент показать всем государствам, что она их верный друг и защитник...

В общем обстоятельства сложились так, что Попечители посоветовались между собой и рассудили, что на Солнце все равно никто никогда высадиться не сможет, а следовательно, какая разница, чьим владением оно будет? В конце концов еще смешней, что какая-то Огогондия станет считаться сюзереном самого Солнца!

Казалось, генерал одержал победу. Но, как выяснилось, эта по-

беда в самом скором времени обернулась для него полным поражением.

Едва получив Солнце, Нибумбум почувствовал себя обманутым и обойденным: у всех настоящие планеты, а у него — Солнце. Продешевил, явно продешевил.

Он затеял переписку с Попечителями Великих Диктаторий, пытаясь обменять свое Солнце на чью-нибудь планету. Он даже соглашался доплатить. Но Попечители отвечали отказом. И это лишний раз доказывало генералу, что, взяв Солнце, он дал маху...

Правда, огогондские газеты дружно утверждали, что раз планет много, а Солнце одно, значит та страна, которой принадлежит Солнце, и есть самая лучшая. Но эти слова вселяли гордость во всех огогондцев, кроме самого Нибумбума.

Комплекс неполноценности так измучил его, что он стал пить, курить и играть в карты. Пил он так много, играл так азартно, что однажды проиграл свое президентское место собственному сыну Нибумбуму Второму.

И приблизительно в это время в Огогондии стал функционировать таинственный синдикат Икс...

Прошло много лет. Сменилось несколько Нибумбумов. Огогондия стала седьмой Великой Диктаторией. Очередной Нибумбум превратился из Президента в Попечителя.

Но по-прежнему у всех Диктаторий были настоящие планеты, а у Великой Диктатории Огогондии — Солнце.

И по-прежнему в Огогондии процветал загадочный синдикат Икс.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Итак, начнем, — сказал пожилой благообразный господин, обращаясь к своим не менее благообразным собеседникам. — Я просил вас, господа директора синдиката, безотлагательно явиться сюда, потому что речь идет о жизни и смерти.

— О чьей смерти, господин Генеральный Директор? — деловито, но без излишнего любопытства уточнил узколицый джентльмен с безукоризненными манерами.

— К сожалению, о нашей. Сегодня вечером у Попечителя Огогондии состоялось чрезвычайно секретное совещание, на котором решено было покончить с нашим синдикатом Икс.

— Покончить? — недоверчиво переспросил тучный господин. — Не представляю, каким образом это можно сделать?

— Самым простым, но в то же время самым коварным и эффективным. Нашему человеку удалось провести видеозапись этого секретного совещания. Посмотрите, господа, выступление Попечителя, и вы убедитесь, насколько мои опасения основательны.

Стена раздвинулась, открывая экран, на котором были видны только стол и ноги сидящих за

этим длинным, уходящим в перспективу столом. Еще одна пара ног в башмаках с пряжками нервно расхаживала по экрану, то останавливаясь, то гневно топая.

— Почему здесь только ноги? Что за странная манера вести съемку? — недовольно пожал плечами тощий джентльмен.

— Я напоминаю: совещание было чрезвычайно секретным, ракурса для съемок выбирать не приходилось. Но слушайте, говорит Нибумбум Пятый.

— Это черт знает что! — послышалось с экрана. — Гангстеры в Огогондии распустились до неприличия. Ну разве так можно? Ну так же нельзя! Мало того, что их синдикат Икс торгует запрещенными у нас наркотиками и содержит запрещенные у нас игорные дома и притоны, — мало этого! Как нам доложил Департамент импортных дел, синдикат произвел перевооружение своих людей и снабдил их всех заграничным оружием! Наше отечественное оружие этим гангстерам, видите ли, уже не подходит! Вот до чего они докатились!

— Позор! Позор! — дружно затопали сидящие за столом.

— Я всегда знал, что гангстеры нехорошие люди. Но я не подозревал, что они до такой степени непатриоты. Ну разве так можно? Ну так же нельзя!

— Позор! Позор!

— Синдикат Икс забывает, что его доходы целиком зависят от наших законов, — продолжали расхаживать ноги в башмаках, — стоило нам запретить наркотики, и синдикат стал их продавать в двадцать раз дороже, нажив на этом не один миллиард игреков. Стоило нам закрыть игорные дома, как синдикат построил тайные игорные небоскребы и снова заработал немалые денежки. Ну разве так можно? Ну так же нельзя. И пора с этим кончать.

— Господин Попечитель, вы намерены привлечь синдикат к суду за нарушение законов? — спросили, щелкнув каблуками, сапоги.

— Нет, господин управляющий Департаментом преступлений и наказаний. Напротив. Я намерен отменить все запретительные законы и разрешить в Огогондии абсолютно все: наркотики, проституцию, игорные дома. Все! Синдикат останется без дела, лишится доходов, обанкротится, а мы избавимся от гангстеров. Вот!

— Достаточно, — сказал Генеральный Директор, выключая экран. — Я думаю, джентльмены, вы согласитесь теперь, что положение наше чрезвычайно серьезно?

— Но как же так? — недоуменно и обиженно воскликнул тучный директор. — Сегодня одни законы, завтра — другие... Это же произвол!

— Да, произвол. Но мы живем в Огогондии, где основным законом является беззаконие. И поэтому мы или должны будем надежно застраховать себя от всякого рода неожиданностей, или падем

жертвой произвола. Третьего не дано.

— А как мы можем застраховаться?

— Я вижу только один надежный способ: Попечителем Огогондии должен стать наш человек. Маленький, никому не известный человек из нашего синдиката.

— А вы подсчитали, господин Генеральный Директор, сколько на проведение этого мероприятия понадобится средств? — поинтересовался тощий джентльмен.

— Много, очень много. Но цель, господа, оправдает затраченные средства.

Спустя два дня после совещания Попечитель Огогондии Нибумбум Пятый издал закон, разрешающий свободную продажу наркотиков и порнографических открыток.

Синдикат пошатнулся.

А на следующий день произошло первое покушение на Попечителя и начался период, получивший впоследствии название Большой Трехлетней Охоты.

Достаточно взглянуть на заголовки пожелтевших газет того времени, чтобы ясно увидеть, что происходило тогда в Огогондии:

«Неудачное покушение на Попечителя».

«Еще одна неудача».

«Удачное покушение на Попечителя».

«Огогондия в слезах».

«Нибумбум Шестой принес присягу».

«Покушение на Нибумбума Шестого».

«2 : 0 в пользу синдиката».

«Огогондия в трауре».

Нибумбум сменял Нибумбума с невиданной быстротой. Род Нибумбумов таял, и в ход пошли троюродные племянники.

Огогондцы устали вывешивать, снимать и снова вывешивать траурные флаги. Поэтому на фасадах домов траурные флаги висели теперь постоянно, а траурные одежды стали ежедневной спецодеждой огогондцев.

Так продолжалось три года. Синдикат вел самую крупную игру в своей истории и был близок к банкротству.

Но, наконец, династия Нибумбумов иссякла, к власти пришел никому дотоле не известный Дино Динами, и охота на Попечителей прекратилась.

Синдикат победил.

Новый Попечитель твердо знал, что нужно делать.

Он снизил цены на пиво, чем сразу завоевал любовь и благодарность верноподданных.

Он начал борьбу за оздоровление расы и строжайше запретил торговлю наркотиками, благодаря чему сразу укрепил материальную базу синдиката Икс.

И наконец, он назначил себя по совместительству Генеральным Директором синдиката и провозгласил начало новой Тысячелетней Диктатории.

Тот, кто одновременно управлял государством и синдикатом,

был застрахован от всяких неожиданностей: Попечитель охранял синдикат; синдикат охранял Попечителя.

Синдикат перестал быть государством в государстве, поскольку стал самим государством.

Поэтому удалось резко сократить полицейский аппарат: гангстеры сами поддерживали порядок в своем государстве. А оставшиеся без работы полицейские устроились благодаря своим давним связям в тот же синдикат Икс.

Время от времени Дино, как глава государства, что-нибудь запрещал, синдикат развертывал широкую торговлю запрещенным товаром, и Дино, как глава синдиката, клал в карман солидный куш.

Число запретов росло. Могло случиться так, что в Огогондии было бы запрещено абсолютно все. Но государственный ум подсказывал Дино, что этого делать не следует. И, подчиняясь здравому смыслу, Попечитель перед каждым новым запретом отменял какой-нибудь свой прежний запрет, что у благодарных огогондцев вызывало новую вспышку любви и обожания.

И не удивительно. Ведь для каждого запрета Динами находил объективные причины, а любую отмену запретов объяснял исключительно личным стремлением сделать приятное своему народу.

И чем хуже огогондцы жили, тем они больше любили Дино.

Прошло десять лет. Государство-синдикат процветало, и Попечитель уже подумывал, не пора ли переименовать Тысячелетнюю Диктаторию в Миллионолетнюю, чтобы на этом основании снова потребовать перераспределения планет. Но тут начались самые интересные события нашей хроники.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По мрачным улицам Огого двигался туристский автобус. От обычных автобусов он отличался только тем, что был без окон и из него туристы могли увидеть не больше, чем из запаянной консервной банки.

— Господа иностранные туристы! — профессионально бодрым голосом выкрикивал гид в то время, как экскурсанты мерно покачивались в уютных креслах. — Мы проезжаем сейчас по залитой солнцем древней столице Великой Диктатории Огогондии. Пусть вас не удивляет, господа туристы, что в нашем автобусе нет окон. Благодаря свойственному нам гостеприимству иностранцам разрешается свободно передвигаться по улицам столицы. Но из соображений государственной безопасности запрещается на эти улицы смотреть. Однако это не страшно. Поверьте мне, я лично буду рассказывать вам самым подробнейшим образом обо всех городских достопримечательностях, мимо которых нам доведется проезжать. Вот сейчас, — и гид одним глазом заглянул в специальное, величиною с за-

мочную скважину, смотровое отверстие, — вот сейчас мы едем по бульвару, носящему имя нашего Великого Попечителя Дино Динами. Ах, ах, какой красивый бульвар!

А теперь мы проезжаем Дино-сквер, пересекаем площадь Динами и выезжаем на самую длинную в мире Дино-Динамиевскую улицу.

Теперь справа находится памятник Динами, едущего на коне, а слева — монумент Дино, переплывающего реку.

Гид восторженно описывал красоты столицы, а мимо замочной скважины проплывали то громадный бронзовый сапог, то колоссальное конское копыто, то окна с решеткой.

— Но вот уже видна, — и голос гида стал еще более торжественным, — да, вот уже видна скромная резиденция Великого Попечителя Великой Диктатории Огогондии. Резиденция, которую огогондцы с любовью называют «хижина дядюшки Дино». Ах, ах, какая хижина! Браво, Динами!

И словно эхо, из «хижины» донеслось:

— Браво, Динами! Слава Динами! Браво, брависсимо, Дино Динами! — Это дружно кричали солидные ученые мужи.

Они кричали, и взоры их были обращены на массивные, высотою с трехэтажный дом, двери. Сейчас они распахнутся, и к ученым выйдет сам Дино.

Но вопреки ожиданиям двери не распахивались. Только в нижнем левом углу этих гигантских дверей для парадных приемов открылись небольшие обычные двери — так сказать, двери на каждый день — и из них выскочил маленький юркий человек, чей облик никак не вязался с представлением о том самом Дино Динами.

И все же это был он.

Тот самый.

Великий.

Усики, бородка и даже улыбка на лисьей мордочке Попечителя казались не настоящими, а приклеенными.

Но этого никто не замечал.

Наоборот, всех умиляло, что Величайший из Великих — такой, как все, и носит такую же бородку, как любой огогондский мужчина старше двадцати пяти лет.

— Браво, Дино! — еще неистовей заорали ученые, увидев Попечителя. — Браво, Динами!

— Ну что это такое? — добродушно попытался остановить их Дино. — Ну что вы заладили: «Браво, браво!»? Так и зазнаться можно. (С м е х в з а л е.) А я такой же, как все. Равный среди равных!

— Да здравствует Равный среди Равных! — подхватили присутствующие. — Сто тысяч лет самому Равному!

— Да ну вас, хватит! — махнул рукою Дино.

— Не хватит! — завопили

строптивые. — Слава Равнейшему! Ух ты-ы!

(Нужно сказать, что огогондцы вообще любили горячо приветствовать своих попечителей. А тут был особый случай. Сегодня в резиденции собрались представители двух враждующих течений огогондской науки. Справа расположились гуманитологи, слева — конструктарии. И каждая сторона пыталась кричать как можно громче, стараясь, во-первых, заглушить своих противников, а во-вторых, наглядно продемонстрировать свои верноподданнические чувства.)

— Ну ладно, ладно. Попрыгали, повеселились — и будет, — Дино произнес эти слова почти так же добродушно, но чуткие ученые, прервав на полуслове приветствия, сразу умолкли. — Что же там у нас на повесточке? О чем толковать будем?

— Сегодня вы, Ваше Равенство, хотели поговорить с учеными — гуманитологами и конструктариями о массовом производстве искусственных солдат, — напомнил вежливый безликий секретарь.

— Ага, понятно. Так вот, дорогие мои гуманитологи, конструктарии и всякое такое. Мне нужны солдаты. То есть не мне лично. Мне лично ничего не нужно. Солдаты нужны нашей родной Огогондии. Вы сами знаете, что Колоссалия, Потрясалия и другие Диктатории, отхватив себе настоящие планеты, подсунули Огогондии Солнце. Прибыли от этого Солнца никакой, высадиться на него все равно никто никогда не сможет, так что, скажем прямо, облапошили нашу любимую Огогондию будь здоров!

Конечно, до планет раньше, чем через двести лет, тоже никто не доберется. Но дело не в этом. Дело в принципе! (Аплодисменты.) Я терпеть не могу исторические несправедливости и никому не позволю обижать мой горячо любимый народ. (Бурные аплодисменты.) Себе, понимаете, планеты, а нам, понимаете, Солнце. Ишь, жулики! (Смех.) Но я добьюсь того, что Огогондия получит все, что ей причитается. Все! И даже больше! Но для этого мне нужны солдаты, солдаты и еще раз солдаты. Мне нужны солдаты, способные пройти сквозь огонь, и воду, и медные трубы!

И я хотел бы знать, чем конкретно вы, гуманитологи и конструктарии, собираетесь помочь нашей Огогондии.

— Разрешите вам напомнить, Ваше Равенство, — тихо сказал секретарь, — что между гуманитологами и конструктариями существуют разногласия.

— Разногласия? — удивился Дино Динами. — Это даже интересно...

И наступила такая тишина, что, казалось, можно было услышать, как Главный конструктарий молится:

— Господи, покарай гуманитошек!

А Предводитель гуманитологов, полагаясь на более реальные силы, мысленно восклицает:

— О Равный среди Равных, почему конструктарии до сих пор не отправлены на перевоспитание?

А сидящий в задних рядах молодой ученый Котангенс, с преданным обожанием глядя на Попечителя, думал: «Сегодня, сейчас вот, наконец-то выяснится, на чьей стороне Дино и правильно ли я сделал, став конструктарием. Прогадал я или не прогадал?»

— Ну что же вы молчите? — нетерпеливо спросил Попечитель.

— Мы не молчим, — одновременно откликнулись Главный конструктарий и Предводитель гуманитологов.

— Так говорите!

— Мы говорим. Ваше Равенство, мы, конструктарии, считаем...

— Ваше Равенство, мы, гуманитологи, полагаем...

— Дорогие ученые, — перебил их Дино, — хоть у меня и два уха, я попросил бы вас выступать поодиночке. Пусть начнет гуманитолог. («Почему гуманитолог первый?—вздрогнул молодой ученый. — Неужели я прогадал?») Впрочем, нет, пусть сначала выскажется конструктарий. («Ух, слава богу!» — облегченно вздохнул Котангенс.)

— Ваше Равенство, мы, конструктарии, считаем, что для того, чтобы непобедимая армия Огогондии стала еще более непобедимой, нужно создать таких искусственных, кибернетических солдат-роботов, которые ничем не отличались бы от людей, но в то же время не ведали бы ни страха, ни сомнений, ни прочих штучек-дрючек.

— Это хорошо. А гуманитологи что думают?

— А мы, гуманитологи, полагаем, что для того, чтобы наша непобедимая армия стала совершенно непобедимой, следует уделять внимание не каким-то там кибернетическим устройствам, а людям. Живым людям! И доводить вышеупомянутых людей следует до такой степени совершенства, чтобы они ничем не отличались от роботов и, следовательно, тоже не знали ни страха, ни сомнений, ни прочих фиглей-миглей.

— Это тоже хорошо, — отметил Дино.

— Причем наш, гуманитологический, способ получения солдат-роботов гораздо экономичней, потому что полуфабрикаты для их производства нам совершенно бесплатно поставляет сама природа.

— Да, изготовлять роботов по вашему способу гораздо дешевле, — снова вскочил Главный конструктарий. — А прокормить? Не забывайте, что даже в мирное время ваших солдат-роботов нужно как кормить-поить, так и обувать-одевать. А наши киберы в этом не нуждаются. Уложенные в аккуратные штабеля или построенные в боевые порядки, киберы могут, не требуя никаких дополнительных затрат, годами дожидать-

ся сигнала боевой тревоги, чтобы тут же броситься в бой, не испытывая ни малейшего желания сохранить свою искусственную жизнь.

— Но киберы не испытывают также ни любви к Огогондии, ни (да простят мне эти слова!) преданности Великому Дино Динами.

— Вы ошибаетесь. Эти чувства в киберах программируются в первую очередь.

— Допустим. Но ваши киберы не могут стремиться пролить свою кровь за нашего Попечителя, ибо у них этой крови нет.

— Да, у киберов нет стремления проливать свою кровь. Но в них запрограммировано более важное стремление: проливать кровь врага.

— Все ясно! — провозгласил Дино. — Я подумаю. А вы, гуманитологи и конструктарии, продолжайте работать. Пусть, как говорится, скачут все кони. Но скачут побыстрей! Я люблю большие скачки!

В едином порыве вскочили деятели науки. И хотя Дино уже успел нырнуть в те самые маленькие двери на каждый день, ученые долго кричали ему вслед.

— Браво, Дино Динами! Слава Равному среди Равных! — выкрикивали гуманитологи и конструктарии, бросая друг на друга яростные взгляды.

И сквозь этот рев пробивалась пытливая мысль молодого ученого Котангенса: «Прогадал я или не прогадал?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как мы уже знаем, на Аномалии, кроме Огогондии, существовало еще шесть Великих Диктаторий, из которых каждая считала себя Самой Великой. Правили Великими Диктаториями Великие Попечители, и каждый из них в пределах своей страны именовался Самым Великим или, попросту говоря, Величайшим.

Казалось бы: все Великие, все Самые, — следовательно, все в порядке. Но нет! Каждый Попечитель ревниво следил за успехами других Попечителей и не столько радовался своим достижениям, сколько огорчался достижениями своих коллег.

— Вот, читай! — кричал, например, нервный Попечитель Колоссалии Отдай Первый, который даже среди Попечителей считался самодуром. Выкрикивая, он совал под нос своему Управляющему Наукой газету: — Читай вслух!

— «У-у-ученые По-потрясалии, — читал испуганный Управляющий, — с помощью спектрального анализа обнаружили на своей планете богатейшие алмазные россыпи».

— Видал? Она, Потрясалия, может обнаруживать, а мы, Колоссалия, не можем? Ступай и вели им что-нибудь обнаружить! Живо.

И цепная реакция начинала действовать.

— Ах, министры, вы мои ми-

нистры! — с грустью произносил томный Попечитель Гигантонии Ну-и-ну. Подперев рукой голову, Ну-и-ну лежал на уютной тахте, а министры в полной форме, при орденах и портфелях живописным полукругом возлежали перед своим владыкой. — Ну что с того, что Потрясалия нашла на своей планете алмазные россыпи, а Колоссалия — брильянтовые залежи? Пусть их! Разве в этом счастье? Разве в этом смысл жизни?

— Никак нет! — единодушно отвечал кабинет министров.

— Да, никак нет! — печально повторял Попечитель. — Вот, например, параллельные линии. Как они до нашего появления на свет не могли встретиться друг с другом, так не встретятся и после нас. А в таком случае, для чего мы? Зачем мы? Неизвестно...

С этими словами Попечитель перевернулся на другой бок, и министры, быстро обежав тахту, снова расположились полукругом.

— Или, скажем, вещие сны. — И Попечитель перешел на шепот: — Вы верите в них, министры?

— Так точно! — прошептали министры. — Верим.

— И правильно делаете. А снилось мне, будто смотрю я на принадлежащую нам планету и вижу на ней... знаете что?

— Что? — полюбопытствовали министры.

— Горы из чистого золота — вот что! — подумав, объявил Ну-и-ну. — К чему бы это, интересно?

— Поздравляю! — злорадно сказала Брунгульда, супруга Великого Дино. — Поздравляю! Так я и знала! Вот уже Гигантония открыла на своей планете золотые горы. А ты? Что ты можешь открыть на своем паршивом Солнце? Пятна?

— Дай мне спокойно поесть, — попросил Дино.

— Ешь, ешь! Люди со своих планет будут привозить драгоценности, а ты — пятна!

— Ну что ты заладила — пятна, пятна... Я, что ли, Солнце выбирал. Так уж получилось... Дура!

— Ну... конечно, я дура. Но если ты такой умный, почему ты не можешь добиться, чтоб тебе тоже выделили планету, как всем людям? Тряпка! Тряпка! — И чтобы ее слова звучали убедительней, дородная Брунгульда грохнула об пол чашку.

В Огогондии самой засекреченной тайной являлось то, что Дино, Великий Дино, нагонявший страх на врагов и друзей, сам безумно боялся своей супруги Брунгульды. Конечно, этот подрывающий авторитет Попечителя факт следовало держать в секрете и хранить в тайне. И в Огогондии существовало два специальных Департамента — Департамент секретов и Департамент тайн, — следивших за тем, чтобы «страшная» правда оставалась в узком семейном кругу.

И мы не стали бы касаться этих чисто семейных отношений, если бы в дальнейших трагических событиях они не сыграли роковой роли.

А пока мы рассказывали об интимных подробностях из жизни Великого Попечителя, Брунгульда, побросав и перебив все, что стояло на столе (благо посуда в резиденции была казенная!), гневно удалилась. На прощанье госпожа Попечительша так хлопнула дверью, что из рук Дино выпала последняя чашка и работа над сервизом окончилась.

— Приближенные, приблизьтесь! — тихо позвал Динами.

— Мы здесь, Ваше Равенство! — тотчас откликнулись два господина — тощий и тучный, с которыми мы уже встречались у бывшего Генерального Директора синдиката Икс.

Они не вошли, а именно возникли, каким-то необъяснимым образом появившись прямо из стен. Но способ их появления нисколько не удивил Попечителя.

— Видали, приближенные, что творится? — беспомощно сказал он, указывая на битую посуду. — Для таких разговоров никаких сервизов не хватит.

А приближенные деликатно развели руками: мол, что поделаешь, Ваше Равенство. Бывает...

— Кто-нибудь находился в зоне слышимости?

— Двое слуг и три офицера охраны, — доложил тучный приближенный Баобоб. — Все замеченные надежно изолированы.

— Нет, не все, — мягко возразил тощий приближенный по имени Урарий. — Мой наблюдательный друг, —и он нежно улыбнулся Баобобу, — видимо, чисто случайно не заметил, что в пределах слышимости находился также Ара...

— Кто?

— Ара. Так называемый попугай. И если этот попугай вздумает повторить то, что услышал...

— Ах, Ваше Равенство, мой осторожный друг, — и Баобоб нежно посмотрел на Урария, — видимо, запамятовал, что наши талантливые ученые вывели специальную породу немых попугаев, которые молчат как рыбы...

— Нет, дружочек, я не забыл этого, — ласково ответил Урарий. — Но бывают моменты, когда и так называемые рыбы заговаривают. А мы не имеем права рисковать.

— Точно! — согласился Попечитель. — Не имеем. Ты совершенно прав, Урарий. Распорядись!

И тощий приближенный, ехидно улыбнувшись тучному, исчез в стене.

А Попечитель в сопровождении Баобоба последовал из столовой в кабинет.

— А я, между прочим, тебя казнить собираюсь, — сообщил Дино приближенному по дороге.

— За что, Ваше Равенство? — спросил не без интереса Баобоб.

— А вот казню, тогда узнаешь,

за что. Вопрос: кто начальник секретного Департамента? Ответ: ты, Баобоб.

— Я, Ваше Равенство.

— Вопрос: кто отвечает за строительство секретного объекта $(a+b)^2$? Ответ: ты.

— Я.

— Вопрос: когда будет готов объект? Ответ: а шут его знает! Вот за это я тебя и казню.

— Но, Ваше Равенство, объект $(a+b)^2$ уже готов.

— Так какого черта ты мне его не показываешь?

— Не могу, Ваше Равенство. В секретный объект, который построил мой Департамент секретов, можно попасть только через тайный ход, находящийся, естественно, в ведении Департамента тайн. А начальник тайного Департамента Урарий категорически отказывается показать мне, где находится тайная дверь в тот тайный ход, который ведет к секретному объекту.

— И правильно делаю! — сказал Урарий, появившись из стены. — Если Ваше Равенство распорядится тайну открыть — тогда пожалуйста.

— Распоряжаюсь! — нетерпеливо приказал Попечитель.

И начальник тайного Департамента, погрузив указательный палец в одну из стоявших на столе чернильниц, нажал невидимую кнопку. И тотчас стоявшая в углу кабинета статуя Попечителя (бывшая в полтора раза выше своего оригинала) сошла с постамента. Плита сдвинулась, открывая тайный ход, а затем снова стала на место. После этого статуя вернулась на постамент и заняла исходное положение.

— Потрясно! — закричал Динами. — А ну-ка я! — И он так же ткнул пальцем в чернильницу. Но статуя даже не шелохнулась. — Ты это что же? — грозно спросил Динами Урария, разглядывая испачканный чернилами палец. — Шутки шутишь?

— Никак нет, Ваше Равенство, вы просто ошиблись чернильницей. Разрешите. — Урарий бережно опустил палец Попечителя в нужную чернильницу, и статуя сработала быстро и четко. — Вот видите!

— За мной! — скомандовал Динами и решительно полез в тайный ход, ведущий к секретному объекту.

Вся Аномалия знала, что в резиденции, или, как ее называли, в «хижине дядюшки Дино», насчитывалась ровно тысяча и одна комната, включая спальни, кабинеты, приемные залы, искусственные лужайки для игры в гольф и небольшие помещения для военных маневров, которыми в минуты грусти тешил себя Великий Попечитель.

И каждое помещение независимо от его назначения непременно украшала какая-нибудь статуя Великого Попечителя: Дино с мечом, Дино с веслом, Дино — роденовский «Мыслитель», Дино — дискобол, Дино — Аполлон и даже Дино — сфинкс...

Но никто, конечно, не ведал, что по личному заданию Дино Динами в его резиденции была построена еще одна комната, именуемая объектом $(a+b)^2$. О существовании и назначении этого объекта знали только начальники тайн и секретов. И сейчас Баобоб с гордостью показывал Попечителю этот таинственный объект.

— Согласно вашему распоряжению объект строился с учетом того, что в моменты наивысшей нервной деятельности госпожи Брунгульды Ваше Равенство сможет в полной безопасности и недосягаемости проводить здесь свое свободное время.

Вот экран, на котором вы сумеете наблюдать за всем, что происходит в любом месте вашей резиденции, а также смотреть телевизионные передачи. А это радиопульт. На нем, как видите, ровно тысяча кнопок.

— Тысяча? Не многовато ли? — усомнился Урарий.

— Нет, дружок. Как раз по числу микрофонов, тайно установленных вашим Департаментом тайн в стенах «хижины». Думаю, Ваше Равенство, с помощью этой трансляционной сети вы услышите немало интересного.

— Да, я вижу, мне здесь скучно не будет. А как насчет питания?

— В этом холодильнике находится месячный запас продуктов и коллекционных вин. — И Баобоб, самодовольно улыбаясь, открыл холодильник.

Но холодильник был пуст.

— Ах, какие продукты! — восхитился Динами. — Ах, какие коллекционные вина!

— Ваше Равенство, я здесь ни при чем, — поторопился оправдаться тучный приближенный. — Тайной доставкой продуктов должен был заниматься тайный Департамент.

— Это почему же? — возразил Урарий. — Раз продукты секретного назначения, значит отвечает за них Департамент секретов.

— Э, нет. Вы должны были сделать тайные запасы.

— Пардон! Запасы не тайные, а секретные.

— Нет, не секретные, а тайные.

— Молчать! — крикнул Попечитель. — Вы оба правы. И я вас обоих пересажу с министерских кресел на электрические стулья, если завтра же холодильник не будет наполнен.

А еще скажите мне, приближенные, вот что: допустим, Брунгульда рассердится; допустим, я уйду в подполье и проведу в этом уютном гнездышке недельку-другую... А что потом? Как я объясню Брунгульде свое отсутствие? А?

— Вы сможете сказать, что вас послали в срочную заграничную командировку... — посоветовал Баобоб.

— Меня? Послали? Да кто, кроме Брунгульды, посмеет меня, так сказать, послать? Думайте, приближенные, думайте! Я, Величайший из Великих, не могу прятаться от собственной супруги,

когда хочу и где хочу! Фантастика!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— К сожалению, господин Главный конструктарий, последние опыты не принесли ничего нового,—докладывал Котангенс,— опять как только мы усиливали нагрузку на мозговые центры, так у киберов появлялись симптомы безумия.

— А сколько опытов вы поставили? — спросил седобородый ученый, сидевший рядом с Главным конструктарием.

— Три.

— И все три кибера сошли с ума?

— Увы! — развел руками Котангенс.

— Вы свободны,—сказал Главный конструктарий. — Можете идти.

— Вот видишь, — седобородый вскочил со стула и нервно заметался по комнате. — Мы не можем в таком виде показывать Попечителю наших киберов.

— Не можем, но должны. И покажем. Мы обязаны убедить Попечителя в том, что обогнали проклятых гуманитологов.

— Но ведь киберы не готовы. Они требуют доработки.

— Да, да, да. Однако дефект заложен в самой схеме. Для его устранения нужно не меньше года. А за это время гуманитошки убедят Попечителя, что мы вообще не нужны. И тогда...

Конструктарий замолчал. А Котангенс, подслушивавший этот разговор в соседней комнате, судорожно перевел дыхание и снова припал к замочной скважине.

— Мы вынуждены рискнуть. Ты сам знаешь, что дефект у киберов проявляется только при повышенной нагрузке, если им приходится решать какие-нибудь трудные задачи. А мы постараемся демонстрировать киберов при нагрузке минимальной, что обеспечит им абсолютно нормальную деятельность. И если Попечитель ничего не заметит и одобрит опытный экземпляр, у нас будет достаточно времени для устранения любых недоделок. А жалкие гуманитошки...

— Ну, а если Динами все-таки обнаружит, что мы ему подсовываем брак, — что тогда?

— Об этом варианте я предпочитаю не думать.

Котангенс испуганно отшатнулся от скважины и, покинув на цыпочках наблюдательный пункт, стремительно зашагал по длинному коридору, стягивая с себя на ходу белый халат.

— Ну нет, хватит! Наука требует жертв, но у нее есть большой выбор и без меня. К черту конструктариев!

— Браво, Дино! — выкрикнули, войдя в кабинет Попечителя, Главный конструктарий и человек в шляпе.

— Браво, брависсимо! — небрежно ответил Дино и, взбежав по ступенькам, уселся в огромное

кресло за громадным столом. — Ну-с, докладывайте.

— Ваше Равенство, я рад сообщить вам, что упорные поиски конструктариев увенчались успехом... — начал Главный конструктарий.

— А конкретнее?

— Если вы разрешите, я продемонстрирую вам опытный образец универсального кибера УК-1.

— Разрешаю. Где он?

— Он здесь, Ваше Равенство.

— Не говори загадками. Где — здесь?

— Вот он. — И конструктарий указал на стоявшего рядом с ним молодого человека в шляпе.

— Браво, Динами! — щелкнул каблуками кибер. — Слава Великому Попечителю.

— Ты смотри! — удивился Дино. — Это кибер?

— Кибер.

— А как же это все у него получается?

— Очень просто, Ваше Равенство...

— А-а, — удовлетворенно кивнул Дино. — Скажи пожалуйста, — и он осторожно дотронулся до кибера. — А кожа-то какая. Прямо как настоящая!

— Кожа, Ваше Равенство, первый сорт. Не какой-нибудь эрзац-дерматин.

— Ну, а ходить он умеет?

— Кибер, покажи Великому Попечителю, как ты движешься, — со сдержанной гордостью приказал конструктарий.

И кибер, продемонстрировав несколько па огогондского твиста, ловко стал на руки, а затем, перевернувшись, проделал ряд головокружительных кульбитов и колесом выкатился из кабинета.

— Артист! — восхитился Динами. — Просто артист! Приближенные, видали?

— А как же! — появились из стен приближенные.

— И что скажете?

— Нет слов! — ответили приближенные и, отступив назад, снова растворились в стенах.

— А много у тебя таких киберов?

— Пока еще нет. Но если вы прикажете — серийное производство может быть налажено в самое ближайшее время. Причем следует учесть, что по желанию заказчика мы можем изготовлять киберов любых размеров, обличий, способностей и профессий.

— Ну, а, скажем, офицера из кибера сделать можно?

— Безусловно.

— А генерала?

— И генерала.

— А начальника Департамента? Говори, говори, я разрешаю.

— Ах, Ваше Равенство, боюсь, что можно и начальника.

— Так, так, так! — возбужденно проговорил Попечитель, бегая по широким просторам своего кабинета. — Так, так, так! Урарий!

— Я здесь, — откликнулся Урарий, наполовину высовываясь из стены.

— Нас никто не подслушивает? Проверь.

— Минутку! — И исполнитель-

ный Урарий нырнул в одну стену и тут же вынырнул из противоположной. — В зоне слышимости никого.

— Хорошо. — И Дино Динами вплотную подступил к Главному конструктарию. — Ну, а такого кибера, который был бы похож на меня, наука в состоянии сделать?

— Не могу знать! — испуганно залепетал конструктарий.

— Можешь знать. Я тебе разрешаю.

— Ваше Равенство, в силу технических причин киберы не могут быть гениальными.

— Ну и черт с ними! Пусть мой двойник будет только ярко талантливым. А впрочем, и это не обязательно. Мне же не надо, чтобы он управлял Диктаторией. Пусть появляется на приемах, встречается с моими подданными и всякое такое...

— Но, господин Попечитель, я не совсем понимаю...

— А ты пойми. Думаешь, мне, Великому Попечителю, хорошо? Нет, не хорошо. Только появляюсь где, все «ух ты-ы!» начинают кричать. Просто неудобно получается. Хоть не выходи. Вот для этих дел мне двойник-то и нужен. Пусть «ух ты-ы!» выслушивает. Для этого особой гениальности не требуется. Ясно? Вот и хорошо. И не тяни с этим делом. Не советую. Даю тебе три дня. Браво, брависсимо!

— Браво, Динами! — растерянно попрощался ошарашенный конструктарий.

Ничего не видя перед собой, он направился к выходу и по дороге наткнулся на стену, из которой тут же появился Баобоб.

— Простите, вам не сюда, — вежливо остановил он конструктария и, взяв под руку, нежно вывел его из кабинета.

— Значит, так, приближенные, — скомандовал Дино, снова взобравшись в кресло. — Пишите. Первое: объявляю задание, данное мною конструктариям, государственной тайной чрезвычайной секретности. Второе: о ходе выполнения задания докладывать лично мне. Все! Ну, приближенные, теперь вы понимаете, кто будет находиться с Брунгульдой, пока я буду отдыхать в секретном объекте?

И закипела работа.

Главный конструктарий, словно портной, снимал мерку с Дино Динами и диктовал данные своему седобородому коллеге, старательно регистрировавшему каждую цифру. Рост... Объем талии... Размер обуви... Длина носа... Угол падения носа на губу... Высота и общая площадь лба... Ширина улыбки... Диаметр родинки за правым ухом... Глубина морщин...

— Видите ли, господин Попечитель, — объяснял конструктарий. — При создании копии важно учесть каждую мелочь, чтобы не пропустить какой-нибудь характерной приметы. Например, обладаете ли вы какой-либо редкой способностью?

— А как же! Я умею шевелить ушами.

— О, это очень важная деталь! Запишите, коллега: шевелит ушами.

И наконец, наступил самый ответственный момент.

В святая святых института, в так называемой «копировальной», происходил таинственный процесс выкопировки.

Дино Динами и кибер, предназначенный стать его двойником, лежали, погруженные в электросон, на операционных столах. На голову каждого было надето странное приспособление, напоминающее одновременно шлем космонавта и куполообразный фен для просушки волос в дамских парикмахерских. От оригинала и копии тянулись многочисленные провода, а осциллографы, индикаторы, кардиографы, энцефалографы и прочие приборы чутко регистрировали и отражали все, что им положено было отражать и регистрировать.

Приближенные Баобоб и Урарий с уважением и трепетом поглядывали на эту загадочную аппаратуру, а Главный конструктарий давал им необходимые пояснения.

— Сейчас, как видите, происходит процесс передачи информации. Вся информация, хранящаяся в мозговых клетках оригинала, с помощью вот этого усилителя биотоков и копировальной машины передается в запоминающее устройство копии и там надежно фиксируется. Таким же образом копии передаются не только знания оригинала, но также его моральные качества, привычки, склонности и так далее.

— Разрешите вопросик, — перебил ученого Баобоб. — А недостатки оригинала копии передаются тоже?

— Вообще-то передаются... — подумав, ответил тактичный конструктарий.—Но в данном случае этого не случится, поскольку весь мир знает, что оригинал лишен каких бы то ни было недостатков.

— Еще бы! — сказал Урарий и неодобрительно посмотрел на Баобоба. — А долго эта процедура будет продолжаться?

— Нет. Как видите, стрелка на информациографе пошла вниз. Следовательно, копия уже усвоила весь объем информации, переданной оригиналом. Сеанс окончен.

Конструктарий защелкал тумблерами и осторожно снял с пациентов шлемы. Еще минуту Дино и кибер лежали с закрытыми глазами, затем одновременно проснулись, спрыгнули с операционных столов, потянулись и, только теперь заметив друг друга вместе, восхищенно воскликнули:

— Надо же!

И действительно, оригинал и копия были до того похожи друг на друга, что казалось, будто Попечитель просто видит свое отражение в зеркале. Усики а-ля Дино, бородка а-ля Динами, мимика, жесты, интонация — все-все, как у Дино Динами.

— Хорош! — радовался удов-

летворенный осмотром Попечитель. — Если я такой же, как он, то я себе определенно нравлюсь! — И, заливаясь визгливым смехом, он игриво толкнул кибера.

— Хи-хи-хи! — подхватила копия.

Но хоть кибер смеялся так же, как Дино, в его смехе слышалось и желание угодить, и стремление подчиненного показать своему патрону, как ему, подчиненному, приятно, что он, шеф, изволит с ним шутить. И хоть копия смеется вроде бы на равных со своим оригиналом, но знает свое место и никогда не позволит себе чего-либо этакого.

Вот как много способно уместить в себе короткое «хи-хи-хи». Потому что смех подобен песне без слов, в которой иной раз удается сказать гораздо больше, чем в песне со словами.

— Молодец, киберуша! — хлопнул его по плечу Дино.

— Рад стараться, Ваше Равенство.

— И ты, Главный конструктарий, молодец! Не обманул моих надежд. Жалую тебя званием «Лоцман огогондской науки» и награждаю орденом «Ай да я!» первой степени.

— Браво, Динами! — возликовал конструктарий.

— И представь мне списки всех, кто помогал тебе делать этого молодца. Всех награжу! Никого не обижу! Ух ты! — выкрикнул Попечитель.

— Ух ты-ы! — подхватили приближенные и конструктарии.

— Ух ты-ы! — заорал во всю свою искусственную глотку старательный кибер.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Не считая пива и Попечителя, огогондцы больше всего любили конкурсы на звание мисс Огогондия.

Согласно правилам самой красивой женщиной Огогондии считалась та, которая занимала на этом конкурсе второе место, ибо первое место было пожизненно закреплено за госпожой Попечительшей.

Участницам конкурса полагалось быть красивыми, упитанными, целомудренными, обаятельными и образованными.

Красота измерялась приближенностью к идеалу.

Целомудренность — площадью и густотой румянца, который должен был — по идее — появляться на лицах претенденток после прослушивания определенных, отобранных лично Попечителем, анекдотов.

А образованность определялась количеством вызубренных наизусть изречений из цитатника Дино Динами. Причем наибольшее число баллов за образованность получали те красавицы, которые настолько хорошо знали цитаты, что умели произносить их не слово за словом, а через слово, через два и даже из конца в начало.

И вот теперь чемпионат красоты подходил к финишу. Под звуки марша лучшие красавицы Огогондии, покачивая лучшими в Ого-

гондии бедрами, вышли на сцену и очаровательно склонили набитые цитатами головки.

— Итак, леди и джентльмены, — объявил ведущий, — я имею честь сообщить вам, что второй красавицей Огогондии в этом году выбрана очаровательная Ора Тория.

Аплодисменты, свистки и крики болельщиков заглушили ведущего, и он, прося тишины, поднял руку:

— Но я не сказал вам самого главного. Радость наша не поддается описанию. Поздравить юную победительницу прибыл сам Великий Попечитель. Браво, Динами!

Зрители вскочили, и под неистовые вопли Великий Попечитель в сопровождении приближенных появился на сцене.

Самые стройные в Диктатории ноги подкосились.

Увидев Попечителя, осчастливленная красавица попыталась упасть в обморок. Но опытные приближенные подхватили ее и поставили на место.

— Поздравляю тебя, мисс Огогондия! Ты вправе носить это гордое имя! — прочувствованно сказал Попечитель и трижды поцеловал Ору Торию.

Ора Тория не смогла сдержать счастливых слез. И операторы телевидения показывали эти самые счастливые по всей Огогондии слезы крупным планом.

А телевизионную передачу с интересом смотрел, спрятавшись в секретном объекте $(a+b)^2$, настоящий Дино Динами.

— Но помни, Ора Тория, — говорила копия, — что высокое звание мисс Огогондия накладывает на тебя такую же высокую ответственность, ибо вся Аномалия глядит и не может наглядеться на твою типично огогондскую красоту.

Нет никаких сомнений в том, что конкурс на звание мисс Огогондия явился ярким свидетельством высокой породистости нашей расы и еще раз продемонстрировал всему миру, как мы красивы. И думается мне, что брак мисс Огогондии с мистером Огогондии, которого мы выбрали на прошлой неделе, послужит хорошим началом для выведения новой расы Огогондия-люкс.

— Послушайте, вам не кажется, что он говорит что-то не то? — спросил Главного конструктария его пожилой коллега.

— Нет, не кажется. Вы только посмотрите, как ему аплодируют. — И Главный конструктарий показал на экран наполненной коньяком рюмкой. — Он говорит то же, что сам Великий Попечитель. И так же, как Великий Попечитель. И если бы вы, коллега, не знали, что это кибер, вам бы и в голову не пришло, будто в его речи что-нибудь не так и не то. Будьте здоровы!

— Ваше здоровье! Но я все время боюсь, что у него откажут

сдерживающие центры, которые мы так и не смогли отрегулировать, и тогда...

— Не бойтесь. Он уже принимал парад, выступал на вегетарианском обеде, произносил речь на открытии клуба закрытого типа... И все обошлось. Давайте лучше припомним, не забыли ли мы кого-нибудь вставить в список?

— Нет, нет. Я два раза проверял: всех вставили. Кроме этого бездарного Котангенса.

— И правильно не вставили его. Сбежал от нас в самый критический момент. Пусть теперь поплачет! А представляете, что будет с предводителем гуманитошек, когда он узнает, как нас наградили?

— Кондрашка хватит, не меньше.

— Никак не меньше. На меньшее я просто не согласен!

Прошло две недели. Испытательный срок подходил к концу.

— А теперь, дорогуша, — сказал Дино своему двойнику, — теперь тебе предстоит самое главное испытание. Сейчас ты пойдешь завтракать с моей супругой Брунгульдой. Постарайся вести себя так, чтобы она ничего не заметила. Не нервничай, будь спокоен, сдержан...

— И старайся не бояться госпожи Брунгульды, — вставил Баобоб.

— Болван! Если он не будет ее бояться, она сразу поймет, что это не я. Бойся, но не трусь. Ясно? Всем своим видом показывай, что ты сам себе хозяин. Но показывай так, чтобы Брунгульда этого не заметила. А теперь ступай. А то чай остынет.

Кибер покинул секретный объект и, пройдя анфиладу комнат, вошел в столовую, где его уже ждала прелестная Брунгульда.

— Доброе утро, дорогая, — проговорил кибер, целуя Попечительшу в лоб. — Как ты себя чувствуешь?

— Как обычно, — недовольно ответила Брунгульда. — А между прочим, я так и предполагала. Ты знаешь, что́ Великания открыла на своей планете?

— Нет, дорогая, не знаю.

— И я не знаю. Но это как раз и подозрительно. Раз мы ничего не знаем, значит они ничего не сообщают. А раз они ничего не сообщают, значит им есть что скрывать.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, если бы им нечего было скрывать, они бы не молчали. Это же всем ясно!

— Но я не совсем понимаю...

— Еще бы. Это же твое обычное состояние...

— Ну, слава богу, — сказал с облегчением Дино. — Опыт удался. Брунгульда ничего не заметила. Можете выключить экран. Я хорошо знаю все, что будет дальше. Бедный кибер!

— Ничего, Ваше Равенство, у кибера буквально железные нервы, — успокоил Попечителя Урарий. — Он выдержит.

— А молодцы конструктарии, не подвели! Кстати, наградные списки они представили?

— Так точно!

— Никого не пропустили?

— Никого, — уверил Баобоб.

— Ну и?..

— Согласно спискам, — доложил Урарий, — все принимавшие участие в создании копии отправлены на перевоспитание.

— Ай-ай-ай! А какие хорошие люди были! — грустно покачал головой Попечитель. — Но раз надо — значит надо... Выходит, теперь про эту копию знаем только мы с вами?

— Только мы! — так же грустно подтвердили Баобоб и Урарий.

— Тогда вопрос, — сразу же перешел на деловой тон Динами, — сколько при мне находится приближенных? Ответ: два. Вопрос: а при моей копии сколько? Ответ: ни одного. Вопрос: а почему? Ответ: а по халатности. Значит, с сегодняшнего дня один из вас будет дежурить при мне, а второй — при моем двойнике.

— Чрезвычайно правильное решение, — сказал Урарий. — И позволю заметить: существование кибера настолько засекречено, что находиться при нем — прямая обязанность нашего талантливого начальника Департамента секретов.

— Прошу прощения, но мой дорогой друг не учел следующего обстоятельства: наличие двойника является важнейшей государственной тайной. А кому охранять тайны, как не славному Департаменту тайн?

— Нет уж, извините: кибер засекречен или не засекречен?

— Засекречен. Но любая засекреченная вещь превращается в тайну.

— Пусть так! Но каждая тайна, в свою очередь, становится секретом. Логика!

— Вы меня логикой не пугайте!

— А вы не делайте из тайны секрета!

— Господа приближенные, будьте взаимно вежливы! — прервал их Дино. — Существование копии является государственной тайной, и тут ничего не попишешь. Значит, при кибере будет тайный начальник, а секретный — при мне. Все. Точка!

— Ваше Равенство, вы отдаляете меня от вас? — обиженно спросил Урарий.

— Нет, я только приближаю тебя к моей копии.

И Урарий успел заметить злорадную улыбку своего тучного соперника.

Гуманитологи нервничали... А неясные слухи об успехах конструктариев обрастали невероятными подробностями, в которых было все, кроме правды.

В этот день Предводитель гуманитологов вызвал своих заместителей и заперся с ними в кабинете.

— Я должен сообщить вам крайне удручающую новость! — сказал Предводитель. — К сожалению, мои опасения оказались не напрасными. Бесчестным конструктариям удалось-таки втереться в доверие к Попечителю.

— Да что вы говорите!

— Откуда это известно?

— Может быть, все не так страшно?

— Нет, страшно! И именно так! Не далее как вчера ночью всех конструктариев собрали и увезли. А вы понимаете, что это значит? Это значит, Попечитель признал работу конструктариев настолько важной и перспективной, что приказал немедленно отправить их в более тихие места и создать им такие условия, чтоб никто не мешал их деятельности.

— Вот везунчики!

— Я всегда говорил, что эти проходимцы умеют устраиваться!

— Но что же нам теперь делать?

— Нужно пойти к Попечителю, — твердо сказал Предводитель. — Пойти и добиться такого положения, какого добились пройдохи конструктарии. Мы заслужили это, господа, и получим. Я верю в справедливость Великого Попечителя!

— Десять... девять... восемь... семь... — отсчитывал кто-то напряженно и четко.

Загадочный, напоминающий сложную счетную машину аппарат шевелил стрелками приборов... Загорались и гасли разноцветные лампочки, и стремительные зигзаги изменяли очертания на его голубых экранах.

Что это за фантастическое достижение науки и техники?

И кто этот человек в белом халате? Он сидит за пультом управления, нажимая на многочисленные кнопки и не отрывая взгляда от тревожно вспыхивающих цифр...

— Шесть... пять... четыре... — продолжал отсчитывать голос.

Пальцы сидящего у пульта человека все ближе подбирались к красной кнопке...

— Три... два... один... ноль!

Человек нажал кнопку...

Взвыла сирена...

И из никелированной трубки тонкой струйкой потекла в маленькую чашку темная жидкость.

Загадочный аппарат, именуемый в просторечии кофеваркой, сделал свое дело.

— Кофе для Попечителя готов! — торжественно возвестил голос.

Человек, сидевший у пульта, поставил чашку на поднос и передал его вошедшему офицеру охраны.

— Кофе для Равного среди Равных, — сказал он.

Офицер пересек коридор и с теми же словами отдал поднос следующему офицеру.

Так, переходя из рук в руки, поднос попал, наконец, к тому, кому доверено было вручать кофе самому Попечителю.

Облеченный доверием офицер вошел в кабинет, где на высоком-высоком кресле за высоким-высоким столом восседал Равный среди Равных, и, взойдя по ступенькам, поставил перед ним кофе.

— Слушаю вас, господа гуманитологи, — сказал, прихлебывая кофе, Попечитель. — Просите все, что вам требуется, и не бойтесь. Ибо вы имеете такое же полное право просить, как я отказывать.

— Ваше Равенство, — поднялся Предводитель гуманитологов. — Наши опыты по превращению людей в роботов подходят к концу. И теперь нам требуются только полуфабрикаты.

— А разве в Огогондии мало населения? Берите сколько нужно.

— Но кого брать, Ваше Равенство? По какому принципу?

— Н-да, принцип должен быть. Это верно. — И Попечитель задумался. — А вам не кажется, господа гуманитологи, что в Огогондии развелось много рыжих? А? Ходят тут, понимаете. Все не рыжие, а они, видите ли, рыжие. Нескромно даже как-то получается. И что мы с ними ни делаем, а они всё есть и всё такие же рыжие!

— Совершенно справедливо, Ваше Равенство.

— Так вот вам и принцип. Все рыжие в вашем распоряжении. А не хватит, мы вам еще каких-нибудь подыщем. Только работайте! — И Попечитель встал, показывая, что аудиенция окончена.

— Браво, Динами! — выкрикнули дружно ученые и удалились.

— Секретный! — позвал Динами, когда гуманитологи вышли.

— Начальник Департамента секретов здесь! — возник посредине кабинета Баобоб.

— Насчет рыжих слыхал?

— Так точно!

— Набросай секретный закон. Я подпишу. А как с бомбами?

— Все в порядке. Моим людям удалось по секрету купить десять бомб. Правда, не то чтобы ультрасовременных, но...

— Ничего, ничего, я за модой не гонюсь. Мне лишь бы взрывались. И почем брали?

— Дешевле грибов, Ваше Равенство. Всего по миллиону за каждую...

— Орлы! Хвалю! Урарий!

— К вашим услугам! — ответил, мгновенно материализуясь в воздухе, начальник тайного Департамента.

— А секретный Департамент тебя обскакал. Бомбочки-то они купили! — сообщил Динами.

— Да, Ваше Равенство, я уже знаю, — развел руками начальник тайн. — Молодцы секретники! И всего по полмиллиона за штуку отвалили. Просто поразительно!

— А ты говорил — по миллиону за каждую? — строго обратился Дино к начальнику секретов.

— Ну да, по миллиону за каждую... за каждую пару, — уточ-

нил Баобоб и, едва улыбнувшись, взглянул на Урария: «Ну что, съел?!»

— Браво, Динами! — выкрикнул Урарий, появляясь в дверях секретного объекта.

— Браво, брависсимо! — нехотя ответил кибер, лениво поднимаясь с дивана. — Небось опять поведешь меня завтракать?

— А что делать? Я человек маленький...

— Господи! Сто раз я уже завтракал с госпожой Попечительшей! И если бы ты знал, что самое страшное в этих завтраках...

— Догадываюсь.

— Нет, не догадываешься. Манная каша с изюмом — вот чего я не могу терпеть! И вот что мне приходится есть каждое утро. Как только я сажусь за стол, так мне подсовывают эту проклятую кашу!

— Но вы можете ее не есть!

— Да? Черта с два! Мой оригинал обожает это блюдо, и, значит, я, чтобы не вызвать подозрений, тоже должен его обожать. Манная каша с изюмом! — содрогаясь, повторил кибер. — И зачем меня сделали копией Попечителя? Я бы с удовольствием умер, но не знаю, как это делается. Как ты думаешь, приближенный, если я попрошу Попечителя казнить меня, он уважит мою просьбу?

— Честно говоря, не уверен. Доброта нашего Попечителя не знает границ, и он всегда рад в таких вопросах пойти навстречу. Но боюсь, что этой просьбы он не исполнит...

— Так что же мне делать? Неужели нет способа избавиться от манной каши?

Урарий оглянулся по сторонам.

— Если позволите, я мог бы дать вам совет. Но боюсь, что вы не согласитесь...

— Соглашусь, соглашусь...

— Тогда слушайте: сегодня вечером в резиденции состоится грандиозный прием...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В «хижине» был грандиозный прием. Ожидая появления Дино, послы больших и малых держав, важные государственные мужи и их еще более важные жены, мультимиллионеры и миллионеры среднего достатка неторопливо прохаживались вокруг установленного в центре зала монумента.

Монумент состоял из трех частей: глыба, на глыбе — лев, на льве — Дино Динами, одобрительно рассматривающий свой занимающий всю стену портрет.

А изображенный на огромном портрете Попечитель с доброй улыбкой и нежностью взирал на каменного всадника. И было ясно, что портрет и монумент весьма довольны друг другом.

Церемониймейстер громко выкрикивал имена вновь прибывающих, объявляя согласно огогондскому этикету реальную стоимость каждого нового гостя.

— Король жевательных резинок господин Андексин-младший, цена — пятьдесят миллионов. Вдовствующая королева искусственных заменителей госпожа Химида — восемьдесят миллионов. Король безалкогольных напитков с супругой, общая стоимость — сто пятьдесят миллионов.

Согласно установленному Дино порядку гостей на приемах угощали не слуги, а стоящие вдоль стены железные роботы. И чтобы получить из рук робота, например, бокал шампанского, следовало опустить в щель автомата соответствующую монету.

Вот только что какой-то генерал бросил монету, но, увы, шампанское не появилось, и робот, негодяй, сделал вид, будто он здесь ни при чем. Генерал безрезультатно нажимал на все кнопки, потом исподтишка пнул робота ногой, но тут же получил ответный пинок.

— Прошу вернуть деньги! — тихо зашипел генерал. Но робот только навесил на себя табличку: «Автомат не работает».

А в другом конце зала два старых сановника вели неторопливый разговор.

— Подумайте только, еще в прошлом году чашка риса стоила в резиденции десять игреков, а теперь — уже двадцать!

— Да, да. Как быстро растет наше благосостояние!

Итак, занимаясь самообслуживанием, высшее общество ожидало выхода Великого Попечителя.

А Дино Динами в домашнем халате и шлепанцах, уютно развалившись на тахте, давал облаченному в полную парадную форму киберу последние инструкции:

— На шампанское не налегай: алкоголь — это яд. Послам ничего не обещай. Ограничивайся ответами, вроде «следует подумать» или «надо посоветоваться». Дамам говори: «Вы все хорошеете». Миллионерам — «Вы все богатеете». А с остальными вообще не разговаривай. Ясно?

— Так точно!

— Через час вернешься незаметно сюда, а я выйду к моему любимому народу.

— Господин Попечитель, а стоит ли вам себя утруждать? Вы достаточно поработали. Почему бы вам не отдохнуть?

— Ах, киберуша, каждая моя минута принадлежит Огогондии! Разве есть у меня время для отдыха?

— А почему бы нет? Отдыхайте год, пять лет, всю жизнь. Вы заслужили право на отдых.

Но Великому Попечителю подобная забота о его здоровье почему-то не понравилась.

— Что это за разговоры, черт побери? — строго сказал он, вскакивая с дивана. — Что за чушь ты придумал?

— Я просил бы называть меня на «вы».

— Этого еще не хватало!

— И при обращении ко мне не забывайте добавлять: «Ваше Равенство».

— Ха-ха! Да кто ты такой?!

— С этой минуты и навсегда я Великий Попечитель Великой Огогондии.

— Приближенные! — заорал Дино Динами. — Эй, приближенные!

— Я здесь, Ваше Равенство, — сказал Урарий, обращаясь к киберу и не глядя на Дино. — Разве сегодня вы сами изволите быть на приеме? А ваша копия будет отдыхать?

— Болван! — завизжал Дино. — Это я — мое Равенство. А он — кибер! Оригинала от копии отличить не можешь, недоучка?! А ты что молчишь? — набросился он на Баобоба.

— Я не молчу, господин Попечитель. Я молниеносно соображаю. Ваше Равенство, я должен вас огорчить: произошел государственный переворот.

— Твой толстячок прав, — подтвердил кибер. — И не будем играть в прятки. Я забрал власть! И все! Не надо было отдавать.

— А ты думаешь, я отдал? Дудки! Я обращусь к моим верноподданным, к армии. Я позвоню в полицию!

— Послушай, приближенный, — обернулся кибер к Урарию. — Сделай одолжение, объясни этому свергнутому истерику реальную ситуацию.

— Слушаюсь, Ваше Равенство. Понимаете, свергнутый, вы никуда и ни к кому не можете обратиться. Это во-первых. А во-вторых, вам все равно никто не поверит. Посмотрите на него и на себя. Разве, например, Попечители ходят в шлепанцах? Нет, свергнутый, будем объективны: ваше дело проиграно.

— Эх, не ожидал я от тебя такой неблагодарности! — сказал экс-Попечитель копии. — Нехорошо! Некрасиво!

— Конечно, некрасиво, — легко согласился кибер. — Даже подло, грязно и бесчестно. Я интриган, предатель, лихоимец, прохвост, жулик. Не отрицаю. Но ведь я — твоя копия. И все мои низкие качества перешли ко мне непосредственно от тебя. Меня никто не испортил: ни школа, ни родители, ни дурные товарищи. Только ты. А ведь я мог быть копией какого-нибудь честного, благородного человека. Я мог бы иметь основания для того, чтобы гордиться своими высокими моральными качествами. Но ты лишил меня этой возможности. И стоит мне только подумать об этом, как я готов тебя казнить! Но к этому вопросу мы еще вернемся. А пока я должен идти к моим любезным верноподданным. Пойдем, дорогой приближенный. И запри этих свергнутых на замок.

Они удалились. И на экране телевизора было видно, как растворились гигантские парадные двери и под звуки огогондского торжественного марша в зал вошли госпожа Попечительша и приятно улыбающийся Великий Попечитель.

— Так обвести вокруг пальца! И кого? Меня! Нет, если даже та-

кого, как я, можно объегорить, значит мир устроен несправедливо! Позор! Позор на мою голову! — закричал Дино, едва его враги вышли.

— Ваше Равенство! — прервал причитания Дино Баобоб. — Разрешите дать вам совет. Мне кажется, для отчаяния у нас будет еще много времени. А сейчас нам следует срочно решить, что делать.

— Как что? Восстановить торжество справедливости и вернуться к власти.

— Это само собой. Но для этого, как минимум, надо остаться в живых. Потому что, когда к власти возвращаются мертвые, справедливость не торжествует.

— А почему ты уверен, что моя копия нас того... надежно изолирует?

— Именно потому, что узурпатор — ваша копия. Что бы вы с ним сделали?

— Я? — воодушевился Дино. — Да я бы!..

— Вот и он то же самое. Нам надо немедленно бежать. Из этого объекта есть один никому, кроме меня, не известный выход в городской парк.

В старом парке на окраине Огого луна освещала безлюдные аллеи, раскидистые дубы, каштаны, вязы и прочие деревья, названия которых автору, к сожалению, неизвестны.

Внезапно из дупла столетнего дуба, отдуваясь, выкарабкался Баобоб и, внимательно оглядевшись, спрыгнул на землю.

— Угу-гу! — подал он условный сигнал, долженствующий изображать крик филина.

— Угу-гу! — раздалось в ответ, и из того же дупла вылез Дино.

— На дворе — трава, на траве — дрова... — тихо произнес начальник секретов, и вход в дупло надежно закрыли автоматические створки, неотличимые от грубой коры дерева.

Стараясь держаться в тени, пугливо прижимаясь к стенам домов, беглецы направились в город.

Всю ночь экс-Попечитель и приближенный занимались уголовными деяниями.

Сломав замок, они забрались в магазин готового платья и похитили два костюма...

Разбив окно, они проникли в парикмахерскую и наголо остригли и побрили друг друга.

Теперь их нельзя было узнать. Они изменились до того, что Баобоб, взглянув на безусое, безбородое, до неприличия обнаженное лицо Динами, позволил себе даже непочтительно хихикнуть. Но Дино не обратил на это внимания.

— Ничего, ничего! — с угрозой сказал экс-Попечитель, поглаживая бритую, лысую, как бильярдный шар, голову. — Они мне за все заплатят. И за усы, и за бороду, и за каждый волос, который упал с моей головы и, черт его побери, попал мне за шиворот!

— Несомненно, господин Попечитель! — поддержал его приближенный. — У меня есть все основания полагать, что ваша копия долго у власти не продержится. Дело в том, что мне, как начальнику Департамента секретов, уже давно известно о том, что ваш двойничок с брачком. Просто я не хотел вас огорчать. — И Баобоб рассказал Динами, что у копии есть один неизвестный ей самой дефектик. И стоит киберу хоть один раз над чем-нибудь серьезно задуматься, как у него что-то там перегреется, выйдет из строя, и он, попросту говоря, свихнется.

— Это точно? — спросил, не веря такой удаче, Дино.

— Абсолютно!

— Так почему же он до сих пор не свихивался?

— А когда ему приходилось задумываться? На конкурсах красоты, что ли? Причем, Ваше Равенство, учтите: конструктарии хранили этот факт в страшной тайне и, следовательно, доложить вам об этом должен был Департамент тайн. Но разве это Департамент? Урарий до сих пор даже не подозревает о существовании дефекта.

— Ну и конструктарии, ну и молодцы! — возликовал Дино. — Кибера с недоделками сдали. Ах, благодетели! Значит, кибер сходит с ума, а мы опять приходим к власти? Вот как даже халтура может приносить пользу человечеству.

Это историческое заявление было сделано под мостом, сооруженным в честь дня рождения Дино Динами и носившим имя Великого Попечителя.

Новый Попечитель действовал решительно, энергично, с характерным для Дино размахом.

Правда, вначале, узнав, что свергнутые исчезли, он решил было впасть в бешенство и устроить скандал с мордобитием. Но тут же взял себя в руки и здраво рассудил, что скандал от него никуда не уйдет, а сейчас необходимо в первую очередь выловить Динами.

— Оцепить весь город, — приказал он Урарию. — Прочесать каждую улицу, каждый дом. Задерживать всех мало-мальски похожих на меня.

— Слушаю. Но как объяснить полиции, кого мы ищем?

— Скажите, что появился самозванец, утверждающий благодаря случайному сходству, что он — это я... то есть, что я — это он. То есть, что я не он, а он не я. В общем ты меня понимаешь... Действуй! Стой! Чуть не забыл: немедленно издай закон о повсеместном запрещении манной каши с изюмом!

Так, казалось бы, совершенно безопасная нелюбовь к манной каше положила начало тем трагическим событиям, о которых пойдет речь в дальнейшем.

И следует полагать, что когда-нибудь произведут серьезные научные исследования о влиянии субъективных вкусовых ощущений на объективный ход истории.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Город проснулся от воя сирен. Включив сирены, полицейские машины мчались по улицам, и вскоре на каждом углу появились усиленные патрули.

Бдительные полицейские, снабженные точной инструкцией, внимательно вглядывались в лица прохожих.

— Эй ты, в шляпе! — окликнул полицейский какого-то старичка. — Иди-ка сюда!

— Слушаю вас... — торопливо засеменил старичок.

— А ну-ка, сними шляпу. Похож? — спросил полицейский у своего младшего напарника.

— Вроде бы нет... — неуверенно ответил напарник, сравнивая старичка с возвышающейся на перекрестке статуей Дино.

— А бородка?

— Вроде бы да...

— Марш в машину! — приказал старичку полицейский, и дисциплинированный гражданин послушно полез в автобус, где уже теснились обладатели модных в Огогондии усов и бородок а-ля́ Динами.

— А ты давай побдительней! А то «вроде бы нет, вроде бы да», — передразнил старший напарника, и они продолжали нести свою нелегкую службу.

— Мадам, — остановил младший полицейский пересекавшую улицу женщину, — попрошу вас на минутку.

— В чем дело?

— Сейчас узнаете. Станьте в профиль. Ну, что скажешь?

— Так она вроде бы не совсем того пола... — засомневался старший полицейский.

— А усы?

— Усы действительно налицо. Мадам, попрошу вас в машину.

Над перекрестком повис вертолет, и из него по веревочной лестнице спустился дежурный офицер.

— Ну как, много на этом перекрестке задержали? — осведомился он.

— Тридцать с бородками и шестьдесят с усами, — бодро доложил старший полицейский — и вдруг испуганно умолк, поймав на себе подозрительный взгляд начальства.

Офицер молча переводил взгляд с одного подчиненного на другого, а полицейские смотрели на офицера, и каждый видел на лицах своих собеседников те самые сакраментальные подозрительные усы а-ля Динами.

— В машину за мной шагом марш! — мужественно скомандовал офицер, и три бдительные жертвы верноподданнической моды строевым шагом направились к полицейскому автобусу.

О нет, не напрасно Дино приучал своих граждан к бездумному исполнению приказов! Вот сейчас было приказано ловить похожих на Попечителя. Похожих ловили, а на безбородых и безусых не обращали внимания, ибо любое отклонение от приказа считалось вольнодумством.

Экс-Попечителя и приближенного ни разу не остановили.

Но день подходил к концу, где-то нужно было спрятаться на ночь, и тут у Баобоба появилась блестящая идея.

Почему бы им не вернуться в секретный ход и не переночевать там? Более того, по секретному ходу они могли пробраться в секретный объект, где по ночам никого не бывает, и воспользоваться запасами из холодильника.

Это была замечательная мысль.

И поздним вечером экс-Попечитель и Баобоб пришли в парк.

— Вот наш дуб, — сказал приближенный. — Теперь нужно постучать по дереву пять раз (три длинных, два коротких), произнести: «Карл у Клары украл кораллы», — и вход в дупло откроется сам собой.

— Так чего ж ты ждешь? Стучи! Произноси!

— Слушаюсь! Раз, два, три, четыре, пять... Карл у Клары украл кораллы. Открылся вход?

— И не подумал.

— Странно. Наверное, это не тот дуб. Попробую постучать по соседнему. Раз, два, три, четыре, пять... Карл у Клары украл кораллы. Ну как?

— Все так же.

— Боже мой, неужели я забыл, в каком именно дереве находится наше дупло?

— Введите задержанных, — произнес дежурный чин, и полицейские втолкнули в комнату Дино и Баобоба.

Их изрядно помятый вид и синяки под глазами свидетельствовали о том, что времени даром полицейские не теряли.

— За что задержали? — спросил дежурный.

— Да вот, разрешите доложить, бегали эти двое ночью по парку, хулиганили, стучали по деревьям и кричали про какого-то Карла, который украл у какой-то Клары какие-то кораллы. Фамилии и адреса укравшего и потерпевшей задержанные назвать отказались. И вообще при задержании оказали яростное сопротивление, нанеся различными частями своих тел ряд болезненных ударов по нашим кулакам.

— Назюзюкались! — определил опытный дежурный и не без профессионального любопытства уточнил: — А что пили?

— Всё пили, — быстро ответил Баобоб. — Всё подряд смешивали.

— И даже не закусывали, — добавил Дино. — Вот дураки!

— Отведите их в камеру, пусть проспятся! — решил дежурный. — А впрочем, подождите! — И, подойдя к задержанным, он начал подозрительно осматривать их. — Вы почему лысые?

— Как почему? От природы, — нашелся Дино.

— Врете! Лысыми с детства не бывают. Значит, вы свои шевелюры сбрили. Так? А какого цвета у вас были волосы до бритья? А?

— Черного. Мы брюнеты.

— Жгучие брюнеты.

— Опять врете! Брюнетам незачем бриться наголо. Вы оба рыжие!

— Нет! нет! — испуганно закричали задержанные.

— Тогда назовите имена десяти свидетелей, которые подтвердили бы, что вы никогда не были рыжими. Есть такие свидетели? Ага, молчите? В таком случае я обвиняю вас в том, что вы рыжие. И согласно личному приказу Равного среди Равных отправляю вас туда, куда теперь свозят всех рыжемордых! Думаю, из вас там сделают пару отличных роботов. Ха-ха-ха!

А Дино Динами посмотрел на свой висевший в простенке портрет, и ему почудилось, будто Великий Попечитель на портрете в ужасе схватился за голову.

Помещение, куда ввели Дино с приближенным, было похоже на небольшой клубный зал. И если бы не стоявшие у стен странные личности с автоматами, нацеленными на сидящих в зале, можно было подумать, что собравшиеся пришли сюда послушать популярную лекцию. Тем более что здесь был и так называемый лектор.

— Вы счастливые люди, вам просто повезло, — говорил он, обращаясь к слушателям. — От чего более всего страдает человек? От несбыточных желаний и неудовлетворенных потребностей. А вы, превратившись в роботов, не станете испытывать никаких желаний, а это значит, что все ваши потребности будут полностью удовлетворены. Могли вы когда-нибудь мечтать об этом?

Человека гнетут заботы, мучает совесть, терзает зависть, раздирают противоречия. Это не жизнь, это — ад. А вы, превратившись в роботов, не будете знать ни забот, ни волнений, ни страхов. И если не это, то что же тогда можно назвать райской жизнью? Процедура превращения в роботов проста и безболезненна. Вам размагнитят память, как размагничивают записи на магнитофонных лентах, и вы забудете все, что знали. Затем на свежую голову вас обучат нужному ремеслу — и всё! Посмотрите на них, — и лектор указал на вооруженных субъектов, — разве можно сказать, что им плохо? А ведь они роботы. Так что не бойтесь. Кто желает пойти вне очереди первым?

— Я, — поднялся рослый мужчина.

— Вот молодец! А почему вы хотите быть первым?

— Вы говорили, что роботов лишают памяти?

— Да.

— Так вот я хочу поскорей забыть, что живу в проклятой Огогондии! — И, ударом ноги отворив дверь, человек вошел в кабинет.

— Ишь ты какой! — возмутился лектор. — Мало этому рыжему, что его без очереди пропустили, так он еще выражается! Кто следующий? Пожалуйста, у нас одновременно работает несколько мастеров. Теперь ваша очередь. — Это относилось к Дино и Баобобу.

— Нет, нет, я подожду своего мастера, — сказал Динами.

— У нас все мастера хорошие. Проводите их!

И, подчиняясь приказу, дюжие роботы, подхватив под руки Дино и приближенного, потащили их в разные процедурные.

— Браво, Динами! — закричал, прощаясь, Баобоб.

— Браво, брависсимо! — ответил, дрыгая ногами, экс-Попечитель.

Через минуту Дино был накрепко привязан к приспособлению, напоминающему зубоврачебное кресло, и роботы вышли. А в кабинете появился гуманитолог. Пациент и ученый посмотрели друг на друга (первый со страхом, а второй с безразличием) и, конечно же, друг друга не узнали. А между тем они уже встречались. Только тот, которому сейчас предстояло превратиться в робота, был тогда Величайшим из великих, а теперешний гуманитолог Котангенс считался в те дни еще конструктарием и, с благоговением внимая каждому слову Динами, думал: «Прогадал я или не прогадал?»

И когда ученый начал опускать на голову Дино куполообразный размагничивающий дроссель, пациент вдруг заговорил.

— Доктор, — торопливо сказал Дино. — Я хочу вам назвать свое имя.

— Меня это не интересует, — ответил Котангенс.

— Я должен открыть вам страшную тайну. Я Дино Динами.

— Очень приятно.

— Нет, я тот самый Дино Динами. Настоящий. Равный среди Равных. Величайший из великих.

— Вы очень интересно рассказываете. А теперь держите голову неподвижно. Я включаю размагничиватель.

— Одну минуту! Вы успеете его включить. Выслушайте меня. Я Дино Динами! Попечитель. А в моей резиденции сидит сейчас кибер, моя проклятая копия, мой двойник!

— Копия? — насторожился Котангенс. Уж ему-то хорошо было известно, что о копиях знал только самый узкий круг конструктариев.

— Да, копия. Только она долго не продержится у власти, потому что у нее есть дефект и она вот-вот сойдет с ума.

— Дефект? — еще больше удивился Котангенс, прекрасно знавший о пресловутых недоделках и дефектах. — Откуда вы вообще знаете о копиях? Это же государственная тайна.

— Какие могут быть тайны от меня?

— Да кто вы такой в конце концов?

— Я целый час твержу тебе, что я Дино Динами. Конструктарии сделали мою копию, а она захватила мою власть. И сними с меня этот дурацкий набалдашник! А то я еще размагничусь!

— Не нервничайте! Я слушаю всю вашу болтовню именно пото-

му, что могу в любой момент нажать на кнопку, и вы забудете все, в том числе и этот разговор. И если даже вы в самом деле были бы Дино Динами, я все равно не знал бы, как с вами поступить.

И Котангенсом снова овладели мучительные колебания.

— Есть только два выхода, — быстро заговорил, пользуясь замешательством ученого, Дино. — Первый: ты можешь превратить меня в робота. Второй: ты можешь оставить меня человеком. Рассмотрим оба варианта. Ты превращаешь меня в робота, и все остается по-прежнему. Ты ничем не рискуешь, но ничего не выигрываешь, до конца своей жизни оставаясь обычным, заурядным ученым. Правильно я говорю? Правильно! А если ты рискнешь и оставишь меня человеком, я выведу тебя в люди. Я вернусь к власти и присвою тебе звание «адмирал Кормчего»! Я сделаю тебя Главнокомандующим академии наук, старшим приближенным и его заместителем одновременно. Я назначу тебя главой школы и светочем науки. Я отдам за тебя замуж свою дочь.

— У вас же нет дочери.

— Неважно! Удочерю кого-нибудь. Рискни! Ни у одного человека в мире не было шансов сделать такую потрясающую карьеру. Рискни, тебе говорят!

— Ну что вы меня мучаете? — завизжал Котангенс. — Что вы меня терзаете? Всю жизнь я прикидывал, как бы не прогадать, и каждый раз прогадывал и расстраивался. А тут я только махнул на себя рукой, только успокоился, так черт вас принес на мою голову, мучитель проклятый! Вот сейчас как нажму кнопку, как размагничу вас, так узнаете!..

— Ну и нажимай! — закричал Дино. — Размагничивай! Ну, долго я ждать буду?

Может быть, ученый привык, чтобы на него кричали. Во всяком случае, он прекратил истерику и сразу успокоился.

— Но если я оставлю вас человеком, вам все равно придется притворяться беспамятным роботом, — предупредил он, развязывая Дино.

— Ну и что? Ты меня не знаешь. Я одаренный, я все могу. И все стерплю! Только бы моя копия скорее... того... задумалась!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Господин Попечитель, — докладывал Урарий. — Только что получен ответ Великих Диктаторий на ваше предложение собраться для перераспределения планет.

— Ну, ну?

— Категорически отказываются. Это, говорят, вопрос решенный и пересматривать его нет оснований. Как за Огогондией Солнце закрепили, так оно и будет.

— Эх, мне бы побольше бомб! Они бы, Попечители, со мной так не посмели разговаривать.

— Есть бомбы, Ваше Равенство. Самые модные, импортные. И продать их согласны.

— Так чего ж ты не покупаешь?

— Вот он, министр финансов, денег не дает.

— Как не дает? — удивился Попечитель. — Ты что ж это, министр, человека обижаешь?

— Нет у нас финансов, Ваше Равенство, — прижал руки к груди министр. — Да неужели я бы на такое святое дело, как бомбы, денег пожалел? Ни одного игрека в казне не осталось, честное министерское!

— Интересная петрушка в Огогондии получается. Министерство финансов есть, министр финансов есть, а финансов нету?! Чем же твое министерство занимается?

— Государственные долги подсчитывает. Работы хватает!

— Вот и одолжите у какой-нибудь Диктатории требуемую сумму, — подсказал Урарий.

— Пробовал. Не дают. Колоссалия сама у Потрясалии одолжила. А Грандиозия из-за безденежья половину своей планеты Великании продала!

— Вот видишь. А мы можем Солнце продать, — предложил Попечитель. — Смотри, какое оно красивое, чистое, как новое!

— А кто его купит, Ваше Равенство, когда оно и так всем светит.

— Это он верно говорит, — подтвердил Урарий.

— Вы мне надоели! — грохнул по столу кибер. — Этот прав, тот прав... Никакой инициативы проявить не можете! Катитесь отсюда, я сам что-нибудь придумаю!

И исполняющий обязанности Великого Попечителя начал думать.

Нахмурившись, он шагал по своему просторному кабинету.

Торопливо листал и отбрасывал какие-то внушительных размеров книги.

Что-то подсчитывал на бумаге и, разорвав свои записи, снова думал и шагал, шагал и думал.

И внезапно предметы в кабинете сами по себе стали меняться местами. Ковер, оторвавшись от пола, всплыл к потолку, а свисавшая с потолка люстра, словно причудливое дерево, выросла из пола. Диван сдвинулся с места и на собственных ножках принялся шагать из угла в угол, иногда сталкиваясь с Попечителем, когда их пути пересекались, а иногда предупредительно уступая дорогу.

— Приближенный! — заорал кибер, и Урарий тотчас возник рядом. — Приближенный, я нашел выход! У нас будут деньги! Какая маленькая страна граничит с нами?

— Липеция, Ваше Равенство, — недоумевая, ответил Урарий.

— Липеция? Очень хорошо. Пиши. «Нота». Написал? Теперь с новой строки:

«Попечитель Огогондии свидетельствует свое глубочайшее уважение президенту Липеции и просит его принять во внимание следующее:

учитывая, что на Липецию круглый год падают солнечные лучи и, таким образом, Липеция,

по самым скромным подсчетам потребляет не менее одного миллиарда киловатт-часов солнечной энергии в год,

а также принимая во внимание, что на основании исторического Соглашения Попечителей Великих Диктаторий Солнце, а следовательно и солнечная энергия, являются собственностью Огогондии —

Огогондия настоящим извещает Липецию, что последняя за пользование солнечной энергией обязана выплатить Огогондии миллиард иксов из расчета два игрека за один киловатт-час вышеназванной энергии».

— Написал? Я тебя спрашиваю, написал?

Но приближенный не мог ответить: потрясенный беспрецедентным требованием, он упал в обморок.

— Встать! — скомандовал кибер, и четкая команда заставила Урария мгновенно прийти в себя. — Пиши дальше:

«Деньги должны быть внесены в банк в месячный срок. За каждый день просрочки платежа будут начисляться пени в размере 0,1 процента от всей суммы».

— Не станут они платить, Ваше Равенство, — осмелился сказать приближенный. — Такого еще не бывало.

— Заплатят. Я все продумал. Пиши:

«Если же, господин Президент, Липеция в течение полугода долга не выплатит, Огогондия вынуждена будет сбросить на нее весь свой скромный запас ядерных бомб. Точка. Обнимаю вас. Привет вашей супруге. Дино Динами».

— Бред! Типичный бред сумасшедшего! — радостно кричал, размахивая газетой, настоящий Дино. — Ни один нормальный человек не додумался бы выдвинуть такое нелепое требование.

— Да, мозг кибера явно не выдержал перегрузки. Индекс логики вышел из строя, — подтвердил Котангенс.

— Представляю, как вся Аномалия хохочет над Огогондией! И тем лучше! Все поймут, что я не мог написать такого бредового послания! Все видят, что здесь что-то неладно, и я вернусь к власти и сделаю тебя кем ты только захочешь!

— Большое спасибо, Ваше Равенство. Но пока, умоляю вас, будьте осторожны. Не забывайте, что...

— Об этом не беспокойся, — И Дино тотчас снова превратился в робота и, тупо глядя перед собой, покинул процедурную, где происходил этот разговор.

— Господа Великие Попечители, мы собрались, чтобы немедленно решить, как нам следует реагировать на беспрецедентные и непонятные требования Дино Динами. — Так начал совещание на верхах Председательствующий Попечитель. — Я уверен, что обмен мнениями будет носить откро-

венный характер и пройдет в дружественной, теплой обстановке.

Участники совещания согласно закивали, и даже несдержанный Попечитель Колоссалии Отдай Первый изобразил на своем лице нечто среднее между улыбкой и нервным тиком.

Для обсуждения важных вопросов главам Великих Диктаторий отнюдь не нужно было съезжаться со всех концов Аномалии: они пользовались телевидением, и совещания на Высшем уровне следовало бы скорей назвать телесовещаниями.

В главных резиденциях имелись специально оборудованные комнаты, в стенах которых каждый раз загоралось столько экранов, сколько стран принимало участие в телесовещании. Таким образом, любой участник совещания мог видеть на экранах своих коллег и решать с ними вопросы войны и мира, не снимая комнатных туфель.

— Кто просит слова?

— Я! — закричал Отдай Первый. — Я с детства не люблю агрессоров. Я объявляю войну Огогондии — и все!

— Разрешите, — сказал холеный Попечитель Потрясалии. — Я совершенно согласен, что иск, предъявленный Огогондией Липеции, является беспрецедентным в истории государств и народов. Но беспрецедентность того или иного иска не является достаточным свидетельством его незаконности и юридической необоснованности. Возможно, несколько поспешным было решение, делавшее Солнце собственностью Огогондии. Возможно. Но поспешность принятия какого-либо решения не может отменить законность последнего. Следовательно, Солнце принадлежит Огогондии. Так?

— Так.

— Мы сами это на днях категорически подчеркнули. Так?

— Так.

— А теперь представьте себе, что у вас есть корова...

— Корова?!

— Какая корова?

— Что вы подразумеваете под словом «корова»? — недоумевали Попечители.

— Повторяю: представьте себе, что у вас есть обычная корова, которая дает вам молоко. Является ли это молоко вашей собственностью?

— Конечно.

— Должны ли вам потребители за это молоко платить?

— Еще бы!

— Ну вот. А солнечная энергия так же принадлежит владельцу Солнца, как молоко — владельцу коровы.

— М-да...

— А раз так, то почему за молоко, например, платить нужно, а за солнечную энергию — нет? Где логика? Где закон? Сегодня кто-либо отказывается платить за солнечную энергию, завтра — за молоко, послезавтра — вообще за продукты и товары! А там вместе с товарами начинают бесплатно присваивать фабрики и заводы, выпускающие эти товары. Вот к

чему ведет нарушение буквы закона. Закон есть закон!

Попечитель Потрясалии замолчал, а его высокие коллеги задумались.

Слова о законе показались им весьма убедительными. Тем более что лучше потерять чужую Липецию, чем свои заводы.

— Ай да Динами! Хитер, собака! — четко сформулировал общую мысль Попечитель Грандиозии.

— И согласитесь, что нужно быть гениальным человеком, чтобы додуматься до такого небывалого требования, как плата за Солнце.

— Да, Дино Динами — это штучка!

— Я всегда знал, что он ловкач, но чтобы этак!..

— И главное — на законном основании. Придется Липеции раскошеливаться.

— А если завтра он потребует плату за Солнце с нас?

— Не потребует. Он прекрасно понимает, что мы не Липеция.

— Но мы должны безотлагательно получить от него официальный документ о праве Великих Диктаторий на вечное бесплатное пользование солнечной энергией.

— Вот это верно. И я не сомневаюсь, что Дино такую декларацию издаст. Он достаточно умен, раз сумел так ловко обвести всех нас вокруг пальца!

И назавтра вся Аномалия узнала, что Попечители сочли претензии Огогондии законными и требуют от Липеции беспрекословного соблюдения закона, ибо несоблюдение последнего ведет к анархии.

Правда, в Липеции нашелся один юрист-правдолюб, который попытался плыть против течения. «Я согласен, — писал этот смельчак в газете «Голос в пустыне», — что от законов, какими бы они ни были, нельзя отступать ни на йоту. Однако известно, что не Солнце вращается вокруг Аномалии, но Аномалия вращается вокруг Солнца и находится в полной зависимости от последнего. И следовательно, назначение любого государства планеты Аномалии владельцем Солнца является с юридической точки зрения незаконным. Не может вассал быть хозяином своего сюзерена. А раз так, Огогондия не имеет права требовать уплаты за пользование имуществом ей, Огогондии, не принадлежащим. Закон есть закон».

Но Великий Попечитель послал правдолюбцу письмо, из которого следовало, что так как правдолюбец провел два месяца на южном курорте под южным солнцем, то на него лично было израсходовано в этом году более ста тысяч киловатт-часов солнечной энергии.

И если он не прекратит блистать эрудицией, то ему из собственного кармана придется уплатить Огогондии за амортизацию Солнца все до последнего игрека.

А коль ему так уж необходимо проявить свою образованность, пусть переезжает в Огогондию, где

его таланту будут отданы все почести, включая бесплатную квартиру и надбавку за принципиальность.

Так юрист-правдолюб стал личным юрисконсультом Великого Попечителя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Нельзя сказать, что при настоящем Дино Динами его приближенные жили спокойной, способствующей долголетию жизнью. Нельзя утверждать, что они были уверены в своем безоблачном будущем.

Но теперь прежняя работа у Дино казалась Урарию санаторным отдыхом. Потому что действия лже-Динами невозможно было ни понять, ни тем более предугадать.

Вот, например, к Попечителю прибыла очень важная делегация.

— Ваше Равенство, — торжественно доложил Урарий, — разрешите представить вам делегацию союза королей-промышленников: король нефти, король стали, король уцененных товаров.

— Очень приятно, — буркнул кибер.

— Господин Попечитель, от имени нашего союза, — сказал король нефти, — мы хотим поздравить вас с тем, что Липеция начала вносить в огогондский банк плату за Солнце. Короли-промышленники восхищены вашей смелой и гениальной идеей. Собственность есть собственность. И пусть Липеция платит!

А кибер, вместо того чтобы обрадоваться, вдруг застонал, нескладно размахивая руками, заметался по кабинету. А затем упал в кресло и, обхватив голову, стал горестно раскачиваться из стороны в сторону.

— Господин Попечитель, что с вами? — решился спросить король стали.

— Ах, короли, меня мучает совесть! — ответил, продолжая раскачиваться, кибер. — Некрасиво поступаю я, короли, несправедливо. Понятно?

— Ваше Равенство, мы в невероятно затруднительном положении. С одной стороны, мы не можем усомниться в абсолютной правдивости ваших слов, а с другой — не можем поверить, чтобы вы поступали несправедливо.

— А я вам говорю, что я несправедлив! — упрямо повторил кибер. — И не спорьте! Я несправедлив по отношению к Липеции. Почему она должна платить нам деньги за Солнце?

— Потому что...

— Не перебивайте! Почему она должна платить нам деньги за Солнце, а другие не должны? Пусть все платят!

— Но, господин Попечитель, вы сами дали Великим Диктаториям право на бесплатное пользование Солнцем, — вставил Урарий.

— И пусть пользуются. А другие страны все должны платить, чтоб Липеции не было обидно. Я никому не позволю обижать Липецию. Она не виновата в том, что она маленькая!

— А сколько должна платить каждая страна?

— Строго по закону. Приказываю поставить во всех малых странах счетчики солнечной энергии. Сколько каждая страна будет потреблять, столько будет платить! Счетчики научат их экономить нашу родную солнечную энергию, а не транжирить ее почем зря!

В прокуренной пивной стояла невероятная тишина. Забыв про пиво, верноподданные с благоговением слушали выступление своего обожаемого Попечителя.

А на огромном экране телевизора бесновался кибер.

— Если же какие-нибудь государства откажутся поставить у себя счетчики, — кричал он, — плата за пользование Солнцем будет этим странам начисляться по количеству проживающих там граждан. А это странам с большой плотностью населения обойдется значительно дороже! Но сие, как говорится, дело хозяйское. А мы во внутренние дела других стран не вмешиваемся. Огогондия хочет получить только то, что ей полагается. И не будь я Дино Динами, если Огогондия этого не получит. Я заставлю всех бережно относиться к Солнцу и экономить нашу солнечную энергию. Пусть почаще устраивают пасмурную, дождливую погоду без прояснений — вот и меньше платить придется. Пусть делают у себя подлиннее ночи и покороче дни. Отдельные государства пытаются утверждать, что это, мол, от них не зависит. Ерунда! Научились же северные страны организовывать у себя ночи, которые длятся по полгода. Пусть и другие научатся. Учиться никогда не поздно. Ученье — свет, а неученье — тьма. Спасибо за внимание!

Дино Динами исчез, и тут же появился диктор.

— Вы прослушали очередное историческое выступление нашего Великого Попечителя, — торжественно произнес он. — Браво, Динами!

— Браво, брависсимо! — дружно вскочили завсегдатаи пивной и, покричав минут десять, снова налегли на пиво.

— Все же крайне любопытно, профессор, — говорили за одним столиком, — каким образом, путем каких логических построений Динами пришел к такой, казалось бы, невероятной и в то же время простой мысли, как плата за Солнце?

— Гений, — коротко объяснил профессор.

— И теперь уже кажется странным, как это раньше никто не додумался до этого, почему его первого озарила эта идея.

— Гений! — повторил профессор. — И не ищите, коллега, иных объяснений. Честно говоря, я прежде позволял себе в глубине души безмолвно критиковать некоторые действия Дино. А теперь я убедился: Дино знает, что делает. Ох, знает!.. И если мы не всегда можем проследить внутреннюю логику его поступков, то это только потому, что он — гений, а мы — простые смертные.

— Да, господа, повезло нам, что мы родились в Огогондии! — кри-

чали за другим столиком. — За Солнце платить не надо — раз! Рыжих истребили — два! Самого лучшего Попечителя имеем — три! И вообще мы лучше всех — четыре!

— Вот ты меня спроси, за что я уважаю Дино, — громко просил пьяный. — Спроси.

— За что ты его уважаешь?

— За все я его уважаю. Вот!

— Нет, вы мне скажите, почему все за Солнце платят, а Диктатории нет? Чем они лучше других?

— Ничего, мы еще до них доберемся. Дино знает, что делает. Солнце — наше. А Дино — Властелин Солнца. Понятно? — И мордастый детина, сказавший это, поднялся, расплескивая пиво. — Эй, вы все! Я предлагаю выпить за Дино Динами — Властелина Солнца!

Властелин Солнца! Так в пропахшей пивом и табачным дымом пивнушке появились эти нелепые и страшные слова — Властелин Солнца.

С тех пор как Дино стал Великим Попечителем, ему довелось услышать применительно к себе немало самых лестных определений. Один огогондский ученый составил даже двухтомный «Словарь эпитетов, связанных с именем Дино Динами» (за что, между прочим, получил звание Главного Фонетика, дающее право на орфографические ошибки). В этом словаре такие прилагательные, как солнцеподобный и мудрейший, были чуть ли не самыми скромными.

Но еще никогда ни одного владыку не называли Властелином Солнца. Бывали империи Солнца, бывали короли-Солнце. Но Властелинов Солнца еще не бывало.

А теперь вся Огогондия, а за ней и другие страны стали именовать Дино Динами только так — Властелин Солнца.

От частого употребления всякого рода словосочетания или теряют смысл, или, наоборот, приобретают его. И как раз последнее случилось с этим образным выражением — Властелин Солнца.

Сначала Попечителя так только называли, а потом стали верить, что раз его так называют, значит так оно и есть.

На далекой планете Аномалии часто путали причину со следствием.

И по улицам Огого начали шагать упитанные молодчики. Распевая воинственные песни, они призывали вступать в Союз солнцепоклонников (в дальнейшем именуемый СС) и в честь Властелина Солнца устраивали по ночам факельные шествия под аккомпанемент марша солнцепоклонников.

Гениален наш Дино
И непобедим,
Лишь ему
Подчиняется Солнце.
И го-го!
И горды славным кормчим
своим
Ого-го, ого-го,
Огогондцы!

Мы идем, и победа
Нас ждет впереди.
Вся планета
От страха трясется.
Ты го-го,
Ты, горячее Солнце, свети
Ого-го, ого-го,
Огогондцам.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

А тому, кого величали Властелином Солнца, с каждым днем становилось все хуже. Координация движений у него все больше разлаживалась. И теперь, когда он шел, правая рука его беспрерывно крутилась, напоминая вращение пропеллера. И чем быстрее кибер шел, тем «пропеллер» быстрее вращался.

В его речи появился так называемый «эффект испорченной пластинки», и он мог без конца повторять одно и то же слово.

Он все чаще хандрил, и беспричинная злость перемежалась только вспышками ярости.

Сочетание собственных технических дефектов с моральными, перешедшими к копии от оригинала, давало себя знать.

— Вот что, приближенный, — мрачно сказал однажды кибер во время очередного приступа меланхолии. — Мне все надоело! Зачем ты втравил меня в эту историю?

— Простите, я не понимаю, о чем вы говорите, Ваше Равенство? — осторожно ответил Урарий.

— Прекрасно понимаешь. Зачем ты научил меня свергать правительство? У, интриган! Я не хочу быть оригиналом! Я опять только ко... пятьтолькоко... пятьтолькоко. — Кибер нетерпеливо стукнул себя в грудь. — Я опять только копией хочу быть.

— Но господин Попечитель...

— Я тебе не Попечитель. Я — копия! Копия — и все! Где мой оригинал? Это из-за тебя он исчез! Верни мне его сейчас же!

— Это невозможно! Как я его могу вернуть?

— Не мое дело. Любишь кататься, люби и саночки возить!

— Ваше Равенство, ну зачем вам какой-то оригинал? Вы же самый настоящий Дино Динами, Властелин Солнца. Великий Попечитель, — ласково пытался уговорить кибера приближенный, — вы же Мудрейший из Мудрых, Величайший из Великих, Равный среди Равных.

— Нет, я не Равный! — упорствовал кибер. — Я не Дино, я не Динами! Я вообще не человек!

— Но этого же никто не знает!

— Так будут знать! Пусть знают! Я хочу, чтоб знали! — И, вращая правой рукой, он бросился к дверям кабинета и распахнул их.— Эй, приближенные! — заорал он.— Все ко мне!

— Приближенные, к Попечителю! Приближенные, к Попечителю! — разнеслось по коридорам, и со всех сторон «хижины» устремились к кабинету приближенные.

И странное дело: у каждого приближенного, словно пропеллер, вращалась правая рука, и поэтому казалось, что приближенные не сбегаются, а слетаются к своему владыке.

Вот увешанный аксельбантами офицер выскочил из комнаты и тоже побежал. Но бежавшие рядом смотрели на него с таким удивлением и недовольством, будто он допустил какую-то бестактность. Да и сам офицер чувствовал, что ведет себя как-то не так, как нужно. В чем дело? Ах, боже мой, он

почему-то не знал, что теперь принято вращать. Ну конечно. И офицер тоже начал вращать, и, слившись со всеми, свой среди своих, полетел на зов любимого Попечителя.

— Слушайте все! — закричал кибер, когда кабинет наполнился приближенными. — Слушайте все и сообщите всем: я вообще не че... обще не че... — И кибер с яростью стукнул себя в грудь. — Я вообще не человек! Вами правит не человек. Не человек!

Даже привыкшие ко всему приближенные растерянно молчали.

— Не человек! — кричал кибер, и крик его гулко разносился по всей резиденции.

На обнесенном высоким забором плацу в этот день, как обычно, происходили учения роботов. Глядя на них, можно было подумать, что это манекены, которые сбежали с витрин и собрались здесь для своих манекенных дел.

А впрочем, нет. Любой стереотипный манекен выгодно отличался бы от робота своей индивидуальностью...

А роботов делали одинаковыми не только одинаковые синие спецовки, одинаково размеренные движения и одинаково обессмысленные лица. Было что-то еще, что заставляло роботов становиться неотличимо похожими друг на друга. Может быть, отсутствие чувств. А скорее всего — отсутствие воспоминаний. Видимо, человеку все время нужно чувствовать и помнить, что он человек! Человек! Даже если ему стараются внушить, что он сверхчеловек или просто пыль на ветру, — он все равно должен быть человеком.

Сегодня роботы приобщались к труду. Делалось это так: в противоположных углах плаца стояли две бочки. Каждый робот, сначала набрав ведро воды из одной бочки, бережно переносил воду во вторую, а затем, зачерпнув из второй бочки, переливал воду обратно в первую. Таким образом, работа не прекращалась, и круг роботов неторопливо и беспрерывно вращался по часовой стрелке.

— Робот 17 дробь 15, в процедурную! — раздался голос по радио. — Повторяю: робот 17 дробь 15, в процедурную!

И, подчиняясь приказу, из круга вышел ничем не отличающийся от прочих робот и, не выпуская ведра, тупо глядя перед собой, размеренным шагом направился к зданию.

— Робот 17 дробь 15, — бесцветным голосом доложил он, входя в процедурную и закрывая за собой дверь.

— Здравствуйте, господин Попечитель, — торопливо подбежал к вошедшему Котангенс.

И только теперь Дино Динами разрешил себе стать похожим на человека.

— Зачем ты меня вызвал? — недовольно спросил он. — Конспирации не соблюдаешь!

— Ваше Равенство, потрясающая новость! Кибер сам признался, что он не человек.

— Не может быть! Сам?

— Да, да, признался. При всех. В газетах даже написано.

— Ну, теперь все! Теперь Урарию не выкрутиться!

Давным-давно, еще в первые годы своего попечительства, Дино создал Комитет по углублению и толкованию своих высказываний.

Работа членов Комитета напоминала состязание опытных искателей жемчуга: кто глубже нырнет и вытащит больше перлов.

Нужно отметить, члены Комитета настолько овладели искусством толкования и углубления, что даже в таких кратких высказываниях Дино, как «м-да...» или «ну, ну...», легко находили стройную философскую концепцию, а простейшие междометия Попечителя — О! У-у! А! — ухитрялись разбить на две-три цитаты.

И теперь Урарий в срочном порядке созвал этот уникальный Комитет.

— Нам следует безотлагательно уяснить, какой именно глубокий смысл вложил Властелин Солнца в свою исчерпывающую формулировку «Я не человек», — сказал Урарий. — Кто сегодня дежурный философ?

— Я, господин Приближенный, — с достоинством произнес убеленный сединами философ. — По-моему, все ясно. И гениальное высказывание Попечителя можно было предвидеть. Еще древние мудрецы утверждали: «Все течет, все изменяется». Это истина. А человек, как был много тысяч лет назад человеком, так им и останется, что явно противоречит вышеу... читвишеу... читвишеу... («эффект испорченной пластинки» тоже вошел в моду) противоречит вышеуказанному мной постулату. Вот и все!

— Как все? Попрошу вас, философ, выражаться поясней. Вы не Дино Динами и должны свои мысли выражать ясно и понятно.

— Слушаюсь. Человечество развивается и не-человек — это следующая, более высокая ступень в развитии человека. Таким образом, прогрессируя и превращаясь из человека в не-человека, человечество тем самым доказывает ту истину, что все течет и все изменяется. А истина превыше всего.

— Нет, господа, конечно «не-человек» — это звучит. Но хотелось бы, чтобы кто-нибудь из вас попытался еще глубже нырнуть в глубокий смысл этого высказывания нашего дорогого Попечителя. Господин дежурный оптимист, ваше слово.

— Как хорошо, господа! Хорошо, как никогда!

— Я сам знаю, что хорошо. Давайте конкретные примеры.

— Пожалуйста. Сколько раз нам с грустью приходилось слышать: человек человеку — враг. И даже я, оптимист, опасался, что так будет всегда. Но нет! Вдумайтесь в слова «я не-человек». Какой потрясающий вывод можно сделать из... лать из... лать из...

— Господа, — нетерпеливо перебил Урарий. — Я прошу вас

сегодня обходиться без этих... заскоков: время не ждет.

— Слушаюсь. Какой потрясающий вывод можно сделать из этих слов? Человек человеку — враг? Хорошо. А не-человек не-человеку кто? Не-враг! Вот! Разве это не говорит о замечательных изменениях в человеческих отношениях?

— Говорит, говорит, — согласился приближенный, обрадованный тем, что Комитет подсказал ему выход из этой, казалось, безвыходной ситуации. — Молодец, оптимист, умница! А теперь для объективности послушаем и дежурного пессимиста. Неужели он и на этот раз чего-нибудь боится?

— Да, господа, боюсь, — печально подтвердил пессимист. — Я боюсь, что на всей планете Аномалии не найдется ни одного человека, который мог бы с таким правом и уверенностью, как наш гениальный Властелин Солнца, сказать о себе: я не-человек.

— И это верно, — кивнул головой приближенный. — Что ж, вопрос, по-моему, ясен. — И он взял в руки телефонную трубку: — Алло, дайте мне Главное управление по организации стихийных шествий. Господин Управляющий, у вас все готово? Можете начинать...

И мимо резиденции широким потоком двинулись толпы огогондцев. Беспрерывно скандируя: «Браво, Дино!», демонстранты высоко поднимали многочисленные портреты Великого Попечителя и плакаты, среди которых, кроме традиционных приветствий и здравиц в честь Властелина Солнца, были и такие, как «Слава не-человеку!», «Да здравствует первый не-человек!» «Хотим быть не-человеками!» и «К черту все человеческое!»

Дойдя до первого перекрестка, демонстранты сворачивали в переулок и, обойдя резиденцию с тыла, снова появлялись на площади перед окнами «хижины». А поскольку круг, как известно, не имеет конца, то шествие могло продолжаться бесконечно.

— Вот видите, Ваше Равенство, — говорил Урарий киберу, — видите, как ваши подданные радуются тому, что вы не человек. Так они вас любят еще больше, хоть больше, казалось бы, любить невозможно.

— Да? — мрачно переспросил кибер. — А ты знаешь, что мне заявила сегодня Брунгульда?

— Что, Ваше Равенство?

— Она сказала: «Не-человек — это ты хорошо придумал. Ты стал настоящим человеком».

— Ах, эти женщины! — шутливо развел руками приближенный.

Все-таки ему удалось хоть на время выбраться из такого катастрофического положения, и он был в хорошем настроении.

А демонстранты все шли и шли... И все чаще мелькали плакаты: «Будем не-человеками!», «Вступайте в лигу не-человеков!», «Солнце для не-человеков!», «Кни-

ги — в огонь!», и опять же: «К черту все человеческое!»

Еще днем были разгромлены библиотеки, а вечером запылали первые костры из книг. И парни из Союза Солнцепоклонников, первые кандидаты в не-человеки, радостно прыгали вокруг костров, подбрасывая в них все новые и новые книги. Все больше горело костров. А недочеловеки плясали у огня и с помощью тех же костров, которые вывели человечество из пещер, пытались загнать его обратно в пещеры.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Властелин Солнца принимал парад роботов. Неизвестно, почему кибер надумал вдруг посетить это учреждение. Может быть, ему просто захотелось побыть с настоящими не-человеками. И теперь, сидя на балконе, выходившем на огороженный плац, Попечитель принимал парад.

Справа от кибера расположилась Брунгульда, слева — Урарий, а Предводитель гуманитологов почтительно стоял за спиной, готовый в любую минуту дать необходимые пояснения.

Роботы четко маршировали под звуки оркестра. Они высоко поднимали ноги и старательно вытягивали носки.

А Попечитель и его свита в такт шагам роботов весело хлопали в ладоши. Правда, движения кибера уже настолько разладились, что он чаще попадал по Урарию, чем по собственной ладони, но все делали вид, будто ничего не замечают.

— Вот что можно сделать из обыкновенных рыжих! — довольно произнес кибер. — Настоящие солдаты!

— Спасибо, Ваше Равенство. Мы горды вашей похвалой, — проникновенно ответил Предводитель. — Роботы, как вы предельно точно сформулировали, настоящие солдаты. Разве их можно сравнить с киберами?

— Нельзя! — резко сказал Попечитель. — Нельзя сравнивать роботов с киберами!

— Абсолютно согласен. Нельзя сравнивать роботов с киберами.

— А я тебе говорю, нельзя сравнивать роботов с киберами!

Предводитель растерянно замолчал, а Урарий, понимая, что́ именно задело кибера, быстро вмешался в беседу.

— А скажите, Предводитель, что еще могут делать ваши роботы?

— Да, да, — поддержал его раздраженный Попечитель, — помнится, ты говорил, что роботы способны ради меня в огонь, и в воду, и в медные трубы. Нам интересно было бы посмотреть это в натуре. Не правда ли, Брунгульда?

— Слушаю, Ваше Равенство! — с готовностью ответил Предводитель и тут же скомандовал в мегафон: — Роботы, стой! Разжечь костры! Наполнить рвы водой!

Хлынула вода. Запылали кост-

ры. А роботы, стоя по стойке «смирно», безучастно смотрели на эти приготовления. И таким же безучастным старался казаться робот 17/15. Но он чувствовал, что волосы дыбом встают на его голове, несмотря на то, что он, как известно, был лыс.

— На две группы разделись! — послышалась команда. — Во имя Великого Дино Динами первая группа — в огонь, вторая — в воду шагом марш!

И роботы без колебаний пошли в огонь и воду. Не испытывая ни страха, ни желания жить, они послушно тонули во рву и спокойно восходили на костры. Им было все безразлично. Даже то, что они гибнут ради Великого Попечителя.

И лишь один из них не хотел ни гореть, ни тонуть во имя Дино Динами. Это был сам Дино Динами. Но для него и подчинение приказу и неподчинение означало одно — смерть.

Уставившись в затылок шагавшего перед ним бывшего приближенного Баобоба, он шел на ватных ногах и понимал, что выхода нет.

И вот уже Баобоб прыгнул в ров и, пуская пузыри, дисциплинированно пошел ко дну! Все! Дино закрыл глаза.

И Котангенс, стоявший среди зрителей, отвернулся.

Еще секунда...

— А медные трубы? — спросил вдруг подозрительно кибер.

— В каком смысле медные трубы? — не понял Предводитель.

— Ты говорил, что роботы пройдут сквозь огонь, и воду, и медные трубы. Почему же они не проходят сквозь медные трубы? Халтуришь?

— Простите, Ваше Равенство, забыл. Роботы, стой! — дрожащим голосом скомандовал Предводитель. — В медные трубы — шагом марш!

И эта команда спасла Дино Динами!

Еще не веря в свое спасение и боясь, как бы начальство не передумало, он бросился к трубе и первым из роботов совершенно необъяснимым образом забрался в нее.

Только чудо могло помочь ему пролезть через эту узкую трубу. Но он полез. Было видно, как под его неистовым напором труба пузырится и деформируется.

И когда Дино, наконец, выбрался из трубы, он оказался заметно сузившимся и вытянутым.

— Орел! — сказал кибер. — Сокол! Люблю старательных! Мне он нравится.

— И мне тоже! — сказала Брунгульда. — Динчик, давай возьмем этого робота в «хижину». Он такой смешной.

— Беру! — согласился кибер. — Заверните!

Таким образом Дино Динами вернулся в свою резиденцию. Правда, это произошло не совсем так, как он мечтал, и занимал он не ту должность, что прежде.

Но все-таки он снова был в «хижине».

Теперь его обязанности заключались в неотлучном пребывании при Попечителе (так, на всякий случай) и прислуживании за традиционным семейным завтраком.

Робот 17/15 получил новое имя: его называли теперь «Эй». (Эй, подай! Эй, убери!) А поскольку Эй был всего-навсего роботом, его не стеснялись и говорили при нем так свободно, будто его не было вовсе.

И нужно заметить, что среди многочисленных изменений, происшедших в резиденции, Дино более всего поразила метаморфоза, случившаяся с Брунгульдой. Некогда грозная госпожа Попечительша ныне буквально робела в присутствии лже-Попечителя и боялась его не меньше, чем когда-то Дино боялся своей благоверной. А узурпатор вел себя так, словно разговаривал не с Брунгульдой, а с каким-нибудь министром.

Да, в кибере явно что-то разладилось. И Дино понимал, что если даже трепет перед Брунгульдой, унаследованный копией от оригинала, вышел из строя, значит от кибера следовало ожидать чего угодно.

Это же учитывал и осторожный Урарий. Вот почему он решился однажды на очень рискованный разговор.

— Ах, господин Попечитель, я просто опасаюсь за ваше здоровье. У вас столько дел, столько дел! Вот, например, сегодня вы обещали быть на параде Союза солнцепоклонников, выступить на слете юных не-человеков, принять три делегации зарубежных не-людей и произнести какую-нибудь историческую речь на ужине, который вы даете в честь самого себя. И это не считая таких повседневных дел, как интриги, политические заигрывания и вмешательства во внутренние дела других стран. Вы просто не жалеете себя, Ваше Равенство.

— А кто виноват? Ты виноват! Ты втравил меня в это дело.

— Ну что ж, раз я виноват, я готов нести наказание. Накажите меня: назначьте меня исполняющим обязанности Попечителя, и я за вас буду делать все-все. Так мне и надо!

— А это видал? — сказал Властелин Солнца, с трудом складывая непослушные пальцы в кукиш. — Хитрый какой!

— Неужели вы мне не верите?

— А ты как думал? Конечно, не верю!

— Тогда мне лучше умереть! — с пафосом воскликнул приближенный.

— Это я тебе помогу! Эй! — обратился он к стоявшему в углу роботу. — Позови гвардию!

— Не нужно, Ваше Равенство, — быстро сказал Урарий. — Я еще подумаю. Знаете: семь раз отмерь — один отрежь.

— Ну, ты отмеряй, а насчет того, чтобы отрезать, положись на меня.

— Большое спасибо. Но почему, почему вы мне не верите?

— Потому что потому кончает-

ся на «у», — откровенно объяснил Попечитель и добавил, указывая на робота. — А вот ему я верю. Он наш не-человек. Эй, тебе можно верить?

— Я робот 17 дробь 15, — безучастно ответил Эй, — к вашим услугам.

— Молодец! Пусть он будет за меня исполнять обязанности Попечителя.

Роботу пришлось прислониться к стене, чтобы удержаться на ногах.

— Как он? — закричал Урарий. — Он же робот! Он же не справится!

— Справлюсь, — поспешно заверил робот и, спохватившись, равнодушно добавил: — Если мне прикажут.

— Я приказываю. И пусть Эй станет моей копией. У Дино была копия, а я что — хуже?

— Но Эй совершенно не похож на вас.

— Так загримируй его! Раз я по твоей вине лишился своего оригинала, так сделай мне хоть копию. И знать ничего не желаю.

И приближенный, почувствовав, что кибер вот-вот сменит гнев на бешенство, торопливо согласился.

В секретном объекте закипела работа. Эй сидел перед зеркалом, а Урарий в качестве гримера старался сделать его похожим на Дино Динами. И вопреки ожиданиям Урария это удавалось.

Едва он напялил на робота парик, приклеил усы и прикрепил бородку, как сходство стало бесспорным.

— Черт возьми! — изумился Урарий. — А ну-ка надень этот мундир.

Робот облачился в мундир Попечителя, и Урарию стало как-то не по себе. Ему даже померещилось, будто Эй, посмотрев на себя в зеркало, как-то знакомо хихикнул.

— Робот 17 дробь 15 ждет ваших приказов, — четко произнес Эй, и его бесцветный голос успокоил приближенного.

«Нервы, — подумал он, — нервишки!»

В старом парке так же, как и в прошлый раз, было темно и безлюдно.

Из дупла выбрался Дино и, притаившись в ветвях, многозначительно загугукал. И так же многозначительно где-то откликнулась собака. Дино спрыгнул с дерева и пошел на лай.

Какое-то время заговорщики, гугукая и лая, продирались сквозь кусты и кружились возле деревьев, разыскивая друг друга. Но, помимо всего, поискам мешало то обстоятельство, что лай раздавался сразу со всех сторон, ибо городские бродячие собаки не знали, что, завывая, они подражают чьему-то паролю, и невольно мешали деловой встрече.

И все-таки Дино и Котангенс встретились.

— Сейчас мы с тобой проникнем в резиденцию, — сказал Дино, — и дело будет сделано.

— Сейчас? Уже? Но, Ваше Равенство, я никогда еще не делал дворцовых переворотов...

— Так учись. И учти: мы не делаем переворотов. Мы идем восстанавливать справедливость.

— Но уже полночь. Поздно.

— Восстанавливать справедливость никогда не поздно. Иногда даже чем позже, тем лучше. Пошли! До утра ты посидишь в проходе. А утром, когда я отправлюсь завтракать с Брунгульдой и узурпатор останется в объекте один, ты сделаешь следующее...

Как известно, все живое имеет не ахти какую приятную привычку перевоплощаться. И если верить Конфуцию, которому мы, конечно, не верим, это случается довольно часто.

Во всяком случае, теперь в объекте $(a + b)^2$ не Дино киберу, а именно кибер давал наставления своему двойнику:

— За завтраком держись уверенно. Побольше ешь, поменьше разговаривай. И вообще не во... щенево... щенево...

— Пардон-с, — извинился Урарий и стукнул кибера по спине.

— И вообще не волнуйся, — окончил кибер.

— Робот 17 дробь 15 не волнуется.

— Забудь, что ты робот, — прервал Урарий. — Ты Дино Динами, Властелин Солнца. Запомни!

— Запомнил: я Дино Динами, Властелин Солнца.

— Ну, ступай, Властелин, — приказал кибер. — А то чай остынет. А ты, Урарий, на всякий случай будь при нем.

И вот настоящий Дино Динами, играющий по приказу лже-Динами роль Дино Динами, шел по длинному секретному ходу, невольно замедляя шаги.

Его хитроумный план близился к благополучному завершению. И лишь одно обстоятельство тревожило Дино. Он опасался, что при виде Брунгульды в нем может проснуться многолетний привычный страх перед благоверной, и тогда сразу разоблачится подлог.

«Я Брунгульды не боюсь! — старался внушить себе Властелин Солнца. — Я Брунгульды не боюсь!»

И зная, что лучшей защитой является нападение, великий стратег решил применить это на практике.

— Доброе утро, — мрачно буркнул он, входя в столовую. — А где Эй?

— Я не знаю, — испуганно ответила Брунгульда.

— Ты никогда ничего не знаешь! Хозяйка называется! И почему мне, черт побери, не дают мою кашу?

— Какую кашу? — удивилась супруга.

— Ясно какую — манную, с изюмом.

— Но ты же сам...

— Что сам? Что сам? Опять я во всем виноват! — распаляясь, заорал Дино.

— Ух, дает! — удовлетворенно хихикал кибер, глядя на экран. — Как в кино!

Увлеченный интересным зрелищем, он не заметил, как за его спиной бесшумно развернулся холодильник и появившийся из-за холодильника человек в маске стал на цыпочках подкрадываться к киберу.

По дороге неизвестный, правда, зацепился за электрический шнур и, опрокинув настольную лампу, испуганно нырнул за диван, но крайне заинтересованный происходящим на экране, кибер даже не оглянулся.

— Нельзя ли потише! — только и сказал он. — Видите, я занят.

— Извините, — пробормотал неизвестный. Но потом все-таки решился и, тихо подобравшись к киберу, стукнул его по голове чем-то тяжелым.

Так никогда и не узнал кибер, чем кончился этот завтрак.

А жаль! Потому что кончился завтрак довольно неожиданно.

— Динчик, успокойся. Ты ведь сам запретил кашу... — робко напомнила Брунгульда.

— Я? Сам? Кто тебе сказал?

— Урарий.

— Ах, так! Приближенный!

— Слушаю! — откликнулся, возникая посредине комнаты, Урарий.

— Вызови гвардию. Гвардия, слушай мою команду. За самовольные действия приказываю самого приближенного Урария разжаловать в самые отдаленные. В тюрьму — шагом марш! — И гвардейские офицеры, быстро и умело выполнив приказ, вывели Урария. — А с тобой мы еще поговорим! — пообещал Дино Брунгульде и, схватив со стола хрустальную вазу, швырнул ее на пол. — Совсем распустилась! Хозяйство вести не умеешь! — И он громко хлопнул дверью.

Ох, уж эта Аномалия! Из-за какой-то манной каши дважды устраивать дворцовые перевороты — это уж, знаете ли, слишком!

Но никто не знал, что звон разбиваемой вазы и грохот захлопнутой двери возвещали о наступлении новой эпохи в истории Огогондии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Ну, наконец-то, наконец-то, наконец-то! — радовался Динами, расхаживая по кабинету. Он то взбирался в свое кресло и подпрыгивал на мягком сиденье, то перескакивал с кресла на гигантский стол. — Как я и предсказывал, дорогой мой Котангенс, мы победили. Пиши:

«За потрясающее, никому не известное изобретение и вообще—назначаю с сегодняшнего числа Котангенса моим самым-самым близким приближенным. Подпись — Великий Попечитель, Властелин Солнца и прочая и тому подобная».

— Благодарю вас, Ваше Равенство!

— Пустяки! Ах, Котангенс, наконец-то справедливость восторжествовала! И теперь подумаем, как сделать, чтобы этого никто не заметил.

— Зачем, Ваше Равенство? Ведь власть снова в ваших руках.

— В моих. Но ни один человек не должен догадываться, что она побывала в чужих. Не могу же я признаться, что Огогондией вместо меня управлял ненормальный кибер и никто даже разницы не заметил.

— Это верно.

— Еще бы! Мои подданные — они ж как дети. Узнают, что у власти один раз временно был не я, и начнут подозревать, что и я — тоже не я. Чувствуешь?

— Так что же делать?

— А ничего. Власть преемственна. Значит, будем вести себя так же, как наш предшественник, — и Дино забегал по комнате, вращая правой рукой. — Похоже?

— Абсолютно!

— Но это внешнее сходство. А сейчас подумаем, как нам до... емкак нам до... емкакнамдо... емкакнам до... стичь сходства внутреннего. Что бы этакое придумать поненормальней, а?

— Провозгласите себя богом.

— Старо.

— Ну, обвините какое-нибудь государство в том, что оно в агрессивных целях собирается устроить солнечное затмение.

— Пресно. Мне нужны сумасшедшие идеи помасштабней. Вроде платы за Солнце или установки счетчиков. А кстати, счетчики мы установили, а деньги-то нам платят? Министра финансов! Срочно! — распорядился Дино, нажав кнопку диктофона.

И министр финансов тотчас влетел в кабинет, даже не успев остановить вращение правой руки.

— Браво, Динами!

— Браво, брависсимо! Как поступает плата за Солнце?

— Самым аккуратным образом, Ваше Равенство.

— Платят строго по показанию счетчиков?

— Абсолютно. Вот только в Игралии какие-то хулиганы разбили два счетчика.

— Разбили? — обрадованно переспросил Дино.

— Так точно, разбили.

— Так что же ты раньше молчал? — И Попечитель расцеловал оторопевшего финансиста. — Военного министра! Мигом!

И министр так стремительно вбежал в кабинет, что вынужден был по инерции пробежать еще целый круг, прежде чем смог затормозить и остановиться.

— Ты что же это? — набросился на него Дино.

— Не могу знать.

— Наши враги, понимаешь, громят наши счетчики, а армия бездействует? Приказываю тебе срочно организовать надежную охрану счетчиков.

— Но, Ваше Равенство, счетчики находятся в других странах.

— Тем более! Ввести в эти страны войска! По одному полку на каждый счетчик.

— У нас нет столько полков.

— Провести мобилизацию! Военизировать всю Огогондию! Все огогондцы — солдаты! Вперед!

И министры наперегонки побежали из кабинета.

— Видал? — самодовольно спросил Дино Котангенса. — Вот та сумасшедшая идея, которую мы искали. Похож я был на сумасшедшего?

— Точь-в-точь, Ваше Равенство.

— Ну, погоди, то ли еще будет!..

Тысячи огогондцев толпились у «хижины».

— Мы никому не позволим! — кричал Великий Попечитель с балкона резиденции перед многотысячной толпой. — Мы никому не позволим, чтобы громили и уничтожали наши солнечные счетчики, построенные на деньги наших налогоплательщиков!

— Не позволим! — подхватывала толпа.

— Мы видим, что правительства некоторых государств не могут или не хотят гарантировать нам сохранность нашего имущества, находящегося на их территории. Поэтому мы вынуждены для охраны вышеназванного имущества посылать в эти страны своих солдат. Правильно я говорю?

— Правильно! — орала толпа.

— Все огогондцы — солдаты! В Огогондии нет не солдат! Не солдатам не место в Огогондии!

— Браво, Динами! — бесновались огогондцы.

В этот раз телесовещание на высшем уровне было необычайно деловым и коротким.

— Господа Попечители, — сказал Председательствующий, — ввиду чрезвычайной важности и срочности обсуждаемого нами вопроса есть предложение называть вещи своими именами.

— Правильно! — зашумели разом Попечители. — Зачем нам эти цирлихи-манирлихи? Подумаешь, интеллигенция!

— Предложение считаю принятым. А теперь поговорим по душам.

— Какого дьявола Динами отхватил Малявию? — сразу же закричал нервный Попечитель Колоссалии. — Я же еще в прошлом году собирался ее оккупировать!

— А Игралия всегда граничила с Великанией. Значит, именно Великания имеет историческое право захватывать Игралию, а не какая-то там Огогондия.

— Каждому приятно этими делами заниматься.

— Это же черт знает что такое! Прямо из-под носа страны утаскивает. На минутку отвернуться нельзя.

— Себе — все, а другим — ничего. Эгоист!

— Агрессор — и все!

— И нечего с ним церемониться. Предлагаю сбросить на Огогондию бомбу и начать войну.

— А я предлагаю сбросить две бомбы и начать переговоры о мире.

— А лучше всего сбросить три и вообще ничего не начинать.

— Господа, господа, не забывайте: у Огогондии тоже есть бомбы. Правда, подержанные, но все же...

— Это верно. Так что же вы предлагаете?

— Предлагаю послать этому выскочке ультиматум со строгим выговором и последним предупреждением. Или он немедленно отдает нам все захваченные им страны...

— ...или мы их сами захватим.

Но Дино Динами ничего еще не знал о близящихся неприятностях. И настроение у него было превосходное.

— Все идет как надо! — уверял он нового приближенного. — И войска движутся, и диктаторишки молчат. Говорил я тебе, Котангенс, что все будет в порядке?

— Говорили. Три раза говорили, Ваше Равенство. Даже четыре.

— Вот видишь. А ты меня чуть не размагнитил.

— Так ведь...

— Знаю, знаю. Пойди в наградной Департамент и награди себя чем хочешь. Потом оформим. Ступай!

— Браво, Динами!

А Дино, оставшись наедине, задумался:

— Гм... Почему все Попечители так меня боятся? А? Кибера называли Властелином Солнца. Но он не мог быть Властелином Солнца, потому что он не я. А я почему не Властелин Солнца? Потому что я не он. Нет, я что-то путаю... Начнем сначала. Кибер был Властелином Солнца. Но он не был Властелином Солнца. А кто был Властелином? Тот, кто не был? Нет, я опять где-то ошибся. Попробуем еще раз, не торопясь, спокойно, логично...

А в Огогондии происходила тотальная военизация.

Печатая шаг, по площади прошел батальон Союза Солнцепоклонников. Они маршировали, громко распевая:

Гениален наш Дино
И непобедим,
Лишь ему подчиняется
Солнце...

И едва прошли молодые солнцепоклонники, как с другой стороны площади показалась новая колонна. Правда, этот отряд выглядел не так браво, как предыдущий, потому что состоял он из одних стариков. Причем каждый старичок опирался на палочку и шаркал. Но шаркали патриоты-старички, не нарушая строя, и палками взмахивали так ритмично и воинственно, что, казалось, шагает взвод престарелых фельдмаршалов.

И го-го, и горды
Славным кормчим своим
Ого-го, ого-го,
Огогондцы, —

хором шамкали дедушки и прадедушки.

А навстречу им, толкая перед собой коляски, двигалась рота кормящих матерей. Благодаря коляскам их колонна была похожа на моторизованную часть. И когда предки и потомки поравнялись, дедушки разом отсалютовали палками, а внуки, присев в колясках, приложили растопыренные пальцы к чепчикам, отдавая честь.

И го-го и горды
Славным кормчим своим
Ого-го, ого-го,
Огогондцы.

А Дино продолжал расхаживать по комнате. Уже наступили сумерки, а он не зажигал света и все шагал, не будучи в силах выпутаться из лабиринта своих логических построений.

— Значит, кибер не Властелин, потому что он не я. А я не Властелин, потому что я не кибер. А может, я — кибер? Или, может, кибер — я? Или мы оба — мы?

И тут Дино увидел прямо перед собой своего двойника. Размахивая руками, двойник шел прямо на него.

— А-а-а! — испуганно закричал Дино. — Ты опять пришел? Нет, нет!

И, схватив кресло, Попечитель бросился на двойника. Зеркало разлетелось вдребезги, и Дино облегченно вздохнул.

— Ну вот, теперь все ясно: никакого двойника нет. И не было. А всегда был только я. И значит я Властелин Солнца! Единственный! Настоящий! Полноценный!

И тут в кабинет вбежал военный министр.

— Ваше Равенство! Господин Попечитель! Диктатории прислали вам срочный ультиматум. Они собираются объявить нам войну.

— Нахалы! Да знают ли они, кто я такой? Да я их!..

— Так и они ж нас, Ваше Равенство, — робко заметил военный министр, имевший более точные представления о могуществе Огогондии. — Лучше с этими бандитами не связываться.

— Молчать! Позвать ко мне главнокомандующего науками!

И приученный к дисциплине главнокомандующий тут же предстал перед Попечителем.

— Ответь мне, ученый, — сказал Дино, — известно ли современной науке, что у Солнца есть Властелин?

— Это аксиома, Ваше Равенство.

— А ты сам веришь, что Солнце подчиняется лично мне?

— Как бог свят, — отвечал ученый, глядя прямо в глаза Попечителю.

— Хорошо, ступай! — промолвил рассеянно Попечитель, и главнокомандующий науками ловко проделал кругом шагом марш и четким военным шагом вышел из кабинета.

— Трубить сбор! — приказал Властелин Солнца.

Не нужно забывать, что, кроме Самых Первых приближенных и министров, у Великого Попечителя было много не самых первых приближенных, вслед за которыми в табеле о рангах шли Вторые, Третьи, Четвертые и, наконец, Пятые приближенные, которые приравнивались к дальним родственникам и пользовались теми же правами и привилегиями.

И теперь по сигналу трубы все они собрались в большом парадном зале, и Дино произнес перед ними одну из своих самых исторических речей.

— Так называемые Великие Диктатории, которыми правят сумасшедшие Попечители, забыли, с кем они имеют дело, и посмели выступить против меня. Я мог бы сегодня же стереть их с лица земли, но я не буду воевать с ними. (Приближенные облегченно вздохнули, но радость их была преждевременной.) Я могу заставить эти державишки подчиниться мне без единого выстрела, ибо в моем распоряжении есть более грозное оружие, чем жалкие водородные бомбы. (Если бы присутствующие посмели удивленно переглянуться, они бы это сделали.)

— Я все обдумал, — торжественно сказал Дино, — и решил приказать Солнцу, чтобы оно перестало светить! Или, может, кто-нибудь сомневается, что Солнце подчинится моему приказу?!

Но, конечно, никто не сомневался.

— За мной! — зычно крикнул Великий Попечитель и, выскочив из зала, подпрыгивая, побежал вверх по широкой дворцовой лестнице.

Приближенные, не смея отстать, хрипя и задыхаясь, бежали за ним...

Пятый этаж... седьмой... десятый...

Великий Попечитель несся все быстрее. Сердца его дряхлых приближенных бешено колотились, бежавшие рисковали умереть на ходу. Но страх перед Попечителем был сильнее страха смерти...

Дино выбежал на крышу и, широко раскрыв глаза, уставился прямо на Солнце.

Он знал силу своего взгляда, потому что стоило ему гневно взглянуть на кого-нибудь, и тот падал замертво.

Дино смотрел на Солнце, вкладывая в этот взгляд всю свою силу воли.

— Солнце! — тихо и уверенно сказал Дино Динами. — С тобой говорит твой Властелин. Я приказываю тебе: перестань светить! Перестань светить!!!

И тут произошло нечто невероятное и ужасное: Солнце подчинилось его приказу и погасло.

И Властелину Солнца стало так страшно, что он закричал и рухнул на остывающую крышу своей «хижины».

А когда Дино очнулся, весь мир был погружен в кромешную тьму, такую густую, вязкую абсолютную тьму, которую невозможно себе представить и кото-

рая наступает, когда Солнце гаснет...

— Где я? — спросил Попечитель.

— У себя в «хижине», — отвечали приближенные.

— А почему так темно? Солнце все-таки подчинилось мне и погасло, да?

— Да, — словно эхо, откликнулись приближенные.

— И человечество гибнет, да?

— Да, — повторили приближенные, давно уже разучившиеся говорить слово «нет».

Великий Попечитель закрыл глаза и захихикал, довольный тем, что ему удалось сделать...

Умер Дино Динами через два дня. И до самой смерти никто не осмелился сказать ему, что Солнце погасло только для него одного. Просто потому, что он ослеп.

Дискуссионный клуб фантастов

ЮЛИЙ КАГАРЛИЦКИЙ

Как попасть на Луну?

Сейчас уже ясно, как попасть на Луну. Способ не только найден, но и в известном смысле проверен. Однако не так давно на этот счет существовали разные мнения.

Классическая древность возлагала надежды на стихии или живое тягло; причем, поскольку дело касалось последнего, проводились даже своеобразные испытательные полеты. Полигоном служил Олимп, средством воздушного транспорта — конь Пегас. К сожалению, боги не любили, когда нарушался их покой, и пресекали попытки достигнуть «неземного обиталища». Об этом говорил не подлежащий сомнению древний миф о Беллерофонте — герое, который на всю жизнь охромел после того, как Пегас сбросил его на землю при попытке подняться на Олимп. После происшествия с Беллерофонтом Пегас один взлетел на небо и был превращен в созвездие. Поэтому в первоначальном обличье его никто никогда не видел иначе как на картинках.

Зато навозного жука видели все. В пятом веке до нашей эры трагедию Беллерофонта поставил в театре Еврипид. Впрочем, он тут же оказался жертвой насмешника. Противник Еврипида Аристофан в пьесе «Мир» пародийно изобразил полет на Олимп. Герой Аристофана отправлялся туда на гигантском навозном жуке. И жук оказался лучшим транспортным средством, чем Пегас, — он благополучно доставил Тригея к месту назначения. Кроме того, он был, так сказать, намного экономичнее. Нашему герою не пришлось брать еды на двоих: все, что он съедал, положенное время спустя шло в пищу жуку...

Все же крылатый конь еще долгое время оставался достоянием литературы. Карлик Паколе, герой рыцарского романа «Валентин и Орсан», смастерил, например, волшебного коня, который с быстротой птицы переносил его по воздуху с места на место. Путешествие на подобного рода коне, только заимствованном из другого романа, совершил и Дон-Кихот. Когда герцогская челядь решила посмеяться над бедным рыцарем и его оруженосцем, их усадили на деревянного коня, завязали им глаза и, обдувая воздухом из мехов и подпаливая их горящей паклей, заставили поверить, что они одну за другой минуют разные «области воздуха», — область, где зарождаются дождь и град, область огня и т. д. Это был «тот самый деревянный конь, на котором доблестный Пьер увез прелестную Магелону и которым

правят с помощью колка, продетого в его лоб и заменяющего удила, и летит этот конь по воздуху с такой быстротой, что кажется, будто его несут черти. Согласно древнему преданию, коня этого смастерил мудрый Мерлин и отдал на время своему другу Пьеру, и тот совершил на нем долгое путешествие — и... похитил прелестную Магелону, посадив ее на круп и взвившись с нею вместе на воздух, а кто в это время стоял и смотрел на них снизу вверх, те так и обалдели...»

Дон-Кихоту, как известно, путешествие на волшебном коне доставило заметно меньше удовольствия. И после того как окружающие вволю повеселились на счет доверчивого рыцаря, воздушное путешествие на коне окончательно перешло в область комической фантастики.

Конь, впрочем, ни в какие времена не был единственным средством воздушного транспорта. Некогда летали на восковых крыльях Дедал и Икар. Вслед за ними поднялся в воздух герой Лукиана (II век). Он приспособил для этого крылья птиц. «Я старательно отрезал у орла правое крыло, а у коршуна — левое и привязал их крепкими ремнями к плечам, — рассказывает Икаромениnп своему другу. — Приладив к концам крыльев две петли для рук, я стал испытывать свою силу: сначала просто подпрыгивал, помогая себе руками, затем, подобно гусям, летел над самой землей, слегка касаясь ее ногами во время полета. Однако, заметив, что дело идет на лад, я решился на более смелый шаг: взойдя на Акрополь, я бросился с утеса и... долетел до самого театра». После этого Икаромениnп добрался на своих крыльях до Луны («Икаромениnп, или Заоблачный полет»).

В другой вещи Лукиана, «Правдивой истории», герой попадает на Луну случайно. Ветер поднял к небесам и унес на Луну корабль, на котором он плыл.

Вскоре, однако, явное предпочтение стали отдавать птицам. Прежде всего самой большой и сильной — орлу. Но на худой конец прибегали к помощи и других представителей пернатого царства.

Существует средневековое предание о полете Александра Македонского на небо. Во Владимире его можно узреть запечатленным в камне. На южном фасаде Дмитровского собора изображен Александр Македонский в полете. Он связал хвосты двух грифов, привязал к ним корзинку, уселся в нее, а над головою поднял двух ягнят. Грифоны пытались схватить их и, не замечая, что расстояние между ними и ягнятами не сокращается, все поднимались и поднимались вверх. Подобного типа изображение появилось позже и на соборе святого Марка в Италии.

Другое путешествие было совершено уже в XVII веке.

В 1638 году в старинном шотландском городе Перте вышла кни-

га «Человек на Луне, или Рассказ о путешествии туда, совершенном Доминиго Гонзалесом». Книга эта была издана через пять лет после смерти автора, епископа Френсиса Годвина (1562—1633) и была непохожа на другие его сочинения — жизнеописания королей и каталог епископов. Возможно, Годвин стеснялся своего произведения. Если так, то напрасно. Книга выглядела в глазах многих современников Годвина не менее правдоподобно, чем каталог епископов, и при этом показалась им куда занимательней. За тридцать лет она выдержала двадцать пять изданий на четырех языках. Самый известный из переводов был сделан в 1648 году Жаном Бодуэном, одним из первых членов незадолго перед тем учрежденной Французской академии. Этот перевод получил значительно большее распространение, нежели оригинал. Много лет спустя на него ссылался в примечаниях к своему путешествию на Луну Эдгар По, который был убежден, что Жан Бодуэн является автором книги. В 1965 году в Мадриде к XVII Международному конгрессу по астронавтике вышло факсимильное издание этого перевода.

Путешествие на Луну было только одним из эпизодов богатой приключениями жизни Доминиго Гонзалеса. Он сражался в Нидерландах, благополучно вернулся домой в Севилью, но оказался втянутым в поединок и в 1596 году бежал в Индию. В Индии он основательно разбогател, однако на обратном пути его снова подстерегало несчастье. Он заболел, и его высадили на острове Св. Елены.

Здесь и начинается цепь событий, приведших Доминиго Гонзалеса на Луну.

На берегу моря Гонзалес встретил множество лебедей необычной породы: одна нога была у них, как у всякого другого лебедя, на другой же были когти, как у орла. Забавы ради Гонзалес отобрал тридцать или сорок птенцов и приручил их. У него, впрочем, была при этом другая цель. «А что, если удастся заставить их переносить тяжести?» — рассуждал он. Это удалось. Вскоре птицы переносили уже куски пробкового дерева, затем подняли в воздух ягненка и, наконец, самого Гонзалеса. Для этого оказалось достаточно двадцати четырех птиц. В качестве приспособления потребовалась специально изобретенная героем «машина-упряжка», представлявшая собой жесткую раму сложной конструкции с привязанными к ней веревками для лебедей. На специально приделанной внизу перекладине сидел сам Доминиго Гонзалес. В таком виде, во всяком случае, «машина-упряжка» изображена на фронтисписе французского издания.

Птицы, прирученные испанским искателем приключений, оказались перелетными; только в отличие от других известных птиц местом их ежегодного перелета была Луна. Однажды, когда Гонзалес поднялся на них, они вдруг понесли, как лошади, закусившие удила, и некото-

рое время спустя доставили своего седока на Луну. Через семь с половиной месяцев они благополучно вернули его на Землю...

За то время, что Доминиго Гонзалес провел на Луне, у него произошло немало интересных встреч. Об одной из них, впрочем, упоминает не он сам, а его последователь Сирано де Бержерак (1619—1655). Как могла состояться эта встреча — трудно понять. Доминиго Гонзалес отбыл, согласно его свидетельству, с Луны 29 марта 1602 года, за семнадцать лет до рождения своего французского коллеги, но свойство таланта Сирано и манера, им избранная, таковы, что приходится верить ему на слово.

Сирано де Бержерак рассказывает о своем пребывании на Луне в книге «Иной свет, или Государства и империи Луны» (написана в 1647—1650 годах, впервые издана в 1657 году.) Он испробовал несколько способов путешествия на Луну, и еще о нескольких ему рассказали.

Первая попытка окончилась неудачей.

Сирано привязал вокруг себя множество склянок, наполненных росой, поскольку известно, что роса под действием солнечных лучей поднимается в воздух. Действительно, он начал подниматься и взлетел выше самых высоких облаков, но не сумел принять правильное направление и полетел к Солнцу, а не к Луне. Пришлось отказаться от полета. Сирано принялся одну за другой разбивать склянки и постепенно спустился на Землю.

Это, однако, не обескуражило Сирано, и он построил специальную машину, которую поднимали в воздух крылья, махавшие под действием пружины. Кроме того, к машине были привязаны в шесть рядов ракеты, по шесть ракет в каждом. На беду, горючий состав иссяк, прежде чем машина пролетела достаточное расстояние, силы крыльев тоже, видимо, оказалось недостаточно, и экипаж Сирано рухнул на землю. С ним самим, впрочем, ничего страшного не случилось. Накануне, лечась от ушибов, полученных во время своего первого подъема, он намазал все тело бычьим мозгом. Луна же, как выяснилось, в этой своей фазе притягивает бычий мозг. Так, благодаря счастливой случайности, Сирано не только не разбился, но и попал на Луну.

Там Сирано узнал и о других способах путешествия на ночное светило. Ими в свое время воспользовались Энох и Илия. Энох привязал под мышки сосуды с дымом от жертвоприношений. «Тогда пар, устремляясь кверху, но не имея возможности проникнуть сквозь металл, стал поднимать сосуды вверх и вместе с ними поднял этого святого человека». Приблизившись к Луне, он быстро отвязал сосуды, которые продолжали одни подниматься к небу, а сам стал падать на Луну. «Расстояние... однако, было еще настолько велико,

что при падении он мог бы сильно пострадать, но его спасла его широкая одежда, в которую врывался ветер, раздувая ее, а также сила его пламенной любви».

Способ пророка Ильи оказался сложнее. «Я взял магнит, размером приблизительно в два квадратных фута, и положил его в горнило, — рассказывал пророк, — когда он совершенно очистился от всякой примеси, осел и растворился, я извлек из него притягивающее вещество, раскалил всю эту массу и превратил в шар среднего размера». Затем Илья-пророк построил железную колесницу и, подбрасывая «магнитный шар», заставил ее подниматься. Колесницу он «нарочно в середине построил более тяжелой, чем по краям; она поднималась в полном равновесии, так как подталкивалась именно этой своей более тяжелой средней частью...»

Последние два способа перебраться с Земли на Луну и с Луны на Землю предназначены специально для тех, кто не верит во вращение Земли, но зато очень крепко верит в бога. Первый из них очень прост — подняться с Земли на Луну по лестнице, что, как говорят, сделал в свое время Иаков. Второй — еще проще. Здесь перемещение совершается на чистом энтузиазме. Так попал с Луны, где расположен земной рай, на Землю Адам.

«В то время воображение человека, еще не развращенное ни распутством, ни грубой пищей, ни болезнями, было так сильно, что страстного, возгоревшегося в Адаме желания скрыться в этом убежище (то есть на Земле, куда он хотел бежать от гнева Творца. — **Ю. К.**) было достаточно для того, чтобы он был туда вознесен, тем более что тело его, охваченное пламенем энтузиазма, сделалось совершенно легким; ведь мы имеем примеры того, как некоторые философы, воображение которых было напряженно направлено на одну мысль, были восхищены на небо в том состоянии, которое вы называете энтузиазмом». Сотворенная из ребра Адама Ева, хотя она и «не имела... достаточно силы воображения, чтобы напряжением воли побороть тяжесть материи», увлеклась за ним в силу «симпатии», связывающей часть с целым.

Герой очерка Даниэля Дефо «Консолидатор» (1705) вернулся к старому, испытанному способу. Он попал на Луну в экипаже, который несли на себе два гигантских орла. Немного позже орел помог Гулливеру совершить одно из его путешествий.

Историй о том, как птицы подняли человека на Луну или пронесли над Землей, просто не перечесть. И это не удивительно. В самом деле, какой другой «мотор», приводящий в движение наземные экипажи, кроме лошади, знал человек в течение тысячелетий? И какой еще возможен «мотор» для воздушного экипажа, кроме птицы? Живое тягло — что может быть убедительнее?

Царство птиц рухнуло в конце XVIII века. 5 июня 1783 года братья Жозеф и Этьен Монгольфье продемонстрировали жителям своего родного городка Анноне первый воздушный шар. Провинциальное собрание прекратило по этому поводу свои заседания — провинция Вивар отныне входила в историю, — и под крики восхищенной толпы бумажный шар, наполненный дымом от сгоревшей шерсти, заколыхавшись, взмыл к небесам. Вскоре свидетелями воздушных полетов стали и парижане. 21 ноября того же года на монгольфьере поднялись два человека — Пилатр де Розье и д'Арлан — и совершили двадцатипятиминутный полет.

Шар был только что изобретен — и сразу же усовершенствован. В том же году химик Шарль предложил использовать в качестве оболочки шелк, а в качестве наполнителя — водород. 1 декабря 1783 года он сам вместе с еще одним человеком поднялся на своем шаре из садов Тюильри; один из Монгольфье, превратившихся за несколько месяцев в ветеранов воздухоплавания, торжественно обрезал канат. Два с половиной часа спустя Шарль и Робер приземлились национальными героями. А еще через два года, в 1785 году, Франсуа Бланшар с пассажиром перелетел на воздушном шаре через Ла-Манш. Это был отважный перелет, едва не стоивший воздухоплавателям жизни.

Птицы после изобретения Жозефа и Этьена Монгольфье появились в качестве транспортного средства только однажды, в истории удивительных приключений барона Мюнхгаузена. Среди подвигов прославленного барона, как известно, был и такой — полет при помощи стаи уток с озера, где он их изловил, прямо к трубе очага, где их предстояло изжарить. В «Удивительных приключениях барона Мюнхгаузена», изданных Бюргером в 1785 году, упоминается, кстати, — и отнюдь не случайно — о подготовке к полету Бланшара. Появился воздушный шар, и птицы — совсем недавно такой убедительный пример «достоверной» фантастики — были отданы фантастике комической.

Наступила эпоха воздушного шара. Он был теперь такой же реальностью, как некогда птицы. Но воздушному шару было суждено прожить в истории фантастики еще меньший срок, чем его предшественнице, несмотря на одно отличие, которое, казалось бы, должно было сделать его долговечнее.

Птица в качестве средства транспорта, как известно, не поддается усовершенствованию. Тут только и остается говорить, что о дрессировке и форме экипажа. Правда, изобретательный барон Мюнхгаузен измыслил два новых технических приема. Во-первых, когда утки подняли его в воздух, он догадался использовать полы своего сюртука в качестве руля. Во-вторых, подлетая к дому, он постепенно умень-

шал подъемную силу стаи уток, по одной сворачивая им шеи. Но барон Мюнхгаузен несколько запоздал со своими предложениями — он опубликовал их уже после изобретения воздушного шара.

Воздушный же шар, как говорилось, принялись совершенствовать сразу после его появления. Изыскивались новые наполнители, изучалось, как пользоваться восходящими и нисходящими потоками воздуха и воздушными течениями. Ставились опыты по управлению шаром, которые в конечном итоге привели к созданию замечательного транспортного средства — дирижабля.

Но воздушный шар родился слишком поздно. В 1862 году Жюль Верн написал роман «Путешествие на воздушном шаре», а уже через год сделался одним из учредителей Общества сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха. Авиация пресекла жизнь воздушного шара в фантастической литературе.

Все же он просуществовал немало — восемьдесят лет. И в течение этого времени фантасты отводили ему важную роль. Более того, верили в его долговечность. В жизни и в литературе. Воздушный шар немало способствовал появлению «технической» — основной формы тогдашней научной — фантастики. Можно было рассказать много интересного о том, как его усовершенствовали. В старую фантастику путешествий он тоже влил новую струю. С его помощью можно было посетить малодоступные области, как это сделал герой Жюля Верна доктор Фергюссон; можно было задуматься и о более смелых предприятиях...

В 1848 году американский писатель Эдгар По написал рассказ «Письмо с воздушного шара». Оно было помечено 2848 годом. По мнению Эдгара По, воздушные шары через тысячу лет будут двигаться со скоростью полутораста миль в час и поднимать триста или четыреста пассажиров. Ни о каком моторе здесь речи не шло. Эдгар По возлагал все надежды на изученность воздушных течений, лучшее качество гуттаперчи и новый газ.

На усовершенствованном воздушном шаре он и отправил несколько раньше, в 1835 году, на Луну героя своего рассказа «Необыкновенное приключение Ганса Пфааля». Эдгар По исходил при этом из предположения, что воздух, правда сильно разреженный, есть на всем протяжении от Земли до Луны.

Эта фантастика должна была вызывать полное доверие читателя. Не потому, что она была в строгом смысле слова научна, а потому, что находилась на уровне его представлений.

Из того же примерно исходил Жюль Верн, когда писал в 1865 году роман «С Земли на Луну». Воздушный шар как средство космических сообщений уже не вызывал доверия читателя. Зато артиллерийский снаряд должен был показаться замечательной находкой.

Ну, а сам Жюль Верн, верил ли он в свою выдумку? Увы, нет. Он прекрасно знал теоретические расчеты, согласно которым никакое орудие неспособно придать снаряду не то что вторую — даже первую космическую скорость. Но тогдашнего читателя это не смущало — и потому нисколько не смущало и самого Жюля Верна.

Легко понять, что пожелай герой какого-нибудь современного романа совершить полет на Луну в артиллерийском снаряде, мы над ним только посмеялись бы. Мы ведь знаем — и не из каких-либо научных трудов, а из обыкновенных газет, — что в результате выстрела (притом бесполезного) пассажиров снаряда расплющило бы в лепешку. И надо думать, посмеялись бы с одобрения автора. Подобный полет на Луну может принадлежать сейчас только космической фантастике...

В описаниях полета на Луну авторы всякий раз исходили из того, что должно было показаться вероятным читателю. Любой способ полета, который утрачивал в глазах современников правдоподобие, немедленно оттеснялся в комическую фантастику. Над тем, во что прежде верили, начинали смеяться. Так случилось и с летающим конем, и с птицами, и со многим другим. Иногда же снова начинали верить в то, над чем долго смеялись. Уэллс в «Войне в воздухе» прозорливо вернул жизнь усовершенствованному воздушному шару — дирижаблю. Он при этом не только предугадал роль дирижаблей в первой мировой войне, но и, всего вероятнее, предсказал ему более далекое будущее. С появлением новых оболочек и наполнителей дирижабль получил ряд преимуществ перед самолетом, и их, надо думать, еще оценят. А советский фантаст Сергей Снегов вернул жизнь не то что летающему коню, а летающему дракону. Один из героев его утопического романа «Люди как боги» из всех транспортных средств предпочитает, оригинальности ради, дракона. И мы читаем об этом с полным доверием, поскольку допускаем возможность того, что люди в будущем сумеют создавать искусственным путем живые существа с заданными качествами. Подобная идея начала разрабатываться в современной фантастике довольно давно, и в романе английского фантаста тридцатых годов Олафа Степпелдона «Последние и первые люди» (1930) рассказывается о том, что в будущем выведение искусственных живых существ превратится в своеобразную форму искусства.

Герой Френсиса Годвина получил на Луне в подарок несколько камней, один из которых, эболюс, обладал волшебной способностью делать тело невесомым; приложенный к телу другой стороной, он, напротив, увеличивал его вес вдвое против прежнего. Это было волшебство, чудо. Но с начала двадцатого века антигравитация, как из-

вестно, сделалась чем-то удивительно привычным в научной фантастике, а с началом космических полетов понадобились и системы, создающие силу тяжести.

Слова «чудо» и «достоверность» совсем не взаимоисключающие слова для фантаста.

Чудо — это нечто противоречащее законам природы, как мы их понимаем, иными словами — нечто выходящее за рамки наших сегодняшних представлений. Но стоит поверить в то, что остаются еще какие-то законы природы, нами не познанные, — и положение меняется. То, что было вчера чудом, завтра может оказаться реальностью. Такой взгляд, правда, предполагает развитое историческое мышление и присущ скорее новой, чем старой фантастике. Но тем не менее относительность понятий «чудо» и «достоверность» была достаточно ясна и фантастам былых времен. Она только выражалась для них не через историческое, а через пространственное многообразие форм жизни и мысли. Можно предположить совершенствование от поколения к поколению инструментов, дополняющих наши органы чувств и тем помогающих нам все лучше познавать мир. Но можно представить себе одновременное с нами существование неких созданий, изначально наделенных совершенно иными органами чувств.

Так, например, подходит к делу Сирано де Бержерак. Чудо, говорит он, — это то, что мы не можем постичь своими органами чувств. Но кто сказал, что они безупречны? Напротив, они далеки от совершенства, и какие-то другие существа могут иметь в этом смысле перед нами все преимущества. Одно из таких удивительных существ, именующее себя Демон Сократа, подробно растолковывает это герою. Его объяснение должно было очень прийтись по душе сенсуалисту Сирано де Бержераку.

«Вы, жители Земли, представляете себе, что то, что вы не понимаете, имеет духовную сущность, или же что оно вовсе не существует; но этот вывод совершенно ложен; он доказывает только то, что во вселенной существуют миллионы вещей, для понимания которых с вашей стороны потребовались бы миллионы совершенно различных органов, — говорит Демон Сократа. — Я, например, при помощи своих чувств познаю причину притяжения магнитной стрелки к полюсу, причину морского прилива и отлива, понимаю, что происходит с животным после его смерти; вы же можете подняться до наших высоких представлений только путем веры, потому что вам не хватает перспективы; вы не можете охватить этих чудес, точно так же как слепорожденный не может представить себе, что такое красота пейзажа, что такое краски в картине или оттенки в цветке ириса; он будет воображать их себе или как нечто осязательное, как пи-

ща, или же как звук или запах. Во всяком случае, если бы я захотел объяснить вам то, что я познаю теми чувствами, которых у вас нет, вы бы представили себе это как нечто, что можно слышать, видеть, осязать или же познать вкусом или обонянием, меж тем как это нечто совершенно иное».

Самое развитие знания поддерживает своеобразную «веру в чудо». Мы знаем, что многие предметы сегодняшнего обихода — такие, как радио, телевидение, электрическое освещение, показались бы совершеннейшим чудом людям, жившим за несколько поколений до нас и, соответственно, готовы допустить существование будущих «чудес».

Способность «верить в чудеса» переживает, смотря по времени, своеобразные подъемы и спуски. Убедительность чудес зависит прежде всего от их обилия, и Дэвид Гарнетт, автор книги «Дама, превращенная в лисицу» (1923), иронически сетовал, что книга его вышла в неподходящий год. Вообще-то, говорит он, чудеса «не столь редки, просто они совершаются нерегулярно. Бывает, что за целый век не случается ни одного стоящего чуда, а затем вдруг — урожай на чудеса». В такие годы верят во все. Превращение же героини в лисицу не оказалось поддержано другими чудесами. Это было изолированное, а потому абсолютное чудо.

Эта своеобразная «инерция чудес» находит иногда комичнейшее выражение.

В 1788 году, например, на стенах домов Лондона появилось такое объявление:

«Необыкновенный пожиратель камней (единственный в мире) прибыл в Лондон и ежедневно дает представления в помещении сундучной мастерской мистера Хетча.

Наш век называют веком чудес. Лет двадцать тому назад, до изобретения воздушного шара, одна мысль о человеке, летающем по воздуху, рассмешила бы самых доверчивых. А сейчас природа создала человека, способного питаться галькой, кремнями и тому подобным... Леди и джентльмены приобрели отныне возможность стать свидетелями поразительнейшего чуда нашего века...»

Иными словами, фантастика — это то, во что мы верим. Хотя бы как в возможность. Хотя бы как в чудо.

Очень многие источники этого доверия лежат вне произведения. Успехи науки, предшествующий опыт человечества, настроение умов — все это не создается и не меняется по желанию. У истории — свои закономерности. В ходе своем она придает убедительность фантастическому роману, рассказу, повести или отнимает ее. Былая правда становится сказкой или затверженным общим местом, былая сказка — чем-то весьма вероятным. Фантастика, как можно

было заметить, подчинена истории, но нигде ее зависимость не выступает так явно, как здесь.

Другие источники доверия изыскивает писатель. Они сводятся к его манере и мастерству. Фантастика в этом смысле не отличается от любой другой области литературы, и сколь ни своеобразны те или иные ее приемы, имеющие целью повысить наше доверие к рассказанному, они все равно лишь частный случай из арсенала аргументов собственно литературного свойства.

К тому же иногда собственно фантастический прием оказывается таковым только по видимости. В данную эпоху он может быть свойствен именно фантастике, но в целом — литературе вообще. Любовь к техническим подробностям, профессиональной терминологии и точным координатам, которая время от времени захватывает фантастику, не является, например, ее привилегией. Даниэль Дефо добивался достоверности точно такими же средствами.

А иногда средства убеждения, к которым прибегает фантаст, вообще ничем не отличаются от излюбленных в нефантастической литературе.

Замечательный пример этого — рассказ Севера Гансовского «День гнева»: рассказ об отарках — искусственно выведенных существах, вырвавшихся на волю и пожирающих людей.

Заметная доля доверия, которое мы испытываем к изображенному в этом рассказе, пришла из внешней сферы. Автору нет никакой нужды обосновывать возможность создания искуственных живых существ. Это сделано задолго до него, многократно повторено и является сейчас своеобразной «фантастической реальностью». Но мы верим не только в возможность подобной ситуации, но и в конкретные события, показанные автором. Здесь он убеждает нас теми же средствами, что и нефантаст. То, о чем он нам рассказывает, известно ему в мельчайших подробностях. Он знает, как лошадь может обмануть человека, который ее седлает, — надует брюхо и подпруга будет потом свободной, он видит и заставляет нас видеть, как падают тени в ущелье, ощущает и заставляет нас ощутить звериный запах отарков. Мы рядом с героями и потому верим происходящему так, словно видим все собственными глазами.

Эти средства убеждения тоже исторически изменчивы. Когда писатель избирает общелитературные приемы, он предпочитает такие, которые вызывают доверие, находят нужный эстетический отклик у современного читателя.

Чем труднее создать иллюзию жизни, тем больше приходится заботиться о достоверности средств. А фантастике создать эту иллюзию — труднее всего. И она особенно старается изыскать достоверные средства.

Фантастика, как говорилось, — это то, чему мы верим. Верим потому, что она соответствует нашим представлениям о жизни, и потому, что она соответствует нашим представлениям о литературе.

К сожалению, мера убедительности может быть превышена настолько, что фантастика перестанет быть фантастикой.

Фантастика больше всего боится привычного, обжитого, ставшего бытом. Ей нужна новизна. Причем не только по отношению к жизни, но и по отношению к ней самой.

Последнего иногда достигнуть трудней. В фантастике есть свое незримое патентное бюро. Описанное однажды может быть в дальнейшем упомянуто или усовершенствовано, но не может быть просто повторено. А придуманное фантастом не требует немедленного исполнения в материале. Оно осуществляется (или не осуществляется, бывает и так) в сфере литературной традиции. Поэтому все сделанное фантастами развивается и устаревает достаточно быстро.

Ее подход к научным теориям в этом смысле очень практичен. Она способна любую из них исключить из своего обихода просто потому, что та достигла известного возраста. Теория может оставаться сколько угодно верной — фантастику отталкивает от нее то, что она стала бесспорной. Вряд ли, например, кто-либо из современных фантастов будет создавать специальные ситуации для того, чтобы доказать вращение Земли. Между тем подобные эпизоды есть и у Френсиса Годвина и у Сирано де Бержерака. Доминиго Гонзалес лично свидетельствует, что он видел с высоты, как вращается Земля. Это, говорит он, показывает, что Николай Коперник был прав. Вслед за ним схожий аргумент в защиту той же теории приводит Сирано. В первый раз, как известно, ему не удалось попасть на Луну. Поднявшись высоко над Землей, он вынужден был опуститься обратно. Но приземлился Сирано уже в другом месте — Земля за время его полета успела основательно повернуться вокруг своей оси.

В отношении конкретных изобретений это выглядит еще нагляднее. Для того чтобы изобретение утратило интерес для фантаста, совсем не обязательно, чтоб оно устарело или было вытеснено новым, как воздушный шар был вытеснен самолетом. Оно может попросту примелькаться. Об этом хорошо говорил Карел Чапек. «Когда-то, не очень даже давно, лет пятнадцать тому назад, — писал он в очерке «Самолет» (1925), — мы бегали мальчишками смотреть крылатое чудо — самолет, который пролетал целых сто метров. А теперь по небу летает сколько угодно самолетов — и гораздо лучше летает, — а никто не обращает на них внимания». «Видно, полет был чудом, пока люди летали из рук вон плохо, — продолжает Чапек, — перестает быть им, с тех пор как они начали летать с грехом пополам. Когда я сделал первые два шага, мама тоже сочла это

необычайным событием и чудом, но позже она не увидела ничего особенного в том, что я протанцевал всю ночь. Когда господь создал Адама, он мог брать деньги с ангелов, сбежавшихся посмотреть на чудесное творение, которое ходит на двух ногах и говорит. А я теперь могу ходить и говорить целый день, ни в ком не вызывая удивления».

Это отлично понимал Жюль Верн. Занимаясь всю жизнь так называемой «технической фантастикой», он всегда заботился о том, чтобы изобретатели не обогнали фантастов, и чем дальше, тем быстрее отказывался от изобретений только что появившихся и, казалось, суливших еще немало развлечений читателю. На старости лет, когда вопрос о принципиально новых открытиях стал для него важнейшим, он испытывал нечто подобное инстинктивной ненависти к изобретениям, в быстром прогрессе и распространении которых был уверен. Он, например, ни за что не желал ездить в автомобиле и не сел в него ни разу в жизни. Более того, при каждом удобном случае он клеймил и высмеивал автомобиль в своих романах.

Автомобиль не утерял убедительности. Он сделался чересчур убедительным. Даже не просто убедительным — наглядным.

В утверждении, что фантастика — это то, чему мы верим, таится опасная категоричность. Реалистическому роману мы все же верим больше, чем роману фантастическому. И, разумеется, еще больше верим тому, что видели собственными глазами. Но как раз увиденное собственными глазами и представляет наименьший интерес для фантастики.

Нельзя, конечно, сказать, что не представляет интереса совсем. Но минимальный и притом — при определенных условиях.

Птица была всем известна, но она много веков оставалась героиней фантастики. Воздушный шар был всем известен, но на протяжении примерно восьмидесяти лет фантасты продолжали о нем писать. Да и ракета, которую так любят современные фантасты, многократно всеми видена, если не в натуре, то на картинках.

И все же не следует забывать, что эти известные средства полета служили обычно рассказу о неизвестном, неисследованном, еще не открытом и применение находили не очень обычное. На птицах никто не летал, а на воздушном шаре хоть и летали, но не на Луну.

Кроме того, назвать все эти виды транспорта известными и привычными можно лишь относительно. Во всяком случае, фантастика всегда стремилась сделать их как можно менее привычными.

Птиц все видели. Птиц, на которых летал Доминиго Гонзалес, не видел никто. Это были совсем особые птицы — с одной лапой, как у лебедя, другой, как у орла, и весьма своеобразными повадками. Другие птицы, как известно, не летают зимовать на Луну.

Воздушный шар не был новинкой во времена Жюля Верна. Но воздушный шар, на котором совершил свой полет доктор Фергюссон, был новинкой. Он был не примелькавшимся воздушным шаром, а его усовершенствованным потомком.

Современные космонавты летают при помощи многоступенчатых ракет на жидком топливе. Герои современной фантастики предпочитают фотонные ракеты.

История самолета в фантастике тоже достаточно интересна. Когда теория аппаратов тяжелее воздуха была уже создана, а самолет еще не существовал, он был «чудом, в которое мы верим» — вернее, «в которое нам следует верить», поскольку многие в него все равно не верили. Изобразив в романе «Когда спящий проснется» (1898) огромные самолеты, совершающие беспосадочные полеты из Африки в Англию с большим числом пассажиров, Уэллс показал себя по тем временам очень смелым фантастом. Десять лет спустя в романе «Война в воздухе» (1908) он изобразил самолет заметно скромнее. На этот раз речь у него шла всего лишь об авиетках, поднимающих в воздух одного-двух человек. Написано это было через пять лет после полета братьев Райт. И все же роман Уэллса сохранил и в этом случае известную меру фантастичности. Ею он был обязан тому, что хотя самолет уже существовал, он казался сделанным на пределе теоретических возможностей и в его способность к какому-либо совершенствованию по-прежнему не все и не слишком верили. Иными словами не вера в реальность самолета, а неверие в его возможности сделало роман Уэллса фантастическим.

Трудно сказать, чего приходится больше бояться фантасту — того, что ему не поверят, или того, что ему слишком поверят. Чаще, надо думать, — второго. Фантастика в конце концов не мистификация. Ее задача отнюдь не в том, чтобы убедить нас в реальности изображенных событий. Она — искусство и, значит, отлична от действительности. Даже добиваясь наибольшей иллюзии, фантастика не скрывает, что это иллюзия. Как и вся литература, она существует постольку, поскольку выявляет, а не затушевывает свою эстетическую природу.

Своеобразие фантастики относительно литературы иного толка определяется прежде всего тем, какое отношение к себе она вызывает. Про фантастическое произведение нельзя сказать, что в отличие от произведения реалистического мы ему верим. Но нельзя сказать и обратного — «фантастика — это то, во что мы заведомо не верим». В последнем случае речь, очевидно, идет не о фантастике в целом, а преимущественно о комической фантастике. Фантастика находится где-то на грани того и другого — веры и неверия. В фантастике

они живут рядом. Без веры нет художественной правды. Без сомнения нет фантастики.

Способ полета, который избрал Икаромениппп, нереален. Но он все же отдает ему предпочтение перед способом еще более нереальным — отрастить собственные крылья. Сирано де Бержерак, растолковывая, почему Энох не разбился при падении на Луну, тоже дает сразу два объяснения, одно из которых заметно реальнее, чем другое. Во-первых, говорит он, его спасла широкая одежда, которую раздувал ветер. Во-вторых, «сила его пламенной любви» *. Доминиго Гонзалес, рассказывая о своем полете на Луну, не забывает, что расстояние далекое, и птицам надо будет по дороге отдохнуть. Для привала он находит удивительно удачное место — тот пункт между Землей и Луной, где притяжение их уравновешивается, так что птицы могут висеть без всякой материальной поддержки, «как рыбы в спокойной воде». Выбор этого пункта, кстати говоря, показался бы не только правдоподобным, но и научным еще в XIX веке. Подобную точку пространства (единственную, как ему кажется, где возникает невесомость) проходят герои романа Жюля Верна «С Земли на Луну».

Фантастика всегда находится где-то на грани между верой и неверием. Это главное, что ее отличает, и подобная — иногда почти неразличимая — грань обязательно где-то в ней есть. Благодаря присутствию этой грани мы и воспринимаем то или иное произведение как фантастическое.

Даже в новейших научных теориях фантастика зачастую стремится отыскать не только источники веры, но и неверия. Она берет положения вероятные. Но из них предпочитает наименее вероятные.

Так, Герберт Уэллс в «Машине времени» сделал несколько ламаркистских допущений, так как механизм наследственности в те годы был, несмотря на появление работ Вейсмана (1882), недостаточно ясен, а главное — совершенно неизвестен читателю. И можно было предположить, что в определенных узких пределах Ламарк был прав **. Идея эта была общепринятой среди ранних дарвинистов, за нее стоял, в частности, К. А. Тимирязев ***, но она была при этом не более чем гипотеза.

Место этой грани, однако, не обозначено. Мы не только по-разному в разное время представляем себе вероятное и невероятное —

* Эти два случая отмечены ранее в статье иркутской исследовательницы Т. А. Чернышевой «К вопросу о традициях в научно-фантастической литературе». См. «Труды Иркутского гос. университета», т. XXXIII, вып. 4-й. Иркутск, 1964, стр. 87—88.

** Уэллс писал об этом ламаркизме в недрах дарвинизма в книге «Наука жизни».

*** К. А. Тимирязев, Краткий очерк теории Дарвина. М., Сельхозгиз, 1949, стр. 63 и 65.

самая мера того и другого непрерывно меняется. От эпохи к эпохе она иная. Ее всякий раз приходится искать заново, и поиски эти бесконечны. И хотя сама по себе грань между верой и неверием обязательна для фантастики, грань эта все время сдвигается — иногда в сторону веры, иногда в сторону неверия.

Этим в основном определяется художественная природа той или иной фантастической вещи.

Фантастика всегда переходит предел привычного, но переход этот бывает порой более, порой менее резок.

Иногда фантасту достаточно, чтобы рядом были обычное и необычное. Птица — но необычной породы. Привычный шар — и необычная конструкция.

Иногда же, когда эпоха заставляет эту грань сдвинуться в сторону неверия, фантаст ищет уже не меру обычного и необычного, а необычного и невероятного. В этом случае фантастика по-прежнему требует нашей веры. И мы верим в рассказанное, но как верят в чудо. И еще верим потому, что нам хорошо рассказали. Мы верим художнику — не очевидцу. Этот художник, поскольку он желает оставаться фантастом, не упустит случая воспользоваться не только нашей верой, но и нашим сомнением. Может быть, ему даже больше нужно наше сомнение, чем вера.

Между фантастикой и мифом нет Китайской стены. Миф был исходным материалом фантастики, поэтому многие их приемы одни и те же. Они не раз вызывают в душе человека одни и те же движения. Но из мифа лишь тогда вырастает фантастика, когда, хотя бы в зачаточной форме, открывается мифичность описанного. Когда есть почва для сомнения. Когда рядом с трагическим Беллерофонтом может появиться насмешник Тригей *.

Миф лишь по прошествии многих веков начинает выступать в своих эстетических свойствах — для современников, как известно, он имеет практический смысл. Фантастика же с самого своего возникновения — явление эстетическое. Она в качестве такового и является на свет рядом с прежними верованиями.

Миф требует веры и не допускает сомнения. Фантастика заставляет в себя верить, чтобы научить сомневаться.

«Илиада», при всей своей, в бытовом смысле слова, фантастичности — никак не фантастика. Равным образом никак не фантастика библия. Для своего времени это были, если угодно, произведения реалистические — чем крепче вера, тем реальнее боги. Они не стали фантастикой и для нас, хотя нам ясна фантастичность изображен-

* В данном конкретном случае процесс зашел еще дальше: герой Еврипида — это уже представитель «эстетизированного» мифа, и рядом с ним появляется герой комической фантастики.

ных в них ситуаций. Они не являются фантастикой в эстетическом смысле — в них нет той двойственности, которая присуща фантастике.

Средние века не создали фантастики. Протоколы судов, выносивших приговоры «ведьмам» и «колдунам»,—это юридические документы, а не произведения фантастики. Свидетельства об эпидемиях ведьмовства, захватывавших в XV и XVI веках весь христианский мир, тоже не фантастика, — это документы социальной психологии и той части психиатрии, которая занимается массовыми психозами. Наука никак не подрывала в сознании средневекового человека его предрассудков — напротив, он и заставлял науку служить своим предрассудкам. «В средние века народ, видя где-либо большую умственную мощь, всегда приписывал ее союзу с дьяволом, и Альберт Великий, Раймонд Луллий, Теофрас Парацельс, Агриппа Неттесгеймский и в Англии Роджер Бэкон слыли чародеями, чернокнижниками и заклинателями дьявола», — пишет Генрих Гейне в «Романтической школе».

Человек средневековья, не задумываясь, согласился бы с фразой: «Наука творит чудеса».

В подобные чудеса верили так крепко, что, когда в 374 году в Византии были предприняты преследования против чародеев, прежде всего были арестованы все образованные люди, и всякий имевший хоть небольшую библиотеку торопился ее сжечь.

Безусловная вера, как бы ни была она по сути своей фантастична, исключает фантастику.

«В наиболее примитивных обществах, если верить антропологам, главное назначение ритуала, религии, культуры фактически сводится к тому, чтобы не допускать перемен, — справедливо писал Роберт Оппенгеймер в статье «Наука и культура». — А это значит — снабжать социальный организм тем, чем сама жизнь магическим образом наделяет живые организмы, — создавать своего рода гомеостаз, способность оставаться неизменным и лишь очень незначительно реагировать на происходящие в окружающем мире потрясения и перемены. В наше время культура и традиции обрели совершенно иную интеллектуальную и социальную роль. Сегодня главная функция самых важных и жизнестойких традиций заключается именно в том, чтобы служить орудием для быстрых перемен. Эти изменения в жизни человека обусловлены сочетанием многих факторов, однако, пожалуй, решающий из них — это наука».

Ритуал средних веков равнозначен застою. Конец их ознаменовался началом движения. И значит — фантастики.

Фантастика пускала все более глубокие корни по мере того, как в умы внедрялось сомнение. А последнее пришло с переменами.

Самая длительность средневековья служила своеобразным аргументом в защиту справедливости его идеологических установлений. Потом история сдвинулась с мертвой точки. Былое равновесие нарушилось. Это сразу принесло благие плоды для фантастики.

Тем более что равновесие средневековых воззрений никогда не было равновесием устойчивым.

Средневековая идеология не раз становилась в тупик перед выходящим за рамки привычных воззрений, возвышающимся над средним уровнем. Границы между ересью и святостью были весьма сомнительны. Феррарскому проповеднику Арманно Понджилупо поклонялись как святому, а потом сожгли его как еретика. Савонаролу сожгли как еретика, а затем ему стали поклоняться, как святому. С момента смерти Раймонда Луллия вплоть до XIX века в недрах католической церкви велся спор — объявить его святым или еретиком.

Сомнение всегда гнездилось в закоулках непререкаемой веры. Оно было слишком слабо, чтобы сделать предмет веры предметом фантастики, но достаточно давало себя порой знать, чтобы подвести к самой грани этого.

Временами оспаривалось даже существование «ведьм» и «колдунов». Так, кардинал Людовик Бурбонский на провинциальном синоде в Лангре в 1404 году призывал свою паству не верить в волшебство, так как чародеи — простые обманщики, покушающиеся на сбережения людей легковерных. Несколько раньше, в 1398 году богословский факультет Парижского университета принял постановление, в котором, с одной стороны, клеймил людей, не веривших в магию, заклинания и вызывание демонов, а с другой — отвергал как суеверия некоторые конкретные формы колдовства.

Но, что важнее всего, сама устойчивость средневековых верований, сама длительность их существования приводила к известной их эстетизации, а вместе с нею к их известному отстранению от практической жизни. Мистериальный черт был уже эстетизированным чертом. Искусство, которое должно было закрепить предрассудок, его разрушало. Оно делало его своим достоянием — и тем самым подчиняло своим законам. Этот черт уже стоял одной ногой в мире фантастики.

Средние века не создали фантастики, но они накопили ее источники и сделали приход ее неизбежным.

Фантастика нового времени начинается с Рабле.

Ее не мог бы создать ни один человек средневековья, погруженный в фантастический мир преданий и предрассудков. Но ее не создали, несмотря на то, что наступила эпоха великого переворота, и гуманисты, непохожие на Рабле, — углубленные исследователи

классической древности, или, скажем, трезвый, практичный сын флорентийского купца Джованни Боккаччо. Только Рабле сумел увлечься непритязательными историями об удалом великане Гаргантюа, оставившем столько следов своего существования в виде насыпанных им холмов, перетащенных им валунов и тому подобного, и лукавом чертенке Пантагрюэле, который все еще ходит по свету с бочоночком за спиной, и, чуть человек зазевается, он уже тут как тут и кидает ему в рот ложку соли, так что тому потом одна дорога — в кабак, заливать жажду. И как ни изменились эти герои под пером Рабле, не стоило большого труда догадаться об их происхождении из области чистой веры.

Рабле удалось то, что было бы не под силу ни энтузиасту, ни скептику — ни тому, кто верит, ни тому, кто не верит. Но этот молодой врач и филолог был сразу скептиком и энтузиастом и былую веру он сделал фантастикой.

Впоследствии к средневековым преданиям обратились романтики. Их цель состояла в том, чтобы воссоздать утраченную веру. Но их задача была, после Просвещения, невыполнима, и искусственность ее сказалась в том, что вместо мифа они создали фантастику.

ВСЕВОЛОД РЕВИЧ

Реализм фантастики

(полемические заметки)

Зачастую бывает трудно дать исчерпывающее определение самым распространенным понятиям. Например: что есть человек? Правда, миллиарды людей превосходно отличают себе подобных от всего прочего, не испытывая ни малейших затруднений от незнания научных дефиниций. Но такая умиротворенность длится лишь до поры до времени. «Пора и время» возникают, когда мы сталкиваемся с пограничными случаями. Представим себе... Впрочем, незачем затруднять воображение, искомая ситуация детально описана в романе Веркора «Люди или животные?». Французский писатель убедительно показал, что столь, казалось бы, академичное дело, как определение сущности человека, может стать источником весьма драматичных столкновений. В полемику вовлечен и сам читатель, который убеждается, что вопрос, на который ищет ответ книга, и вправду не из простых.

Дискуссии членов парламентской комиссии в романе «Люди или животные?» по вопросу, что же такое человек, весьма напоминают полемику, ведущуюся в нашей критике по вопросу, что такое современная фантастическая литература, или научная фантастика, как ее обычно называют.

«Не признавать» сейчас фантастику не то чтобы невозможно (это-то как раз возможно, есть немало читателей, литераторов, печатных органов, издательств, которые по старинке ее «не признают»), а нелепо, неразумно. Массированное наступление на читателя, которое ведет сейчас фантастика во всем мире, заставляет к ней относиться как к мощному идеологическому оружию, оказывающему основательное воздействие на умы и заслуживающему — хотя бы только в силу своей массовости — серьезного подхода. Как известно, читатель вовсе не протестует против «агрессии» фантастики, а, наоборот, всячески подогревает ее своим энтузиазмом.

Но... в 1938 году в «Литературной газете» Александр Беляев назвал фантастику «Золушкой», а через 25 лет Ариадна Громова, не зная о статье А. Беляева, точно так же озаглавила свою статью в той же «Литературной газете». Почему же фантастику так долго не пускают в высшее общество и действительно ли она «Золушка», то есть особа, которая превосходит своими достоинствами сестер, имеющих беспрепятственный доступ в королевские чертоги?

Теория фантастики находится пока еще в зародышевом состоянии, однако если выписать здесь формулировки, которые были пред-

ложены хотя бы за последние три-четыре года, вся остальная часть статьи состояла бы уже только из них. Среди определений наблюдаются целые реестры, чуть ли не на страницу, состоящие из многих пунктов, может быть в отдельности и справедливых, но не дающих возможности решать спорные вопросы. А есть и такие, которые почему-то хочется сравнить с высказываниями отставного полковника Стренга из того же верковского романа, который — помните? — предлагал положить в основу определения человека половые извращения.

А стоит ли вообще заниматься подобными дебатами? Миллионы любителей фантастики безошибочно раскупают в книжных магазинах нужные им книги. Думаю, правда, что они руководствуются при этом либо именем зарекомендовавшего себя автора, либо рубрикой на титульном листе. Но зато уж издательства, ставящие эти рубрики, они-то, разумеется, знают, что делают.

А вот что такое, например, «Люди или животные?»? Относится ли роман Веркора к научно-фантастическому жанру? Да? Нет? Почему?

«САМИ ПО СЕБЕ» ИЛИ «НЕ САМИ ПО СЕБЕ»?

Мне кажется, что большинство сложностей и неудач рождено тем, что зачастую критики пытаются определять не столько самое суть фантастики, давно, кстати, определенную в любом толковом словаре, сколько термин «научная фантастика». При этом тратится масса энергии на доказательство того, что наша фантастика может быть только научной и никакой другой. А вопрос о том, для чего она, собственно, нужна, либо отодвигается на второй план, либо на него даются явно неудовлетворительные ответы.

Разумеется, авторы этих ответов вовсе не считают их неудовлетворительными. Но... Но полемические заметки тогда и пишутся, когда возникает желание поспорить.

В предисловии к недавно вышедшему у нас роману американца Хьюго Гернсбека «Ральф 124С41+» Александр Казанцев сообщает о дискуссии, в которой он участвовал на брюссельском телевидении: «Устроители этого выступления исповедовали современную точку зрения некоторых американских критиков от фантастики, объявивших, что нынешнего читателя якобы не интересуют пути технических решений любых проблем, его занимают будто бы лишь ситуации, возникающие в результате новых научных и технических решений... Такому направлению фантастики противостоит прежде всего советская научно-фантастическая литература...» В другом месте автор предисловия, критикуя американских писателей, приме-

няет еще более сжатую формулу, говоря о «фонтанах сделанных или еще не сделанных изобретений, которые нужны были не сами по себе, а лишь для того, чтобы поставить героя» в ту или иную ситуацию (подчеркнуто мной. — **В. Р.**).

Итак, по мнению А. Казанцева, научная фантастика — это литература, которую интересуют пути технических решений любых проблем, научные гипотезы, открытия, изобретения сами по себе.

Так ли это?

Не должна ли существовать в фантастическом произведении какая-то «высшая» цель, кроме пропаганды той или иной научно-технической идеи? Может быть, не стоило так безоговорочно заявлять, что в то время как западные писатели занялись отношениями между людьми, наши с головой погружены в изобретательство и рационализаторство?

Можно без труда назвать множество произведений, где научная или техническая идея и вправду занимает автора сама по себе. Возьмем хотя бы «Плутонию» В. Обручева, рассказывающую в занимательной форме о прошлом животного мира Земли, или «Приключения Карика и Вали» Я. Ларри, где герои, уменьшившиеся фантастическим способом до макроскопических размеров, получают возможность познакомиться вблизи с жизнью насекомых. Разве не очевидно, что такие книги — своеобразная отрасль научной популяризации? Это подтверждается и тем, что наиболее удачные произведения подобного рода принадлежат чаще всего самим ученым. Прекрасный пример — очерки К. Циолковского «На Луне» и «Вне Земли», точно и конкретно предсказавшие поведение человека в непривычных условиях — скажем, в невесомости. Или «Алмазная труба», наглядное свидетельство дара предвидения у И. Ефремова как ученого, предсказавшего алмазы в Якутии до их фактического открытия.

В других фантастических произведениях (их гораздо больше) пропагандируются всевозможные научно-технические «придумки» со значительно менее прикладным звучанием, чем в «Карике и Вале»: полеты к звездам, искусственные острова, подводные раскопки, встречи со следами иных цивилизаций, побывавших на Земле, а то и с самими представителями упомянутых цивилизаций, мыслящие роботы, усовершенствование человеческого организма... Я имею в виду многие рассказы и повести А. Днепрова, М. Емцева и Е. Парнова, А. Шалимова, С. Гансовского, И. Росоховатского и т. д.

Такая фантастика тоже носит титул научной и в общем имеет на это право. Однако названные авторы вряд ли безропотно согласятся с тем, что смысл их произведений целиком исчерпывается наукой

и техникой. И действительно, налицо более или менее беллетризованная форма. Но, к сожалению, чаще всего это лишь видимость художественности, некий багет, который хотя и подбирается по размерам картины, с легкостью может быть заменен другим, совершенно на него не похожим. Сама же картина — научно-техническая гипотеза — от этого не пострадает. Страдающей стороной, как правило, бывает искусство слова. Для большей части так называемой научной фантастики характерны схематизм, приблизительность в обрисовке людей, скоропись, невыразительность художественных средств, очерковость в худшем смысле. Оно и понятно, ведь внимание писателя устремлено в иную сторону.

Если воспользоваться математической терминологией, то произведение «очень» научной фантастики стремится к определенному пределу, и пределом этим служит сама гипотеза, сама идея, так сказать, в очищенном виде, действительно *сама по себе*. И надо сказать, что часто именно такая, очищенная от всякой беллетристической оболочки научно-фантастическая гипотеза может быть куда интересней, чем «неочищенная». В научной или научно-популярной статье автор может, не стесняясь, развернуть аргументацию, привести математические выкладки и т. д. Нельзя ли втиснуть такую же аргументацию, такие же формулы в рассказ, роман, повесть? Можно. И это делается. Но зачем? Ведь художественное обрамление будет только мешать, а не помогать раскрытию основной мысли автора.

Наглядный пример. Мне представляется, что за последнее десятилетие одной из наиболее смелых или, во всяком случае, привлекших всеобщее внимание была гипотеза советского астрофизика И. Шкловского об искусственном происхождении спутников Марса. Опубликованная сначала в «Комсомольской правде», эта гипотеза вошла в книгу И. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», второе издание которой разошлось мгновенно, так же как и первое. В самом деле, кого не взволнует столь заманчивая вероятность, если она подкреплена весьма убедительными, а для непосвященных лиц и неопровержимыми доводами?

Можно ли эту же гипотезу положить в основу научно-фантастической книги? Вполне, такие произведения существуют. Взять хотя бы повесть Владимира Михайлова «Особая необходимость». Правда, она увидела свет после появления в печати предположений ученого, что, конечно, сильно понижает акции фантаста, но оставим в стороне это соображение.

Мы узнаем из повести о межпланетном полете советских космонавтов, обнаруживших, что спутник Марса Деймос — это гигантский звездолет, база для полетов космических кораблей, по неясным

причинам оставленная ее создателями. Повесть написана вполне профессионально и читается легко. Но даже эмоционально (не говоря уже о степени убедительности) она воздействует куда слабее, чем статья или книга И. Шкловского.

Да, В. Михайлов занимательно описал внутреннее устройство Деймоса и злоключения космонавтов, не сразу освоившихся с незнакомой техникой. Но для чего это написано? Хотел ли автор, чтобы ему поверили? Вряд ли. Значит, произведение написано ради чего-то еще. Несомненно. Повесть В. Михайлова — один из вариантов распространенной в фантастике ситуации: встреча человека с Неведомым. Но раз так, то в действие вступают уже иные, не научно-логические, а художественные законы: мы хотим, чтобы нам показали с психологической достоверностью, как будут вести себя люди при такой встрече. И здесь-то сразу обнаруживаются слабости книги — характеры намечены эскизно, переживания героев изображены неглубоко.

Допустим, что перед автором была бы поставлена задача доработать, улучшить свой труд. В каком направлении он должен был бы это делать? В том, в каком ему указывает А. Казанцев, то есть пойти по пути усиления научных и технических мотивировок или постараться превратить свою книгу в подлинно художественное произведение? Ответ напрашивается сам собой.

Подобный этому разрыв заметен и в некоторых произведениях Генриха Альтова — скажем, в его рассказе «Ослик и аксиома». Гипотеза на этот раз свежа и оригинальна — как добиться того, чтобы звездоплаватели, уходящие на долгие годы в полет, при возвращении не оказались безнадежно отставшими, потому что на Земле протекло значительно больше лет и человеческая наука далеко шагнула вперед. Если не выйти из подобного противоречия, обессмысливается сама идея межзвездных перелетов. Фантасты просто-напросто обходили эту принципиально трудную проблему — Г. Альтов предлагает свое решение: очень интересное и, вероятно, заслуживающее серьезного научного внимания. Но так ли нужен для того, чтобы высказать эти мысли, герой? Будет ли он таким, как у Г. Альтова — гением-одиночкой, отрешившимся от земных благ и забот, или другим — решающего значения не имеет. В любом случае он прежде всего лектор, излагающий авторские идеи. И разве не целесообразнее вообще обойтись без него, говорить с читателем без посредников, как это и сделали Г. Альтов и В. Журавлева несколько лет назад в интересной статье о лазерной природе тунгусского взрыва?

Лишь тогда, когда писателям удается преодолеть раздвоенность, добиться необходимой художественной цельности, наполнить произ-

ведение серьезной человеческой, общественной, нравственной проблематикой, их ждет удача: «Икар и Дедал» Г. Альтова, «Крабы идут по острову» А. Днепрова, «Орленок» В. Журавлевой, «День гнева» С. Гансовского, «Тор I» И. Росоховатского...

ГИПЕРТРОФИЯ «НАУЧНОСТИ»...

Выступления против термина «научная фантастика» могут вызывать умозаключения примерно такого рода: «Ага, значит, вы против того, чтобы наша, советская фантастика была научной, значит, она, по-вашему, должна быть не научной?» А «не научная» звучит уже почти как «антинаучная». Но, в сущности, тут все дело сводится к не вызывающему никаких сомнений вопросу об идейности произведения. Выдвинута некая фантастическая посылка. Для чего, с какой целью — вот первый пункт, на который должен дать ответ сам писатель и который должны понять его критики. Если, например, вводится нечто необыкновенное с целью пропаганды религиозно-мистических взглядов, то ясно, что такое произведение для нас неприемлемо, чуждо нам по идеологии, в какую бы наукообразную оберточку ни были завернуты эти идеи. С другой стороны, многие произведения современных фантастов имеют сказочную форму. Но, право же, это не наносит ни малейшего ущерба нашему материалистическому мировоззрению, как и появление черта в сугубо реалистических романах Достоевского и Томаса Манна.

Тем не менее, столкнувшись с фантастикой-сказкой, критика приходит в замешательство. Когда появилась юмористически-сатирическая повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» — о буднях учреждения со смешным названием НИИЧАВО (Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства), одни стали говорить, что нам такие вещи вообще не нужны, а другие попытались втиснуть «Понедельник» все в то же прокрустово ложе научности. Вот что, например, писал М. Лазарев: «Неразменный пятак, сказочная щука из колодца, рыбьи хвосты на дубе и... страдающий склерозом «кот» как будто намекают на попытку объяснения сказочного фольклора с точки зрения современных научно-технических гипотез, попытку, заведомо обреченную на неудачу, какими бы сверхсовременными ни оказались привлеченные к этому средства» *. Здесь можно только сказать, что заведомо обречена на неудачу попытка подойти к сказке как к несказке. Давайте оставим за ней право называться своим собственным именем.

---

* «О литературе для детей», вып. 10-й. Л., 1965, стр. 201.

И фантастику будем называть фантастикой — социальной, философской, памфлетной или приключенческой, в зависимости от конкретной задачи, поставленной автором. Я не сторонник того, чтобы смешать все фантастические жанры в одном котле, как это предлагают сделать, например, те же братья Стругацкие. Несомненно, что «Нос» Гоголя, «Превращение» Кафки, «Носорог» Ионеско — это произведения иных жанров, чем «Аэлита», «Борьба миров», «Туманность Андромеды». Конечно, о первых надо говорить особо, хотя идейная разница, внутренняя функция фантастического в произведении продолжает мне казаться более важным, чем его жанровая природа.

Затруднение со словом «научная» испытывают и зарубежные критики фантастики. Вот к каким выводам приходит один из современных английских критиков в своем исследовании англо-американской фантастики: «Я хотел бы отметить заметное падение роли науки в научной фантастике за последние десять лет. Космический корабль, например, долго считался новинкой, достойной описания, теперь он только транспорт для доставки героев на место действия. Авторы уделяют ему внимания не больше, чем самолету или такси. Часто сюжетом служат грядущие изменения в политике и экономике, — науке и технике отводится роль реквизита: пока герой занят тем, что убеждает своих коллег по клану Дженерал-моторс пойти войной на клан Крайслера, официант-робот подает ему филе летающей обезьяны с Венеры. Такие романы обычно самые интересные. Научная фантастика с каждым днем все больше теряет право называться научной. Арьергардные бои, которые ведутся в ее защиту критиками, утверждающими, что политика, экономика, психология, антропология и даже этика такие же науки, как атомная физика, интересны только как показатель состояния умов».

Как бы прямо в противовес этим словам советский критик И. Майзель пишет: «Фантазия — и, соответственно, фантастическая литература — все более прочно опирается на науку, становится, можно сказать, все более реалистической» *.

Ну, вот мы и вернулись к спору, который состоялся на брюссельском телевидении, выслушав мнение одного из «критиков от фантастики». Смотрите, какая получается стройная концепция. Англо-американская фантастика становится все менее научной (менее научной-ненаучной-антинаучной, все та же логическая цепочка). Причем об этом «свидетельствуют они сами». В то же время советская делается все более научной. В такой концепции на первый взгляд есть даже определенный идеологический смысл.

* «О литературе для детей», стр. 182.

Но давайте вдумаемся. О чем говорится в приведенной выше цитате английского критика: вместо описания звездолетов фантастика занялась политикой, экономикой, этикой и т. д. А что такое политика, экономика, этика в применении к художественной литературе? Это отношения между людьми в обществе. Англо-американская фантастика (конечно, только в лице ее лучших представителей) шла от преодоления традиций «космической оперы», то есть костюмированного маскарада в галактических масштабах, сопровождающегося чудовищными войнами и самыми невероятными приключениями земных и иных красавиц (наиболее ярким представителем «космической оперы» был небезызвестный автор «Тарзана» Эдгар Берроуз). И только когда она занялась действительно отношениями между людьми, возникающими в результате тех или иных открытий или преобразований, когда она стала (разумеется, опять-таки в соответствии со своим мировоззрением) выяснять возможное влияние развития науки на общество, когда она занялась социальной критикой, только тогда и выдвинулись в ее среде такие фигуры мирового плана, как Брэдбери, Шекли, Кларк, Азимов...

А что означает утверждение, что фантастика становится все более реалистической? Оно равноценно утверждению, что она становится все менее фантастической — иными словами, теряет право называться своим именем. Ясно, что предположение о возможности каких-нибудь вулканных турбогенераторов куда более и научно и реалистично, чем предположение о такой молекулярной перестройке вещества, при которой твердые тела становятся проницаемыми. На первом построена унылая повесть А. Днепрова «Тускарора», на втором — увлекательный роман Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Экипаж «Меконга», на мой взгляд, одно из лучших произведений современной фантастики для детей.

Могут сказать, что такое сопоставление неубедительно, так как речь идет о разных авторах с разной степенью таланта. Но дело здесь не в таланте, так как и у Днепрова есть вещи, превосходящие «Тускарору», и у бакинских писателей — уступающие «Меконгу». Можно привести в пример и Алексея Толстого. Любому из сторонников научности «Гиперболоид инженера Гарина» должен представляться куда более научным (а следовательно, по мнению И. Майзеля, и реалистичным), чем «Аэлита». Что ж важнее, что ценнее? По-моему, двух мнений быть не может. Ведь не случайно эта нереалистическая марсианская девица продолжает жить и за пределами романа. Недаром ее именем называют кафе, в ее честь слагают песни. Да ей впору памятник поставить, как Тому Сойеру или Шерлоку Холмсу и другим литературным героям. Так что вопрос о реализме в фантастике не решается столь прямолинейно...

Рассуждения подобного рода о том, что фантастика должна быть как можно более реалистичной, однажды уже завели наших писателей в глухой тупик теории «ближнего прицела».

Все это вовсе не означает, что фантастика есть нечто оторванное от реализма и противостоящее ему. Но реалистичность фантастики не в рабском следовании за естественными науками. Фантастика всегда была и будет, пока она будет существовать, литературой, поражающей смелостью воображения, неожиданностью ситуаций, парадоксальностью мышления. Куда более справедливо упрекнуть наших писателей в робости, в бедности их выдумки, в том, что зачастую они движутся по наезженным колеям, хотя и называют это движение красиво звучащим словом «экстраполяция».

В отличие от прочих писателей фантаст имеет не только свободу в выборе площадки для игры, но и возможность самому сконструировать эту площадку. Однако сама игра ведется по правилам, установленным для всей литературы, и менять их в ходе дела никому не разрешается. Именно здесь, на площадке, проверяется реалистическое мастерство писателя-фантаста. Но можно ли вообще говорить о реализме того, чего никто не видел, чего никогда не было и, возможно, никогда не будет?

Не хочу особенно упрощать себе задачу, проводя мысль о том, что для героя фантастических произведений — скажем, космонавта, высадившегося на Луну (беру самый скромный случай), обстоятельства, окружающие его, станут такими же типическими, как и те, которые окружают нас на Земле. Ведь он будет постоянно находиться в этих обстоятельствах, они станут его бытом. И даже встреча с неожиданным не будет для него полной неожиданностью, ибо уже и сейчас психологи готовят космонавтов к возможности такой встречи. Ну, пусть даже обстоятельства будут исключительными, невероятными, неповторимыми. И в этих условиях надо остаться верным правде характера, логике образа, закономерности всех вытекающих вымышленных обстоятельств, следствий. Стремление к полной достоверности, несмотря на всю фантастичность посылки — вот что должно отличать настоящую художественную фантастику. Ведь и вводится вся эта условность, фантастичность для того, чтобы заострить, гиперболизировать черты реальной жизни, с большей остротой задеть различные стороны действительности. Фантастика и рождена действительностью и обращена к ней.

Почему уэллсовская «Война миров» стала одним из самых известных произведений мировой литературы, краеугольным камнем современной фантастики? Именно потому, что писатель с дотошностью историка, не пренебрегая и мелкими деталями, проанализи-

ровал все возможные следствия из своей заданной посылки. «Война миров» отличается жуткой правдоподобностью; читая ее, трудно стряхнуть с себя наваждение, нашептывающее, что так оно все и было. Недаром радиопостановка «Войны миров» в Америке вызвала панику. Именно поэтому мы находим в книге Уэллса столь много соответствий как тому, что происходило в мире во время создания «Войны миров», так и тому, что произошло за те семьдесят лет, которые миновали после ее появления. Я не уверен, что «Войну миров» надо называть научной фантастикой, да так никто и не решается ее называть, но я совершенно уверен, что эта книга создана по законам реализма.

В уже цитированной статье М. Лазарев грозно вопрошает: «...Хотелось бы услышать ясный ответ: на какой основе возможна нынче фантастика, кроме научной?» * Охотно отвечаю: «нынче» (как и в прошлом, а также и в будущем) фантастика возможна на одной основе: на художественной. Произведениям же «чисто» научной фантастики я, признавая их существование, отказываю в праве называться художественной литературой. Или техницизм, или человековедение. Приходится выбирать.

...И К ЧЕМУ ЭТО ПРИВОДИТ

Спорами по поводу термина, может быть, и не стоило бы заниматься, если бы постоянное подчеркивание, выделение слова «научная» не приводило на практике к таким последствиям, которых вряд ли добиваются даже некоторые из стойких защитников научности нашей фантастики.

Во-первых, смещаются всякие критерии в подходе к произведениям, в их анализе. Становится совершенно непонятным, за что надо хвалить писателей, за что критиковать. Вот какую сентенцию, например, можно прочитать в одной из статей А. Днепрова: «То, что нарисовано у Ст. Лема в романе «Возвращение со звезд», не вызывает никаких научных возражений» **. Неужели возможно произнести такие слова по поводу произведения, которое и написано-то специально для того, чтобы вызывать одни возражения? Неужели читателя «Возвращения со звезд» должен волновать вопрос, можно или нельзя в действительности осуществить «бетризацию» человека, приводящую к его духовной кастрации? Автор старался, чтобы чи-

* «О литературе для детей», стр. 203.
** Журнал «Молодой коммунист», 1964, № 12, стр. 47.

татель не только поразмыслил над нравственно-философской проблемой, но и подумал о преступности неизвестно к чему могущих привести экспериментов над человечеством. Но, вместо того чтобы раскрыть, зачем, с какой целью Ст. Лем изобразил в романе стадо зажравшихся мещан, А. Днепров размеренно продолжает изучать вопрос, вполне ли научно писатель это сделал: «Вероятно, польский писатель придумал «бетризацию» под влиянием ведущихся нейрофизиологических опытов по отысканию в мозге животных различных центров... Нет никаких оснований считать, что в мозге нет центра злобы, центра ярости, центра мести». Вот к чему сведен смысл одного из самых гневных, самых печальных и во многом спорных произведений современной фантастики.

А. Днепрову случалось высказывать и следующее: «Только люди, не интересующиеся наукой, ищут в научно-фантастическом произведении захватывающий сюжет и «чисто литературные» достоинства...*»

Почему «чисто литературные» достоинства попали в иронические кавычки? Какие еще достоинства должны искать «люди» в фантастической литературе? «Добросовестные научные знания», по выражению автора статьи? Не лучше ли для этого все же прочитать хорошую научно-популярную книгу?

К счастью, в собственном творчестве А. Днепрова писатель временами побеждает теоретика. Но бывают случаи, когда теория и практика той «научной фантастики», о которой идет речь, сливается в одном произведении. Тогда появляется «Неизвестная земля» Н. Томана.

Недостатки, свойственные этому жанру, здесь особенно выпячены. Существует, например, такой камень преткновения для подобных повестей: как сообщить читателю необходимый объем справочных сведений, без которых ни один научный фантаст обойтись не может? Просто так — «от автора»? Да это вроде бы очень уж нехудожественно. Правда, Жюль Верн позволял себе длинные познавательные отступления. Но Жюль Верн жил в другие времена, когда научно-популярной литературы не существовало, и ему приходилось выполнять по совместительству и функции популяризатора. И нельзя сказать, что это самые увлекательные страницы его повестей. Современный читатель обычно их пропускает. Нынешний научный фантаст популяризатором себя не считает, поэтому он возлагает на себя суровую обязанность преподносить все в художественном виде. Так возникают непринужденные диалоги, в которых герои по-

* Журнал «Молодая гвардия», 1964, № 1, стр. 153.

лучают друг от друга массу информации. Нужды нет, что разговор ведут, как правило, крупнейшие, гениальнейшие ученые, а сообщают они собеседнику факты, выписанные из Малой Советской Энциклопедии (ничего иного читатель и не поймет). Но собеседник академика искренне восхищен эрудицией партнера и тут же начинает выкладывать ему и свои, столь же глубокие знания. Иногда этот прием модифицируется в виде лекций, ежели перед академиком оказывается менее подготовленный товарищ. Обязателен только легкий разговорный стиль (возвращаемся к «Неизвестной земле»):

«— А, мистер Шерлок Холмс! Давненько мы с тобой не виделись... — улыбается сын отцу, на что отец отвечает сыну:

— Наблюдение над силой тяжести и сейсмическими волнами свидетельствует о том, что колоссальная масса этого льда вдавила земную кору в районе Антарктиды глубоко в недра планеты. Если бы можно было снять эту ледяную нагрузку, то поверхность скальных пород поднялась бы там в среднем на тысячу пятьсот — тысячу шестьсот метров. А это вдвое превышает среднюю высоту всех континентов нашей планеты. Понимаешь теперь, какая это тема для фантаста?»

Еще крошечная выдержка из столь же непринужденного разговора на пляже: «Земля тоже жидкая, но не в буквальном смысле, а лишь вследствие ползучести ее вещества и длительности воздействия на него центробежной силы. В этом-то и состоит противоречивость свойств вещества Земли...»

Но писателю все же кажется, а вдруг читатель не догадается, что его герои очень эрудированные люди. Поэтому вводится дополнительный штрих:

«Э, да у вас тут целая библиотека! И довольно пестрая: Борн, де Бройль, Гейзенберг, Ландау... Амбарцумян, Шкловский, Шепли... Ну, а Колмогоров, Анохин, Эшби?.. Ну, а это вам зачем? — раскрывает он толстую книгу Гарри Уэллса «Павлов и Фрейд». — Ба, да тут еще и избранные работы Павлова и «Философские вопросы высшей нервной деятельности»...»

Есть еще одна черта, которая настолько характерна для научно-фантастических произведений такого рода, что прямо хоть вводи ее в определение. Фантастика переходит в весьма наивный детектив, в котором участвует иностранный (как правило, американский) шпион-разведчик, пытающийся выкрасть научные секреты у героев произведения. Этот штатный персонаж обыкновенно изображается как личность крайне низких умственных достоинств — короче говоря, законченный болван, ловля которого доставляет истинное на-

слаждение автору и его персонажам. Единственное, чему удивляешься: почему они его не разоблачат сразу, а терпеливо ждут до конца книги *.

Видимо, выехать на одной науке не удается, вот и приходится втискивать в фантастику примитивно-детективный элемент, дабы придать ей недостающую остроту и занимательность.

«Неизвестная земля» сейчас интересна еще одной стороной. Дело в том, что это не только научно-фантастическая повесть, но и повесть о научной фантастике, точнее — о научных фантастах. Они в изображении Н. Томана весьма удивительное племя писателей, которые ни с кем из литераторов-нефантастов не общаются и даже отдыхать на юг ездят все вместе, что, впрочем, не означает, что перед нами дружный коллектив. Наоборот, они ведут постоянные и ожесточенные споры на всех 170 страницах и заняты, собственно, только ими. Лучшая оценка этим спорам дана в самой повести устами девушки Вари:

«— Уж очень они шумные, эти фантасты... — морщится Варя. — Не говорят по-человечески, а все спорят».

Могу только присоединиться к Варе, несмотря на то, что она — персонаж отрицательный: понять значительность этих споров девушка не в состоянии, за что ее и разлюбил главный герой повести научный фантаст Алексей Русин (тот самый, который читает Борна, де Бройля, Гарри Уэллса и пр.).

Итак, идет спор о научной фантастике. Опять-таки уточним — в понимании Н. Томана. А Н. Томан убежден, что все разногласия в современной советской фантастике сводятся к дилемме: позволительно или непозволительно писателю нарушать научные законы (в книгах, разумеется, в книгах). В зависимости от позиции, занимаемой персонажами, они делятся на положительных и отрицательных. Положительные — те, кто считает, что нарушать нельзя ни в коем случае. Таким образом, как они сами думают, не допускается поругание принципов диалектического материализма. Русин, например, из-за того, что другой фантаст предположил возможность

* Любопытно, что данный сюжетный ход имеет довольно давнюю историю. Первое использование американского (именно американского) шпиона в нашей фантастике, по моим наблюдениям, относится к 1892 году. Он появляется в романе некоего Н. Шелонского «В мире будущего». Герои романа совершают на управляемом воздушном корабле экспедицию к Северному полюсу. Незадолго до отправления экспедиции американский железнодорожный король вызывает к себе нужного человека, и держит перед ним такую речь: «Проклятая машина строится, она будет летать, будет летать с ужасающей скоростью! Она не потребует ни рельсов, ни каменного угля, ни воды! Она уничтожит пространство! При чем же, спрашиваю я вас, сэр, останемся мы с нашими железными дорогами? Сколько будут стоить наши акции?»

Право же, если бы я сам не держал в руках книги, я ни за что не поверил, что это написано 77 лет назад.

существования жизни не на углеродной основе, «так полон протеста, что есть уже не хочет».

А те, кому кажется, что в фантастике иной раз с земными законами можно и не посчитаться, попадают в разряд отрицательных. Морально-политический облик нарушающих явно поставлен под сомнение. «Он (Русин. — **В. Р.**) знает, что для Гуслина ясность научных и философских позиций признак несомненной примитивности мышления и бесспорной ограниченности автора». Ясно: от такого Гуслина всего можно ждать!

Ни одному из спорщиков и в голову не приходит хотя бы один раз вспомнить о том, что они занимаются изящной словесностью, что мало только держаться правильных научных позиций. Но «лирическая» сторона дела никого из них не волнует. Цитаты из повести, которые я приводил, наглядно свидетельствуют, что сторона эта мало волнует и самого автора.

Утилитарное понимание научности в фантастике родилось не сегодня. Вот что, например, писал журнал «Всемирный следопыт», подводя итоги литературного конкурса за 1928 год:

«2. **Научно-фантастические.** Хотя эта категория дала много рассказов, но из них очень мало с новыми проблемами, сколько-нибудь обоснованными научно и с оригинальной их трактовкой. Особенно жаль, что совсем мало поступило рассказов по главному вопросу, выдвинутому требованиями конкурса, именно — химизации... Авторы, видимо... более заботились о приключениях своих героев, забывая главную цель таких произведений — попутно с действием увлекательной фабулой ознакомить читателя с какой-нибудь отраслью знания и новейшими научными открытиями...» *

Герои Н. Томана охотно подписались бы под этими словами.

ФАНТАСТИКА БОЛЬШИХ ЧУВСТВ И МЫСЛЕЙ

А все-таки — относится ли к научной фантастике Веркор? Можно ли, например, включить его роман в подписную «Библиотеку современной фантастики»? По-моему, можно.

Однако ни Веркор, ни издательство не выставили рубрику «Научная фантастика» на титульном листе книги. К. Наумов, автор обстоятельного предисловия, ни разу и не вспомнил о существовании такого рода литературы. Мало того, я встретил и прямое отрицание принадлежности этого романа к научной фантастике: «...Мы отделяем научную фантастику... от философско-фантастиче-

* «Всемирный следопыт», 1929, № 2, стр. 148.

ских романов типа Веркора...» *, — заявляет Евг. Брандис. Что же мешает стороннику научной фантастики отнести к ней Веркора? Мысль, высказанная Евг. Брандисом, находит мощную поддержку в словах самого Веркора: «Я не рассматриваю свои романы как фантастические».

Почему же?

Может быть, ситуация, нарисованная французским писателем, настолько невероятна, что ее никак к научной фантастике и не причислишь? Отнюдь нет. В книге есть все необходимые признаки научно-фантастического жанра: выдвинута совершенно не противоречащая науке гипотеза о существовании на Земле в настоящее время «недостающего звена» — полулюдей, полуобезьян. Им присвоено даже латинское наименование Paranthropus Erectus. И весь сюжет книги начиная с ее заголовка неразрывно связан с историей тропи. Не будь тропи, не было бы и романа. Я уверен, что если бы в конце концов «снежный человек» позволил себя обнаружить, то многие эпизоды из верковской книги незамедлительно стали бы реальностью.

Может быть, дело в том, что гипотеза о тропи для Веркора лишь литературный прием, нужный писателю **не сам по себе.** Но как тогда относиться к словам Евг. Брандиса в той же статье: «...и фантастика, превращенная в прием, остается в наше время научной фантастикой»? ** Очевидно, дело все-таки в эпитете «философский», который, несомненно, применим к роману Веркора. Сам Веркор считает, что фантастический прием нужен ему для того, чтобы пробить брешь в привычном круге читательских представлений, «а через эту брешь добиться нового видения вещей» ***. Но ведь это и есть главная — вероятно, даже надо сказать, единственная — задача фантастики. Иначе что же получается: если писатель борется с помощью фантастики за решение больших философских проблем, то обращение к ним выводит автоматически его за рамки фантастического жанра? Вот здесь-то и проявляется ограниченность наиболее распространенного толкования «научной фантастики». Книги, которые должны были бы занять достойное место в фантастической литературе, оказываются вообще за ее пределами.

Вот еще пример: «Туннель» Бернгарда Келлермана. «Туннель» тоже не фигурирует в списках фантастической литературы. Но ведь это же, несомненно, научная и даже научно-техническая утопия,

* «О литературе для детей», стр. 116.
** О «литературе для детей», стр. 121.
*** P. Daix, Vercors et fantastique. „Les lettres françaises“, 6—12 апреля 1961 года.

распространенный в фантастике жанр. Что мешает отнести этот роман к ней? Видимо, опять-таки соображения о том, что в романе Келлермана — широкий социальный фон, точно очерченные образы, не уступающие его героям из нефантастических книг, — словом, то, чего мы не привыкли видеть в обыденной «научной» фантастике. Примерно то же можно сказать об антифашистской утопии Синклера Льюиса «У нас это невозможно».

Еще пример — из советской литературы — «Бегство мистера Мак-Кинли» Леонида Леонова. За исключением статьи И. Роднянской *, ни в одном обзоре успехов советской фантастики последнего десятилетия я не нашел даже упоминания об этом политическом памфлете, написанном по всем правилам научно-фантастического жанра. Чего стоит один «коллоидальный газ», например!

Может быть, само имя Леонова препятствует? Леонов и научная фантастика, совместимые ли это понятия? Но вспомним «Дорогу на океан», вспомним романтическую утопию в лирических отступлениях этого романа, вспомним великолепный образ Океана — вместилища будущего, которым освящены и осмыслены поступки наших современников, строящих это будущее. Леонов, например, предсказал полет космонавтов, хотя его утопия, конечно, отмечена печатью сурового предвоенного десятилетия.

Остается предположить, что отнести «Бегство мистера Мак-Кинли» к фантастике опять-таки препятствует непривычный в этом виде литературы психологизм, близкий к Достоевскому.

Все это наводит на такое соображение: не слишком ли мы заначили нашу бедную фантастику, ограничивая «Человеком-амфибией» ее воздействие на литературу? Не превратили ли мы сами ее в некий клуб для избранных, куда закрыт доступ высшему литературному обществу? Не скучно ли танцевать в таком клубе одним научным Золушкам без изящных принцев?

Конечно, роль и место фантастического элемента в произведении различны. Все зависит от того, насколько органично такой элемент входит в художественную ткань произведения. Это, собственно говоря, и определяет: признавать данное произведение фантастикой или не признавать.

Сравним с этой целью два произведения, в которых собственно фантастический элемент не очень велик, но одно из которых целиком принадлежит к данному жанру литературы, а второе столь же бесспорно не принадлежит.

Сначала речь пойдет о рассказе «Калейдоскоп» Рэя Брэдбери, на мой взгляд, одном из лучших рассказов одного из лучших со-

* «Вопросы литературы», 1963, № 7.

временных писателей Америки. Книги Р. Брэдбери включили в себя такой огромный комплекс идей, мыслей, настроений, сомнений, споров и радостей современной Америки, что ему может позавидовать любой самый вдумчивый наблюдатель общественных нравов. При всем том действие его рассказов чаще всего происходит вовсе не в сегодняшней Америке, а или в более или менее отдаленном будущем, либо вообще вне Земли. Он признанный стилист (его отрывки входят в хрестоматии по английскому языку), вдумчивый психолог, тонкий лирик. Возникает вопрос: а зачем ему нужны все эти Марсы и Фаренгейты, занялся бы себе «серьезной» литературой. Но очевидно, фантастика раскрывает перед писателем такие возможности, которых нет у других жанров.

Сюжет «Калейдоскопа» несложен и раскрыт в двух начальных фразах: «От первого же толчка ракета раскрылась сбоку, точно вспоротая гигантским консервным ножом. Людей выбросило в пустоту, и они рассыпались, извиваясь, точно десяток серебристых рыбешек...»

Они все живы и до поры до времени невредимы. Но надежды на спасение никакой. Обреченные космонавты точно стекляшки в гигантском калейдоскопе разлетаются в разные стороны. У них работает радиосвязь, и они могут обмениваться впечатлениями друг с другом — это все, что им осталось.

О чем рассказ? О завоевании космического пространства? Об очередном приключении покорителей космоса (распространенная, едва ли не лидирующая тема в фантастике)?

Нет. Это произведение об отчужденности, о воистину страшном одиночестве людей. Оно, это одиночество, шло за ними из того общества, из которого космонавты вышли сами. Они в общем-то неплохие парни, и, если бы была возможность, не бросили бы друг друга на произвол судьбы. Но, очутившись в безвыходном положении, они оказались наедине с собой. Они уже не могут рассчитывать на поддержку, хотя бы только моральную, товарищей, это чужие люди, не способные понять друг друга. Больше того:

«— О чем бишь мы толковали, Холлис? — продолжал Эплгейт. — А, да, вспомнил. Тебя я тоже ненавижу. Да ты и сам это знаешь. Давным-давно знаешь... Это я тебя провалил, когда ты пять лет назад добивался места в Ракетной компании...»

Правда, в последние минуты человечность все же берет верх, и они находят достойные слова для прощания, но сути дела это не меняет, каждый умирает в одиночку, как и жил. Последние мысли Холлиса — о бесцельно прожитой жизни, о том, что от него не было никому никакой пользы, о том, что уже ничего не успеть, ничего не поправить. Он мечтает хотя бы о том, чтобы пепел его,

сгоревшего в атмосфере, пусть малой щепоткой упал бы на земные поля.

Возможно ли представить себе рассказ на сходную тему без фантастики, без космоса, метеоритов, скафандров? В принципе возможно и, вероятно, нетрудно даже припомнить такие произведения. Но ничто на Земле, даже безбрежность океана, не может сравниться с безбрежностью космоса, с окружающей Холлиса пустотой, которую невольно сопоставляешь с опустошенностью его души. Кроме того, у потерпевшего крушение в океане оставалась бы до конца пусть слабая надежда на спасение, оставалась бы возможность борьбы за спасение. Здесь это исключено. Человек остался один на один со вселенной. Ему ничто не мешает полностью подвести итог своей жизни и, пусть в последнюю минуту, понять, что такое подлинные ценности.

Все изображенное в рассказе Брэдбери для читателей ничуть не меньшая реальность, чем реальность любого другого художественного произведения, рассказывающего о вещах, заведомо возможных. Этот рассказ так же правдив, как и любое другое реалистическое произведение. Такова подлинная фантастика, фантастика больших чувств и мыслей. В ней фантастическое нельзя отрывать от действительного, невозможное от возможного. Они — одно целое.

А теперь обратимся к роману Даниила Гранина «Иду на грозу». Не надо думать, что здесь-то фантастика совсем ни при чем. Фантастический элемент в романе есть. Ведь дело, которым заняты герои романа, исследователи грозовых облаков, — самая настоящая научная фантастика. Этим не только не занимается современная геофизика, но, кажется, и не собирается заниматься. Впрочем, что значит не занимается? Исследование любого явления природы представляет интерес для ученых, но масштабы практической ценности и необходимости таких исследований в романе сильно преувеличены.

Между тем критики, писавшие о романе, — а о нем писали много, — спокойно прошли мимо раздумий о том, чем, собственно, заняты герои книги. И критики были правы. Эта сторона дела органически в сюжет не входит; те же самые проблемы, которые поставил Д. Гранин в своем романе, вполне можно было бы поставить и на другом, вполне реальном научном материале.

Но если было бы так уж все равно, зачем же писателю понадобилось обращение к фантастике? (Кстати сказать, в «Искателях» мы встречаемся точно с такой же картиной. Локатора, над которым бьются гранинские изобретатели, если не ошибаюсь, не существует и по сей день. Следовательно, мы имеем дело не со случайным, а с осознанным и повторяющимся приемом.)

Я совершенно не согласен с А. Шаровым, который утверждает:

«Внимательно изучив физику, вообще современную советскую науку, писатель «пересаживает» ее деятелей в третьестепенную для физики, но зато доступную восприятию неподготовленного читателя область изучения грозы. Читатель избавляется от необходимости напрягаться, чтобы понять научную сторону предмета» *. Я не верю, что Д. Гранин остановился на геофизике, убоявшись трудностей квантовой механики. Дело совсем не в этом. Писателю понадобился образ грозы как символ непокорной, воистину грозной силы, с которой вступил в единоборство человек, вспышки гранинских молний ярко озаряют столкновения людей. Это как раз обратно тому, что утверждает А. Шаров: не незаметную, третьестепенную область науки выбирает писатель, а наоборот — он создает такую, которая приподнимает и романтизирует его героев. Именно об этом говорит и название книги.

Я еще раз обращусь к Р. Брэдбери, к его рассказу «Были они смуглые и золотоглазые». Это рассказ о том, как Марс переплавляет в своем горниле землян; его почва, его воздух, его вода преображают все земное — трава приобретает нежно-лиловую окраску, женщины становятся красивыми и молодыми, у всех появляется коричневая кожа и золотые глаза. Откуда-то они узнают старинные и никогда им не ведомые марсианские слова и превращаются в марсиан, оставаясь людьми. Вот так и научная тематика должна быть переплавлена в горниле художественности, пока она не потеряет своего наукообразия и не примет приличествующий художественной литературе облик. Надо сказать, что это нелегко, как вообще нелегко создавать искусство слова. Создавать научную фантастику «тускарорского» типа значительно проще. А спрос она все равно находит.

Однако если и можно иногда простить литературную недостаточность автору иной свежей, оригинальной гипотезы (иногда привлекает и просто игра ума), что же можно сказать еще об одной, весьма своеобразной отрасли нашей научной фантастики, фантастики, в которой нет ни фантазии, ни литературы. Возьмем, например, наиболее известную (в некотором смысле слова можно даже сказать — лучшую) трилогию Вл. Немцова о двух молодых людях — Вадиме и Тимофее. Два свидетельства по части того, как в трилогии обстоит дело с фантастическим началом.

Вот что сообщает издательская аннотация: «В романе «Альтаир» молодые люди отправляются в погоню за исчезнувшим телевизионным передатчиком, в повести «Осколок солнца» они попадают на «зеркальное поле», где проводятся опыты использования солнечной

* «Вопросы литературы», 1964, № 8, стр. 61.

энергии, в романе «Последний полустанок» претерпевают всяческие приключения на Земле и в космосе...» *

Поясню, что под приключениями в космосе не надо понимать полет на другие планеты (хотя Земля и написана с прописной буквы), просто друзья перелетели из-под Киева на Кавказ, случайно (и неправдоподобно) попав в летающую лабораторию, нечто вроде модернизированного дирижабля. Итак, фантастика о дирижаблях. Впрочем, как мы сейчас увидим, даже сам автор не решается назвать свой роман фантастическим.

Вот что говорит автор (хотя и в третьем лице): «Первые две книги автор назвал научно-фантастическими, а потом, убедившись, что фантастики в них мало и повествуют они о сегодняшнем дне, автор написал в подзаголовке третьей книги просто «роман». (Уточню логику: убедившись, что фантастики мало в первых двух книгах, автор снимает рубрику с третьей. — **В. Р.**) Автор считает своим долгом предупредить, что в них нет полетов в дальние галактики, нет выходцев с других планет, нет всесильных роботов... Автор не берется предугадывать, какой будет техника через много лет, — жизнь часто обгоняет мечту. Но как хочется помечтать о чистых сердцах и о том, как бы сделать всех людей хорошими!»

Желание сделать всех людей хорошими можно только поддержать, а в том, что фантастики маловато, собственно говоря, никакого преступления нет. Как известно, можно писать неплохие книги и совсем без фантастики. Но раз автор «не берется», может быть, не стоит и претендовать на титул «научного фантаста». Очевидно также — это следует из слов самого Вл. Немцова — что к его произведениям надо подходить с меркой требований самой обыкновенной прозы. Ведь фантастики в них ничуть не больше, а то и меньше, чем у Д. Гранина.

Но появление такой книги среди обычных романов, без защиты броневым щитом — «научная фантастика», почти невозможно. Я приведу только одну цитату, показывающую «объемность» психологических характеристик немцовских «чистых сердец»:

«Многие девушки высмеивали редкую прямолинейность Багрецова, его искренность и полное отсутствие дипломатии. А у него это было нечто вроде жизненного принципа. Он считал, что хитрить можно лишь в борьбе с врагом, да и то это называется не хитростью, а стратегией. Он учился играть в шахматы, но безуспешно — ведь там нужно придумывать разные комбинации, а у него такого таланта не было. На футбольном поле он никак не мог оце-

* Вл. Немцов, Альтаир. Осколок солнца. Последний полустанок. М., изд-во «Советский писатель», 1965, стр. 4.

нить искусства технических игроков с их обманными движениями: финтами, уловками. Конечно, игра есть игра, но внутри поднималось что-то вроде протеста...» И так страница за страницей, огромные тома... Переиздание за переизданием, вот что делает маленькая рубрика! А ведь еще Иоганнес Бехер говорил: «Нельзя забывать, что наряду с реализмом, натурализмом, символизмом, экспрессионизмом (научной фантастикой. — **В. Р.**) и прочими измами существует еще кое-что — оно не укладывается ни в одну из этих рубрик, а попросту говоря, находится по ту сторону всех «измов» и ничего общего с ними не имеет, потому что оно просто-напросто плохо».

НАСТОЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ БУДУЩЕЕ

Существует еще одна точка зрения на фантастику как на литературу, которая по преимуществу должна заниматься раздумьями о будущем. Что ж, действительно, будущее — наиболее частое и, так сказать, наиболее органичное время действия для фантастики. Конечно, не надо далеко ходить за примерами, чтобы обнаружить фантастические книги, например, о настоящем (тот же «Человек-невидимка»), но безусловно справедливо утверждение, в котором подлежащее и сказуемое поменялись бы местами: произведения, действие которых отнесено в будущее, — это всегда в той или иной мере фантастика.

Я не случайно употребил такую неуклюжую формулировку, вместо того чтобы сказать просто «произведения о будущем». Дело в том, что выражение «произведения о будущем», в сущности, только метафора. Любое «произведение о будущем» — это прежде всего произведение о настоящем. Пусть даже автор и вправду старается уловить, предугадать пути развития человечества, все равно, помимо ли его воли или — что значительно чаще — в полном соответствии с ней, он будет отражать в своих книгах представления, мысли, настроения и знания сегодняшнего дня. «Отразить» завтрашний день, а тем более следующий век (тысячелетие и т. д.) — увы! — невозможно. Но невозможно и полно отразить духовный мир современника без его сегодняшних раздумий о будущем. Такие раздумья — неотъемлемая черта настоящего. Вот как говорил Д. Писарев: «Если бы человек не мог представить себе в ярких и законченных картинах будущее, если бы человек не умел мечтать, то ничто бы не заставило его предпринимать ради этого будущего утомительные сооружения, вести упорную борьбу, даже жертвовать жизнью». Это внутреннее противоречие «произведений о будущем» иногда плохо осознается некоторыми читателями и кри-

тиками, что приводит к известным недоразумениям в их суждениях. Зато его очень хорошо понимает, скажем, такой писатель, как Станислав Лем: «...Должен признаться: будущее занимает меня лишь как человека, интересующегося наукой. *Как писателя* меня волнует только *настоящее, современность*. Иногда читателям кажется, что в моих книгах изображаются картины конкретного будущего. Между тем такой задачи я перед собой даже не ставлю... Пусть люди будущего сами решают свои проблемы — мы будем решать наши» *.

Именно злободневность тех проблем, которые подняла сейчас фантастика, и есть главная причина ее гигантской популярности.

С некоторых пор «произведения о будущем» стали делить на две категории. Сначала идут книги, где воплощенными представляются позитивные идеалы авторов, где конкретизирована мечта о таком будущем, которое хотел бы видеть писатель. Такие книги чаще всего называют утопиями, хотя ясна вся условность — больше того, этимологическая нелепость этого термина, если применить его ко многим современным произведениям, особенно советских писателей. Но, к сожалению, пока не существует другого слова, которое бы сразу проясняло суть дела. Классический пример такой «утопии» — «Туманность Андромеды» И. Ефремова.

Но если писатель видит, что тенденции общественного развития ведут к возникновению или возможности возникновения таких явлений, которых ему вовсе не хочется видеть ни в будущем, ни в настоящем, то должен ли он их обходить? Конечно, нет. Так родились на свет антиутопии и романы-предупреждения. Это в основном детище нового времени. Появлению антиутопий способствовал переход утопических раздумий из сферы философской в сферу художественной литературы. Для примера можно привести роман Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» и «Возвращение со звезд» Ст. Лема.

Антиутопия вообще более сложное литературное явление, чем утопия, в ее формах могут находить отражение взгляды самых разнообразных общественных групп. Но зато утопия — это почти исключительно прерогатива социалистической литературы. Так было раньше, так остается и в наши дни. Лишь мыслитель и художник, вдохновленный прогрессивными гуманистическими идеалами, способен создать картины, которые могли бы вдохновлять других.

Удивительное на первый взгляд дело: в идеологических защитниках капитализм вроде бы не испытывает недостатка. Но никому из них не удавалось написать хоть сколько-нибудь заметную книгу, где бы увековечивались в качестве заманчивого идеала обществен-

* Газета «Советская культура» от 11 декабря 1965 года.

ные отношения, основанные на частной собственности, на неравенстве, на эксплуатации человека человеком. Конечно, произведениями, в которых капиталистические отношения перенесены в будущее, в западной фантастике хоть пруд пруди, но их никак нельзя назвать отражением позитивных идеалов. Здесь-то антиутопия развертывается вовсю.

«Эрозией идей» назвал один западный социолог состояние современной философской мысли на Западе. В этом плане показательна книга Д. Фулбрайта. Д. Фулбрайт — один из не столь уж многих реалистически мыслящих американских политиков, в частности, он выступает против агрессии США во Вьетнаме. Но при всем том это наш идеологический противник, антикоммунист. Он убедительно пишет о неотложных проблемах, которые стоят сейчас перед Америкой: надо уничтожить безработицу, решительно усовершенствовать американскую систему образования, справиться с расовой дискриминацией, покончить с преступностью, сделать приемлемой жизнь людей в городах-гигантах, добиться того, чтобы американские правители отражали волю избирателей, и т. д. Мишени указаны правильно, но не ищите в книге Д. Фулбрайта более или менее ясного ответа на два вопроса: во-первых, почему это в самом лучшем (что автор неоднократно подчеркивает) и самом богатом обществе существуют (и не только существуют, но и имеют тенденцию к укреплению) подобные черные пятна, и во-вторых, какие же есть пути к их ликвидации. В конечном счете все сводится к благим пожеланиям, к моральной проповеди. Д. Фулбрайт назвал свою книгу «Перспективы для Запада», но как раз перспектив-то в ней и нет... Задачи есть, а перспектив нет.

Собственно, только такой же путь к выходу из тупиков и закоулков, в которые забредает американское общество, могут порекомендовать читателям и американские фантасты, если они уж берутся за советы, что бывает далеко не всегда, как, например, авторы полуфантастического бестселлера «Семь дней в мае» Ф. Нибел и Ч. Бейли. Роман, резко критикующий пентагоновскую военщину, оказался как нельзя более своевременным в Соединенных Штатах. Действие книги происходит в 1974 году. Столь близкое будущее позволяет авторам подделаться под стиль модной сейчас художественно-документальной литературы, литературы факта. Подчеркнуто точная хронология усиливает впечатление документальности.

Президент-демократ Лимен наконец-то подписал с СССР договор о ядерном разоружении. Против президента и договора выступает группа военных во главе с начальником объединенных штабов генералом Скоттом. В Соединенных Штатах, кичащихся своей приверженностью конституции, возникает тривиальный военный заговор,

вполне аналогичный подобным же мероприятиям в «банановых» республиках.

Но кто же противостоит милитаристам? Сильно написана сцена раздумий Лимена, узнавшего о заговоре, в которой президент приходит к горькому выводу о своем одиночестве. Два-три личных друга, да еще два-три честных человека — вот и все, на чью поддержку он может рассчитывать. Правда, на их стороне еще и американская конституция. С ее и, видимо, божьей помощью этот неполный десяток лиц подавляет, пользуясь главным образом опять-таки моральной аргументацией, многолапый военный механизм, до приведения в действие которого остаются буквально сутки. Что-то плохо верится в то, чтобы такой человек, как Скотт, сдал все свои позиции, в сущности, без боя, из-за одной только угрозы президента обнародовать письмо, разоблачающее его планы. Ох, все мы помним скоттов, которые перешагивали и не через такие мелочи!

Можно ли назвать роман «Семь дней в мае» антиутопией? Отчасти да. Но в то же время авторы изобразили в нем и свои позитивные идеалы, пусть даже с нашей точки зрения и достаточно наивные.

Граница между утопией и антиутопией весьма условна. Путь развития фантастики явно ведет к тому, что наиболее весомым окажется такое произведение, которое как многоплановый реалистический роман вберет в себя идеалы и противоречия действительности, психологическую разработку одних характеров и сатирическую других, поставит волнующие человечество вопросы, а может быть, и предложит их решение.

Слабость «чистых» утопий часто заключена в том, что они рисуют идеальное состояние общества как данное, как окончательный, устоявшийся результат. Таким несколько идиллическим настроением пронизаны картины XXI века в романе А. и Б. Стругацких «Возвращение».

Но, вероятно, нам интереснее и важнее узнать про творимое будущее, проследить бесконечный процесс приближения к истине, увидеть пути, ведущие к ней.

В повести «Мы — из солнечной системы» Георгий Гуревич затрагивает некоторые важные вопросы. Так, великий изобретатель Гхор создает аппарат, способный с абсолютной точностью воспроизводить любой предмет, заложенный в него как образец. Неважно, что это будет: машина, или шашлык, или книга. Идея проста: все, что создано из атомов, может быть повторено из тех же атомов, стоит лишь расположить их в нужном порядке.

Поскольку чудесные аппараты способны копировать и сами себя, то становится возможным в короткий срок обеспечить ими все на-

селение Земли. Достаточно в своей квартире набрать шифр, чтобы немедленно получить все, чего не пожелает душа. Бери, сколько хочешь, — не жалко, расходуется только энергия, а она дешева. Осуществилась мечта о золотом яблочке на серебряном блюдечке.

Много ли в этом современного? Какое отношение имеет эта, может быть, и смелая выдумка к сегодняшнему миру — миру, в котором бóльшая часть населения попросту голодает? И тем не менее...

Ратомика (так назван этот процесс в романе) сразу делает ненужным сельское хозяйство, легкую промышленность и большую часть промышленности вообще. Нужны только немногие мастера для разработки образцов, закладываемых в программы ратоматоров. А остальные люди? Что же должны делать и чувствовать огромные массы людей, труд которых внезапно оказался ненужным? Какой социальный и нравственный шок должно испытать общество, в котором произошли такие события! Ведь это же настоящая революция и в производстве и в умах.

Но разве не сходную проблему на все лады обсуждает сегодня пресса в связи с той промышленной революцией, в которую не столь быстро, как в романе Г. Гуревича, но все же неуклонно вползает наш мир? Уже сейчас ежедневно автоматизация выбрасывает на улицу в западных странах сотни людей! Глубокие и совершенно новые духовные коллизии вызывает к жизни одна только эта сторона сегодняшней действительности. И пока что-то не слышно, чтобы этими коллизиями занималась «обыкновенная» литература. Их заметила, подняла, заострила фантастика.

То, что действие романа Г. Гуревича происходит при завершенном коммунизме, заставляет предполагать, конечно, что человечество справится с возникшими трудностями без трагедий, но вовсе не снимает остроты конфликта. Наоборот, очень интересно, как он разрешится в обществе, где не будут соединяться корысть одних, невежество других, равнодушие третьих.

Тут нас постигает разочарование. Если предлагается какое-либо решение, то поверхностность здесь неуместна. Уж лучше совсем ничего не предлагать. Правда, писатель приводит довольно наивные споры вокруг изобретения Гхора; иные даже предлагают «закрыть» ратомику, дабы не вводить умы во смятение. Но споры решаются весьма просто: голосованием. 92,7 процента людей высказываются «за», и соответственно рекомендуется всем освобожденным от труда перейти к творческой работе. Слушали — постановили — перешли к творческой работе. И все? И все. Вот как это просто...

Предположим, что такой аппарат изобретен в наши дни. В романе М. Емцева и Е. Парнова «Море Дирака» дело так и обстоит.

Не придем ли мы к выводу, что изобретение было бы сейчас преждевременным? Ведь оказалось же человечество явно не подготовленным к владению атомной энергией. Вывод этот кажется чудовищным: отказаться от аппарата, способного накормить всех голодных, способного обеспечить необходимым всех людей. Однако от вопроса, что будут делать эти обеспеченные люди, не уйти никуда. На него, конечно, прежде всего должна ответить наука, но дело это не только сугубо научное, но и идеологическое, а значит, это дело искусства, литературы.

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

«Еще в школе говорили воспитатели Киму, что только многосторонний, пятилучевой человек может быть по-настоящему счастлив...»

«Будь, словно алая звезда,
Пятиконечным», —

призывали того же Кима школьные хрестоматии...»

Вернемся снова к повести Г. Гуревича «Мы — из солнечной системы». Что же это за немного непривычно сформулированные требования педагогов будущего общества? «Первый луч трудовой...», «Вторым лучом считалась общественная работа...», «Личная жизнь была третьим лучом человека...», «Четвертым лучом считали заботу о своем здоровье...», «Увлечение было пятым лучом — то..., что по-английски называлось хобби...»

Хотел того Г. Гуревич или не хотел, но он точно и, можно сказать, остроумно указал на один из главных пороков в изображении положительного героя фантастической литературой. Она часто начинает рисовать человеческий характер по чертежу, где все основные параметры заданы техническими условиями. О героях, сконструированных таким способом, хорошо сказал Б. Агапов: «Смотрите, каковы эти покорители космоса! Они выписаны по древнегреческим канонам — с прямыми, по линейке носами, с вычурными, по лекалу, ртами, с глазами, вытаращенными в неизвестность, и с решимостью немедленно умереть, что они и осуществляют тут же перед зрителями, поскольку всякая жизнь в них отсутствует».

Но человек не геометрическая фигура, и рецепт не лучшее средство для его изображения. Да Г. Гуревич и сам не пытался изображать симметричных морских звезд. Для того чтобы как-то оживить свои персонажи, он делает их... «однолучевыми». Так, его Ким — воплощение верности и самоотверженности, Лада — порывистости и беззаветной любви, Гхор — талантливый честолюбец,

Ааст и другие инженеры — ограниченные фанатики. (Совершенно непонятно, между прочим, как такие, мягко говоря, недалекие люди могли попасть в Совет планеты...)

Но изображение в человеке только одной, господствующей страсти при отсутствии полутонов наталкивает на некоторые литературные ассоциации. Люди далекого коммунистического завтра вдруг начинают конкурировать с персонажами классицистических пьес. Г. Гуревич употребил в книге удачное обозначение для этой «однолучевости», которая — увы! — равнозначна одноплановости. Пилот Шорин (он тоже фанатик — фанатик космоса) считает, что у каждого человека есть своя жизненная «функция», задача состоит в том, чтобы понять ее и бросить все силы на служение своей «функции». Функция вместо человеческого характера. Боюсь, что вся эта математика довольно далека от завоеваний современной прозы.

Насмотревшись в научной фантастике на различные сделанные по лекалу «функции» и «звезды», Владимир Тендряков в повести «Путешествие длиной в век» ударился в другую крайность. Полемически противопоставляя своих героев «функциям», одевающимся обычно в туники или серебристые комбинезоны из неведомых тканей, писатель облачил их в строгие черные костюмы, мятые рубашки, простые сарафаны; он заставил их радоваться обыкновенным житейским радостям и горевать от обычных житейских невзгод. Они радуются рождению ребенка и горюют, когда близкий человек умирает. Само по себе описание обычной смерти оказалось чрезвычайно новаторским шагом. Герои научно-фантастических книг частенько гибнут, это да, особенно во всяких экзотических местах, например, в вулканах Венеры, но чтобы они просто так умирали, от старости, в своих кроватях, до такого фантастика еще не доходила.

Надо сказать, что и научная гипотеза, на которой строится сюжет «Путешествия длиной в век», оригинальна, и написана повесть, не в пример иным фантастам, хорошим и прозрачным языком. И все же при всех ее достоинствах повесть В. Тендрякова не привлекла к себе такого внимания, какое обычно привлекают новые книги этого талантливого писателя. Я думаю, главным образом потому, что его герои слишком уж похожи на нас. Если нет никаких отличий, то это начинает ощущаться как неполнота, как несоответствие тем необычным (по крайней мере для нас) условиям жизни, в которые герои поставлены волей писателя.

Но можно ли реалистически отобразить черты, совершенно нам неведомые? Стоит ли повторять, что писатель отразит лишь свое представление о людях будущего, но это представление должно быть убедительным?

В большинстве научно-фантастических книг происходит следующее: изображенные в них люди душевно остаются безучастными к тем великим свершениям, которые творятся вокруг них. Я уже приводил пример с ратомикой. Но фантасты часто ставят своих героев в ситуации, которые должны действовать еще сильнее, поражать еще больше.

Тот же Г. Гуревич не ограничивается в книге изготовлением и «доставкой» на дом вкусных пирожков; оказалось, что ратоматоры способны воспроизводить и людей. Один маленький озорник случайно залез в аппарат и оттуда вылезли два маленьких озорника. Как же реагировали окружающие на такое чудо? Довольно спокойно:

«— Я все думаю, Том: какое неприятное открытие, неужели людей будут штамповать теперь? Это было бы ужасно!

— Не обязательно людей... Можно зверей. Например, обезьян. Шимпанзе так трудно выпросить для опыта.

Нина неожиданно расхохоталась...»

Но этого мало. Ратоматор способен «выдавать» улучшенные копии: вместо немощного старика из камеры выходит цветущий юноша. А так как запись можно сохранять и воспроизводить неограниченное число раз, то, следовательно, человечеству даруется бессмертие. Но даже и такое свершение тоже не слишком-то потрясло общество в книге Г. Гуревича. Бессмертие так бессмертие, отлично, товарищи ученые, продолжайте в том же духе! Если бы автор попытался сделать необходимые выводы из своей посылки, то повесть приобрела бы куда больший интерес.

Снова можно сказать: что за современная проблема! Но ведь и это, казалось бы, совершенно фантастическое действо тоже лишь превращенное отражение сегодняшних забот: огромности и серьезности проблем, которыми занимается сейчас наука. Вот сделанное с явным испугом заявление сорбоннского профессора А. Ложье: «Успехи биологической науки предвещают, что уже в недалеком будущем — скажем, в течение нескольких поколений — родители смогут заранее предопределять пол своих детей. Другая вполне реальная перспектива — наделение живых существ, в том числе и человека, желаемыми физическими и духовными качествами.

Сейчас трудно предвидеть возможные социальные последствия таких открытий. Они могут взорвать традиционные семейные и другие отношения и институты в обществе столь же эффективно, как ядерная бомба угрожает сейчас испепелить наши города» *.

* «Какое будущее ожидает человечество». Прага, 1965, стр. 27.

Сильно сказано. Могут взорвать. Что же делать? Стать на дороге научного прогресса, стараться задержать его? Пассивно ждать, что же в конце концов получится?

Я не хочу сказать, что фантастика **должна** дать ответ на эти трудные вопросы. Такое требование мы можем выдвигать лишь перед наукой, перед научной философией. Но фантастика приобщает миллионы читателей к раздумьям века, к соучастию в этих раздумьях.

Не новинки техники интересуют больших писателей-фантастов, а судьбы людей, общества, планеты; не эквилибристикой с чудесными или чудовищными существами и предметами занимаются они; их фантастика — это отражение сегодняшних забот, тревог, надежд. Честно говоря, другая, «чистая», «научная» и прочая фантастика попросту никому не нужна. Об этом очень хорошо говорил Г. Уэллс: «Всякий может выдумать людей наизнанку, или антигравитацию, или миры, напоминающие гантели. Эти выдумки могут быть интересны только тогда, когда их сопоставляют с повседневным опытом и изгоняют из рассказа все прочие чудеса... Когда писателю-фантасту удалось магическое начало, у него остается одна забота: все остальное должно быть человечным и реальным».

ТАТЬЯНА ЧЕРНЫШЕВА

Человек и среда в современной научно-фантастической литературе

В начале XIX века в русской критике было много споров о «таинственном и загадочном» явлении — романтизме. П. Вяземский сравнивал его с домовым — настолько он казался неуловимым. Поэт писал: «Многие верят ему, убеждение есть, что он существует, но где его приметы, как обозначить его, как наткнуть на него палец?»

Нечто подобное происходит сейчас с научно-фантастической литературой, на нее тоже очень трудно «наткнуть палец». Ни первая (научно-), ни вторая (фантастическая) часть этого определения не объясняют ее таинственной специфики. Во всяком случае, «научной» она является совсем не потому, что наука становится предметом ее изображения и исследования, с наукой у научной фантастики другие, более сложные отношения.

На наш взгляд, не много дает и попытка ухватиться за второе звено цепочки и понять научную фантастику в первую очередь как литературу фантастическую. При ближайшем рассмотрении выясняется, что все ее «специфические приемы» известны «обычной» литературе, а ее «особые законы», как правило, имеют более широкую сферу действия.

Исследователи творчества Герберта Уэллса считают одной из главных заслуг его создание «совершенно новой формы научно-фантастического произведения», в которой сочетаются «крайняя фантастика» «с самыми реалистическими, самыми обыденными подробностями» *.

Судя по всему, и сам Уэллс придавал этому сочетанию немалое значение. В одном из предисловий к своим романам он писал: «Коль скоро читатель обманут и поверил в твою фантазию, остается одна забота: сделать остальное реальным и человечным. Подробности надо брать из повседневной действительности и для того, чтобы сохранить самую строгую верность фантастической посылке, ибо

* К. Андреев. Предисловие. В кн.: Герберт Уэллс. Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах, т. I. М., 1956, стр. 18.

всякая лишняя выдумка, выходящая за ее пределы, придает целому оттенок глупого сочинительства» *.

Однако этот принцип создания художественной иллюзии путем «заземления» невероятного, «приручения фантастики» вовсе не был открыт Уэллсом. Писатель применил к научной фантастике общий закон искусства, с которым не может не считаться всякий художник, если он выходит за пределы обыденного.

Разве не этому же закону следовал М. Салтыков-Щедрин, когда, поставив во главе города Глупова градоначальника с фаршированной головой, отправлял его спать в холодный погреб, а в целях безопасности во время сна ставил вокруг него мышеловки? Разве не этому же закону невольно подчинялся Н. В. Гоголь, когда заставлял ведьму подняться верхом на метле «вместе с клубами дыма через трубу одной хаты», а черта делал похожим на «губернского стряпчего в мундире»? Кроме того, Гоголь, рассуждая о принципах создания образа идеального героя (а идеальный герой — явление в некотором роде фантастическое, так как он «в чистом виде» в реальной действительности не встречается), прямо высказал суждение, очень близкое мысли Уэллса: «Чем выше достоинство взятого лица, тем ощутительней, тем осязательней нужно выставить его перед читателем. Для этого нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете; иначе оно станет идеальным, будет бледно и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет все ничтожно» **.

То же можно сказать и о приеме «остранения» и о гиперболизации.

Видимо, *секрет специфики научной фантастики следует искать не в сумме приемов*, как бы своеобразны они ни были, а *в особом предмете художественного исследования*.

По этому вопросу в критике и литературоведении нет пока единого мнения, но бесспорно одно — к чему бы научная фантастика ни проявляла интерес, познание мира в ней, как во всех видах искусства, должно быть ориентировано на человека.

Но как раз здесь далеко не все обстоит благополучно: научная фантастика все время обвиняется в неумении изображать человека, в бедности «человеческим содержанием». И тут вряд ли можно объяснить все только недостаточной одаренностью писателей, работающих в этой трудной области. Ведь даже Г. Уэллс, при всей его та-

* Г. Уэллс, Собрание сочинений в 15 томах, т. 14. М., 1964, стр. 351.
** Н. В. Гоголь. Авторская исповедь. В кн.: Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в 6 томах. М., ГИХЛ, 1953, т. VI, стр. 221.

лантливости, как правильно пишет Ю. Кагарлицкий, не осуществился до конца как художник. И этому есть, очевидно, объективные причины.

И действительно, «человеческое содержание» научно-фантастических книг как будто беднее, чем в психологической прозе: нет того углубленного психологизма, какой встречаем мы в реалистическом романе или повести, да и социальные конфликты, как правило, лишены нюансов, часто рационалистически обобщены, а потому и упрощены.

Но не менее показательно другое: подозрительно часто сталкиваемся мы в научной фантастике с разъединенностью, относительной самостоятельностью «человеческого содержания» произведения, то есть социально-этической его проблематики, и научно-фантастической или технической идеи, гипотезы.

Это заметно даже у классиков научной фантастики — у Жюля Верна и Г. Уэллса. Для своих «романов о науке» Жюль Верн избрал форму приключенческого романа, имевшего давнюю традицию в литературе. Чаще всего они строились как истории путешествий, иногда сюжетным стержнем их являлась борьба вокруг изобретения или открытия, сделанного героем. Научный материал «вводился» в виде обильных авторских отступлений или препоручался героям, которые вели долгие разговоры и дискуссии на отвлеченные темы, касаясь проблем астрономии, географии и прочих естественных наук.

У Г. Уэллса дело обстоит, разумеется, сложнее, но и он редко находил тот цемент, который мог бы соединить научное и социально-этическое. В романе «Машина времени» это отразилось даже на композиционном строении произведения: первая часть посвящена доказательству возможности преодоления временного барьера, во второй части автор целиком обращается к социальным проблемам.

«Человек-невидимка» написан как роман бытовой и социально-психологический, и исследуются в нем сложные общественные проблемы. Но это и роман фантастический — роман о первом человеке, ставшем невидимым.

И любопытно, что все «научные» объяснения этого превращения сосредоточены в одной главе, которая сюжетно очень слабо связана со всем остальным.

Конечно, путешествие по времени, фантастическое открытие Гриффина можно трактовать как приемы, помогающие Уэллсу вскрыть определенные закономерности жизни общества. Можно, но вряд ли это будет абсолютно верно. В том-то и дело, что фантастический образ в научной фантастике никогда не является только приемом;

для приема достаточно было бы просто сделать Гриффина невидимым, ничего не объясняя. Превратил же Кафка своего Грегора в таракана, никак это не обосновывая. А Уэллс объясняет, и весьма подробно, самый принцип невидимости, доказывает возможность путешествия по времени. Зачем? Да затем, что эти фантастические гипотезы при всей невероятности представляли для него и самостоятельный интерес.

То же самое можно сказать и о романе А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Несмотря на талант и огромный опыт, писателю не удалось вполне «сцементировать» книгу. Идея гиперболоида и социально-этическая проблематика лежат все же в разных плоскостях. Можно говорить о социальных проблемах, поднятых А. Н. Толстым, о вождизме, фашизме, наполеонизме — обо всем, что связано с образом центрального героя, практически не касаясь гиперболоида, то есть можно написать исследование о романе, ни разу не упомянув, что это научно-фантастическое произведение, так как для разговора о социальных последствиях научного прогресса вовсе не обязательна была именно эта идея, годилась бы любая другая, любое фантастическое изобретение, которое можно было бы использовать как орудие достижения власти. Сам принцип гиперболоида в этом плане абсолютно не важен. И напротив, можно говорить о гиперболоиде, о традиции «лучей смерти» в научно-фантастической литературе, о научной и технической обоснованности этой идеи и т. п., по сути дела забывая о «властелине Земли» Гарине.

Речь идет о классиках. В произведениях других писателей социально-этическая и научно-техническая проблематика расходятся еще дальше, они не сливаются воедино, а, сохраняя относительную самостоятельность, как бы сосуществуют в произведении.

Так, в рассказе Г. Альтова «Полигон Звездная река» в основе сюжета лежит «чисто человеческий» этический конфликт, но для понимания его читателю совсем необязательно знать суть фантастического открытия героя, открытия им суперсветовой скорости, достаточно знать, что ученый занят решением какой-то сложной научной задачи и копит энергию для грандиозного эксперимента.

С другой стороны, упрощенность основного этического конфликта не позволяет воспринять фантастическую идею как литературный прием, нужный для его решения. Все выглядит как раз наоборот: этический конфликт воспринимается как беллетристический антураж, необходимый автору для сюжетного оформления фантастической идеи суперсветовой скорости. То же самое можно сказать и о десятках других научно-фантастических повестей и рассказов.

В слабых произведениях разобщенность социально-этического и научно-технического содержания просто заметнее, нагляднее, но она присуща всей научно-фантастической литературе, и это дает возможность вести исследование современной научной фантастики по двум параллельным линиям и оценивать любое научно-фантастическое произведение с двух позиций: с точки зрения науки и с точки зрения искусства.

Что же является причиной этого? Неумелость? Но ведь и неумелость может быть различной. Она может идти просто от неопытности писателя, но может зависеть и от того, что вся литература в целом не научилась еще чему-то, не преодолела каких-то внутренних трудностей. На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся именно с такой «неумелостью» всей научно-фантастической литературы. А это уже определенное качество, и оно требует объяснения.

Ведь когда говорят об увлеченности научной фантастики «научно-технической» проблематикой в ущерб «человековедческой», ориентируются обычно на психологическую прозу, на ее видение и понимание человека. Но всегда ли в искусстве человек понимался и изображался так, как сейчас? Дело не в мастерстве, а именно в самом понимании человека. И здесь мы сталкиваемся с проблемой среды: изображение и понимание человека в искусстве всегда было тесно связано с восприятием среды, его окружающей, и характера взаимодействия человека с этой средой.

Наиболее глубоко эту проблему разработали реалисты XIX—XX веков, так как они впервые подвергли анализу сложную систему связей между личностью и обществом, познали обусловленность характера средой, силу обстоятельств, определяющих подчас судьбу человека.

Но художники-реалисты значительно сузили понятие среды по сравнению со своими предшественниками — романтиками и художниками Древней Греции и Рима.

В реалистическом искусстве понятие среды, по сути дела, свелось к *общественной* среде, общество понималось через человека, человек — через общество, проблема *индивидуальной человеческой судьбы* тоже была связана целиком с факторами *социальными*. Природа была практически исключена как активно действующая среда и с этой точки зрения не исследовалась писателями-реалистами.

Природа входит в реалистическое произведение чаще всего в виде пейзажа, но вряд ли можно всерьез говорить о пейзаже как о среде, об обстоятельствах, определяющих что-то в судьбе героев. Пейзаж здесь служит обычно или фоном действия, или дополнительным средством раскрытия душевного состояния героев, причем вос-

принимается природа чисто внешне (цвет, форма) и дается в плане только внешних ассоциаций (широта полей и лесов — широта души человека, «печаль полей» — печаль, тоска человека и т. д.), что особенно заметно рядом с углубленным анализом общественных отношений.

Разумеется, многие художники XIX и XX веков пытались расширить понятие среды, поискать истоки характеров своих героев и их судеб не только в сфере общественной. В русской литературе в этом отношении интересны поиски И. С. Тургенева. Писатель видел в природе — вернее, в ее равнодушии, безразличии к судьбе своих созданий — вечный источник человеческой трагедии.

Натуралисты заинтересовались биологической природой человека, тем, что биологи называют «внутренней средой организма». Но все же в целом искусство XIX—XX веков воспринимает и изображает человека как продукт общества, почти совсем забывая при этом, что он еще и сын природы.

Такое понимание человека — естественный результат всего хода общественного развития. Само развитие человечества через цивилизацию — это путь постепенного выделения человека из природы, человек и начинается тогда, когда он занимает позицию борца по отношению к природе, когда он мысленно противопоставляет себя ей. Первобытного человека целиком захватывала борьба с природой, вот почему наскальные рисунки — чаще всего изображения животных.

Но в процессе борьбы с природой рождается общество, природе противостоит теперь сложный общественный организм. И постепенно каждый отдельный человек теряет прямую связь с природой, общество, создавая личность, отделяет ее от природы, все необходимое для жизни человек получает не непосредственно из рук природы, а от общества, и все жизненно важные связи и отношения его сосредоточиваются в общественной сфере. Вот почему и в искусстве объединяются понятия «человеческое» и «социальное».

Нельзя сказать, что этот диалектически неизбежный процесс отхода человека от природы не привлекал внимание мыслителей прошлого, не раз с тревогой предостерегали они людей, звали их вернуться назад, к природе. И сейчас непрекращающееся отчуждение человека от природы, особенно бурный рост искусственной среды, техники, возводящей стену между человеком и древней матерью его, продолжает тревожить многих писателей.

Р. Брэдбери с его глухой неприязнью к технике сетует по поводу того, что люди забыли совершенно необходимые вещи — забыли о том, что по утрам на траве лежит роса («451° по Фаренгейту»), а погибшая марсианская цивилизация дорога ему своей близостью

к природе, давно утраченной землянами. Один из героев Г. Гора объясняет, почему он любит ходить пешком, «не пользуясь никаким транспортом, кроме своих легких мускулистых ног»: «Быстрое движение как бы растворяло мир живых форм, таких милых и интимных; глаз не замечал коричневых стволов сосен, зеленого овала холма, синей ряби речной быстрины, яблока, свисавшего с ветки, птичьего клюва, ягод в траве, медленно плывущего облака, лиц прохожих» *. В одной из повестей Л. Обуховой дикарка Лилит встречается с гостем из космоса, представителем очень древней цивилизации, настолько древней, что она уже движется к своему концу, завершая круг развития. И Лилит, которая знала о мире, о вселенной в тысячи раз меньше лаолитянина, оказывается в чем-то мудрее и сильнее Звездного Пришельца. Эту мудрость и силу дает ей непосредственная, прямая связь с природой, которую цивилизованный человек утрачивает («Лилит»). А Р. Шекли ставит своего героя лицом к лицу с первобытными силами природы, чтобы посмотреть, чего он стоит сам по себе, чему он научился. И каким жалким и беспомощным оказывается человек, когда не стоят за ним хитроумно придуманные говорящие и неговорящие машины, когда он может рассчитывать только на себя, на свои силы («Земля, воздух, огонь и вода»).

Но, выражая тревогу о том, что человек забыл свои родственные связи с природой, почти никто из современных писателей не вспоминает просветительский лозунг: «Назад в природу». Даже Р. Брэдбери, при всем трагизме восприятия им современного мира и перспектив его развития, Р. Брэдбери, не раз изображавший бунт своих героев против техники, зовет человека не назад, а вперед: «Иди дальше... не засиживайся на месте, не останавливайся, плыви и плыви. Лети к новым мирам, воздвигай новые города, еще и еще, чтобы ничто на свете не могло убить Человека» **.

Происходит это не только потому, что в XX веке поняли невозможность возврата, поворота вспять, но и потому, что сейчас намечается иной путь в природную среду, не требующий остановки поступательного движения общества. Этот путь открывает наука, та самая наука, которая сначала помогала человеку оградить себя от природы, ибо постижение наукой скрытой сущности природных явлений как бы приближает человека к ним, понятое перестает быть страшным и опасным. Так намечается новый путь возвращения в естественную среду, на ином, аналитическом, уровне ее понимания.

* Г. Гор, Гости с Уазы. «Нева», 1963, № 4, стр. 14.
** Р. Брэдбери, «451° по Фаренгейту». Рассказы. «Библиотека современной фантастики». М., изд-во «Молодая гвардия», 1965, т. 3, стр. 339.

На первых порах научно-фантастическая литература действительно заинтересовалась наукой как одной из форм деятельности человека, но интерес к научной проблеме самой по себе литературе не свойствен. Попытки же проследить «человеческие» (то есть опять-таки социальные) последствия научных открытий неизбежно должны были связать научно-техническую фантастику с утопией, которая всегда старалась угадать возможные изменения в жизни человеческого общества. Так рождается современная научно-фантастическая литература, в которой уже невозможна утопия в прежнем ее виде, ибо сейчас нельзя уже представить будущее человечества, не выходя за рамки общественных отношений, как это было в классической утопии, сейчас просто невозможно нарисовать картину будущего, отвлекаясь от космоса, не учитывая пространства, времени, бесконечности — ведь это и есть та естественная природная среда, в которой будет обитать человек. Всякая попытка замкнуть современную утопию в рамках социальных отношений лишает ее перспективы.

Интересно в этом плане обратиться к опыту И. А. Ефремова, к его роману «Туманность Андромеды».

При всех достоинствах этой книги картина жизни общества будущего поражает своей статичностью. Это мир геометрически правильных линий, мир застывших форм, мир, которому просто-напросто некуда развиваться. Недаром появляется образ Великого Кольца как символ завершенности.

Но Ефремов расширяет рамки утопии, соединяя приключения в космосе с традиционной экскурсией по преображенной Земле. Любопытно, что именно с этого и начинается роман, первые сцены в космосе и дают ему необходимый разбег. Постоянно чередуя земные, по большей части иллюстративно-пояснительные сцены и диалоги с рассказом о пребывании астронавтов на планете мрака или передачами по Великому Кольцу, автор стремится сохранить у читателя ощущение иной среды обитания человека, которое было создано первыми главами. С самого начала, настойчиво возвращая мысли читателя к «недобрым величественным звездам», совершавшим дикие скачки в экранах звездолета, к «запретным глубинам пространства», куда забираются люди Земли, к таинственным нейтральным полям, где тонут все излучения, поражая его воображение неожиданным утверждением Эрга Ноора о том, что «наши полеты в глубины пространства — это пока еще топтание на крохотном пятнышке диаметром в полсотни световых лет», Ефремов заставляет читателя поверить в то, что космос стал для человека будущего частью его жизни, его бытия, вошел в его сознание, это и изменило масштабы мышления его героев.

Попробуйте убрать из романа все, что касается общения человека с природной средой, дальнейшего проникновения в тайны природы — и вы сразу потеряете то ощущение движения, стремления вперед, которое и составляет главное очарование произведения. Ведь это ощущение создается страстной мечтой Мвен Маса о победе над пространством и временем, опытами Рена Боза, стремящегося познать пространство и этим знанием победить его, ибо до сих пор человек только ломился сквозь него, о чем с сожалением говорят астролетчики уже в самом начале романа.

И дело сейчас уже не в науке как одном из видов деятельности человека, — вернее, не только в науке. Интерес к науке, к ее проблемам, ее нерешенным задачам, повторяем, давно уже перерос в современной научной фантастике в интерес к новой среде, открываемой человеку наукой, к среде природной, куда наука непременно вернет человека в будущем, разбив скорлупу искусственной среды, которой когда-то она же его и оградила.

Поэтому сейчас в научной фантастике явно можно выделить произведения двух видов. В одних в первую очередь проявляется интерес к искусственной среде, к технике, так как она продолжает активно развиваться, и пока что только через нее человек общается и, вероятно, долго еще будет общаться с природой и познавать ее (а между тем новая среда, созданная самим человеком, не остается пассивной по отношению к нему и к природе, и это порождает целый ряд сложнейших проблем). В других — писатели, не столь увлеченные техникой, главное внимание уделяют естественной среде, включающей теперь пространство, время, бесконечность, по-другому организованные формы жизни.

Разумеется, освоение научной фантастикой по-новому увиденной природной среды происходит постепенно, и здесь есть свои этапы. На первых порах эта среда входит в научную фантастику своей внешней, наиболее яркой, броской стороной — это прежде всего космические путешествия, первое столкновение с космосом. В исторически не столь уж отдаленные времена сам полет в безвоздушном пространстве с описанием эффектов невесомости мог стать предметом изображения в фантастической повести или романе. За одно ощущение новизны обстоятельств писателю прощалось многое. Отсюда многочисленные описания приключений космонавтов на других планетах, борьбы с неведомыми животными и растениями и т. п. Отчасти из-за этого долгое время научная фантастика воспринималась как приключенческая литература.

Приключенческая фантастика продолжает жить и в наши дни, но сейчас уже никого не удивишь изображением человека, висящего посреди кабины космического корабля, или солнечного восхода на

Марсе; простое описание необычных обстоятельств, с которыми человек может столкнуться в процессе исследования природы, космоса, для современной научной фантастики пройденный этап.

Кроме того, сама структура приключенческого жанра позволяет идти в познании мира только до определенного предела. Всякие же попытки искусственно усложнить сюжет к добру не приводят. Примером такого механического «усложнения» может служить повесть Г. Гуревича «Пленники астероида». В результате аварии три человека оказываются изолированными от общества, вынужденными жить вдали от родной планеты. В основе сюжета лежит психологический конфликт — борьба Надежды Нечаевой и Эрнеста Рениса за душу Роберта Рениса. Но в данном случае развитие и разрешение этого конфликта вовсе не требовало экспериментальной изоляции героев, космического фона — словом, необычных обстоятельств. Поэтому этический конфликт выглядит иллюстрацией заранее заданной мысли, а вся обстановка — всего лишь неподвижным, безразличным и довольно случайным фоном.

В целом же приключенческая научная фантастика в настоящее время, пожалуй, исчерпала свои возможности. Она способна исследовать новую среду обитания человека только «вширь», по принципу «пришел, увидел, удивился». Углубленное познание этой среды, а особенно выявление запутанных нитей, связывающих с ней человека, такой фантастике просто недоступно. Поэтому на первый план сейчас явно выдвигается философское направление в научной фантастике.

«Возвращение» человека в природную среду открывает такие возможности, каких не знало прежнее искусство.

В повести Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Трое в горах», которая в целом не претендует ни на какие открытия, есть один любопытный момент. Герои, замурованные горным обвалом в пещере, ночью во сне почувствовали подземный толчок, и их охватила тревога: «Вероятно, наши далекие предки, жившие в ту пору, когда Земля была моложе, чаще испытывали ужас землетрясения и передали нам в структуре молекул ДНК память о них — страх беспомощности» *.

Подобные детали обычно не встречаются в психологической прозе. И дело даже не в упоминании молекул ДНК. На наш взгляд, куда более показательно само стремление вспомнить о предках — не дедушках и бабушках, а о предках весьма отдаленных, отделенных не десятилетиями и смутно вспоминаемых, а тысячами лет, десятками тысяч лет. Это стремление просто не могло родиться

---

* Е. Войскунский, И. Лукодьянов. Трое в горах. В кн.: «Альманах научной фантастики», вып. 2-й, 1965, стр. 136.

в «обычной» литературе, ибо ее интересует в первую очередь личность, история личности, и эта история индивида как бы выключается из истории рода. Странно было бы услышать у Л. Толстого, И. Тургенева или Ч. Диккенса в связи с переживаниями их героев воспоминания о «низколобых предках». Перебросить так просто и естественно мост через тысячелетия и от рода (человечество, его предки) к отдельному индивиду психологическая проза не может. А такое включение человека в биологический ряд, понимание его места на эволюционной лестнице немало прибавляет к нашему знанию о нем.

Расширяя понятие среды, научная фантастика несколько иначе, на ином фоне решает и прежние, известные уже этические конфликты. Так, Р. Брэдбери в рассказе «И грянул гром» еще раз ставит вопрос об ответственности человека за свои дела и поступки, о больших следствиях «малых» преступлений. И ему оказывается недостаточно обозримого времени, он заставляет своего героя отправиться в далекую геологическую эпоху, когда человека на Земле вовсе не существовало, сойти там со специальной антигравитационной тропы, проложенной для любителей захватывающей охоты на динозавров, и раздавить... бабочку. Результат не замедлил сказаться. Вернувшись в свое время, незадачливый охотник убеждается в полном изменении политической атмосферы в стране.

Уже в ранних произведениях И. А. Ефремов, ставя своего героя перед лицом природы, заставляет его остро чувствовать незримую, странную, кажущуюся почти мистической связь свою со всем окружающим, и не только с настоящим, но и с далеким, даже доисторическим прошлым. Молодой ученый Никитин («Тень минувшего»), упорно ищущий сохраненные природой снимки минувшего, чувствует эту непонятную связь и с пещерным человеком, изображение которого ему удалось подстеречь после долгих трудов и неудач, и даже с допотопным чудищем, «огромные выпуклые глаза» которого смотрели на него «бессмысленно, непреклонно и злобно» *.

Впоследствии эту проблему внутренней связи человека с давним прошлым писатель поставит в этическом плане. И не раз еще вернется он к мысли об ответственности человека не только перед ближними своими и перед обществом, но и перед мглой прошедших тысячелетий, перед тем длинным, жестоким и страшным путем развития, который проходит живая материя, прежде чем в ней пробудится разум. Человек — сын природы, и лишь появление разума придает смысл тому «бессмысленному, непреклонному и

* И. А. Ефремов, Тень минувшего. В кн.: И. Ефремов, Великая дуга. Изд-во «Молодая гвардия», 1957, стр. 463—464.

злобному», что было в развитии живого до него, ибо только разум может познать мир, включить в себя вселенную. Эта мысль ляжет затем в основу глубоко гуманистической философской и художественной концепции романа «Туманность Андромеды».

Даже когда современные писатели-фантасты, заинтересовавшись проблемами социального бытия человека, не заставляют своих героев бежать от времени, не высаживают их на далекие планеты под синими или желтыми звездами, а оставляют их в пределах жизненного правдоподобия, и в этих случаях явно ощущается новое понимание среды в современной научно-фантастической литературе.

Отличие научной фантастики от психологической прозы не в том, что одна — выдумка, а другая — правда. Это два типа художественного мышления, живущие в разных измерениях времени и пространства, а следовательно, по-разному видящие и понимающие человека.

Новое понимание активной среды влечет за собой иную постановку проблемы индивидуальной человеческой судьбы.

Хотя это может показаться странным, но современная научная фантастика по-своему возвращается к понятию рока древних. Ведь представление античных художников о силах, определяющих человеческую судьбу, было в чем-то вернее «взрослого», реалистического, поскольку в понятие среды они включали и природу, а посему индивидуальная судьба человека зависела от сил, находящихся не только вне его, но и вне общества.

В научно-фантастической литературе намечается целый ряд аспектов этой проблемы. Прежде всего судьба человека связывается с тайнами времени, и дело не в том, насколько представление о времени у фантастов соответствует истине или, вернее, данным современной науки, — это особый вопрос. Сейчас нас интересует другое: поскольку время оказывается объектом художественного, а не только научного исследования, значит, оно воспринимается как нечто существенно важное в жизни человека, отношения человека со временем становятся такой же «человеческой» проблемой, как и отношения человека с обществом.

В повести О. Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро» экспериментальный корабль «Овератор», который должен был утвердить окончательную победу человека над пространством, прорывает не пространственный, а временной барьер и устремляется в будущее. Двигаясь не в пространстве, а во времени, он проник на несколько десятилетий вперед и, вернувшись, привез для каждого из живущих на Земле людей дату его смерти. Человек, знаю-

щий день своей кончины, — это уже другой человек. Так возникает целый ряд этических проблем и конфликтов, «чисто человеческих», но выходящих за сферу отношений личности и общества, по-новому встает древняя тема борьбы с судьбой. Проблема рока, предопределения, так или иначе затрагивается во всех повестях и рассказах, посвященных времени. Предположение фантастов о том, что между прошлым и будущим, возможно, существуют какие-то сложные, во всяком случае, не односторонние связи, заставляет их снова и снова возвращаться к этим вопросам, рассуждая о том, что «вчерашний день существует... Точно так же, как завтрашний» *, что прошлое можно формировать подобно будущему.

За последнее время все чаще писатели-фантасты изображают замкнувшуюся цепь времен, когда очень трудно отделить причину от следствия, понять, что чему предшествует — будущее прошлому или прошлое будущему. Таков «Хроноклазм» Д. Уиндема, где эта цепь замыкается письмом, посланным героем в будущее. Таков роман А. Азимова «Конец Вечности», сюжет которого построен на том, что герой пытается разомкнуть круг, созданный Вечностью, вернуть Реальность в ее естественное состояние.

Другой аспект современной постановки этой проблемы связан с успехами биологии, с изучением наследственности. Весь человек, от формы носа и цвета глаз до характера и темперамента запрограммирован уже в первоначальной клетке, из которой он развивается, а характер определяет поступки, всю логику его жизни. Это не что иное как проблема судьбы на вполне современном «молекулярном уровне». И снова неизбежно возникает желание побороть судьбу, не согласиться с природой. Д. Биленкин в рассказе «Ошибка» пытается противопоставить судьбе, природе, обделившей героя поэтическим талантом, волю человека, но в такой борьбе человек слеп; и, как в древних трагедиях, пытаясь преодолеть судьбу, он идет ей навстречу. Недаром Д. Биленкин кончает рассказ только выражением сомнений. Другие писатели в решении этой проблемы опираются не на слепую волю, а на знание человека. Так, Г. Гор в повести «Странник и время», И. Росоховатский в повести «На Дальней» рисуют разумных существ, научившихся перестраивать свою структуру, «пересоздавать» себя.

И здесь возникает еще одна проблема. «Вернув» человека в природную среду, научные фантасты пытаются определить границы проникновения человека в нее, найти иные формы взаимоотношения с ней мыслящего существа. Неоднократно в научной фантастике высказывались мысли о том, что развитие жизни возможно не

* Конрад Фиалковский, Пятое измерение. Сборник научно-фантастических рассказов. М., «Мир», 1966, стр. 127.

только на углеродной, но и на кремниевой основе, что жизнь может существовать в иных температурных пределах, чем мы это представляем. Гордон Джайлс изображает дракона, абсолютно неуязвимого для земного оружия, живущего на обращенной к Солнцу стороне Меркурия, где кипят озера расплавленного металла («На Меркурии»). Герой рассказа Ст. Лема «Правда» узнает страшную истину: белковая жизнь родилась на тепловых окраинах вселенной, подлинная жизнь, по-настоящему отточенный инструмент мысли существует в мире недоступных человеку температур и немыслимых скоростей. Об этом же говорит и А. Кларк в изящном рассказе «Из солнечного чрева»: там, в недрах звезд, быть может, живут разумные существа, возможности мышления которых мы даже не в силах представить, ибо наша собственная мысль движется со скоростью черепахи. А Ф. Хойл в повести «Черное облако» рассказывает о встрече людей с жителем межзвездных пространств, который с трудом мог поверить, что на планете существует разумная жизнь — настолько малы были, с его точки зрения, возможности существ, выросших в тепличной атмосфере, прикованных к крохотному участку вселенной.

Во всех этих и десятках других повестей и рассказов, разных по мастерству, по художественному совершенству, кроме вполне понятной мысли о скудости и относительности наших знаний о вселенной, скрыта и другая — о слабости, хрупкости человеческого организма, об ограниченности чисто физических возможностей, отпущенных человеку природой.

Ведь вся история технической цивилизации — бесконечный ряд попыток расширить границы этих возможностей. Создавая самые замысловатые рабочие машины, приборы для научных экспериментов, человек преследует одну цель — улучшить, усилить то, что дано ему от природы: увеличить силу мышц, зоркость глаза, чуткость слуха, быстроту мыслительных процессов. Но уже сейчас ясно, что возможности техники, хотя мы их еще не исчерпали, далеко не безграничны, что, скажем, покорение просторов вселенной с помощью даже самых быстрых звездолетов имеет свой предел.

И вот фантасты высказывают догадки о существовании иных цивилизаций, пошедших не путем создания техники, а путем глубокого познания и совершенствования самого разумного существа, в первую очередь его мысли. Все чаще в их произведениях земляне сталкиваются с цивилизацией, не просто обогнавшей человечество в развитии, а находящейся в принципиально иных отношениях с природной средой.

Пол Андерсон в рассказе «Убить марсианина» рисует разумное существо иного мира, живущее в своеобразном симбиозе со всей

окружающей его живой природой (любопытно, что в сказках всех народов одним из символов власти и могущества было умение понимать язык животных и растений).

Другие писатели идут дальше. Они говорят об исчезновении границ, отделяющих разум от окружающего мира, о полном слиянии разумного существа с природой, о гармонии со всем окружающим, когда природная среда перестает быть чужой, перестает быть препятствием, которое нужно преодолеть.

Глубокое познание законов природы и скрытых возможностей своего организма позволят разумному существу отказаться от посредников между собой и природой — от машин, от техники. Независимо от того, изображается ли инопланетная цивилизация или очень далекое будущее Земли, эта иная форма взаимоотношений разума и среды, его окружающей, воспринимается как гигантский скачок в новое качество, подготовленный долгим и трудным познанием природы. Иногда этот скачок ускоряется толчком извне. Так, У. Тэнн в рассказе «Недуг» заставляет всю комплексную экспедицию на Марсе испытать странный недуг. Возбудителем болезни оказался микроб, гнездившийся в нервной системе прежних обитателей города. Микроб был симбиотическим и во много раз увеличивал все возможности организма. Переболев этой странной болезнью, люди открывают в себе такие способности, о которых раньше и не подозревали. Оказывается, они могут силой мысли передвигать предметы, бродить без защитных скафандров по поверхности мертвой планеты, не испытывая при этом ни удушья, ни каких-либо других неудобств. Объясняя, что произошло, один из членов экспедиции говорит: «...в тысячу раз возрастают все духовные силы и способности. Разум — только одна из них. Есть еще много других, например способности к передаче мыслей и преодолению пространства, которые прежде были так ничтожны, что оставались почти незамеченными. Вот, к примеру, где бы ни был Белов, мы с ним непрерывно общаемся. Он почти полностью владеет окружающей средой, так что она не может физически ему повредить»* (разрядка моя. — Т. Ч.).

Такое же полное овладение окружающей средой достигнуто жителями планеты Кимон (К. Саймак, «Кимон»), но достигнуто эволюционным путем, без вмешательства извне. И опять автор высказывает догадку, что секрет здесь — в глубоком знании этой среды и умении пользоваться своими возможностями.

«Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия — она подсказывает, как луч-

* У. Тэнн, Недуг. Журн. «Иностранная литература», 1967, № 1, стр. 155.

ше использовать ум, который уже есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со вселенной»* (разрядка моя. — **Т. Ч.**).

А Ван-Вогт в рассказе «Чудовище» говорит уже о земном человечестве, отказавшемся от машин, научившемся перемещаться в пространстве без помощи механизмов, управляющем внутриядерными процессами только силою мысли.

М. Анчаров предполагает, что в грядущем человечество достигнет такой гармонии с миром, что «будет в состоянии охватить сущность необходимых для него явлений...

Нас ожидает скачок в мышлении. Человек будет понимать сущность явлений без анализа. Простым созерцанием. Законы будут отпечатываться в мозгу, как на фотопластинке» **.

Итак, непосредственное общение с природой. Значит ли это, что техника воспринимается как некая помеха? Вовсе нет. Эта проблема куда сложнее, и фантасты рассматривают ее с разных сторон.

Иногда они с горечью сознают, что мир, воспринимаемый с помощью приборов, разлагается на составляющие и ни один прибор не в состоянии дать общую, целостную картину мира, а мы можем познавать его только с их помощью, и потому «за последние десятилетия мы чересчур привыкли смотреть на мир... через эти очки» (приборы. — **Т. Ч.**), — пишет Д. Биленкин.

Герои его рассказа — члены первой экспедиции на Меркурий — сталкиваются там с явлениями, недоступными не только непосредственному восприятию, но и приборам. В космосе, в новой, неземной среде человеку изменили осязание, обоняние, слух. Меркурий показал, что и зрение далеко не всемогуще. Что же остается? Только одно — создавать новые еще более сложные приборы и смотреть на мир их глазами:

«Мы идем все дальше и дальше по пути вынужденного отказа от непосредственного восприятия макромира (микромир такому восприятию вообще недоступен. — **Т. Ч.**)... Но даже обыкновенное оконное стекло влияет на наш эмоциональный контакт с внешним миром. А уже полный отказ от непосредственной связи с окружающим...

Опасно ли это? Не думаю. Объективно процесс направлен на обогащение и расширение человеческого «я» ***.

---

* К. Саймак, Кимон. В кн.: «Антология фантастических рассказов». Библиотека современной фантастики», т. 10, стр. 137.
** М. Анчаров, Сода-солнце. Сборник «Фантастика», 1965, вып. 3, стр. 132.
*** Сборник «Фантастика», 1966, вып. 3, стр. 56—57.

Д. Биленкин останавливается на полуслове, не доводит рассуждение до конца, оставляя читателя перед этим противоречием: вынужденный отказ от непосредственного общения с природой, как всякий отказ, в чем-то должен ущемить, обеднить человека, но автор вполне резонно замечает, что, несмотря на это, происходит «расширение и обогащение человеческого «я», — именно «человеческого «я», это не простая оговорка, ибо дело здесь не в механическом накоплении знаний. Как же примирить это противоречие? Ясно, что не простым отказом от техники, — об этом речи быть не может.

Интересную попытку ответить на этот вопрос делают Е. Войскунский и И. Лукодьянов в рассказе «И увидел остальное...». Один из героев рассказа получает способность непосредственно ощущать силовые поля, благодаря чему он выводит космический корабль из ловушки Юпитера, когда отказали все приборы и корабль «ослеп» и «оглох». И эта способность не была дарована природой. Герой сам создает ее — правда, бессознательно, — манипулируя с прибором, который он сконструировал. В рассказе есть любопытный диалог. Бионик Резницкий пытается объяснить новые способности Заостровцева восстановлением какого-то утраченного инстинкта. Его перебивает собеседник: «...Инстинкт тут ни при чем! Здесь что-то новое. Качественно новое. Вы провозглашаете анафему приборам, а ведь то, что случилось с Володей, — результат воздействия прибора».

Развитие техники должно привести к такому изменению человека, что он сможет отказаться от техники. Поэтому и техника рассматривается не как простой посредник в общении с природой, но как активная, хотя и искусственно созданная среда, изменяющая самого человека.

И все же главной остается естественная, природная среда, ибо даже техника необходима человеку прежде всего для познания этой природной среды. Она в первую очередь диктует свои условия, она заставляет человека создавать технику, от нее же в основном идут и возможные изменения самого человека.

Вполне понятно, что человек, перед которым «открылось пространство Лобачевского как реальность, как быт» *, будет не просто духовно богаче современного человека — он будет иным. Каким? Пока об этом сказать трудно. Трудно прежде всего потому, что среда, природная среда, в окружении которой фантасты пытаются представить себе человека будущего, во многом еще гипотетична. Кроме того, свойства ее не могут быть познаны художником самостоятельно, ибо в его распоряжении только визуальное наблюдение.

* Г. Гор. Гости с Уазы. Журн. «Нева», 1963, № 4, стр. 63.

Задача аналитического познания природы, вставшая перед художественным мышлением, оказалась очень трудной. Непривычный материал сопротивляется, и тогда писатель нередко идет за помощью к науке, обращается к ее способам познания мира, рассуждает, применяя все «посему» и «следовательно», и поэтому мысль его о новых возможных свойствах природной среды выглядит как самостоятельная «научная проблема». Именно самостоятельная, так как органическое соединение по-новому увиденной природной среды и среды общественной современной научной фантастикой еще не достигнуто *, и писатель не может представить в комплексе все влияния на человека.

Практически пока мы можем познавать человека главным образом в его связях с обществом и экстраполировать можем пока только черты внутреннего облика человека как члена общества. Как изменится человек под влиянием космоса, а может быть, и других, неизвестных нам, но привычных для человека будущего природных факторов, — все это находится почти целиком в области догадок. Не случайно Г. Гор отказывается изобразить уазца, признав эту задачу невыполнимой: «В трудное положение попал бы художник, пожелавший написать его портрет. Какой бы фон ему пришлось брать? Стену комнаты? Сад? Озеро? Небо? Нет, бесконечность. За его спиной словно присутствовала вся вселенная со своими бесчисленными галактиками» **.

Но даже понимая невозможность решить все эти вопросы на основе принципов экстраполяции, понимая необходимость учета Х-факторов, писатели вынуждены опираться прежде всего на реальный опыт, на знание человека нашего времени, сформированного в первую очередь условиями социального бытия. Отсюда проистекает целый ряд любопытных явлений в современной научной фантастике — явлений, должным образом еще не изученных специалистами. Наиболее часто наблюдается своеобразное несовпадение внутренней мысли произведения, направленной на исследование предполагаемых свойств природной среды, и внешнего сюжета, основанного на социальном опыте землянина. Примерами могут служить произведения, упоминавшиеся выше: рассказ Пола Андерсона «Убить марсианина» или «Чудовище» Ван-Вогта. Сюжет обоих произведений строится целиком на основе опыта социальной жизни людей Земли, и это позволяет критикам утверждать, что произведения «направлены про-

* Здесь следует искать и причины той разобщенности научно-технической идеи и социально-этической проблематики произведений, о которой говорилось в начале статьи.

** Г. Гор, Гости с Уазы. Журн. «Нева», 1963, № 4, стр. 69.

тив тех, кто сеет рознь между народами, кто оправдывает колониальное угнетение» *, как сказано в небольшом предисловии к рассказу П. Андерсона «Убить марсианина». Разумеется, эта тема тоже занимает писателей, ибо уйти от проблем своего времени никому не дано, но и попытки авторов найти, угадать доселе неизвестные связи человека с миром нельзя считать чем-то побочным, неважным, второстепенным.

О том, как трудно преодолеть инерцию привычного понимания человека, а через него и иного разумного существа, говорит хотя бы история темы пришельцев, гостей из космоса в научной фантастике. До сравнительно недавнего времени взаимоотношения землян и инопланетян изображались только в двух планах — или война, или дружба и сотрудничество. Во всем этом явно виден многовековой опыт земной цивилизации. Но постепенно возникло третье решение — была осознана возможность непонимания, которое исключает дружбу, но и к войне не ведет.

И особенно любопытно, что все сложные и простые варианты этого третьего решения могли возникнуть только при учете природных факторов — возможных разных путей развития живой материи, различных природных, а не только социальных условий жизни разума.

В «Сердце змеи» И. А. Ефремова первая встреча земных звездолетчиков и инопланетян нарисована несколько идиллически: земляне и фторные люди мгновенно находят общий язык, духовный контакт налаживается без каких-либо затруднений. И все же основной конфликт в повести — невозможность общения. Причины же этого чисто природного порядка — земная атмосфера оказывается гибельной для людей фторной планеты.

Р. Шекли коснулся той же темы первого контакта в рассказе «Все, что вы есть». И там причины, затрудняющие общение, автор ищет не в области социальных отношений. Виной всему — биологическая природа человека: звуки человеческого голоса кажутся жителям планеты грохотом грома, дыхание отравляет их, а прикосновение к ладони человека оставляет на коже этих существ сильные ожоги. Более сложно эта проблема поставлена в «Солярисе» Ст. Лема.

Конечно, целиком «преодолеть» реальный, земной, в первую очередь социальный опыт не только трудно, но и невозможно. Но перед теми писателями, которые сумели все же мысленно связать человека со вселенной — его будущим домом, встают проблемы во много раз более трудные. И одна из них, едва ли не самая трудная, во

* Журнал «Вокруг света», 1967, № 3, стр. 40.

всяком случае, самая щепетильная, — как быть с человеческой личностью, сохранится ли она в том виде, как мы сейчас ее понимаем, если у мыслящего существа не будет необходимости охранять свою обособленность и единичность, если разумное существо достигнет такой гармонии с миром, о какой мы просто пока не имеем представления?

Проблема личности в ее взаимоотношениях с пространством и временем становится одной из основных тем творчества советского фантаста Г. Гора. В повести «Скиталец Ларвеф» он ставит целый ряд вопросов, с этой проблемой связанных, а затем вводит в повесть образ Планеты сюрпризов и ее обитателей, чьи отношения с окружающим миром строятся на совсем иных принципах, чем у людей, а это изменяет и их понимание личности. Вот что говорит по этому поводу житель Планеты сюрпризов: «Само понятие «личности» в том виде, в каком оно существует в сознании вашего общества, нам кажется устаревшим и наивным. Пока еще в вашем обществе жизнь — это почти мгновение. Личность связывает своей памятью историю индивида. Но вся эта история (биография) личности ограничена узкими рамками непрочного бытия. Мы бы задохнулись в таких тесных и узких масштабах. Еще триста тысяч лет назад нашей науке удалось слить индивид со временем, с историей, но не с узкой историей личности, а с грандиозной историей общества. Наш индивид стал великаном, выйдя из узких рамок личности в мир космоса, в бесконечность. Раздвинулись масштабы времени и пространства. Мы стали носить в своей памяти не узкий мирок личных переживаний, а огромный мир, не чувствуя его тяжести» *.

Г. Гор сохраняет личность, только изменяет ее масштабы. А вот А. Кларк приходит, по сути дела, к полному отрицанию личности, когда пишет о коллективном разуме планетной системы Паладор; каждый из обитателей Паладора «представлял собой подвижную, но все равно зависимую ячейку сознания своего народа» **.

Жизнь этого коллективного разума, или, как говорит А. Кларк, «множественного сознания», «не имеет отрезка», для паладорца не существует понятия индивидуальной смерти.

Но писатель вряд ли прав, когда называет «множественное сознание» «одним из наиболее могучих ресурсов вселенной» и высказывает предположение, что «в конечном счете все разумные народы пожертвуют индивидуальным сознанием и наступит день, когда во вселенной останутся только групповые виды разума». Правда, эта

---

* Г. Гор, Скиталец Ларвеф. Научно-фантастические повести. М. — Л., 1965, стр. 184—185.
** А. Кларк, Спасательный отряд. В кн.: А. Кларк, Большая глубина. Рассказы. «Библиотека современной фантастики», т. 6. М., 1966, стр. 217, 225.

мысль принадлежит одному из героев рассказа, но автор никак ее не комментирует и тем самым как бы соглашается с Аларкеном. На самом деле эта проблема куда сложнее. Еще О. Стэплдон в романе «Первые и последние люди» доказывал, что такое «множественное сознание», в котором полностью растворяется личность, практически останавливается в развитии, для него почти невозможен прогресс.

Нельзя, конечно, принимать фантастические образы названных авторов как нечто безусловное, хотя, с другой стороны, они не являются и чистой условностью, роль фантастического образа в научной фантастике довольно сложна. Но это вопрос особый. Нас сейчас интересует мысль, так по-разному выраженная во всех этих произведениях: изменение отношений человека, мыслящего существа с миром природы, со вселенной может привести к серьезному изменению понятия человеческой личности, поскольку границы ее неизмеримо расширятся. С философской точки зрения это объяснимо и логически вполне доказуемо. Но для искусства, которое не живет без опоры на осязаемый образ, здесь кроется еще одна сложнейшая проблема, — а как они будут выглядеть, эти существа, для которых нет границ, отделяющих личность от мира, как изменится их форма, их внешний облик?

На этот вопрос, разумеется, нет и не может быть единого ответа. Но различные варианты решения его в современной научной фантастике совсем не похожи на споры о том, будут ли наши потомки лысы, каких размеров у них будет голова и сохранят ли они желудок. Речь идет не об отдельных чертах внешнего облика, а о соответствии его новой сущности разумного существа.

У А. Кларка паладорец, не имея индивидуальности, сохраняет, однако, статичную внешнюю оболочку.

У Г. Гора обитатели Планеты сюрпризов вовсе не имеют облика, они как бы растворяются в окружающей среде, в повести они не материализованы, присутствует только их духовная сущность.

В рассказе Р. Шекли «Форма» жители планеты Глом обладают способностью принимать любой облик, и там идет борьба между стремлением к Свободе Формы, могущей привести к Бесформию, и стремлением ограничить текучесть форм. Шекли ставит очень интересную проблему: в чем наиболее полно выражается сложность живой материи — в возможности живого существа менять форму по своему желанию или в многообразии форм «постоянных и неизменных».

Все это очень похоже на сказку: гломы Шекли, постоянно меняющие свой облик, заставляют вспомнить сказочных волшебников, а обитатели Планеты сюрпризов дают о себе знать при помощи самого настоящего чуда — возвращают космическим путешественникам предметы, потерянные ими когда-то в детстве. Ну что ж. Очевидно, философия волшебной сказки была несколько сложнее, чем мы ее себе представляем, видя в сказке в первую очередь мечту о социальной справедливости. Недаром современные фантасты проявляют такой пристальный интерес к сказкам и древним легендам.

Но значение научной фантастики не в сказочных чудесах и превращениях, а в том, что она несет искусству новое понимание человека.

●

Советская фантастика

1928—1941 гг.

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА *

(опыт библиографии)

1928

БАЖАНОВ Б.

Шапка-невидимка (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 3.

БАРТЕНЕВ С.

То, чего не было, но что может быть (н/ф. очерк).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 28.

БЕЛЬТЕНЕВ Б.

Поляна кошмара (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 16.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Борьба в эфире (повесть).
1. М.—Л., 1928, 328 стр.

Вечный хлеб (повесть).
1. «Борьба в эфире». М.—Л., 1928, 328 стр.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 4. М., 1963.

Сезам, откройся!!! (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт» № 4 и под названием **«Электрический слуга»** под псевдонимом А. Ромс — Журн. «Вокруг света». Л., № 49.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

Примечание: Под № 1 показана первая публикация. Под № 2 показана публикация, наиболее доступная для читателей сегодня. Отсутствие № 2 означает, что повторной публикации нет.

* Продолжение. Начало см. в сборнике «Фантастика, 1967».

Человек-амфибия (роман).
1. Журн. «Вокруг света». М., № 1—13.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 3. М., 1963.

БОГДАНОВ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ

Дважды рожденный (роман).
1. Л., 1928, 290 стр.

БОГОЛЮБОВ К.

Вещи господина Пика (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений» № 2.
Равнина ТУА (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 18.

В. Д.

В 2000 году (н/ф. очерк).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 36.

ВОЛКОВ А. М.

Чужие (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 2.
2. «Искатель», 1961, № 3.

ГОРБАТОВ С.

Долина страусов «РУК» (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 27.
Янтарная страна (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 8.

ГОРШ А.

Экспресс-молния (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 4.

ГРИГОРЬЕВ Вал.

Тайна доктора Вирда (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 19.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Бегущая по волнам (роман).
1. ЗИФ, М.—Л., 1928, 244 стр.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 5. М., 1965.

ЖЕЛЕЗНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

В прозрачном доме (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт» № 7.

ИММОВИЧ ТИМ (псевдоним)

Ошибка инженера Дэнни (рассказ).

1. Журн. «30 дней» № 3.

КВИНТОВ А.

Спирелла Лейбнера (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света». Л., № 45.

КРАСНОВСКИЙ С.

Катастрофа пространства (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений» № 9.

ЛЕВАШОВ ВАСИЛИЙ

Танк смерти (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света». Л., № 9.

МЕРРИТ А.

Живой металл (роман).

1. Журн. «Мир приключений» № 10—12 и 1929 № 1—7.

МЮР Н. И. (РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ)

Сплав Безпятого (рассказ).

1. Журн. «Знание — сила» № 4.

НИКУЛИН ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Долг (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света». Л., № 21.

ОЛЕША ЮРИЙ КАРЛОВИЧ

Три толстяка (роман).

1. ЗИФ, М.—Л., 1928, 188 стр.
2. Многократно переиздавался.

ОРЛОВСКИЙ В. (ГРУШВИЦКИЙ В. Е.)

Болезнь Тимми (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света». Л., № 46.

Бунт атомов (роман).
1. «Прибой», Л., 1928, 240 стр.
Человек, укравший газ (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 9.

ПАВЛОВ Н.

Птенцы (рассказ).
1. Журн. «Знание — сила» № 6.

ПАН ЯКОВ СОЛОМОНОВИЧ

Мортонит (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 3.

П. Н. Г.

Стальной замок (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 1—3.

ПОЗДНЯКОВ В. (возможно — ПОЗНЯКОВ В.)

Кратер Коперника (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 36—38.

ПОЗНЯКОВ В. (возможно — ПОЗДНЯКОВ В.)

Кубок майора Косицына (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 12.
Черный конус (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света». Л., № 7.

РОМОВ С.

Одна треть жизни (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 1.

СЕМЕНОВ С. А.

Кровь Земли (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 5.

ФОРТУНАТО Е. (ВЛАСОВА ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА)

Борьба со смертью (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений» № 8.

ШИШКО АНАТОЛИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Комедия масок (роман).
1. ЗИФ, М.—Л., 1928, 223 стр.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Амба (рассказ).
1) Журн. «Всемирный следопыт» № 10.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1963.

Властелин мира (роман).
1) Приложение к журн. «Вокруг света». Л., 1928. 240 стр.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 4. М., 1963.

Золотая гора (повесть).
1) Альманах «Борьба миров» № 2.
2) Сборник «Капитан звездолета». Калининград, 1962.

Инстинкт предков (рассказ).
1) Журн. «На суше и на море» № 1—2.

Легко ли быть раком! (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света». М., № 19.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

Продавец воздуха (роман).
1) Журн. «Вокруг света». М., № 4—13.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 2. М., 1963.

Человек, потерявший лицо (роман).
1) Журн. «Вокруг света». Л., № 19—25.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 4. М., 1963.

Человек-термо (рассказ).
1) Журн. «Всемирный следопыт» № 4.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

Чертова мельница (рассказ).
1) Журн. «Всемирный следопыт» № 9—10.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

ГИРЕЛИ МИХАИЛ ОСИПОВИЧ

Eozoon (роман).
1) Издательство писателей в Ленинграде, 1929, 270 стр.

ГОРБАТОВ С.

Последний рейс Лунного Колумба (повесть).
1) Журн. «Вокруг света». Л., № 40—41.

ГРУШВИЦКИЙ В. Е.

Штеккерит (рассказ).
1) Журн. «Мир приключений» № 3—4.

ЖЕЛЕЗНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Блохи и великаны (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». М., № 18.

ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ

Безумная рота (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 45.

Панургово стадо (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 12—15.
2) Сборник «Невидимый свет». М., 1959.

КЛЕНЧ С.

Из глубины Вселенной (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 39.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Баня (комедия).

1) Журн. «Огонек» № 47. (Отрывок из 4-го действия.)
2) Многократно переиздавалась.

Клоп (феерическая комедия).

1) Журн. «Молодая гвардия» № 3—4.
2) Многократно переиздавалась.

НОВОДВОРСКИЙ В.

Тайна старой книги (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 1.

ОЛЬГИН М.

Желтая смерть (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 8.

ОРЛОВСКИЙ С. (возможно — ОРЛОВСКИЙ В.)

Без эфира (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света». Л., № 5—6.

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Человек без боли (рассказ).

1) Журн. «Знание — сила» № 9.
2) Авторский сборник «Человек без боли». М.—Л., 1930, 48 стр.

СОЛОМИН С.

Предки (рассказ).

1) Журн. «Всемирный следопыт» № 1. (Опубликован за подписью Леонида Черняка — плагиат.)

ТУРОВ Б.

Остров гориллоидов (роман).

1) Журн. «Всемирный следопыт» № 4—8.

ЦИММЕРМАН БОРИС

1929

Чужая жизнь (рассказ).

1) Журн. «Мир приключений» № 2.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ

Аппарат Джона Инглиса (рассказ).

1) Журн. «Знание — сила» № 4.

2) Авторский сборник «Аппарат Джона Инглиса». М., 1945, 32 стр.

Загадка Мауэрского озера (рассказ).

1) Журн. «На суше и на море» № 4.

2) Авторский сборник «Как бы это было». Воронеж, 1938, 155 стр.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

1930

Завтра (рассказ).

1) Авторский сборник «Проза поэта». М., 1930.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

ВЦБИД (рассказ).

1) Журн. «Знание — сила» № 6—7.

Город победителя (н/ф. очерк).

1) Журн. «Всемирный следопыт» № 4.

Зеленая симфония (н/ф. очерк).

1) Журн. «Вокруг света». М., № 4. (Под псевдонимом А. Ром.)

Нетленный мир (рассказ).

1) Журн. «Знание — сила» № 2.

Подводные земледельцы (роман).

1) Журн. «Вокруг света». М., № 9—23.

2) Собр. соч. в 8 т., т. 3. М., 1963.

Хойти-Тойти (рассказ).

1) Журн. «Всемирный следопыт» № 1—2.

2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

ЖЕЛЕЗНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Голубой уголь (повесть).

1) Журн. «Вокруг света». М., № 1—8.

ЗЕЛИКОВИЧ ЭММАНУИЛ СЕМЕНОВИЧ

Следующий мир (роман).

1) Журн. «Борьба миров» № 1—7.

ЗЕЛЕНКО А.

Путешествие в новый город (н/ф. очерк).
1) Журн. «Знание — сила» № 2.

ЗОЗУЛЯ ЕФИМ ДАВИДОВИЧ

Мастерская человеков (роман).
1) Журн. «Молодая гвардия» № 13—20.

КОВЛЕВ МИХАИЛ

Капкан самолетов (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 29.

КОЗЫРЕВ МИХАИЛ и КРЕМЛЕВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

Город энтузиастов (роман).
1) Журн. «Красная нива» № 21—28.
2) Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

МЮР Н. И. (РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ)

День в Полярграде (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 12.

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Война золотом (рассказ).
1) Альманах «Война золотом» (приложение к журналу «Мир приключений» за 1930 год).

Планета КИМ (роман).
1) Харьков, 1930, 260 стр.

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Земля недоступности (роман).
1) Журн. «Вокруг света». М., № 26—36.
2) Под названием «Лед и фраки». М., 1932, 331 стр.

УЛЬЯНСКИЙ АНТОН ГРИГОРЬЕВИЧ

Путь колеса (роман).
1) Издательство писателей в Ленинграде, 1930, 209 стр.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ

Воздушный колодец (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 8—9.
2) Авторский сборник «Как бы это было». Воронеж, 1938, 155 стр.

Мексиканские молнии (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 3.
2) Авторский сборник «Как бы это было». Воронеж, 1938, 155 стр.

1931

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Заочный инженер (рассказ).
1) Журн. «Революция и природа» № 2 (21).

Земля горит (повесть).
1) Журн. «Вокруг света» № 30—36.

ВАЛЮСИНСКИЙ В.

Большая земля (роман).
1) Ленoблиздат, 1931, 210 стр.

ИРКУТОВ АНДРЕЙ

Исход боя решается... (рассказ).
1) Журн. «Дружные ребята» № 3—5.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Страна счастливых (повесть).
1) Ленoблиздат, 1931, 192 стр.

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Двойная жизнь (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 4.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ

Живое кладбище (рассказ).
1) М., 1931, 24 стр.
2) Авторский сборник «Как бы это было». Воронеж, 1938, 155 стр.

1932

ГРИГОРЬЕВ СЕРГЕЙ

За метеором (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 23—24.
2) «Искатель», 1962, № 6 (12).

ЗОЗУЛЯ ЕФИМ ДАВИДОВИЧ

Письмо Муреля (отрывок из 2-й книги романа **«Мастерская человеков»**).
1) Журн. «Огонек» № 19.

СЕЛЬВИНСКИЙ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

Пао-Пао (пьеса).
1) Журн. «Красная новь» № 6.
2) Авторский сборник «Театр поэта». М., 1965.

1933

БАСКАКОВ Н.

Завод под землей (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 14.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Стормер-сити (отрывок из романа **«Прыжок в ничто»**).
1) Журн. «Юный пролетарий» № 8.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 5. М., 1964.

1934

БАСКАКОВ Н.

Победители холода (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 4.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Воздушный корабль (роман).

1) Журн. «Вокруг света», 1934, № 10—12 и 1935, № 1—6.

2) Собр. соч. в 8 т., т. 5. М., 1964.

ДАР Д.

Ошибка доктора Пикеринга (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 4.

ФИЛОНОВ Г.

Черный снег (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 12.

1935

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Авария (повесть).

1) Журн. «Знание — сила» № 2—3.

АБРАМОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Путешествие на геликомобиле (н/ф. очерк).

1) Журн. «Знание — сила» № 3.

2) Авторский сборник «10 моделей». Многократно переиздавался.

БАСКАКОВ Н.

В погоню за световым лучом (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 5.

1935

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Пропавший остров (рассказ).

1) Журн. «Юный пролетарий» № 12.

Слепой полет (рассказ).

1) Журн. «Уральский следопыт» № 1.

2) Журн. «Уральский следопыт» № 1 за 1958 год.

ВАЛЬТИН М.

В глубь океана (н/ф. очерк).

1) Журн. «Вокруг света» № 6.

ДАР Д.

Москва (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 11.

Утопия (рассказ).

1) Журн. «Вокруг света» № 5.

ИВАНОВ ВСЕВОЛОД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Странный случай в Теплом переулке (рассказ).

1) Журн. «30 дней» № 5.

2) Под названием «Чудесное происшествие в Теплом переулке» — Газ. «Звезда Прииртышья», 1964 г.

ИНГОБОР ЭРИК (псевдоним)

Этландия (роман).

1) ГИХЛ, М., 1935, 231 стр.

КАРАВАЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

В будущей Москве (отрывок из повести).

1) Журн. «Смена» № 1.

ЛАГИН ЛЕВ

Эликсир сатаны (рассказ).

1) Журн. «Огонек» № 4.

2) Авторский сборник «153 самоубийцы». М., 1936.

СОТНИКОВ Н.

Путешествие в город Ленина (н/ф. очерк).

1) Журн. «Вокруг света» № 11.

ШАГИНЯН МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА

Дорога в Багдад (3-я книга «Месс-менд»).

1) Журн. «Молодая гвардия» № 12.

1936

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Оазис Солнца (повесть).

1) Журн. «Знание — сила» № 5, 6, 8.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Звезда КЭЦ (роман).

1) Журн. «Вокруг света» № 2—11.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 6. М., 1964.

Ковер-самолет (рассказ).

1) Журн. «Знание — сила» № 12.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

Пленники огня (отрывок из романа).

1) Журн. «Вокруг света» № 1. (Ошибочно указан автор Беляев А. И.)
2) **Под небом Арктики** (роман). Журн. «В бой за технику» 1938—1939 гг.

ГОРОЩЕНКО Б. Т.

Летающее крыло (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 2—3.

БОРН ГЕОРГ

Гулливер у арийцев (повесть).

1) Журн. «Октябрь» № 2.
2) М., 1936, 131 стр.

Единственный и гестапо (повесть).

1) Журн. «Молодая гвардия» № 3.
2) М., 1936, 145 стр.

ДОЛГУШИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В 1942 году (н/ф. очерк).

1) Журн. «Смена» № 8.

В гостях у маэстро (рассказ).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 2—3.

ДЮМУЛЕН И. И.

Прогулка в электромобиле (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 2—3.

КАССИЛЬ ЛЕВ АБРАМОВИЧ

Трехглавая судьба (рассказ).

1) Журн. «Молодая гвардия» № 2.

КЕЛЛЕР БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

Мечты ботаника (рассказ).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 2—3.

1936

НИКОЛЬСКИЙ В.

Ленинградские пустоты (н/ф. очерк).
1) Журн. «Вокруг света» № 11.

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Необычайный дом (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 8.
2) Авторский сборник «Необычайный дом». М., 1937.

ФОРИСТЕР А. (псевдоним)

Дьявол Белой горы (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 8.
Меганейра (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 12.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

1937

Победители недр (роман).
1) М. — Л., 1937, 320 стр.
2) Фрунзе, 1958, 764 стр.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Голова профессора Доуэля (роман).
1) Журн. «Вокруг света» № 6—10 и 12.
2) Собр. соч., в 8 т., т. 1. М., 1963.
Мистер Смех (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 5.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.
Небесный гость (повесть).
1) Газ. «Ленинские искры», 1937, № 116—119; 1938, № 1—61.
Подземный город (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 9 (подпись — А. РОМАНОВИЧ).
2) **Под небом Арктики** (роман). — Журн. «В бой за технику», 1938—1939 гг.

ВОДОПЬЯНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Мечта (пьеса).
1) Журн. «Новый мир» № 3.

ВОРОНОВ Н.

Вечер 2037 года (н/ф. очерк).

1) Журн. «Вокруг света» № 12.

ГЕРАСИМОВА ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Баба (рассказ).

1) Журн. «Огонек» № 6.

ГЛАГОЛИН С.

Загадка Байкала (повесть).

1) Журн. «Вокруг света» № 9, 10 и 12.

ГРЕБНЕВ ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ

Летающая станция (повесть).

1) Журн. «Пионер» № 10—12. (Под названием «Арктания». М.—Л., 1938, 208 стр.)
2) Под названием «Тайна подводной скалы». — Вологда, 1956, 238 стр.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Необыкновенные приключения Карика и Вали (повесть).

1) Журн. «Костер» № 2—11.
2) Многократно переиздавалась.

ЛАГИН ЛЕВ

Без вести пропавший (рассказ).

1) Журн. «Огонек» № 10.

ЛЕВИН БОРИС

Случай в госпитале (рассказ).

1) Журн. «Огонек» № 6.

НЕКРАСОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Приключения капитана Врунгеля (повесть).

1) Журн. «Пионер» № 1—9, 11, 12.
2) Многократно переиздавалась.

ПОКРОВСКИЙ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Охотники на мамонтов (повесть).

1) Воронеж, 1937, 112 стр.
2) Многократно переиздавалась.

РОЗЕНФЕЛЬД МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ

1937

Морская тайна (повесть).
1) М., 1937, 160 стр.
2) Авторский сборник «Избранное». М., 1957.

РУДЕРМАН МИХАИЛ

Вино и яд (рассказ).
1) Журн. «Огонек» № 8.

ФИШ ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ

Ольга Попова выполняет задание (рассказ).
1) Журн. «Огонек» № 8.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

1938

Атака магнитных торпед (глава из романа).
1) Журн. «Знание — сила» № 3.
2) «Тайна двух океанов» (роман). Многократно переиздан.

В ледяном плену (глава из романа).
1) Журн. «Знание — сила» № 4.
2) «Тайна двух океанов» (роман). Многократно переиздан.

В стратосфере (рассказ).
1) Журн. «Дружные ребята» № 11—12.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Лаборатория Дубльвэ (роман).
1) Журн. «Вокруг света» № 7—9 и 11—12.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 6. М., 1964.

Невидимый свет (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 1.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 8. М., 1964.

Рогатый мамонт (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 3.

ВИХМАН В.

Завод-автомат (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

1938

ВОДОПЬЯНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Мечта пилота (повесть).
1) М., 1938, 95 стр.

ГРОХОВСКИЙ П.

Автоматы в быту (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 6.
Батистат (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 6.
Из недр Земли (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 6.
Летающий автомобиль (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 7.
Полярный шар (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 7.
Самолеты грядущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 8—9.
Шоссе-конвейер (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 7.

ДОЛГУШИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Генератор чудес (отрывок из 7-й главы романа).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.
2) М., 1967, 517 стр.
Лучи жизни (глава из романа «Генератор чудес»).
1) Сборник «Война». М.—Л., 1938.
2) М., 1967, 517 стр.

ДОЛМАТОВСКИЙ Ю.

Автосфера «ЗИС 1001» (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

ЗЕЛИКОВИЧ ЭММАНУИЛ СЕМЕНОВИЧ

Необычайное приключение Генри Стэнлея (рассказ).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.
Опасное изобретение (рассказ).
1) Журн. «Знание — сила» № 6—7.
2) Сборник «Невидимый свет». М., 1959, 192 стр.

КОЗЛОВ П.

№ 699 (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 5.

ЛАГИН ЛЕВ

Старик Хоттабыч (повесть-сказка).
1) Журн. «Пионер» № 10—12.
2) Многократно переиздавалась. Дважды переработана.

МАЗУРУК ИЛЬЯ ПАВЛОВИЧ

Незарегистрированный рекорд (рассказ).
1) Журн. «Огонек» № 34.

МАЛКОВ М.

Истребитель-таран (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

МАШИНСКИЙ И.

Экскурсия на химзавод (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД

Дорога циклонов (повесть).
1) Журн. «Вокруг света» № 10.

РИВЛИН А.

Сифонный гидроузел (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

ТЕПЛИЦЫН В. и ХИЦЕНКО К.

Ледовая магистраль (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи». № 10.

ФЕДОРОВ А.

В кузнице через двадцать лет (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

ФРИШМАН М.

Экспресс будущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

ЧЕРЕПАНОВ Г.

Моя печь в 194... году (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

1938

ШУМЯЦКИЙ Б.

Северный комбинат (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10.

1939

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Тайна двух океанов (роман).
1) Газ. «Пионерская правда».
2) Многократно переиздавался.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Замок ведьм (повесть).
1) Журн. «Молодой колхозник» № 5—7.

БЕЛЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Истребитель (роман).
1) М.—Л., 1939, 280 стр.

ВЛАДКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Аргонавты Вселенной (роман).
1) Ростов-на-Дону, 1939, 264 стр.
2) М., 1957, 543 стр.
Потомки скифов (роман).
1) Ростов-на-Дону, 1939, 252 стр.

ГРЕБНЕВ ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ

Невредимка (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 3.
2) Сборник «Невидимый свет». М., 1959, 192 стр.

ГРОХОВСКИЙ П.

Ветровые плотины (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 7—8.

Водопровод на полях (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 2.
Город в степи (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

Реактивный стратопланер (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 2.

Самолет над полем (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

Спиральная турбина (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 4.
Техника в рыбном промысле (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 4.

1939

ДЕМЧИНСКИЙ Б.

К нетронутым недрам (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 5.

ДОЛГУШИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Генератор чудес (роман).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1—3, 5—11 и 1940 № 1—5, 7, 10—12.
2) М., 1967, 517 стр.

КОЖИН Ф.

Магнитная стена (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Загадка простой воды (рассказ).
1) Газ. «Пионерская правда».

ЛОПАТИН П. и РОМАНОВСКИЙ И.

Москва, 1945 (н/ф. очерк).
1) Журн. «Смена» № 3.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД

Господин Бибабо (повесть).
1) Журн. «Вокруг света» № 7—9.
Аромат резеды (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 5.
Концентрат сна (повесть).
1) Журн. «Вокруг света» № 10—12.

РИХТЕР Л.

Отраженный налет (рассказ).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 7—8.

ТАРАСОВ А.

Подводная лодка будущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 10—11.

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Мимикрин доктора Ильичева (повесть).
1) Журн. «Вокруг света» № 1—2.
Чудесный гибрид (рассказ).
1) Журн. «Вокруг света» № 3—4.

ХИЦЕНКО К.

ЭПРОН будущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника— молодежи» № 5.

ЧУРАБО Д.

Плавающие аэросани (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 6.

1939

БЕЗ АВТОРА

Великим Северным путем (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

«Второе Баку» (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

20 000 киловатт (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

Колхида (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

Москва — Астрахань (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

На берегах Печоры (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

По воздушной магистрали (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

Советский малолитражный (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

Сталь из руды (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

«Южная стрела» (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 3.

1940

АВТОКРАТОВ Н.

Тайна профессора Макшеева (повесть).

1) Журн. «Вокруг света» № 1—6.

АНИБАЛ БОРИС

Моряки Вселенной (повесть).

1) Журн. «Знание — сила» № 1—5.

АНГАРСКИЙ А.

Газовый комбинат (н/ф. очерк).

1) Журн. «Техника — молодежи» № 2—3.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Анатомический жених (рассказ).

1) Журн. «Ленинград» № 6.

2) «Искатель», 1961, № 1.

Человек, нашедший свое лицо (роман).
1) Л., 1940, 300 стр.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 7. М., 1964.

ГРОХОВСКИЙ П.

Подводная война будущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 5.

ДЮЖЕВ П.

Дирижабль-ветродвигатель (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Пылающий остров (роман).
1) Газ. «Пионерская правда».
2) Многократно переиздавался.

ЛИПИЛИН ЮРИЙ

Полет на Марс (отрывок из рассказа).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 12.

ЛЫХИН ПЕТР

Город в песках (рассказ) (в сокр.).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 12.

МЕЕРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Автомат будущего (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

МОРСКОЙ А.

Дрейфующая метеостанция (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 1.

ОБРУЧЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Событие в Нескучном саду (рассказ).
1) Журн. «Костер» № 11.
2) Под названием «Происшествие в Нескучном саду» — авторский сборник «Путешествия в прошлое и будущее». М., 1961.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД

Соленая вода (рассказ).
1) Журн. «Смена» № 5—6.

ПОКРОВСКИЙ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Поселок на озере (повесть).
1) Воронеж, 1940, 140 стр.
2) Авторский сборник «Охотники на мамонтов». М., 1956.

1941

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Ариэль (роман).
1) Л., 1941, 268 стр.
2) Собр. соч. в 8 т., т. 7, М., 1964.

ДАР Д.

Господин Гориллиус (повесть).
1) Л., 1941, 104 стр.

НЕМЧЕНОК Н.

Корабль-черпак (н/ф. очерк).
1) Журн. «Техника — молодежи» № 5.

1928

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Бунт.

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.
2. Избранные сочинения в 2 т., т. 1. М., 1955.

Дворец центромашин.

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.
2. Избранные сочинения в 2 т., т. 1. М., 1955.

Мечта, внимай!

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.
2. Избранные сочинения в 2 т., т. 1. М., 1955.

Пророчество.

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.
2. Авторский сборник «Избранные стихи». «Academia», 1933.

Пусть вечно милы посевы, скаты...

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.
2. Избранные сочинения в 2 т., т. 1. М., 1955.

Тот облик вековой огромных городов.

1. Авторский сборник «Неизданные стихи». М.—Л., 1928.

СВЕТЛОВ МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ

Клопы (поэма).

1. Журн. «Октябрь» № 4 и 8 (отд. главы).

ПОЛИЩУК ВАЛЕРИАН

1929

Грядущее (отрывок из поэмы «Аскания-Нова»).

1. Журн. «30 дней» № 3 (Перевод А. Безыменского.)

ПАНОВ Н.

В будущей Москве.

1. Журн. «30 дней» № 5.

СУРКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вылазка в будущее.

1. Журн. «Огонек» № 12.

1928

ПРОДАННЫЙ АППЕТИТ (ФИЛАНТРОП), по Лафаргу.
6 частей, 1728 м. (Одесса), ВУФКУ. Авторы сценария: А. Эрдман и А. Мариенгоф. Режиссер Н. Охлопков. Оператор И. Рона. Художники: Г. Байзенгерц и Б. Эрдман. В ролях: А. Бучма (Эмиль), М. Цибульский (банкир Раппе), О. Суслов (Бидатр — ресторатор), А. Гвоздева (его жена), М. Дюсиметьер (Жанна, их дочь), И. Маликов-Эльворти (Жиго, фининспектор), В. Лисовский (профессор Фукс), Проняев (тренер), А. Белов (1-й обжора), А. Симонов (2-й обжора), Б. Шелестов (лакей), Т. Тарновская (проститутка), А. Кожевникова (буфетчица), Ортоболевский (церемониймейстер), Т. Кочкина (посетительница).
Фильм не сохранился.

1933

ГОРОД ПОД УДАРОМ.
6 частей, 1950 м. (Москва). «Союзфильм». Авторы сценария: Ю. Геника и А. Филимонов. Режиссер Ю. Геника. Сорежиссер М. Степанов. Оператор С. Лебедев. Художник Ю. Швец. Художник-декоратор А. Никулин. Консультанты: М. Медведев, К. Трунов, Н. Курьянов. Нач. съемочной бригады Москалев.
В ролях: Н. Боголюбов (Огнев, командир), С. Соколова (Галина, его сестра), Б. Ливанов (Карл Рунге, инженер), Н. Подгорный (профессор Рунге), Л. Фенин (генерал Вар), В. Лаврентьев (полковник Массальский), Г. Бобынин (штабс-капитан Благонадежных), К. Чугунов (Аким Иванович, мастер), А. Антонов (начальник авиации).

1935

ГИБЕЛЬ СЕНСАЦИИ.
7 частей, 2373 м. «Межрабпомфильм». Автор сценария Г. Гребнер. Постановщик А. Андриевский. Режиссер монтажа М. Доллер. Оператор М. Магидсон. Художники: В. Каплуновский, В. Егоров, Ф. Богуславский. Композитор С. Василенко. Звукооператоры: А. Горнштейн, Д. Флянгольц. Ассистенты оператора: С. Казаринов, М. Шмулевич. Ассистент звукооператора К. Ковальский. Конструкторы машин и художники: В. Дубровский-Эшке, Н. Фишман. Звукооформители: Д. Блок, В. Лукин.
В ролях: С. Вечеслов (Джим Риппль, инженер), В. Гардин

(Джек Риппль, его брат), М. Волгина (Клер, его сестра), А. Чекулаева (Мэри, жена Джека), В. Орлов (Чарли), Н. Аблов (Роттерден, банкир), С. Мартинсон (Дизер, артист мюзик-холла), С. Минин (Том), Н. Рыбников (фельдмаршал), П. Полторацкий (Перси Гримм, министр), З. Ренин (Гамильтон Гримм, сын министра), А. Хохлова (девушка с куклами), Д. Введенский, Н. Юдин, Н. Ярочкин, М. Доронин, В. Шнейдеров (мастера).

1935

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР.

6 частей, 2200 м. «Мосфильм». Авторы сценария: Г. Рошаль и А. Птушко. Автор диалогов С. Болотин. Режиссер А. Птушко. Текст песен С. Болотина. Оператор Н. Ренков. 2-й оператор И. Шкаренков. Ассистент режиссера А. Ваничкин. Звукооператор А. Коробов. Художник кукол С. Мокиль. Художник-декоратор Ю. Швец. Работа с куклами — Ф. Красный. Живописец А. Никулин. Скульптор О. Таежная. Художник-бутафор А. Жаренов. Звукооформитель Я. Харон. Композитор Л. Шварц. Мультипликатор Г. Ялов. Нач. группы А. Минин.

В ролях: В. Константинов (Гулливер — пионер Петя), И. Юдин (пионервожатый), И. Бобров (боцман), Ф. Брест (капитан). Роли кукол озвучивали: В. Евгенев, М. Дагмаров, Ю. Хмельницкий, Т. Чадук, Ака Неусыхин, Б. Смысловский, Муратова (певица).

КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙС.

7 частей, 1915 м. «Мосфильм». Автор сценария А. Филимонов. Режиссер В. Журавлев. Оператор А. Гальперин. Художники: А. Уткин, М. Тиунов, Ю. Швец. Звукооператор А. Западенский. Ассистент режиссера К. Эггерс. 2-й оператор К. Шкаренков. Муз. оформление В. Кручинина. Художник комбинированных съемок Ф. Красный. Консультанты: К. Э. Циолковский и В. Дубовик. В ролях: С. Комаров (Седых, академик), В. Ковригин (профессор Карин), Н. Феоктистов (Виктор Орлов, аспирант), В. Гапоненко (Андрюша, его брат), К. Москаленко (Марина, аспирантка).

1941

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ (По Жюлю Верну).

10 частей, 2527,26 м. Одесская киностудия. Авторы сценария: Б. Шелонцев и М. Калинин. Режиссер-постановщик Э. Пенцлин. Оператор М. Бельский. Художник И. Юцевич. Композитор Н. Богословский. Звукооператор И. Дуценко. 2-й режиссер Б. Шелонцев. Ассистенты режиссера Г. Литвак и И. Эйдельман. 2-е операторы: А. Захаров и В. Морозов. Ассистент по монтажу Г. Аксельрод. Художник-гример А. Сааджан. Комб. съемки: оператор М. Карюков; художники: А. Хурмузи, И. Михельс, Н. Рабинович, В. Синиченко. Автор песен Евг. Долматовский. Директора картины: И. Розенфельд и А. Фрадис.

В ролях: А. Краснопольский (Смит), П. Киянский (Спиллет), И. Козлов (Айртон), А. Андриенко (Пенкроф), Юра Грамматикати (Герберт), Р. Росс (Нэб), Н. Комиссаров (капитан Немо), А. Сова (Джуп, человекообразная обезьяна).

Содержание

ПОВЕСТЬ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ ФАНТАСТОВ

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА 1928—1941 гг.

ФАНТАСТИКА, 1968. М., «Молодая гвардия», 1969. 352 стр. (Фантастика, приключения, путешествия) Р2

Редакторы Г. Еремин, Б. Клюева.

Художник А. Гангалюка.

Художественный редактор Г. Позин.

Технический редактор. И. Егорова.

Сдано в набор 15/VIII 1968 г. Подписано к печати 15/VIII 1969 г. А04876. Формат 60×84 1/16. Бумага № 2. Печ. л. 22 (усл. 20,46). Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 100 000. Цена 77 коп. Т. П. 1968 г., № 232. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21. Зак. 1678.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В 1969 году в издательстве «Молодая гвардия» выйдут следующие книги.

Библиотека советской фантастики:

В. Бахнов, Внимание: Ахи!

В. Владко, Потомки скифов.

М. Емцев, Е. Парнов, Клочья тьмы на игле времени.

И. Ефремов, Час быка.

Библиотека современной фантастики:

Повести и рассказы советских писателей (т. 17).

Р. Мерль, Разумное животное (т. 18).

Издательство «Молодая гвардия» просит читателей сообщить, как им понравилось содержание книги и ее оформление. Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Редакция фантастики, приключений, путешествий.

77 коп.   + 45

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1968 ФАНТАСТИКА